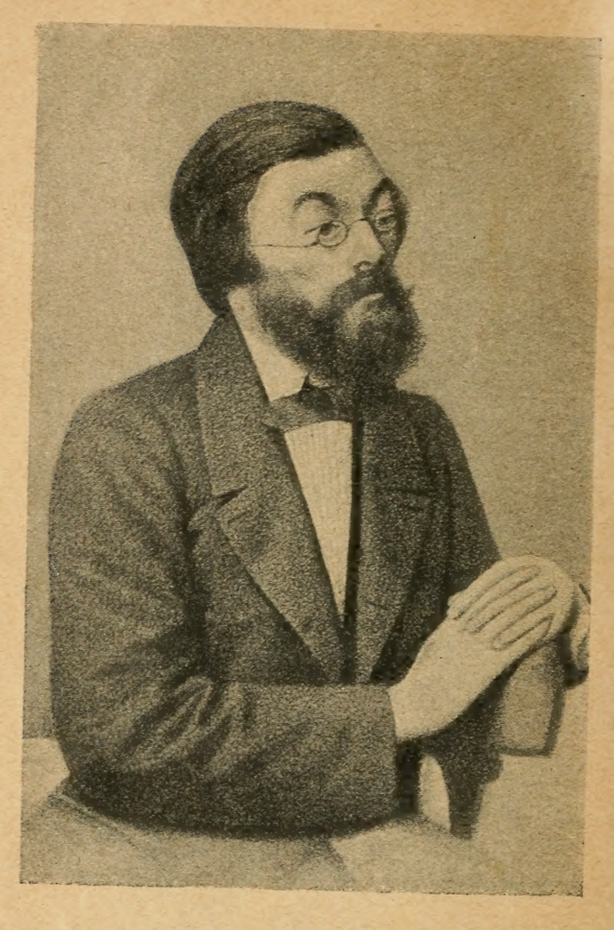

UNIVERSITY OF TORONTO
3 1761 00306531 5
СОЧИНЕНІЯ
М. И.
МИХАЙЛОВА

Мих. Михайловъ

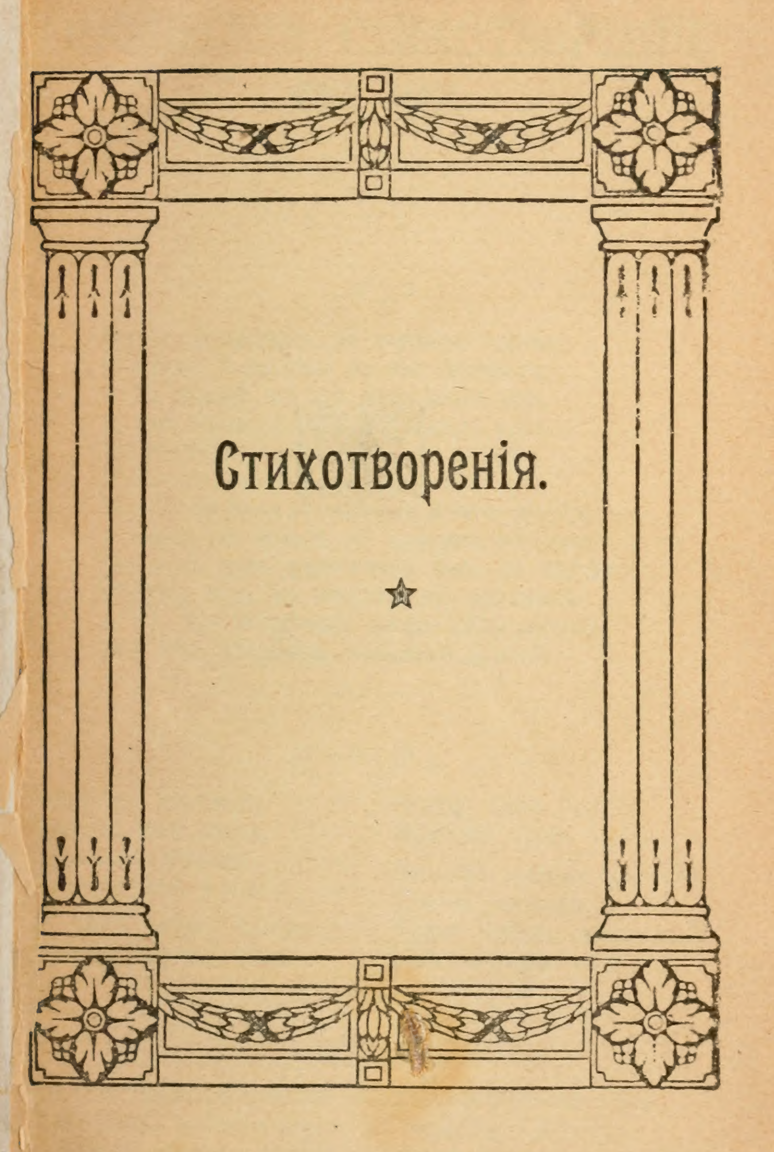
СОЧИНЕНІЯ

М. И. Михайлова.

Томъ третій.

Книга 9-я.
Книга 10-я.
Книга 11-я.
Книга 12-я.

1915.

Стихотворенія.

★

ЮНОШЕСКІЯ СТИХОТВОРЕНІЯ.

(1845—1849).

* * *

Ее онъ безмолвно, но страстно любилъ
И рѣдко и холодно съ ней говорилъ;
А въ сердцѣ его все была лишь она,
И умъ занимала объ ней мысль одна...
Но дѣтской и рѣзвой своею душой
Любви не постигла она той святой...
Онъ вѣчно былъ мраченъ, въ печаль погруженъ,
А взоръ ея ясный къ другимъ обращенъ,—
Но вотъ ужъ разстались они,—и далеко
Живетъ онъ, но любитъ ее, одинокой.
А тѣ, что встрѣчали взоръ дѣвы живой,
Объ ней позабыли холодной душой.

ДОРОГА.

Черными вѣтвями
Машетъ мнѣ сосна,
Тусклыми лучами
Свѣтитъ мнѣ луна.

И, какъ вихрь, несется
Тройка черезъ лѣсъ,
Сердце тихо бьется...
Мраченъ сводъ небесъ,—

Вторитъ окликъ дальній
Пѣсню ямщика,—
Будто вздохъ печальный,
Мнѣ звучитъ она.

МУЗА.

Рано въ тѣнистой дубравѣ являлась мнѣ чудная дѣва,
Рано учила ребенка играть на свирѣли. Сломивши
Гибкій тростникъ у потока, въ стволѣ я отверстія дѣлалъ
И, приложивши къ устамъ, игралъ нестройныя пѣсни;

Муза, довольная мною, меня цѣловала въ награду,—
И съ младенчества я полюбилъ ея поцѣлуи.
Часто я играю съ тѣхъ поръ на звонкой свирѣли,
Часто на жаркихъ устахъ моихъ вѣетъ дыханье богини.

ЭЛЛАДА.

Какъ часто я тоскующей душою
Безумно рвусь въ твой чудный, древній міръ,
Святая Греція! Какъ часто я мечтаю,
Молюсь тебѣ, низвергнутый кумиръ!..
Ты снишься мнѣ съ свободою святою;
Я вижу твой роскошно-вольный пиръ,
Твоихъ боговъ и женщинъ свѣтлоокихъ,
Съ смолой кудрей на ихъ грудяхъ высокихъ...

Твоихъ пѣвцовъ я слышу пѣснопѣнья:
Звучитъ, какъ громъ, свободная ихъ рѣчь.
Мнѣ видятся твоихъ сыновъ сраженья,
Я зрю въ мечтахъ ихъ все разящій мечъ,
Видѣньями смѣняются видѣнья...
Передо мной, средь мира и средь сѣчъ
Несется жизнь пирующей Эллады.
. . . .

ОБЛАКА

Волнистой чертой отдѣлились
Отъ поздней зари облака,
И грозно, какъ горы, столпились
И свѣтитъ заря, какъ рѣка.
Съ тоской безотчетною взоры
Глядятъ на разливъ той рѣки,
На эти воздушныя горы...
И мысли мои далеки.
И снится рѣка мнѣ иная:
Угрюмыя горы надъ ней,
На берегѣ роща большая
Съ роскошною тѣнью вѣтвей;

Деревья за рощею темной,
Тамъ церковь съ крестомъ золотымъ
И домъ одинокій, огромный,
Закутанный садомъ густымъ.
Попрежнему церковь бѣлѣетъ,
И бѣдныя избы стоятъ,
Но домъ опустѣлый дряхлѣетъ,
И глохнетъ заброшенный садъ.
Въ томъ домѣ, гдѣ людно такъ было,
Теперь, какъ въ гробу, тишина...
Въ разбитыя окна уныло
Вечерняя свѣтитъ луна.
Въ саду заросла та дорожка,
Гдѣ часто, какъ спрячется день,
Бродили прекрасныя ножки,
И бѣлая видѣлась тѣнь.

ЖЕЛАНІЕ.

Когда пройдетъ зима и мертвый сонъ природы
Дни свѣтлые весны роскошно оживятъ;
Деревья зеленью одѣнутся,—и воды,
Очнувшись отъ оковъ, поверхность заструятъ.
Когда, таясь въ кустахъ, соловушекъ пугливый
Засвищетъ гимнъ любви, плѣнительный и милый,—
Тогда, о милый другъ, ты вспомни обо мнѣ!..
Ты вспомни всѣ часы любви—очарованья:
Печальный разговоръ, прогулки при лунѣ,
Сомнѣнье и тоску и долгое молчанье...
Припомни радости, какъ сонъ, мелькнувшихъ дней,
Привѣта взоръ задумчивый, печальный,
И безотрадное *прости* любви моей...
Разлуки поцѣлуй послѣдній и прощальный!

ГРУНЯ.

Снѣгъ засыпаетъ окошко,—
Съ трескомъ лучина горитъ..
Дремлетъ старикъ на полатяхъ,—
Съ пряжей старуха сидитъ.

Вяло жужжитъ у старухи
Веретено подъ рукой...
Въ теплой печуркѣ. свернувшись,
Котъ распѣваетъ сѣдой.

А у окна молодица,
Тихо сгорюнясь, сидитъ,—
Въ бѣлую вьюгу все смотритъ.
Слезка глаза ей мутитъ.

Волѣ послушна отцовской
Груня, бѣдняжка, была—
И за немилаго замужъ,
Не прекословя, пошла...

Съ Ваней ее разлучили
Ваню любила она...
Вотъ и теперь все объ этомъ
Плачетъ она у окна.

Жалко ей Ваню... Бѣдняжка,
Какъ повезли подъ вѣнецъ
Грунюшку, больно крушился—
Да и ушелъ наконецъ...

Съ этой поры въ ихъ деревнѣ
Нѣту вѣстей отъ него...
—«Воля родимыхъ, сгубила
Милаго ты моего»...

МАЛЮТКА.

Передъ образомъ Спаса лампада
Свѣтомъ матовымъ тускло горитъ
У стѣны, подъ парчей Царяграда,
Въ колыбели малютка лежитъ;
Колыбель эту, тихо качая,
Прислоняся къ рукѣ головой,
Няня дряхлая, сонъ разгоняя,
Пѣснь поетъ на старинный покрой.
Въ этой пѣснѣ, безсмысленно-дикой,
Обѣщаетъ ребенку она,

Что онъ будетъ красавецъ великій,
Что судьба его будетъ красна,
Что онъ горя вовѣкъ не узнàетъ,
Что всѣ люди полюбятъ его,
И что слава его ожидаетъ,
Какъ едва-ли другого кого!..
Полно, старая, полно, какъ можно
Надъ ребенкомъ безстыдно такъ лгать?
Въ память мягкую можно-ль безбожно
Небылыя надежды вливать?
Не тебя-ль твой питомецъ прекрасный,
Какъ испробуетъ силы свои,
Проклянетъ за обманъ твой ужасный,
За нелѣпыя сказки твои?

ДУМА.

Гдѣ бъ ни былъ я—въ тиши-ль уединенья,
Въ собраньи шумномъ-ли—меня гнетъ одна
Всегда присущая мнѣ дума. Пѣснопѣнья
Не могутъ разогнать тяжелой; тишина
Моихъ священныхъ ларъ ее живѣй лелѣетъ,
И дума черная моимъ челомъ владѣетъ.
Но вѣдь бываютъ дни: чело мое яснò,
И этой думою не сдавлено оно...
И память этихъ дней блестящею звѣздою
Горитъ надъ сумрачнымъ путемъ, пройденнымъ мною...
Когда на лонѣ я природы нахожусь
И жадною душой въ молчаніи дивлюсь
Святой гармоніи и ясному покою—
Та дума черная прощается со мною.
Подъ говоръ тростниковъ, подъ шумъ родныхъ дубровъ,
Подъ плески волнъ морскихъ, подъ пѣнье соловьевъ
На блѣдное чело нисходитъ вдохновенье,
И шепчутъ внятное уста мои моленье...

КЪ СТИХАМЪ А. ШЕНЬЕ.

Шенье! Твоихъ стиховъ мелодія живая
Влечетъ мои мечты въ чудесный древній міръ,—

Міръ красоты и воли... Забывая
Нашъ грустный вѣкъ, я строю древнихъ лиръ
Вь твоихъ строфахъ пластическихъ внимаю.
Какъ наша жизнь бѣдна въ сравненьи съ той,
Которую тогда въ мечтахъ переживаю:
Какъ дышитъ эта жизнь нездѣшней красотой!

---

* * *

Словно смѣется гладь моря, солнца лучами играя;
Мутно черное дно,—страшно въ него заглянуть...
Такъ на устахъ моихъ блѣдныхъ ты видишь часто улыбку...
Въ сердце-бъ взглянула ко мнѣ!.. Какъ испугалась-бы ты!

СТАТУЯ.

Гдѣ вьется гибкій плющъ съ вѣтвями повилики
У грота свѣжаго—въ тѣни есть камень дикій.
На камнѣ древняя статуя старика:
Стоитъ съ косой;—костлявая рука
Песочные часы тихонько поправляетъ;
Улыбка страшная въ устахъ его сверкаетъ...
Взглянувъ ему въ лицо, я далеко бѣгу:
Улыбку старика я видѣть не могу.

ВДОХНОВЕНІЕ.

Ко мнѣ слетаетъ чудный геній
Ночною тихою порой
И жаромъ свѣтлыхъ вдохновеній
Съ моею дѣлится душой...
Его не вижу грѣшнымъ взоромъ,
Но сердце чуетъ: близокъ онъ,—
Его безмолвнымъ разговоромъ
Мой духъ мятежный упоенъ.
И вдругъ съ души моей слетаетъ
Все бремя горестей и бѣдъ,—
И сердце ясно расцвѣтаетъ,
Сомнѣній, слезъ—въ поминѣ нѣтъ!..

И долго помню мигъ блаженный,
Когда бесѣдую я съ нимъ,
Уста наполнитъ гимнъ священный,
И льется пѣснь ручьемъ живымъ!

ПРИЗЫВЪ.

Убранъ свѣжими цвѣтами
Одинокій гротъ,—
Передъ нимъ, шумя вѣтвями,
Толстый дубъ растетъ;
Наклонился надъ входомъ
Вереска кусты,
И сплелися тѣснымъ сводомъ
Тамъ плюща листы;
Подъ ногой неосторожной
Не шумитъ трава...
Жду тебя въ тоскѣ тревожной,
Милая моя!..
Приходи!.. Подъ свѣжей тѣнью
Соловей поетъ...
Приходи!.. Тебя въ томленьи
Другъ сюда зоветъ!

---

* * *

Бываютъ дни,—и дней такихъ немало,—
Когда душа печальна, холодна;
Клянетъ и жизнь, и все, чѣмъ сердце трепетало,—
И будущность такъ кажется темна.

Бываютъ дни,—но дней такихъ немного,—
Когда въ душѣ и ясно и тепло,
Когда за жизнь свою благодаришь ты Бога,
И въ будущемъ такъ кажется свѣтло.

---

* * *

Былъ я младенцемъ невиннымъ, не зналъ ни заботы ни горя...
Въ ясное утро одинъ бѣгалъ я въ свѣжемъ саду.

Дѣтскія игры меня утомили, и легъ я подъ ивой...
Шорохъ вѣтвей и ручья скоро меня усыпилъ.
Чудный я сонъ тогда видѣлъ, и помню его я донынѣ:
Въ сердце дѣтское мнѣ онъ запалъ глубоко.
Видѣлъ я, будто весь садъ тотъ цвѣтущій, въ которомъ уснулъ я,
Каждою травкой своей, каждымъ листочкомъ своимъ
Мнѣ говоритъ: «Посмотри, какъ прекрасно созданіе Бога!»
Будто и свѣтлый ручей пѣсню про Бога журчитъ...
И червячокъ, и жучокъ, и бабочка—вторили пѣнью,—
И соловей повторялъ пѣсню ручья и цвѣтовъ.
Радостно я пробудился и послѣ того сновидѣнья
Жарко природу люблю, въ ней обожая Его.

———

* * *

Въ улицѣ далекой,
Мрачной и пустой—
Небольшой есть домикъ,
Чистенькій такой.
Опушенъ онъ густо
Зеленью кругомъ,
Расцвѣли сирени
Пышно подъ окномъ.
А въ окнѣ порою
Бѣлая рука
Поливаетъ стебли
Нѣжнаго цвѣтка.
Ручка ничего-бы...
Но иной порой
Тамъ горятъ и глазки...
Что за блескъ живой!
И за этотъ домикъ
Съ садикомъ кругомъ,
За сирень густую
Подъ его окномъ,
За его хозяйку,
За глаза ея,—
Улицу пустую
Не забуду я.

———

* * *

Мнѣ жаль тебя... Семья жестоко
Тебя замучила, и ты
Постыдно пала—и глубоко
Погрязла въ тинѣ пустоты.
Но мнѣ не больно было-бъ это,
Когда-бъ не зналъ я, что въ тебѣ
Была душа и умъ поэта,
И силы—устоять въ борьбѣ!

———

* * *

Бывало, въ бесѣдкѣ
Зеленой и темной
Читалъ я сосѣдкѣ,—
Плаксивой и томной,
И плакалъ я съ нею
Надъ пѣснями Гейне
Звалъ милой своею
(Du Holde, du Meine).

Нѣмецкія грезы
Давно мнѣ забылись,
И глупыя слезы
Давно истощились...
Она жъ вспоминаетъ
Меня на свободѣ
И Гейне читаетъ
Въ моемъ переводѣ.

---

* * *

Опять въ ночной тиши напрасно сонъ зову я,
Мнѣ не даетъ заснуть безсонная мечта.
Съ безумной нѣгою и страстью поцѣлуя
Мерещатся твои мнѣ блѣдныя уста.
Передо мной во тьмѣ горятъ и свѣтятъ глазки,
И кудри мягкія льютъ нѣжный ароматъ;
Блаженствомъ жгутъ меня твои живыя ласки,
И тихія слова любовно мнѣ звучатъ...
Но мертвый сонъ кругомъ и мертвое молчанье.
Все спитъ; не спитъ одна безсонная мечта...
Въ глубокой тишинѣ любимое названье
Твердятъ мои горячія уста.

ПРОСТАЯ ИСТОРІЯ.

Мы встрѣчались часто, говорили
Много всякой безотрадной гили,
А о томъ, какъ сердце наше ныло,
Какъ рвалось, какъ бѣшено любило,
Никогда словца не проронили.

Мы прощались тихо, безъ рыданій,
Безъ излишнихъ нѣжныхъ изліяній;
При пожатьѣ не дрожали руки...
А межъ тѣмъ душа рвалась отъ муки,
Сердце замирало отъ страданій.

АНТОЛОГИЧЕСКІЯ СТИХОТВОРЕНІЯ.

I.

Наяда.

Когда на западѣ горитъ заря пожаромъ
И грудь моя дрожитъ, пылая тайнымъ жаромъ —
Иду на берегъ водъ и, распростершись тамъ,
Устами теплыми къ холоднымъ льну волнамъ.
И изъ зеленыхъ водъ наяда молодая,
Устами влажными мои уста лобзая,
Въ моей груди тогда желаній гаситъ жаръ,
Какъ гаситъ мракъ ночной на западѣ пожаръ.

II.

Жатва.

Помона щедрая такъ пышно убрала
Златою жатвою широкія поляны
И въ частые ряды колосьевъ заплела
Лазурноглавыя, прелестныя ціаны.
Одѣлась ризою богатою земля:
Какъ море злачное, волнуются поля,
И спѣетъ наливной, подъ лаской солнца, колосъ.
Вечернею порой, подъ кровлей поселянъ
Звучнѣе пѣснь: всѣ, у кого есть голосъ,
Поютъ богинѣ гимнъ за пышный видъ полянъ.

III.

Люблю я на тебѣ мои покоить взоры,
Когда въ тѣни лѣсной, оставивъ всѣ уборы,
Всѣ украшенія искусства—ты сидишь
На берегѣ ручья и ножкою мутишь
Потока рѣзваго сверкающія воды...
Все такъ полно тогда чарующей природы—
Тутъ, на пескѣ лежатъ, разбросаны тобой,
Одежды жаркія... и вольною волной
Сбѣгаютъ на плечи кудрей твоихъ извивы;
А вѣтви длинныя прибрежной гибкой ивы
На зыбь твоей груди бросаютъ полутѣнь,

Трепещетъ надъ тобой вѣтвей сплетенныхъ сѣнь...
Твой взоръ слѣдитъ цвѣтовъ роскошные узоры,
И внемлетъ чуткій слухъ, какъ въ листьяхъ сикоморы
Поетъ пѣвецъ ночей—волшебный соловей...

IV.

Акація цвѣты душистые роняетъ,
И роза ароматъ мнѣ съ листьевъ посылаетъ...
По тихимъ берегамъ хожу въ раздумьѣ я;
Въ водахъ спитъ лебедей пугливая семья,—
И тихо все кругомъ... Лишь рѣдко пронесется
Зефиръ по тростникамъ, и нѣжно раздается
Въ нихъ пѣсня дивная,—и лебедь, пробудясь,
Взмахнетъ крыломъ и вновь уснетъ, въ волну глядясь...

ЗИМА.

I.

Что намъ весна съ соловьями, съ цвѣтущею рощей!
На что намъ
Пышный вѣнокъ изъ цвѣтовъ и горячее солнце полудня?
Если со мной ты, дитя, и зима мнѣ милѣе весенней
Теплой поры. Разложивши огонь, сижу я съ тобой
Такъ же, какъ въ солнечный день. Твоя рѣзвая пѣсня
мнѣ тотъ же
Звонкій напѣвъ соловья. А цвѣтущая роща... Зачѣмъ мнѣ
Рощу!.. И здѣсь, въ мягкомъ креслѣ, какъ въ чащѣ
дубовой,
Счастливъ я на душистой травѣ... Вмѣсто яркихъ
долины цвѣтовъ
Есть незабудки въ глазахъ у тебя, на щекахъ твоихъ
розы;
Шея и грудь твоя—тѣ же лиліи; а свѣтлыя волны
Русыхъ кудрей благовоннѣй, чѣмъ воздухъ расцвѣтшаго
сада.

II.

Сивка по полю бѣжитъ,
Снѣгъ подъ санками скрипитъ;
Солнце свѣтитъ высоко...
Такъ отрадно и легко!

Щечки свѣжія въ морозъ
Расцвѣли алѣе розъ...
Не озябла-ль ты, дитя?
Дома сядемъ у огня.

Сивка по полю бѣжитъ,
Снѣгъ подъ санками скрипитъ...
Посѣдѣли въ злой морозъ
Кудри шелковыхъ волосъ!

Вьется дымъ невдалекѣ...
Въ нашемъ тепломъ уголкѣ
Печка весело горитъ,
Кресло мягкое стоитъ.

Тамъ согрѣешься, шутя,
Мое доброе дитя...
Будутъ грѣть уста мои
Ручки мерзлыя твои.

Солнце ярко въ небесахъ,
Поле все горитъ въ звѣздахъ...
Сивка, ну!.. лети стрѣлой...
Стой! пріѣхали домой!

III.

Ярко и съ трескомъ огонь разгорѣлся... Ужъ поздно!
Надо-ли свѣчи зажечь?.. Для чего? Въ полумракѣ
Будемъ сидѣть и болтать... да о чемъ же?—О всемъ мы
Переболтали съ тобою вечерней порой.
Что говорить... Поцѣлуй меня лучше, малютка!
Лучше всѣхъ толковъ моихъ поцѣлуй твой одинъ.

IV.

Вечеромъ поздно уляжешься ты на кушеткѣ. Сижу я,
Лампа горитъ на столѣ, быстро вожу я перомъ.
Только задумаюсь, только перо отведу отъ бумаги,
Тотчасъ ты мнѣ говоришь: «Риѳмы не можешь найти?
Что за слово? Скажи!.. Я найду тебѣ тотчасъ созвучье...
Развѣ не знаешь, что я риѳмы люблю прибирать?»
Знаю, дитя, что ты прекрасный поэтъ, и уста твои звучно
Къ каждой ласкѣ моей въ риѳму цѣлуютъ меня!

ВЪ ПУТИ.

Предо мной лежитъ
Степь печальная.
Все мнѣ слышится
Рѣчь прощальная.

Все мнѣ видятся
Взоры милые,
Все твержу прости
Черезъ силу я.

И все та жъ въ отвѣтъ
Рѣчь прощальная...
Но молчитъ кругомъ
Степь печальная.

Колоколъ унылый!
Сонъ напѣлъ ты мнѣ,
И край сердцу милый
Вижу я во снѣ.

Вижу домъ знакомый,
Вижу край родной,
Вижу, будто дома
Онъ далъ мнѣ покой;

И въ саду завѣтномъ
Я опять брожу,
Вновь въ рѣчахъ привѣтныхъ
Радость нахожу...

Но недолго тѣшилъ
Меня чудный сонъ;
Скоро все умчалось—
И я пробужденъ!..

Темная дорога
По лѣсу бѣжитъ,
Подъ дугой уныло
Колоколъ звенитъ,—

Мрачно ель киваетъ
Мнѣ издалека...
Сердце замираетъ,
Душу рветъ тоска.

ПѢСНЯ РУССКАГО ЯМЩИКА НА ЧУЖБИНѢ.

Эй вы, соколики,
Славные кони мои!
Что ваши ноженьки,
Сбруя, телѣга, шлеи?

Все-ли улажено,
Все-ли готово къ пути
Въ русскую сторону,
Добрые други мои?..

Много помаялся
Въ чуждой сторонушкѣ я,
Да и спокаялся;
Гдѣ-то родная семья?

Буйная молодость
Съ ними меня развела.
Дѣвка-неопытность
Молодца въ чужь увлекла...

Эй вы, соколики,
Славные кони мои!
Все-ли улажено,
Все-ли готово къ пути?..

ИЗЪ РУССКАГО БЫТА.

Встрѣча

–Здорово, служивый! Куда ты идешь?
Я вижу, ты съ дальней дороги...
Взгляни-ка на небо: сбирается дождь;
Не худо-бъ тебѣ до погоды
Подъ крѣпкую кровлю зайти отдохнуть
И пищей ослабшія силы
Свои подкрѣпить, а потомъ уже въ путь
И дальше идти отъ Вавилы.
Я здѣшній крестьянинъ; живу же самъ-другъ
Съ женою, Настасьей Петровой,
И близко отсюда; да чу!—вотъ мой слухъ
Лай слышитъ собаки домовой...
Зайди же, служивый,—простой я мужикъ
И гостю такому радъ буду...
Да, ну, не чинися! Ты добрый старикъ:
Согласьемъ окажешь услугу...
«Вавила, Вавила!»—межъ тѣмъ бормоталъ
Солдатъ въ забытьѣ и слезами
Большіе сѣдые усы обливалъ,
Впиваясь въ Вавилу глазами
И вотъ онъ, опомнясь, спросилъ, наконецъ,
У добраго парня:
«Мой милый!
Скажи ты мнѣ: кто ты и кто твой отецъ
И живъ-ли, и какъ ему имя?..»
— Отца своего я не помню, старикъ.
Когда на француза лихого
Вся Русь поднялася, я былъ невеликъ,—
Не вынесло сердце родного!
Онъ бросилъ жену и меня, поспѣшилъ
Пожертвовать родинѣ жизнью,
И въ битвѣ съ врагомъ онъ животъ положилъ
За Вѣру, Царя и Отчизну...
Такъ слухи, родимый, носились у насъ:
Такъ матушка мнѣ, малолѣтку

(Ея уже нѣтъ), говорила не разъ...
Взращенъ же и вскормленъ я дѣдомъ
И память о немъ сохраню навсегда:
Покойникъ онъ рѣдкихъ былъ правилъ,
Училъ добру внука; и память отца
Любить, почитать онъ наставилъ.
И чту я родного, хотя не видалъ
Отца своего съ колыбели..
«А имя скажи мнѣ!..»
— Едва-ль ты слыхалъ
Про имя Орлова въ артели?..
«Ивана?..»
— Такъ точно...
«Мой Богъ!.. Ты мой сынъ!..»
На шеѣ Вавилы, съ слезами,
Служивый повисъ, повторяя «мой сынъ».
— Родимый, ужели ты съ нами?
Богъ радость послалъ:—воротился отецъ,
Котораго всѣ мы считали
Убитымъ врагами, но дивенъ Творецъ!
Онъ живъ и здоровъ, какъ не ждали...
Дальнѣйшую радость семьи той, друзья,
Представьте вы сами, какъ будетъ по силѣ;
Счастлива страна та, счастлива семья,
Гдѣ странниковъ любятъ подобно Вавилѣ!

II.

Маркелъ.

Яснымъ соколомъ влетѣлъ
Въ избу хватъ лихой, Маркелъ:

— «Здравствуй, барыня-жена!
Чай, ты мужа не ждала?
Обойми-ка понѣжнѣй
Да налей мнѣ миску щей,
Хлѣбца мягкаго отрѣжь,
Полной чарочкой потѣшь!
Мочи нѣтъ, какъ я усталъ,
И въ дорогѣ голодалъ,
И скажу такъ, подивись ты,
Посуди сама: верстъ триста

Я до дому шелъ пѣшкомъ,
Съ тяжкой ношею притомъ!
Тяжело было нести
Узелъ пуда чуть не въ три.
Хоть смѣяться будутъ мнѣ,
А красавицѣ-женѣ
Принесу я за любовь
Разныхъ рѣдкостныхъ обновъ..
Ну, да что же ты стоишь,
Ничего не говоришь?..
Аль не рада?.. Аль иное
Что случилося такое?..

. . . .
. . . .
. . . .
. . . .

Дуня все-таки молчитъ,
Лишь губами шевелитъ...
. . . .

Свѣтитъ ясная погода.
Близъ чугуннаго завода,
Тамъ, гдѣ нынѣ полотно
Полосой проведено,
Отъ работъ вокругъ земли
Собиралисъ мужички...
Кашевары за котлами
Зорко быстрыми глазами
Наблюдали, чтобы щи
Или прочія харчи
Поскорѣе докипѣли,
Вкусны-бъ были для артели...
Вотъ собралась вся семья;
Раздалися голоса:
«Эй вы, что вы тамъ, бояры!
Шевелитесь, кашевары:
Дайте ѣсть намъ поскорѣй;
Не морите вы людей!..»
—Все готово!—Помолились
И къ столамъ всѣ потѣснились...

Лишь одинъ изъ мужичковъ
Не тѣснился у столовъ,
Не кричалъ, не веселился,
А какъ будто-бы молился,
И такъ блѣденъ, что едва-ли
Краше въ гробъ другого клали..

«Эй ты, дурень-ротозѣичъ,—
Закричалъ вдругъ Архидѣичъ,
Ужъ плясавшій трепака:—
Полно корчить дурака!
Щи и кашу мы, братъ, съѣли
Да и пѣсенки запѣли;
А ты все стоишь одинъ,
Какъ ученый господинъ.
Въ небѣ звѣзды что-ль считаешь?
И чего ты ожидаешь?
Эй, пріятель, не грѣши,
Не губи своей души;
Лучше пѣсенку намъ спой-ка:
Голосъ твой такъ льется бойко!»
. . . .
. . . .
. . . .
. . . .

III.

Горе.

(Пѣсня).

Ахъ, ты Ванька, ты Ванька-горюнъ,
Отчего ты, нашъ Ванька, не женишься?

Ахъ ты, горе мое, горе,
Скоро ль ты пройдешь?..
Бьется съ непогодою
На морѣ корабль:
Бьюсь и я съ невзгодою
Такъ, что весь ослабъ!..
Ахъ ты, горе мое, горе,
Скоро-ль ты минешь?

Мачта подломилася,
Руль оторвало...
Счастье удалилося,
Радость унесло...
Ахъ ты, горе мое, горе,
Ты со мной живешь!
Взвыло, разрыдалося
Горе, отходя:

Съ кѣмъ ни повстрѣчалося,
Клеплетъ на меня.
Ахъ ты, горе!—слезъ вѣдь море!
Бѣдняка убьешь!..
Лучше воротись назадъ,
Барься у меня!
Мнѣ не привыкать вѣдь стать
Къ горю, полюбя...

Ахъ ты, горе мое, гор
Ты вѣдь не уйдешь?
Свыкшись съ непогодок
Моряки живутъ,
Такъ и я съ невзгод
Сдѣлался самъ-другъ.
Ахъ ты, горе мое, гор
Ты со мной умрешь!

---

* * *

Много звѣздъ блестящихъ
На небѣ зажглось...
Много сновъ прекрасныхъ
Въ сердцѣ пронеслось.

Но бѣжитъ по небу
Тучки полоса,—
И покрылись мракомъ
Звѣзды, небеса...

Въ сердцѣ воскресаютъ
Сумрачные дни,—
И, какъ тучи небо,
Тмятъ чело они.

ОХОТНИКЪ.

Когда-то и я въ Петербургѣ живалъ,
Писателей всѣхъ у себя принималъ—
И съ гордой улыбкой являлся на балахъ...
Стихи мои очень хвалили въ журналахъ:
Я въ нихъ и свободу и истину пѣлъ,
Но многихъ представить въ цензуру не смѣлъ.

Эй, Ванька! Скорѣе собакъ собирай!
Эй, Сенька! Живѣе мнѣ лошадь давай!

Политикой также заняться любилъ,—
Въ кондитерскихъ всѣ я журналы слѣдилъ...
Читалъ и философовъ... Самъ разсужденье
Писалъ о народномъ у насъ просвѣщеньи...
Потомъ за границей я долго блуждалъ,
Палаты, Жоржъ-Занда, Гизо посѣщалъ.

Эй, Ванька! Скорѣе собакъ собирай!
Эй, Сенька! Живѣе мнѣ лошадь сѣдлай!

Въ чужбинѣ о родинѣ я сожалѣлъ,
Скорѣй воротиться домой все хотѣлъ—

И началъ трактатъ (не окончилъ его я)
О томъ, какъ намъ дорого вчужѣ родное.
Два года я рыскалъ по странамъ чужимъ.
Все видѣлъ—Парижъ, Вѣну, Лондонъ и Римъ:

Эй, Ванька! Скорѣе собакъ собирай!
Эй, Сенька! Живѣе мнѣ лошадь сѣдлай!

Пріѣхавши въ Питеръ, соскучился я...
Казна истощилась порядкомъ моя.
Поѣхалъ въ деревню поправить дѣлишки,
Да всѣ разорились мои мужичишки!..
Сначала въ деревнѣ я очень скучалъ—
И все перебраться въ столицу желалъ.

Эй, Ванька! Скорѣе собакъ собирай!
Эй, Сенька! Живѣе мнѣ лошадь сѣдлай!

А нынче такъ, право, меня калачомъ
Туда не заманишь. И славный здѣсь домъ,
И поваръ обѣдъ мнѣ готовитъ прекрасный;
Дуняшкѣ надѣлалъ я платьевъ атласныхъ.
Пойдешь погулять—вкругъ мальчишки бѣгутъ...
(Пострѣлы—они меня тятей зовутъ).

Эй, Ванька! Скорѣе собакъ собирай!
Эй, Сенька! Живѣе мнѣ лошадь сѣдлай!

Съ сосѣдями ѣзжу я зайцевъ травить,
Сойдемся-ль—за карты, а послѣ попить...
Прекрасные люди мои всѣ сосѣди,—
Хоть прежде твердилъ я съ презрѣньемъ: «медвѣди!»
Политику бросилъ,—и только «Пчелу»
Читаю отъ скуки всегда поутру.

Эй, Ванька! Скорѣе собакъ собирай!
Эй, Сенька! Живѣе мнѣ лошадь сѣдлай!

Однажды я какъ-то письмо получилъ,
Писалъ мнѣ пріятель мой славянофилъ,
Чтобъ ѣхать скорѣе къ нему я въ столицу—
Тащить меня вздумалъ опять за границу...
Но я отвѣчалъ ему: «Милый мой другъ!
Въ себѣ воскресилъ я разгульный свой духъ!»

Эй, Ванька! Скорѣе собакъ собирай!
Эй, Сенька! Живѣе мнѣ лошадь сѣдлай!

«Мнѣ ладно въ деревнѣ: здѣсь сладко я сплю,
Гоняться съ собаками въ полѣ люблю.
Съ житьемъ ни за что не разстанусь раздольнымъ,
Дышу теперь вдоволь я духомъ привольнымъ!..
Ко мнѣ, братецъ, лучше сюда пріѣзжай:
Издѣлья въ деревнѣ моей изучай!»

Эй, Ванька! Скорѣе собакъ собирай!
Эй, Сенька! Живѣе мнѣ лошадь сѣдлай!

Съ тѣхъ поръ мой пріятель ко мнѣ не писалъ...
И слышалъ я, нынче извѣстенъ онъ сталъ
Своими трудами. Знакомцы другіе—
Все люди теперь тоже очень большіе...
. . . .
. . . .

Что-жъ, Ванька—каналья! Чего же ты ждешь?
Да скоро-ль ты, Сенька, гнѣдка приведешь?

———

* * *

Помню я рощу зеленую,
Помню я прудъ голубой,
Помню я рѣчи свободныя—
Рѣчи вечерней порой;

Помню я взгляды любимые,
Щечку съ румянцемъ живымъ,
Помню уста твои влажныя
Съ ихъ поцѣлуемъ нѣмымъ;

Помню я трепетъ руки твоей——
Дѣтской, прекрасной руки...
Помню... но сердцу не жалко ихъ—
Дней этой глупой тоски!

———

* * *

Часто васъ видя и часто васъ слушая,
Я не могу наглядѣться, наслушаться.
Взглядъ-ли встрѣчаю вашъ—взглядъ простодушія,-
Всѣ мои мысли, теоріи рушатся.

Все забываю я! Планы высокіе,
Къ свѣту презрѣніе, жажду познанія,
Темной науки идеи далекія,
Свѣтлой поэзіи міръ обаянія.

Хочется слушать вновь рѣчи опасныя,
Хочется снова страдать и безумствовать,
Хочется въ глазки смотрѣться прекрасные,
Хочется вѣрить и хочется чувствовать!..

ЕСТЬ СЛОВА.

Есть слова! Они глубоко
Камнемъ въ сердце западаютъ
И безжалостно слова тѣ
Въ жизни счастье отравляютъ.

И они такъ просты, ясны,
Говоритъ ихъ міръ открыто;
Но глубокое значенье
Въ нихъ до времени сокрыто.

И пока безъ тайной цѣли
Міръ слова тѣ произноситъ,
Ихъ никто не замѣчаетъ,
Ихъ никто въ груди не носитъ.

Но когда однимъ лишь звукомъ
Надо счастье уничтожить,
Отравить надежду, радость,
Жизнь спокойную встревожить,—

Въ это слово міръ коварный
Весь свой ядъ переливаетъ
И его съ насмѣшкой ѣдкой
Бѣдной жертвѣ посылаетъ.

И отравленной стрѣлою
Въ жертву слово то вопьется,
И она отъ тяжкой язвы
Въ мукахъ стонетъ, въ мукахъ бьется.

И на жертву съ удивленьемъ
Смотритъ міръ, не понимая,
Какъ могло пустое слово
Столько зла и горя сдѣлать?..

НАДЯ.

По улицѣ шелъ я... Мерцали
Въ туманѣ кой-гдѣ фонари...
Пуста была улица; встрѣтилъ
Я пары четыре иль три
Прохожихъ. Но вдругъ я увидѣлъ,
Навстрѣчу мнѣ дѣвушка шла;
На ней была бѣлая шляпка,
И плечи ей шаль облегла.

Когда я былъ близко къ ней, ярко
Фонарь подлѣ насъ засверкалъ,
Знакомый я образъ увидѣлъ,—
И за руку бѣдную взялъ...
И съ тайною грустью взглянулъ я
На вянущій этотъ цвѣтокъ.
Она крѣпко руку мнѣ сжала,
Сронивъ съ своей шеи платокъ..
Хоть много сказать мнѣ хотѣлось,
Молчали упорно уста;
Она мнѣ твердила: «Что, развѣ
Я хуже теперь, чѣмъ была?»
И взоромъ печальнымъ я долго
Съ тоскою глядѣлъ на нее.
«Нѣтъ, Надя! Тебя не узналъ я:
Лицо измѣнилось твое,
Вь глазахъ твоихъ черныхъ нѣтъ блеска,
И блѣдность видна на щекахъ;
Искусственъ ихъ яркій румянецъ,
Притворна улыбка въ устахъ!»

Печально она улыбнулась...
Я много во взорѣ прочелъ,—
И проповѣдь бросилъ—и съ нею
Вдоль улицы молча пошелъ.
Ее до квартиры довелъ я
И молча ей руку пожалъ...
Она мнѣ сказала: «Зайдите!»
Но я отвѣчалъ: «Я усталъ!»
И грустно своею дорогой
Побрелъ я... Туманъ все густѣлъ,—
И крупными каплями дождикъ
По темнымъ плитамъ зашумѣлъ...

---

* * *

Еще въ школѣ онъ былъ,
А стишки ужъ кроилъ,—
И частенько
Книги въ сторону клалъ,—
Хоть уроковъ не зналъ
Хорошенько...

Запирали его
И сѣкали его...
Мало прока!..
Страсть была велика:
Не касалась рука
До урока.

Школу бросивъ потомъ,
Онъ сердитымъ перомъ
Размахался...

Не призналъ его свѣтъ,—
И великій поэтъ
Стушевался.

Нынче въ мирной тиши,
Онъ въ уѣздной глуши
Процвѣтаетъ:
Служитъ,—все о дѣлахъ
Да про восемь въ червяхъ
Разсуждаетъ...

Завелся онъ женой,
Есть пяточекъ другой
И ребятокъ...
Средь семейныхъ отрадъ
Счастливъ онъ и *богатъ*...
(Не отъ взятокъ).

---

* * *

Если-бъ я васъ снова встрѣтилъ,
Что̀ бы было между нами?—
Я-бы вамъ одно замѣтилъ:
Что умнѣемъ мы съ годами;
Что во мглѣ туманно-блѣдный
Ликъ луны и листьевъ шопотъ

И ландшафтъ полночный блѣдный,
И пруда немолчный ропотъ,—
Много дѣтской нашей страстью
Управляли въ стары годы;
Что любовь теперь, къ несчастью,
Не зависитъ отъ погоды,—
Ни отъ блѣднаго мерцанья
Звѣздъ небесныхъ, молчаливыхъ,
Ни отъ глупаго мечтанья
И стишковъ пустыхъ, слезливыхъ...
Я сказалъ-бы вамъ при встрѣчѣ,
Если вы умнѣе стали:
«Перемѣнимъ эти рѣчи,
Чтобы насъ не осмѣяли!»

ХОРОШАЯ ПАРТІЯ.

Она предъ налоемъ стояла,
Блѣдна и поникнувъ головкой,—
Вдоль щекъ у ней слезка сбѣгала,
И билася грудь подъ шнуровкой.
Женихъ старичекъ былъ почтенный:
Увѣшана грудь орденами...
И съ важностью, въ немъ неизмѣнной,
Вокругъ поводилъ онъ глазами.

И вотъ обвѣнчалася пара...
У нихъ безпрестанно пируютъ
Средь бальнаго часто разгара
Жена и блѣдна и тоскуетъ.
За картами мужу не время
Замѣтить, какъ чахнетъ супруга;
Ужъ въ грудь ей заброшено сѣмя
Ужаснаго злого недуга.

И скоро болѣзнь и ненастье
Цвѣтокъ этотъ нѣжный сломили...
«Какъ мало жила она въ счастьѣ!»—
Такъ въ свѣтѣ объ ней говорили.
Супругъ же попрежнему любитъ
Сытнѣе въ обѣдъ нагрузиться,

Здоровья страстями не губитъ...
И чаще за карты садится.

СОСѢДКА.

Тому давно... Я былъ почти ребенокъ;
Она была прекрасна, молода;
Ея волнистый волосъ былъ такъ тонокъ,
А голосокъ такъ серебристъ и звонокъ...
Прошли давно тѣ ясные года.

Въ большомъ саду плющёвую бесѣдку
Какъ будто вижу я передъ собой...
Раздвинувши вѣтвей густую сѣтку,
Бывало, жду красавицу-сосѣдку
И рву листокъ дрожащею рукой.

Придетъ она... Глаза горятъ такъ ярко,
И пышутъ щеки нѣжныя огнемъ...
И съ ней вдвоемъ (Лаура и Петрарка!)
Мы говоримъ такъ долго и такъ жарко...
О чемъ?.. Да такъ! Богъ вѣдаетъ о чемъ!

Рука моя такъ радостно сжимала
Ея ручонку дѣтскую. Меня
Она порой тихонько цѣловала
И, наклонясь, мнѣ на ухо шептала...
А что̀?.. Все это позабылъ ужъ я.

И ужъ давно я съ нею не видался...
Я слышалъ, замужемъ теперь она...
А я съ тѣхъ поръ все по-свѣту скитался,—
И чувствомъ что-то очень издержался,
И стала мнѣ смѣшна та старина.

А все иной порою, и не рѣдко
Случается, придетъ на память мнѣ:
Цѣла-ли та плющёвая бесѣдка?
Меня забыла-ль милая сосѣдка?
Иль такъ, какъ я, смѣется старинѣ?

НЯНЯ.

Засыпай же поскорѣе,
Не шуми, мое дитя...
Завтра встанешь веселѣе,
Вскроешь глазки ты шутя.
Предъ иконой ты молился,
Цѣловалъ ты крестикъ свой...
Спи, дружочекъ, чтобъ спустился
Съ неба ангелъ твой святой.
Ты уснешь—тебѣ покажетъ
Ангелъ Божьи чудеса
И тебѣ во снѣ разскажетъ
Про родныя небеса:
Какъ тамъ солнышко играетъ,
Какъ тамъ мѣсяцъ золотой
Очи часто умываетъ
Поздней свѣжею росой;
Какъ тамъ звѣздочки ночныя,
Словно искорки, горятъ,—
Божьи ангелы святые
Какъ молитвы тамъ творятъ.
И когда ты смирно будешь
«Богородицу» читать,
На постели не забудешь
Крестикъ свой поцѣловать,—
Все тебѣ тогда разскажетъ
Ангелъ Божій въ сладкомъ снѣ,
Твою звѣздочку покажетъ
Тамъ въ небесной сторонѣ.

———

КОЛЬЦОВЪ.

Онъ съ юныхъ лѣтъ былъ угнетенъ судьбою,
Своей семьей онъ не былъ оцѣненъ...
Несытый умъ томился, но борьбою
Съ холодной жизнью не былъ сокрушенъ

Его душа, полна больной страною,
Любила все, чѣмъ былъ онъ окруженъ...
И пѣснь его намъ кажется родною:
Весь міръ души въ ней завѣщалъ намъ онъ

Степной разгулъ, крутую силу воли,
Упорную борьбу съ лихой судьбой,
И эту долю, сумрачную долю,

Въ которой жизнь онъ проклиналъ порой,
И грусть свою, порою плачъ неволи—
Все высказалъ онъ въ пѣснѣ огневой.

———

* * *

У двери скрипучей
Красуется елка...
За дверью той рѣчи
Не знаютъ умолка.
Тяжелое-ль горе
На сердцѣ заляжетъ,
Аль лапушка слово
Немилое скажетъ,—
Къ той елкѣ зеленой
Своротитъ дѣтина...
Какъ выпита чарка,
Пропала кручина!
Да если и счастливъ,
Кипитъ ретивое,
И съ Машей шептался
Всю ночь за рѣкою;
. . . .
. . . .
. . . .
. . . .
Подъ елкой зеленой
Лей чарку полнѣе!..
Тамъ горькое горе
Пройдетъ поскорѣе.
Подъ елкой зеленой
Лей чарку полнѣе...
Коль весело,—будетъ
Еще веселѣе!.

———

ВСТРѢЧА.

Давно тебя зналъ я: ребенокъ
Была ты веселый, живой;
Былъ голосъ твой дѣтскій такъ звонокъ,
Такъ ярокъ твой глазъ голубой.
Мы часто съ тобою играли...
(Я самъ былъ ребенкомъ тогда!),
Мы вмѣстѣ рѣзвились. Умчали
И дѣтство и юность года.
И встрѣтилъ тебя я печально,
Мнѣ горько тебя узнавать...
Я вспомнилъ и уголъ мой дальній,
Отца и покойницу-мать;
Я вспомнилъ про игры съ тобою,
Я вспомнилъ о давнихъ годахъ,

Все ожило вдругъ предо мною
Въ роскошныхъ и свѣтлыхъ мечтахъ.
Да! Многаго вовсе не стало,
Другое же стало не тѣмъ,
Чего мое сердце желало,
Во что уповало... Зачѣмъ
Тебя еще разъ я встрѣчаю
На жизненномъ темномъ пути?
Мнѣ было легко, уповая,
По грустной дорогѣ идти...
Неужто и всѣмъ упованьямъ
Такая жъ судьба суждена?
Убитая тяжкимъ страданьемъ,
И ты не была спасена.
Какъ много я думалъ, бывало,
О счастьѣ грядущемъ твоемъ...
Все свѣтлую жизнь обѣщало,
Сіяло привѣтливымъ днемъ.
Душа твоя, полная силы,
И въ трудной житейской борьбѣ,
Казалось, до самой могилы,
Всю жизнь—не уступитъ судьбѣ.
Удары-ль ея безпощадно
Сгубили всю силу твою,
Иль только мечтою отрадной
Лелѣяла душу мою
Надежда... не знаю: но встрѣчѣ
Съ тобою теперь я не радъ...
Такъ пусты короткія рѣчи,
Такъ грустенъ мой сумрачный взглядъ.
И ты избѣгаешь со мною
Свиданій тяжелыхъ, и я...
Я встрѣчъ избѣгаю съ тобою...
Душа изнываетъ моя!
Тебя не узнàешь... Ты стала
Блѣдна и худа и больна,
Ты рано и скоро увяла,

. . . .

И только однимъ сожалѣньемъ
Могу я тебя подарить,
Я бѣденъ и самъ, я съ терпѣньемъ
Обязанъ мой путь проходить.

Но образъ твой грустный и блѣдный
Все будетъ мечта представлять,
И буду я—счастіемъ бѣдный
Молиться, терпѣть, уповать!..

СМѢХЪ

Она смѣется,—но когда-бъ случайно
Взглянулъ кто въ глубь души ея больной,
Увидѣвъ все, что тамъ сокрыто тайно
Отъ глупости людей, отъ ихъ насмѣшки злой,
Какъ слышались тогда ему-бы внятно
Въ веселомъ смѣхѣ слезы!.. Все, чтó есть
Страданій, горя въ жизни, такъ понятно
Въ ея улыбкѣ могъ-бы онъ прочесть.

---

* * *

Я спѣлъ-бы вамъ пѣсню веселую, други,
Да горе пришибло, лихіе недуги,
И пѣсни веселой охоты нѣтъ пѣть;
А съ грустнаго сердца унылымъ мы строемъ
И грусти не снимемъ, лишь душу разстроимъ:
Такъ лучше ужъ молча намъ горе терпѣть..

До насъ жили люди, до насъ и печали
Сердца ихъ несчастьемъ, бѣдой поражали;
А жили же люди, какъ нынѣ живутъ;
А жили же люди и Бога хвалили
И радости чистой мгновенья ловили:
И съ миромъ тѣ люди на небо взойдутъ.

Смирись же, кичливость ума, передъ Богомъ!
Смирися и съ вѣрой, въ мышленіи строгомъ,
На небо печальный свой взоръ обрати:
Съ какою любовью тамъ ангеловъ круги
Стоятъ у Престола и молятъ: недуги,
О Боже, и гнѣвъ отъ людей отврати!..

И вотъ благодатная милость нисходитъ
Отъ Бога и радость на землю низводитъ:
Да будетъ покоенъ душой человѣкъ
И мысли въ ту горную высь возвышаетъ,
Гдѣ вѣчная радость любовь обѣщаетъ,
Блаженства не годы а вѣчности вѣкъ!

———

* * *

Разсудка голосу не внемля,
Сомнѣнье страшное объемлетъ
Мой отуманившійся умъ.
Душа надежды, вѣры проситъ,
Но ихъ волненье грезъ относитъ
Въ водоворотъ безумныхъ думъ.

Чего-то робко ожидая
И день прошедшій провожая
Всегда горячею слезой,
Напрасно разумомъ пытливымъ
Стараюсь въ свѣтѣ прихотливомъ
Уразумѣть я жребій свой:

Добро любилъ я съ малолѣтства
И былъ довѣрчивъ къ людямъ съ дѣтства;
Но лѣта юности прошли...
Другіе дни, другіе годы!..
Тяжелой жизни непогоды
Другой одеждой облекли
Мои довѣрчивыя чувства:
Въ добрѣ я вижу плодъ искусства,
А въ ближнихъ сердцу—стынетъ кровь—
Одни расчеты,—не любовь...

Какъ оглашенный, у порога
Любви божественной чертога
Стою, поникнувъ головой,
Не смѣя горестнаго взора,
Безъ сожалѣнья, безъ укора,
Поднять ко благости святой:
И тяжко на сердцѣ и больно,

Взрыдаешь, всплачешься невольно,
И страшенъ вновь грядущихъ лѣтъ
И новыхъ опытовъ привѣтъ!..

---

* * *

Въ минуту-ль свѣтлаго сознанья
Расчета съ жизнью и собой,
Какъ на стороннія дѣянья,
Посмотришь на свои порой,
И хладнокровно, безпристрастно
Прочтешь прошедшаго скрижаль,
Какъ станетъ грустно, станетъ жаль
Что столько прожито напрасно,
Кой-какъ день за день, безъ труда,
Безъ всякой пользы и слѣда!

---

* * *

Я говорилъ ей: «Намъ надо разстаться,
Насъ не связалъ неразрывно вѣнецъ,
Вѣчно не можетъ любовь продолжаться,
Рано-ли, поздно-ли—тотъ же конецъ!»
И на слова свои ждалъ возраженій,
Думалъ: теперь разразится гроза.
Буря польется упрековъ, моленій,
Гнѣвомъ, слезами нальются глаза,
Но ни упрековъ ни слезъ я не встрѣтилъ,
Молча сидѣла она у стола,
Только блѣднѣй, чѣмъ всегда, я замѣтилъ,
Бѣдная въ эту минуту была,
Только прерывистѣй было дыханье,
Руки вдругъ стали ея холоднѣй,
И на лицѣ отразилось страданье
Камнемъ давившее душу у ней.
Мнѣ стало жаль ее; вотъ разгадайте
Сердца капризы всѣ!.. Но, какъ герой,
Выдержалъ роль я, сказалъ ей: «Прощайте!»
Руку пожалъ и... скорѣе домой.

---

* * *

Случалось-ли вамъ, когда вечеромъ, книгу-ль читая
Иль давъ разгуляться свободно мечтамъ,
Вы такъ углубитесь, читавши иль просто мечтая,
Что все остальное не слышится вамъ;
Случалось-ли вамъ, чтобы въ эту минуту покою
Хотя-бы вы въ комнатѣ были одни,
Внезапно вдругъ что-нибудь стукнетъ иль скрипнетъ порою
И снова все полно опять тишины,
И станетъ вамъ страшно, вы даже вздрогнете невольно:
Не бойтесь! Покой вашъ нарушилъ не духъ
Какой-нибудь злобный; забвеньемъ тогда недовольный
Напомнилъ себя вамъ умершій вашъ другъ!

---

* * *

Ярко солнце свѣтило,
Да затмилось,
Крѣпко любилъ молодецъ,
Да покинулъ:
Заслонили солнышко
Черны тучи,
Оболгали дѣвицу
Злые люди;

Буря разыгралася
И затихла.
Снова солнце на небѣ
Ярко свѣтитъ,
А все плачетъ дѣвица
Неутѣшно;
Видно, снова молодецъ
Не полюбитъ.

СОВРЕМЕННЫЙ ГИДАЛЬГО.

Юноша поджарый,
Кудри по плечамъ...
Сюртучишко старый
Расползся по швамъ...

Рыжая шляпенка,
Стеклышко въ глазу,
Завитъ очень тонко,
Угорь на носу.

Сморщенъ лобъ широкій,
Ямы вмѣсто щекъ,
И въ глазахъ глубокій
Свѣтится упрекъ...

Скверная сигара
У него въ зубахъ...
Говоритъ онъ съ жаромъ,
Прогрессивно, страхъ.

Весь въ дугу согнулся,
Словно пудъ несетъ..
Слушайте! Надулся,
Рѣчь онъ поведетъ:

«Манекены—люди,
Вамъ-ли *насъ* понять?
Камень—ваши груди...
Вамъ ли мысль пріять?

Избраны вѣками
Для череды иной,
Высимся надъ вами
Цѣлой *мы* главой.

— Суета мірская
Занимаетъ васъ,
Ноша міровая
На плечахъ у *насъ*!»

Юноша умолкнулъ,
Грозно брови сжалъ,
Языкомъ прищелкнулъ
И сигару взялъ.

. . . .
. . . .
. . . .
. . . .

---

* * *

Художникъ выставилъ Венеру на показъ.
«Ну, можно-ль написать ее такимъ уродомъ?»—
Кричалъ народъ, не въ шутку разсердясь
Но тутъ одинъ острякъ предъ всѣмъ народомъ

Сказалъ: «Я угадалъ какъ разъ,
Зачѣмъ написана въ такомъ тяжеломъ тонѣ
Богиня, такъ стара, дурна, что колетъ глазъ—
Художникъ, господа, хотѣлъ польстить—Юнонѣ».

ЭПИГРАММА.

Мнѣ твой стихъ надоѣдаетъ,
Ты писалъ его съ трудомъ...
Сальной свѣчкой онъ воняетъ,
Сильно пахнетъ табакомъ.

СТИХОТВОРЕНІЯ.
(1853—1863).

* * *

Когда пройдутъ искуса годы?
Когда изъ лона черныхъ тучъ
Тебя, колоссъ, освѣтитъ лучъ—
Животворящій лучъ свободы?

Ты гордо голову вознесъ,
Дивя испуганное око;
Но безглаголенъ ты, колоссъ!..
Когда же тьма сойдетъ съ востока?

Когда подъ заревымъ огнемъ
Твоихъ рѣчей раздастся громъ?
Вѣдь говорятъ: во время о̂но
И неподвижный столбъ Мемнона
Гудѣлъ подъ солнечнымъ лучомъ?!

---

* * *

Какъ храмъ безъ жертвъ и безъ боговъ,
Душа угрюмо сиротѣетъ,
Надъ нею время тяготѣетъ
Съ суровымъ опытомъ годовъ.

Кумиры старые во прахѣ,
Погасъ безплодный фиміамъ...
Но близокъ мигъ—и, въ вѣщемъ страхѣ,
Иного бога чуетъ храмъ...

ПЕРЕПУТЬЕ.

Труденъ былъ путь мой. Холодная мгла
Не разступалась кругомъ.
Съ сѣвера туча за тучею шла
Съ крупнымъ и частымъ дождемъ...

Капалъ онъ съ мокрыхъ одеждъ и волосъ;
Жутко мнѣ было идти:
Много суровыхъ я вытерпѣлъ грозъ,
Больше ихъ ждалъ впереди.

Липкую грязь отряхнуть-бы мнѣ съ ногъ
И отъ ходьбы отдохнуть!..
Вдругъ мнѣ въ сторонкѣ блеснулъ огонекъ...
Дрогнула радостно грудь...

Боже, какимъ перепутьемъ меня,
Странника, Ты наградилъ!
Боже, какого дождался я дня!
Сколько прибавилось силъ!

НА ПУТИ.

За туманами потухъ
Свѣтъ зари вечерней...
Раздражительнѣе слухъ,
Сердце суевѣрнѣй.

Мнѣ грозитъ мой путь глухой
Злою встрѣчей, битвой...
Но душа полна тобой,
Какъ святой молитвой.

---

* * *

Говорятъ—весна пришла,
Ярки дни, и ночь тепла,
Лугъ зеленый весь въ цвѣтахъ,
Соловьи поютъ въ лѣсахъ.

Я хожу среди луговъ,
Я ищу твоихъ слѣдовъ
Въ чащѣ слушаю лѣсной,
Не раздастся-ль голосъ твой.

Гдѣ жъ весна, и гдѣ цвѣты?
Ихъ срывать не ходишь ты.
Гдѣ же пѣсня соловья?
Не слышна мнѣ рѣчь твоя...

Не пришла еще весна!
День угрюмъ, ночь холодна,
Поле инеи куютъ,
Птицы плачутъ—не поютъ...

---

* * *

Зарею обновленья
Въ моей ночи взошла любовь твоя,
Въ ней стали ясны мнѣ и міръ и жизнь моя,
Ихъ смыслъ, и сила, и значенье.

Въ ней, какъ въ сіяньи дня,
Я увидалъ, что̀ истинно, что̀ ложно,
Что́ жизненно, что̀ призрачно, ничтожно
Во мнѣ и внѣ меня.

Когда я сердцемъ ощутилъ біенье,
Которымъ сердце билося твое,
Въ немъ міра цѣлаго вмѣстилось бытіе,
Всѣ радости людей, тревоги и стремленья.

О, свѣтъ всевоскрешающей любви!
Ты, давъ на дѣло мнѣ и на страданье силы,
Веди меня сквозь мракъ моей живой могилы
И къ дѣлу жизни вновь могучимъ призови!

---

* * *

Долиной пыльной шли мы рядомъ,
Блаженныхъ думъ полны.
Кругомъ весь міръ цвѣтущимъ садомъ
Сіялъ въ лучахъ весны.

Казалось, радостнымъ полянамъ
Изъ вѣка въ вѣкъ цвѣсти,
И къ нимъ ни бурямъ ни туманамъ
Не отыскать пути.

Мы, какъ во снѣ, остановились
У быстраго ручья.
Какъ чудно въ немъ лучи дробились,
Какъ искрилась струя!

Ты пѣла мнѣ: «Къ угрюмой дали,
Журча, бѣжитъ ручей;
Тамъ все страданья и печали,
Темна тамъ жизнь людей.

Пойдемъ—осушимъ горя слезы
Счастливою рукой,
Снесемъ имъ радость, пѣсни, розы,
Свободу, свѣтъ, покой!»

Мы шли, соединясь руками,
Надъ синей быстриной;
Ручей игралъ, сверкалъ межъ нами
Веселою волной.

Мы поцѣлуемъ обмѣняться
Черезъ него могли;
Намъ любо было пѣть, смѣяться...
Мы въ чудныхъ грезахъ шли.

Но вдругъ разсѣялъ наши грезы
Зловѣщій шумъ ручья,
Вздымалась въ немъ, полна угрозы,
Померкшая струя.

Онъ шире сталъ,—и наши руки
Невольно разлучилъ,
Темнѣла даль,—и громко звуки
Къ намъ вѣтеръ доносилъ.

Чрезъ мигъ завыла непогода...
Ручей влился въ потокъ.
Искать мы стали перехода...
Волна срывала съ ногъ.

Мы оглянулись... И за нами
Разливы бурныхъ водъ

Клубились по полямъ волнами...
Потокъ шумѣлъ: «Впередъ!»

И мы пошли... Катилась съ ревомъ
Межъ насъ уже рѣка;
Мы только обмѣняться словомъ
Могли издалека!

Намъ не сомкнуть уста и руки,
Рѣка все шире, злѣй...
И милыхъ словъ родные звуки
Доносятся слабѣй.

Ихъ заглушаютъ грозной силой
И громъ и вой рѣки,
Лишь виденъ мнѣ твой образъ милый
И знакъ твоей руки.

Зову... Во мракѣ исчезаетъ
Безслѣдно крикъ тоски
Лишь ураганъ мнѣ отвѣчаетъ
Одинъ изъ-за рѣки.

И вотъ передо мною море:
Въ него влилась рѣка...
И я одинъ... со мной лишь горе,
Тревога и тоска!

Напрасно вопли посылаю
Я съ темнымъ береговъ.
Ни мой тебѣ, ни твой, я знаю
Мнѣ не услышать зовъ.

---

* * *

Дай руку мнѣ, любовь моя,
Дай руку мнѣ смѣлѣй!
Милѣй всѣхъ благъ мнѣ рѣчь твоя
И блескъ твоихъ очей.
Не слабъ мой духъ, и твердъ мой шагъ,
И вѣрь, ребенокъ мой —

Ни грозный рокъ ни сильный врагъ
Не сломятъ насъ съ тобой.
Смѣлѣй же въ путь! Судьбѣ на зло,
Мы весело вдвоемъ,
Рука съ рукой, поднявъ чело,
Въ широкій свѣтъ пойдемъ;
Въ широкій свѣтъ, въ громадный свѣтъ,
Въ міръ вѣчной суеты
И всякихъ благъ, и всякихъ бѣдъ,
И лжи, и красоты!
Не страшенъ мнѣ безвѣстный путь,
Не вѣрю я въ злой часъ
Сильна рука моя, и грудь
Крѣпка, и зорокъ глазъ.
Что̀ намъ, что свѣтъ и золъ и грубъ?
Во мнѣ не дрогнетъ бровь—
За око—око, зубъ за зубъ,
И кровь воздать за кровь.
Смѣлѣй же вдаль, и въ шумъ, и въ гамъ,
Навстрѣчу суетѣ,
Навстрѣчу счастью и бѣда́мъ,
И лжи, и красотѣ!

ПАМЯТИ ДОБРОЛЮБОВА.

Вѣчный врагъ всего живого,
Тупоуменъ, дикъ и золъ,
Нашу жизнь, за мысль и слово,
Топчетъ произволъ.

И чѣмъ жизнь свѣтлѣй и чище,
Тѣмъ нещаднѣе судьба...
Раздвигайся же, кладбище,
Принимай гроба!

Гробъ вчера и гробъ сегодня,
Завтра гробъ... А мы стоимъ
И покорно: «власть Господня!»—
Какъ рабы, твердимъ.

Вотъ и твой смолкъ голосъ честный,
И смежился свѣтлый взглядъ,

И уложенъ въ гробъ ты тѣсный,
Отстрадавшій братъ.

Ты умолкъ; но намъ изъ гроба
Скорбный ликъ твой говоритъ:
«Что̀ жъ молчитъ въ васъ, братья, злоба
Что жъ любовь молчитъ?

Иль въ любви однѣ лишь слезы
Есть у васъ для кровныхъ бѣдъ?
Или силы для угрозы
Въ вашей злобѣ нѣтъ?

Братья! Пусть любовь васъ тѣсно
Сдвинетъ въ дружный ратный строй,
Пусть ведетъ васъ злоба въ честный
И открытый бой!»

Мы стоимъ, не слыша зова...
И, какъ прежде, дикъ и золъ,
Тризну мысли, тризну слова
Правитъ произволъ.

---

* * *

Крѣпко, дружно васъ въ объятья
Всѣхъ-бы, братья, заключилъ
И надежды, и проклятья
Съ вами, братья, раздѣлилъ.

Но тупая сила злобы
Вонъ изъ братскаго кружка
Гонитъ въ снѣжные сугробы,
Въ тьму и холодъ рудника.

Но и тамъ, на зло гоненью,
Вѣру лучшую мою
Въ молодое поколѣнье
Свято въ сердцѣ сохраню.

Въ безотрадной мглѣ изгнанья
Твердо буду свѣта ждать

И въ душѣ одно желанье
Какъ молитву, повторять

Будь борьба успѣшнѣй ваша,
Встрѣть въ бою побѣда васъ,
И минуй васъ эта чаша,
Отравляющая насъ.

---

* *
*

Если лѣтъ безстрастныхъ холодъ
Все въ тебѣ оледенилъ,
И забылъ ты, какъ любилъ,
Какъ боролся, какъ былъ молодъ;

Если юной жизни гулъ
Мирно спать тебѣ мѣшаетъ.
Чтó же гробъ тебя пугаетъ?
Въ немъ-бы крѣпче ты заснулъ

Подъ землей ужъ не наскучатъ
Дѣти шумомъ... шуму нѣтъ—
И безсонницы не мучатъ,
И проходитъ злобный бредъ.

---

* *
*

Вечеромъ душнымъ, подъ черными тучами насъ похоронятъ;
Молнія вспыхнетъ, заропщетъ рѣка, и дубрава застонетъ;
Ночь будетъ бурная; необозримою властью могучи,
Громомъ, огнемъ и дождемъ разразятся угрюмыя тучи—
И надъ могилами нашими радостный день предвѣщая,
Радуга утро раскинетъ по небу отъ края до края.

---

* *
*

Какъ долгой ночью ждетъ утра
Больной, томясь въ бреду,
Такъ въ этой безразсвѣтной тьмѣ
Я милой вѣсти жду.

День безконеченъ... грудь полна
        Невыплаканныхъ слезъ.
Наступитъ ночь—ко мнѣ бѣгутъ
        Рои зловѣщихъ грезъ.

О, только-бъ знать, что надъ тобой
        Безъ тучъ восходитъ день,
Что ясная встрѣчаешь ты
        Безъ слезъ ночную тѣнь—

Какъ стало-бы свѣтло, тепло,
        Въ холодной этой тьмѣ!
Пусть воли нѣтъ; пока придетъ,
        Есть счастье и въ тюрьмѣ!

Но дни и мѣсяцы идутъ...
        Я жду—напрасно жду...
Такъ въ ночь безсонную утра́
        Не ждетъ больной въ бреду...

———

* * *

Зимнія вьюги завыли
Въ нашихъ пустыняхъ глухихъ;
Саваномъ снѣга накрыли
Мертвыхъ онѣ и живыхъ.

Гробъ—моя темная келья,
Крыша тяжелая—сводъ;
Вѣтеръ полночный въ ущельѣ
Мнѣ панихиду поетъ.

———

* * *

Только помыслишь о волѣ, порой—
Словно повѣетъ откуда весной!
Сердце охватитъ могучая дрожь,
Полною жизнью опять заживешь.
Міръ предъ тобою широкій открытъ,
Солнце надежды надъ далью горитъ.
Ждетъ тебя дѣло великое вновь,
Счастье, тревога, борьба и любовь.

Снова идешь на родныя поля,
Трудъ и надежды съ народомъ дѣля.
Пусть будетъ снова боренье со зломъ,
Пусть и падешь ты, не сладивъ съ врагомъ,
Пусть будутъ гибель, страданья, бѣда—
Только-бъ не эта глухая чреда.

ПОСЛАНІЕ УЗНИКА.

На вашъ привѣтливый и милый,
Хотя и незнакомый зовъ,
Что́ скажетъ вамъ мой стихъ унылый
Изъ-за рѣшетокъ и замковъ?..

Подъ гнетомъ каменнаго свода
Твердишь и думаешь одно:
«Свобода... скоро-ли свобода?..»
А впереди—темно, темно!..

Но вѣрю я, что я васъ встрѣчу,
Какъ выйду вновь на вольный свѣтъ,
И вольной пѣснью вамъ отвѣчу
На добрый, ласковый привѣтъ.

А здѣсь—и стихъ мой не клеится,
И въ сердцѣ—жалобы однѣ...
Я не балованная птица,
А не поется въ клѣткѣ мнѣ

---

* * *

Вышелъ срокъ тюремный:
        По горамъ броди!
Со штыкомъ солдата
        Нѣтъ ужъ позади.
Воли больше... что́ же
        Стѣны этихъ горъ
Пуще стѣнъ тюремныхъ
        Мнѣ тѣснятъ просторъ?
Тамъ подъ темнымъ сводомъ
        Тяжело дышать,

Сердце уставало
Биться и желать.
Здѣсь, надъ головою,
Подъ лазурный сводъ
Жаворонокъ вьется
И поетъ—зоветъ!

НОЧНАЯ ПѢСНЯ СТРАННИКА.

(Изъ Гёте).

Ты, небесный, ты, святой,
Всѣ печали утоляющій,
Изнуренному борьбой
Облегченье посылающій!
Утомителенъ мой путь,
Край далекъ обѣтованный...
Миръ желанный,
Снизойди въ больную грудь!

ЭКСПРОМПТЪ АРЕСТОВАННАГО ЛОНДОНСКАГО МАЗУРИКА (POCKETBOY).

Съ полисменомъ поневолѣ
Долженъ я хлѣбъ-соль вести:
Иль они со мною въ долѣ,
Или я у нихъ въ части.

АРРІЯ.

...Передъ нимъ лежалъ
Уже наточенный кинжалъ,
И молвилъ онъ, вздохнувъ невольно:
«А разставаться съ жизнью больно».
Горда, прекрасна и блѣдна,
Стояла передъ нимъ жена.
Вдругъ ярче, радостнѣй, смѣлѣе,
Зажегся взоръ у ней. Она
Одной рукой у бѣлой шеи
Застежку платья сорвала,—
На мужа, на кинжалъ взглянула
И верхъ туники распахнула;

Свѣжа, полна, какъ снѣгъ, бѣла,
Раскрылась грудь... Еще мгновенье,—
И передъ мужемъ со стола
Она безъ страха, безъ волненья,
Другой рукой кинжалъ взяла.
Какъ лучъ, блеснулъ ударъ кинжала...
Кровь брызнула и струйкой алой
По бѣлой груди потекла.
На ложе Аррія склонилась;
Послѣдней судорогой билось
Въ ней сердце; взоръ одѣлся мглой...
Жизнь уходила молодая.
Но, холодѣющей рукой
Кинжалъ изъ раны вынимая,
Она сказала, умирая:
«Не больно вовсе, милый мой!»

ПЕРЕВОДЫ И ПОДРАЖАНІЯ.

АНГЛІЙСКІЕ ПОЭТЫ.

СПЕНСЕРЪ.

Раздумье.

Когда по небесамъ, луной неосвѣщеннымъ,
Ночь простираетъ свой покровъ;
Когда слетаетъ сонъ на ложе къ утомленнымъ
И въ мракѣ бродитъ сонмъ духовъ;
Когда надъ всѣми миръ крылами тихо вѣетъ,
Когда лишь мертвые не спятъ—
Ко мнѣ сонмъ призраковъ приблизиться не смѣетъ
И не встрѣчаетъ тѣней взглядъ...
Но въ тишинѣ ночей мое воображенье
Во мракѣ видитъ предъ собой
Другія болѣе печальныя видѣнья—
Видѣнья радости былой.

БОРНСЪ.

I.

Джону Андерсону.

Джонъ Андерсонъ, сердечный другъ!
Какъ мы сошлись съ тобой,
Былъ гладокъ лобъ твой и, какъ смоль
Былъ черенъ волосъ твой.
Теперь морщины по лицу
И снѣгъ житейскихъ вьюгъ
Въ твоихъ кудрахъ; но—Богъ храни
Тебя, сердечный другъ!
Джонъ Андерсонъ, сердечный другъ!
Мы вмѣстѣ въ гору шли,

И сколько мы счастливыхъ дней
Другъ съ другомъ провели!
Теперь намъ подъ гору плестись;
Но мы, рука съ рукой,
Пойдемъ—и вмѣстѣ подъ горой
Заснемъ, сердечный мой!

II.

Къ полевой мыши, разоренной моимъ плугомъ

Трусливый сѣренькій звѣрекъ!
Великъ же твой испугъ: ты ногъ
Не слышишь, бѣдный, подъ собой.
Поменьше трусь!
Вѣдь я не золъ—и за тобой
Не погонюсь.

Увы! съ природой наша связь
Давно навѣкъ разорвалась...
Бѣги, звѣрекъ! Хоть я, какъ ты,
Жилецъ земли
Убогій: самъ терплю бѣды,
Умру въ пыли.

Воришка ты; но какъ же быть?
Чѣмъ сталь-бы ты, бѣдняжка, жить?
Неужто колоса не взять
Тебѣ въ запасъ,
Когда такая благодать
Въ поляхъ у насъ?

Твой бѣдный домикъ разоренъ;
Почти съ землей сравнялся онъ...
И не найдешь ты въ полѣ мховъ
На новый домъ;
А вѣтеръ—грозенъ и суровъ—
Шумитъ кругомъ.

Ты видѣлъ—блекнули поля
И зимнихъ дней ждала земля;
Ты думалъ: «будетъ мнѣ тепло,
Привольно тутъ!»

И что же?—плугъ мой нанесл
На твой пріютъ.

А сколькихъ стоило хлопотъ
Сложить изъ дерна этотъ сводъ!
Пропало все—и трудъ и кровъ;
Нигдѣ вокругъ
Пріюта нѣтъ отъ холодовъ,
Отъ бѣлыхъ вьюгъ.

Но не съ тобой однимъ, звѣрекъ,
Такія шутки шутитъ рокъ!
Невѣренъ здѣсь ничей расчетъ;
Спокойно ждемъ
Мы счастья, а судьба несетъ
Невзгоду въ домъ.

И доля горестнѣй моя:
Вся въ настоящемъ жизнь твоя,
А мнѣ и въ прошломъ вспоминать
Рядъ темныхъ лѣтъ
И съ содроганьемъ ожидать
Грядущихъ бѣдъ.

III.

Къ срѣзанной плугомъ маргариткѣ.

Цвѣтокъ смиренный, полевой!
Не въ добрый часъ ты встрѣченъ мной:
Какъ велъ я плугъ, твой стебелекъ
Былъ на пути.
Краса долины, я не могъ
Тебя спасти.

Не будешь пташки ты живой,
Своей сосѣдки молодой,
Поутру, только дрогнетъ тѣнь,
Въ росѣ качать,
Когда она румяный день
Летитъ встрѣчать.

Былъ вѣтеръ сѣверный жестокъ,
Когда впервые твой ростокъ
Родную почву пробивалъ;
Въ налетѣ грозъ
Ты почву раннюю склонялъ,
Подъ бурей взросъ.

Отъ непогодъ цвѣтамъ садовъ
Защитой стѣны, тѣнь деревъ.
Случайной кочкой былъ хранимъ
Твой стебелекъ;
Въ нагихъ поляхъ ты цвѣлъ незримъ
И одинокъ.

Ты скромно въ зелени мелькалъ
Головкой снѣжною; ты ждалъ
Привѣта солнышка—и вдругъ,
Во цвѣтѣ силъ,
Тебя настигъ мой острый плугъ—
И погубилъ.

Таковъ удѣлъ цвѣтка села—
Невинной дѣвушки: свѣтла
Душой довѣрчивой, живетъ,
Не чуя бѣдъ;
Но злоба срѣжетъ и сомнетъ
Прекрасный цвѣтъ

Таковъ удѣлъ пѣвца полей:
Среди обманчивыхъ зыбей
По морю жизни онъ ведетъ
Свой хрупкій челнъ,
Пока подъ бурей не падетъ
Добычей волнъ.

Таковъ удѣлъ въ борьбѣ съ нуждой
Всѣхъ добрыхъ: гордостью людской
И зломъ на смерть осуждены,
Они несутъ—
Однихъ небесъ не лишены—
Кровавый трудъ.

Надъ маргариткой плачу я...
Но это доля и моя!
Плугъ смерти надо мной пройдетъ
И въ цвѣтѣ лѣтъ
Меня подрѣжетъ—и замретъ
Мой слабый слѣдъ.

IV.

Пахарь.

Вешнее солнце взошло надъ землей,
Пахарь-красавецъ идетъ за сохой.

Тихо идетъ онъ и громко поетъ:
«Кто-то весною, какъ пахарь, живетъ?»

Рѣзвая пташка летитъ въ небеса;
Рано проснулась: на крыльяхъ роса.

Съ пахаремъ пташка поутру поетъ,
Къ ночи подруга въ гнѣздѣ ее ждетъ.

V.

Джонъ Ячменное зерно.

Когда-то сильныхъ три царя
Царили заодно—
И порѣшили: «Сгинь ты, Джонъ
Ячменное зерно!»

Могилу вырыли сохой—
И былъ засыпанъ онъ
Сырой землею, и цари
Рѣшили: «Сгинулъ Джонъ!»

Пришла весна, тепла, ясна,
Снѣга съ полей сошли...
Вдругъ Джонъ Ячменное зерно
Выходитъ изъ земли.

И сталъ онъ полонъ, бодръ и свѣжъ
Съ приходомъ лѣтнихъ дней;
Вся въ острыхъ иглахъ голова—
И тронуть не посмѣй!

Но осень темная идетъ...
И началъ Джонъ хирѣть,
И головой поникъ—совсѣмъ
Собрался умереть.

Слабѣй, желтѣе съ каждымъ днемъ,
Все ниже гнется онъ...
И поднялись его враги:
«Теперь-то нашъ ты, Джонъ!»

Они пришли къ нему съ косой—
Снесли бѣднягу съ ногъ
И привязали на возу,
Чтобъ двинуться не могъ.

На землю бросивши потомъ,
Жестоко стали бить;
Взметнули кверху высоко—
Хотѣли закружить.

Тутъ въ яму онъ попалъ съ водой
И угодилъ на дно...
«Попробуй, выплыви-ка, Джонъ
Ячменное зерно!»

Нѣтъ, мало! Взяли изъ воды
И, на полъ положа,
Возили такъ, что въ немъ едва
Держалася душа.

Въ жестокомъ пламени сожгли
И мозгъ его костей;
А сердце мельникъ раздавилъ
Межъ двухъ своихъ камней.

Кровь сердца Джонова враги,
Пируя, стали пить,
И съ кружки начало въ сердцахъ
Ключомъ веселье бить.

Ахъ, Джонъ Ячменное зерно!
Ты чудо-молодецъ!
Погибъ ты самъ, но кровь твоя
Услада для сердецъ.

Какъ разъ заснетъ змѣя-печаль,
Все будетъ трынъ-трава...
Отретъ слезу свою бѣднякъ,
Пойдетъ плясать вдова.

Гласите жъ хоромъ: «Пусть вовѣкъ
Не сохнетъ въ кружкахъ дно,
И вѣкъ поитъ насъ кровью Джонъ
Ячменное зерно!»

VI.

Злая судьба.

Подъ знойнымъ вихремъ злой судьбы
Мой свѣжій листъ опалъ!
Подъ знойнымъ вихремъ злой судьбы
Мой свѣжій листъ опалъ!

Мой станъ былъ прямъ, побѣгъ могучъ,
Мой цвѣтъ благоухалъ,
Въ росѣ ночей, въ блистаньи дня
Я бодро возрасталъ.

Но буйный вихорь злой судьбы
Весь цвѣтъ мой оборвалъ;
Но буйный вихорь злой судьбы
Весь цвѣтъ мой оборвалъ!

ТОМАСЪ МУРЪ.

Миръ вамъ!

Миръ вамъ, почившіе братья!
Честно на полѣ сраженья легли вы;
Саваномъ былъ вамъ вашъ бранный нарядъ.

Тихо несясь на кровавыя нивы,
Васъ только тучи слезами кропятъ.
Миръ вамъ, почившіе братья!

Смерть приняла васъ въ объятья.
Дубъ, опаленный грозой, опушился
Новою зеленью съ новой весной;
Васъ же, сердца, переставшія биться,
Кто возвратитъ сторонѣ вамъ родной?
Смерть приняла васъ въ объятья.

На побѣдившемъ проклятье!
Вѣчная месть намъ завѣщана вами.
Прежде чѣмъ робко измѣнимъ мы ей,
Ляжемъ холодными трупами сами
Здѣсь же, средь этихъ кровавыхъ полей.
На побѣдившемъ проклятье!

ЛОРДЪ БАЙРОНЪ.

Изъ поэмы «Чайльдъ-Гарольдъ».

I.

Прости.

(Изъ 1-й пѣсни).

Прости, прости, мой край родной!
Ты тонешь въ лонѣ водъ.
Реветъ подъ вѣтромъ валъ морской,
Свой крикъ мнѣ чайка шлетъ.
На западъ, солнцу по пути,
Плыву во тьмѣ ночной.
Да будетъ тихъ твой сонъ! Прости,
Прости, мой край родной!

Не долго ждать: гоня туманъ,
Взойдетъ и день опять.
Увижу небо, океанъ,
Отчизны—не видать.
Заглохнетъ зáмокъ мой родной;
Травою зарастетъ
Широкій дворъ, подниметъ вой
Собака у воротъ.

Малютка, пажъ мой! Ты въ слезахъ,
    Скажи мнѣ, что съ тобой?
Иль на тебя наводитъ страхъ
    Шумъ волнъ и вѣтра вой?
Корабль мой новъ—не плачь, мой пажъ!
    Онъ цѣлъ и невредимъ.
Въ полетѣ быстрый соколъ нашъ
    Едва-ль поспоритъ съ нимъ.

«Пусть воетъ вѣтеръ, плещетъ валъ—
    Не все-ли мнѣ равно!
Не страхъ, сэръ Чайльдъ, мнѣ сердце сжалъ:
    Оно тоской полно̀.
Вѣдь я отца оставилъ тамъ,
    Оставилъ мать въ слезахъ,
Одно прибѣжище мнѣ—къ вамъ
    Да къ Богу въ небесахъ.

Отецъ, какъ сталъ благословлять,
    Былъ твердъ въ прощальный часъ,
Но долго будетъ плакать мать,
    Не осушая глазъ».
Горюй, горюй, малютка мой!
    Понятна грусть твоя...
И будь я чистъ, какъ ты, душой.
    Заплакалъ-бы и я!

А ты, мой йоменъ, что̀ притихъ?
    Что такъ поникъ челомъ?
Боишься непогодъ морскихъ
    Иль встрѣчи со врагомъ?
«Сэръ Чайльдъ, ни смерть мнѣ не страшна,
    Ни штормъ, ни врагъ, ни даль;
Но дома у меня жена:
    Ее, дѣтей мнѣ жаль!

Хоть и въ родной странѣ,
    А все жъ она—одна:
Какъ спросятъ дѣти обо мнѣ,
    Что скажетъ имъ она?»
Довольно, другъ! Ты правъ, ты правъ!
    Понятная печаль!

А я?—суровъ и дикъ мой нравъ:
Смѣясь, я ѣду въ даль.

Слезамъ лукавыхъ женскихъ глазъ
Давно не вѣрю я:
Я знаю, ихъ другой какъ разъ
Осушитъ безъ меня!
Въ грядущемъ—нечего искать,
Въ прошедшемъ все—мертвò.
Больнѣй всего, что покидать
Не жаль мнѣ ничего.

И вотъ среди пучинъ морскихъ
Одинъ остался я...
И что̀ жалѣть мнѣ о другихъ?
Чужда имъ жизнь моя.
Собака развѣ... да и та
Повоетъ день-другой,
А тамъ—была-бы лишь сыта,
Такъ я и ей чужой.

Корабль мой,—пусть тяжелъ мой путь
Въ сырой и бурной мглѣ,—
Неси меня куда-нибудь,
Лишь не къ родной землѣ!
Привѣтъ вамъ, темные валы!
И вамъ, въ концѣ пути,
Привѣтъ, пустыни и скалы!
Родной мой край, прости!

II.

Подражаніе Португальскому.

Въ часъ упоительный блаженства и любви,
Когда любуюсь я тобою, другъ прекрасный,
«*О, жизнь моя!*»—уста прелестныя твои
Мнѣ шепчутъ сладостно съ улыбкой нѣги страстной.

Хоть милыя слова гармоніей живой,
Звуча, въ моей душѣ отрадно отдаются...
Однако вспомни, другъ, что жизнь—какъ сонъ пустой,
И въ жизни дни, какъ сонъ, мгновенно пронесутся...

Что смерть, не пощадя прекрасныхъ юныхъ лѣтъ,
Неумолимо все сразитъ своей рукою—
И въ мірѣ человѣкъ исчезнетъ—будто слѣдъ,
Забытый на пескѣ и вымытый волною...

И лишь душа одна за гробомъ не умретъ...
Моя жъ любовь къ тебѣ срослась съ душой моею —
Она, какъ и душа, вѣка переживетъ,—
Такъ лучше называй меня *душой* своею...

ФЕЛИЦІЯ ГИМЕНСЪ.

I.

Убаюкай меня.

Убаюкай, родная, больную меня,
Какъ баюкала, въ люлькѣ качая!
Мнѣ изнывшее сердце, родная,
Убаюкай, крестомъ осѣня!

Головой утомленно склонилась-бы я:
Засыпаетъ цвѣтокъ ночью темной;
Отдыхаетъ и странникъ бездомный...
Убаюкай, родная, меня!

Непогодой запугана птичка твоя...
Тяжела ты мнѣ, жизнь молодая!
И зачѣмъ я любила, родная?..
Ахъ, баюкай, баюкай меня!

II.

Все, что вольно, снится мнѣ.

Все, что̀ вольно, снится мнѣ:
Голубой степной потокъ
И по яркой быстринѣ
Убѣгающій челнокъ;
Скокъ оленя въ тьмѣ лѣсовъ—
Глазъ въ огнѣ, рога къ спинѣ;
Звонъ отъ тысячи ручьевъ...
Все, что вольно, снится мнѣ.

Надъ зубцами ясныхъ горъ
Снится мнѣ полетъ орла,
Виденъ солнечный просторъ,
Слышенъ шумный взмахъ крыла.
Я иду—кусты къ рѣкѣ
Никнутъ, будто въ мирномъ снѣ...
Хоть-бы парусъ вдалекѣ!..
Все, что вольно, снится мнѣ!

Снится мнѣ дитя въ цвѣтахъ
Средь сіяющихъ полянъ;
Синей ночью при звѣздахъ
Станъ кочующихъ цыганъ;
Шумъ на людныхъ площадяхъ;
Рощи въ праздничномъ огнѣ...
Сердце сдавлено въ цѣпяхъ—
И что̀ вольно, снится мнѣ!

БАРРИ КОРНВАЛЬ.

I.

Жена каторжнаго.

У тебя клеймо на лбу
И позорно и черно;
Всѣмъ видна твоя вина,
И не смоется оно.
У тебя клеймо на лбу;
Но вездѣ пойду съ тобой.
Кто тебя полюбитъ тамъ,
Если будешь брошенъ мной?
Цѣлый міръ тебя отвергъ,
И грѣшна душа твоя.
Цѣлый міръ тебя отвергъ;
Но не я, не я, не я!
Если на̀-смерть раненъ тигръ,
Рядомъ съ нимъ лежитъ, любя,
И тигрица... Милый мой,
Я тигрица у тебя!

ТОМАСЪ ГУДЪ.

I.

Стансы.

Жизнь, прощай! Мутится умъ;
Міръ сталъ мертвенно угрюмъ;
Меркнетъ свѣтъ, и тьма растетъ,
Словно ночь, грозясь, идетъ;
Холоднѣй и холоднѣй
Сѣрый паръ ползетъ съ полей,
И дыханье розъ смѣнилъ
Запахъ тлѣнья и могилъ.
Здравствуй, жизнь! Теплѣетъ кровь;
Ожила надежда вновь;
Черный страхъ бѣжитъ, какъ тѣнь,
Отъ лучей, несущихъ день;
Быстро гонятъ тьму и хладъ
Свѣтъ, тепло и ароматъ...
Запахъ тлѣнья все слабѣй,
Запахъ розы все слышнѣй

II.

У смертнаго одра.

Всю ночь стерегли мы дыханье у ней...
Недвижно лежала она;
Въ груди колебалась слабѣй и слабѣй
Послѣдняя жизни волна.

Старались чуть внятно мы всѣ говорить,
Едва шевелились вокругъ,
Какъ будто часть жизни своей удѣлить
Хотѣли, чтобъ ожилъ нашъ другъ.

То страхомъ надежда убита была,
То страхъ былъ надеждой убитъ;
Уснула—и кажется намъ, умерла;
Скончалась—мы думаемъ, спитъ.

Туманное утро настало для насъ.
Сырая чуть дрогнула тѣнь:

А очи усопшаго друга, смежась,
Сіяющій видѣли день.

III.

Изгнаніе.

Изъ-за́ моря ласточка
Весной полетитъ,
И вѣтеръ, мнѣ вѣющій,
Твой садъ навѣститъ.
Съ тѣмъ вѣтромъ кораблкъ нашъ
Вернется домой;
А я?—не видать ужъ мнѣ
Сторонки родной!
Не мало тамъ льется слезъ—
И слезы твои
О томъ, что отъ слезъ твоихъ
Далеки мои.
И чѣмъ мы разрознены,
Родная, съ тобой?
Однимъ только моремъ-ли
Иль смертью самой?
Бѣлѣетъ-ли облачко
Вдали на волнахъ,
Мнѣ грезится домикъ нашъ
На бѣлыхъ скалахъ.
Но облачко легкое
Вспорхнетъ къ небесамъ.
Знать, заживо, милая,
Не свидѣться намъ!

IV.

Пѣсня о рубашкѣ.

Затекшіе пальцы болятъ,
И вѣки болятъ на опухшихъ глазахъ...
Швея въ своемъ жалкомъ отрепьѣ сидитъ
Съ шитьемъ и иголкой въ рукахъ.
Шьетъ—шьетъ—шьетъ,
Въ грязи, въ нищетѣ, голодна,
И жалобно горькую пѣсню поетъ—
Поетъ о рубашкѣ она.

«Работай! работай! работай,
Едва пѣтухи прокричатъ!
Работай! работай! работай,
Хоть звѣзды сквозь кровлю глядятъ!
Ахъ, лучше-бы мнѣ пропадать
Въ неволѣ у злыхъ басурманъ!
Тамъ нечего женщинѣ душу спасать,
Какъ надо у насъ, христіанъ.

«Работай! работай! работай,
Пока не сожметъ головы какъ въ тискахъ,
Работай! работай! работай,
Пока не померкнетъ въ глазахъ!
Строчку—ластовку—во̀ротъ—
Во̀ротъ—ластовку—строчку...
Пова̀литъ-ли сонъ надъ шитьемъ—и во снѣ
Строчишь все да рубишь сорочку.

«О, братья любимыхъ сестеръ!
Опора любимыхъ супругъ, матерей!
Не холстъ на рубашкахъ вы носите, нѣтъ!
А жизнь безотрадную швей
Шей—шей—шей!..
Въ грязи, въ нищетѣ, голодна,
Рубашку и саванъ одною иглой
Я шью изъ того жъ полотна.

«Но что̀ мнѣ до смерти? Ея не боюсь,
И сердце не дрогнетъ мое,
Хоть тотчасъ костлявая гостья приди...
Я тала похожа сама на нее;
Здоровье не явится вновь.
О, Боже! Зачѣмъ это дорогъ такъ хлѣбъ,
Такъ дешевы тѣло и кровь?

«Работай! работай! работай!
Мой трудъ безконечный жестокъ.
А плата? Отрепье, солома въ углу,
Да черстваго хлѣба кусокъ.
Скамейка да столъ—голый полъ—
Убогая кровля сквозится...
И то̀ любо мнѣ, какъ на сѣрой стѣнѣ
Порой моя тѣнь отразится.

«Работай! работай! работай,
Отъ боя до боя часовъ!
Работай! работай! работай,
Какъ каторжникъ въ тьмѣ рудниковъ!
Строчка—ластовка—во̀ротъ—
Во̀ротъ—строчка—рубецъ...
Застелетъ глаза, онѣмѣетъ рука,
И сердце замретъ подъ конецъ.

«Работай! работай! работай,
Когда леденѣетъ въ окошкѣ стекло:
Работай! работай! работай,
Когда и свѣтло и тепло—
И ласточки, къ выступамъ кровли лѣпясь,
Щебечутъ въ сіяніи дня,
И кажутъ мнѣ яркія спинки свои,
И дразнятъ весною меня.

«О! только-бы разъ подышать
Дыханьемъ луговъ, полевыми цвѣтами!
Вверху только небо одно,
Трава и цвѣты подъ ногами.
О! только-бы часъ лишь пожить
Блаженствомъ младенческихъ лѣтъ,
Когда я не знала, что буду цѣнить
Дороже прогулки обѣдъ!

«О! только-бы часъ лишь одинъ!
Лишь мигъ!.. чтобъ душа ожила...
Любовь и надежда, и мига вамъ нѣтъ;
Все время печаль отняла.
Поплакать бы—легче бы сердцу отъ слезъ...
Нѣтъ, слезы мои! не теките!
Иголкѣ моей не мѣшайте вы шить!
Шитья моего не мочите!»

Затекшіе пальцы болятъ,
И вѣки болятъ на опухшихъ глазахъ...
Швея въ своемъ жалкомъ отрепьѣ сидитъ
Съ шитьемъ и иголкой въ рукахъ.
Шьетъ—шьетъ—шьетъ,
Въ грязи, въ нищетѣ, голодна,
И жалобно горькую пѣсню поетъ..
Иль пѣсня та къ вамъ, богачи, не дойдетъ?..
Поетъ о рубашкѣ она.

———

ГЕНРИ ЛОНГФЕЛЛО

I.

ПѢСНИ О НЕВОЛЬНИЧЕСТВѢ.

1.

Къ Вильяму Чаннингу.

Когда изъ книги мнѣ звучалъ
Твой голосъ величаво, строго,
Я сердцемъ трепетнымъ взывалъ:
«Хвала тебѣ, служитель Бога!»
Хвала! Твоя святая рѣчь
Немолчно пусть звучитъ народу!
Твои слова—разящій мечъ
Въ священной битвѣ за свободу.
Не прерывай свой грозный кличъ,
Покуда ложъ—закономъ вѣка,
Пока здѣсь цѣпь, клеймо и бичъ
Позорятъ званье человѣка!
Во глубинѣ твоей души
Господень голосъ непрестанно
Зоветъ тебя: «Пророкъ! пиши!»
Какъ на Патмосѣ Іоанна.
Пиши кровавыя дѣла
И возвѣсти день скорби слезной,
День гнѣва надъ пучиной зла,
Апокалипсисъ этотъ грозный!

2.

Сонъ невольника.

Истомленный, на рисовой нивѣ онъ спалъ.
    Грудь открытую жегъ ему зной.
Серпъ остался въ рукѣ—и въ горячемъ пескѣ
    Онъ курчавой тонулъ головой.
Подъ туманомъ и тѣнью глубокаго сна
    Снова видѣлъ онъ край свой родной.

Тихо царственный Нигеръ катился предъ нимъ,
    Уходя въ безграничный просторъ.

Онъ царемъ былъ опять, и на пальмахъ родныхъ
Отдыхалъ средь полей его взоръ.
И, звеня и гремя, опускалися въ долъ
Караваны съ сіяющихъ горъ

И опять черноокой царицѣ своей
Съ нѣжной лаской глядѣлъ онъ въ глаза,
И дѣтей обнималъ—и опять услыхалъ
И родныхъ и друзей голоса.
Тихо дрогнули сонныя вѣки его,
И съ лица покатилась слеза.

И на борзомъ конѣ вдоль рѣки онъ скакалъ
По знакомымъ, роднымъ берегамъ...
Въ серебрѣ повода̀, золотая узда...
Громкій топотъ звучалъ по полямъ
Средь глухой тишины, и стучали ножны
Длинной сабли коню по бокамъ.

Впереди, словно красный кровавый платокъ,
Ярко-красный фламинго летѣлъ.
Вслѣдъ за нимъ онъ до ночи скакалъ по лугамъ
Гдѣ кругомъ тамариндъ зеленѣлъ.
Показалися хижины кафровъ—и вотъ
Океанъ передъ нимъ засинѣлъ.

Ночью слышалъ онъ ревъ и рыканіе льва,
И гіены пронзительный вой;
Слышалъ онъ, какъ въ пустынной рѣкѣ бегемотъ
Мялъ тростникъ своей тяжкой стопой...
И надъ соннымъ пронесся торжественный гулъ,
Словно радостный кликъ боевой.

Миріадой немолчныхъ своихъ языковъ
О свободѣ гласили лѣса;
Кличемъ воли въ дыханьи пустыни неслись
И земли и небесъ голоса...
И улыбка и трепетъ пошли по лицу,
И смежилися крѣпче глаза.

Онъ не чувствовалъ зноя; не слышалъ, какъ бичъ
Провизжалъ у него надъ спиной...

Царство сна озарила сіяніемъ смерть,
И на нивѣ остался—нѣмой
И безжизненный трупъ: перетертая цѣпь,
Сокрушенная вольной душой.

3.

Благая часть, яже не отымется.

Она живетъ у водъ Кенгавы,
Въ средѣ чужихъ дѣтей.
Ей школа—все; надежды, славы
Другой не нужно ей.

Какъ кроетъ все одеждой ясной
Цвѣтущая весна,
Такъ святостью души прекрасной
Объемлетъ всѣхъ она.

Сама съ дѣтьми въ поляхъ играетъ,
Всѣ съ лаской жмутся къ ней,
И кроткій взглядъ ея смиряетъ
Упрямыхъ дикарей.

Подъ вечеръ слушать всѣ готовы
О Томъ, Кто въ міръ грѣховъ
Пришелъ снять съ узника оковы,
Освободить рабовъ.

«Придетъ пора—всѣ будутъ вольны!
По всей землѣ—по всей—
Какъ звонъ раздастся колокольный
Звукъ порванныхъ цѣпей!»

Такъ, слѣдуя Христа ученью,
Смиренна и бѣдна,
Себя лишь ближнимъ на служенье
Всю обрекла она.

И у нея богатство было;
Но, помня Божій страхъ,
Она рабовъ освободила
И въ домѣ и въ поляхъ

Всѣ за̀ моремъ они, на волѣ,
        Въ краю своемъ родномъ,
Она жъ живетъ въ смиренной долѣ
        Дневнымъ своимъ трудомъ...

Горячей силой ихъ молитвы
        Отъ бѣдъ охранена,
Какъ ангелъ, средь житейской битвы,
        Спокойна и ясна!

4.

Невольникъ въ проклятомъ болотѣ.

Въ проклятомъ болотѣ, въ трущобѣ лѣсной,
        Бѣжавшій невольникъ лежалъ.
Онъ видѣлъ—костеръ зажигали ночной;
Онъ слышалъ собакъ, за нимъ рыскавшихъ,
        И топотъ коней различалъ.

Гдѣ свѣтятся искры блудящихъ огней
        Въ болотной травѣ, по кустамъ,
Гдѣ лѣпится мохъ у древесныхъ корней
И лозы—всѣ въ пятнахъ, какъ кожа у змѣй—
        Ползутъ по кедровымъ стволамъ;

Куда человѣкъ заглянуть-бы не смѣлъ,
        Гдѣ въ зыбкой трясинѣ кругомъ
Увлаженный дернъ подъ ногами скрипѣлъ,
Въ колючей и вязкой травѣ онъ засѣлъ,
        Какъ звѣрь въ логовищѣ своемъ.

Несчастный старикъ, истомленный, больной,
        Лицо все въ глубокихъ рубцахъ,
Какъ въ клеймахъ позорныхъ. Одеждой худой
Не могъ онъ прикрыть и позоръ свой другой—
        Слѣды отъ бича на плечахъ.

Свѣтло и прекрасно на свѣтѣ всему,
        Свобода и радость есть всѣмъ!
Вотъ векша скакнула, вотъ въ сонную тьму
Пѣснь вольная птицъ донеслася къ нему—
        А онъ неподвиженъ и нѣмъ!

Разсвѣта не видѣлъ онъ въ жизненной мглѣ,
Въ неволѣ, въ цѣпяхъ, подъ бичомъ...
Какъ Каинъ, проклятье онъ несъ на челѣ,
Безвыходнымъ рабствомъ придавленъ къ землѣ,
Какъ колосъ тяжелымъ цѣпомъ!

5.

Пѣніе невольника въ полночь.

Гимнъ Давида вдохновенный—
Рабъ и негръ—онъ громко пѣлъ;
Пѣлъ Сіонъ освобожденный,
Громъ побѣдъ и славныхъ дѣлъ.

Ночь была тиха, спокойна,
Все объято было сномъ,
И звучалъ полнò и стройно
Голосъ въ воздухѣ ночномъ.

Не такой-ли гимнъ свободный
Слышалъ черный фараонъ,
Какъ грозой пучины водной
Былъ съ войсками окруженъ?

Въ глубь души мнѣ мощно, страстно
Голосъ негра проникалъ;
То торжественно и ясно,
То стенаньемъ онъ звучалъ.

Павелъ съ Силой въ заточеньи
Пѣснью славили Христа,
И въ ту ночь землетрясеньемъ
Дверь была имъ отперта.

Ангелъ вѣстникомъ спасенья
Къ негру явится-ль въ тюрьму?
Дверь тюрьмы землетрясенье
Распахнетъ ли и ему?

6.

Свидѣтели.

Въ пучинахъ глубокаго моря,
Схоронены въ зыбкихъ пескахъ,
Лежатъ позабытые всѣми
Людскіе скелеты въ цѣпяхъ.

Въ глуби, гдѣ подъ вѣчнымъ волненьемъ
Недвижимо воды легли,
Со всѣмъ своимъ людомъ и грузомъ
Недвижно стоятъ корабли.

Надъ моремъ шумящія бури
Не хлещутъ изъ черныхъ боковъ,
И въ тѣхъ корабляхъ—все скелеты,
Въ тяжелыхъ запястьяхъ оковъ.

То бѣдныхъ невольниковъ кости!
Бѣлѣя средь пагубной тьмы,
Изъ темныхъ валовъ они громко
Взываютъ: «Свидѣтели мы!»

Есть рынки на нашей просторной
Землѣ, гдѣ людей продаютъ:
Ярмо имъ вдѣваютъ на шею
И ноги имъ въ цѣпи куютъ.

Безъ гроба валяются трупы
Въ пустынѣ, на снѣдь коршунàмъ;
Убійства мерещатся дѣтямъ,
Мѣшая имъ спать по ночамъ.

Корысть ненасытная, похоть,
Кичливый, безстыдный порокъ,
Кровавыя мысли, злодѣйство,
Мутящія жизни потокъ!

Несется вамъ кликъ обвиненья
Изъ этой невѣдомой тьмы.
Изъ тайныхъ могилъ своихъ кости
Взываютъ: «Свидѣтели мы!»

7.

Кватронка.

Повѣсивъ праздно паруса,
Корабль въ заливѣ ждалъ,
Чтобъ мѣсяцъ вышелъ въ небеса,
И вздулся темный валъ.

Причаливъ къ берегу въ челнѣ,
Рабочій людъ слѣдилъ,
Какъ аллигаторъ ползъ на днѣ
Улечься въ мягкій илъ.

А воздухъ вкругъ благоухалъ
Отъ травъ и отъ цвѣтовъ,
Какъ будто рай порой дышалъ
На этотъ міръ грѣховъ.

Плантаторъ въ шалашѣ своемъ
Задумчиво курилъ;
Купецъ, прибывшій съ кораблемъ,
Окончить торгъ спѣшилъ.

Онъ молвилъ: «Не гостить привелъ
Я свой корабль въ заливъ,
Я жду, чтобъ мѣсяцъ лишь взошелъ,
Да начался приливъ».

Въ лицѣ съ предчувствіемъ нѣмымъ,
Робка и хороша,
Кватронка-дѣвушка предъ нимъ
Стояла, чуть дыша.

Большіе искрились глаза;
По груди молодой
Спускалась черная коса
До юбочки цвѣтной.

Улыбки свѣтъ въ лицѣ у ней
Мерцалъ, такъ святъ и тихъ,
Какъ свѣтъ лампадъ въ углу церквей
На ликѣ у святыхъ.

Плантаторъ думалъ: «Старъ мой домъ,
И проку нѣтъ въ землѣ!»
Взглянулъ на дѣвушку—потомъ
На деньги на столѣ.

Въ душѣ смущенной верхъ брала
То жадность, то любовь.
Онъ зналъ, чья страсть ей жизнь дала,
И чья текла въ ней кровь.

Но глубь души была черна:
Онъ не осилилъ зла—
И деньги взялъ. Тутъ вся она
Застыла, замерла.

И жертву новую свою
Купецъ повелъ съ собой,
Чтобъ быть ему въ чужомъ краю
Наложницей, рабой.

8.

Предостереженіе.

Припомните еврейское сказанье
О мужѣ томъ, что̀ растерзалъ рукой,
Какъ агнца, льва, какъ—жалкій и слѣпой—
Не видя свѣта Божья, истязанья
Онъ отъ враговъ терпѣлъ, лишенный силъ
И жерновъ цѣлый день въ тюрьмѣ кружилъ;
Какъ, наконецъ, на пиръ изъ заточенья
Былъ приведенъ—сносить враговъ глумленья.

Въ отчаяньи, средь пира, обнялъ онъ
Столпы громадной храмины руками—
Шатнулся сводъ надъ пирными столами,
И стѣны рухнули со всѣхъ сторонъ.
При грохотѣ разрушеннаго зданья
Смѣшились страшнымъ воплемъ ликованья.
Погибъ и рабъ, несчастный и слѣпой,
Но тысячи похоронилъ съ собой.

II.

Excelsior!

Ужъ альпы крыла ночь туманомъ.
Селомъ, схороненнымъ въ снѣгахъ,
Шелъ юный путникъ и въ рукахъ
Несъ знамя съ начертаньемъ страннымъ:
Excelsior!

Чело задумчиво и строго;
Но взглядъ, какъ обнаженный мечъ,
Порой сверкалъ; звучала рѣчь,
Какъ звонъ серебрянаго рога:
Excelsior!

Вокругъ сверкали такъ привѣтно
Въ домахъ огни, а съ высоты,
Какъ призраки, грозили льды;
Но онъ шепталъ свой кличъ завѣтный:
Excelsior!

ЧАРЛЬЗЪ ЛЕМБЪ.

Былыя знакомыя лица.

Ахъ, гдѣ вы, товарищи, спутники жизни,
Въ дни дѣтства, въ веселое школьное время...
Всѣ, всѣ унеслися былыя знакомыя лица...

Бывало, смѣялся,—бывало, мечталъ я;
Пилъ поздно и поздно сидѣлъ я съ гостями:
Всѣ, всѣ унеслися былыя знакомыя лица...

Любилъ я, она же была такъ прекрасна!
Но дверь къ ней закрыта: ея не видать мнѣ!
Всѣ, всѣ унеслися былыя знакомыя лица!..

Былъ другъ у меня; у кого онъ былъ лучше?
Его я покинулъ, недобрый—покинулъ...
И только остаюся помнить знакомыя лица.

Какъ призракъ прошелъ я все юности поле;
Свѣтъ, мнилось,—пустыня; бреди да ищи лишь,
Куда унеслися былыя знакомыя лица.

Мой другъ, лучшій брата! Ты если бъ родился,
Въ дому у отца моего мы могли-бы
Съ тобой говорить про былыя знакомыя лица,

Какъ умеръ одинъ, какъ другой самъ покинулъ,
Какъ тотъ удаленъ былъ другими,—исчезли
Всѣ,—всѣ унеслися былыя знакомыя лица.

ЭБЕНЗЕРЪ ЭЛЛІОТЪ.

Надгробіе поэта.

Вашъ общій братъ схороненъ здѣсь,
Пѣвецъ скорбей людскихъ.
Поля и рѣки—небо—лѣсъ,—
Онъ книгъ не зналъ иныхъ.

Его скорбѣть учило зло—
Тиранство—стонъ раба—
Столица—фабрика—село—
Тюрьма—чертогъ—гроба.

Повсюду онъ порокъ встрѣчалъ...
Какъ быть! Онъ чистоты
Отъ тины жизни и не ждалъ,
Въ страстяхъ, въ скорбяхъ нужды.

Не тронулъ онъ червя въ пыли
Презрѣньемъ, словомъ злымъ,—
И нищій съ сильными земли
Былъ равенъ передъ нимъ.

Онъ славилъ тѣхъ, кто бѣднякамъ
Служилъ своимъ добромъ,
И слалъ проклятье богачамъ,
Живущимъ грабежомъ.

Все человѣчество
И, честнымъ сердцемъ смѣлъ,
Враговъ народа онъ клеймилъ
И громко Правду пѣлъ.

АЛЬФРЕДЪ ТЕННИСОНЪ.

Годива.

Я поджидалъ поѣзда въ Ковентри
И на мосту стоялъ съ толпой народа,
На три высокихъ, древнихъ башни глядя—
И старое преданье городское
Мнѣ вспомнилось. Не мы одни—позднѣйшій
Посѣвъ временъ, новѣйшей эры люди,
Что мчимся вдаль, пути не замѣчая,
И прошлое хулимъ, и громко споримъ
О лжи и правдѣ, о добрѣ и злѣ—
Не мы одни любить народъ умѣли
И скорбь его душою понимать.
Не такъ, какъ мы (тому теперь десятый
Минуетъ вѣкъ), не такъ, какъ мы, народу
Не словомъ—дѣломъ помогла Годива,
Супруга графа грознаго, что правилъ
Всевластно въ Ковентри. Когда свой городъ
Онъ податью тяжелой обложилъ
И матери сошлись толпами къ замку,
Неся дѣтей, и плакались: «Коль подать
Заплатимъ—всѣ мы съ голоду помремъ!»
Онъ пошла къ супругу. Онъ одинъ
Шагалъ по залѣ средь собачьей стаи;
На пядь впередъ торчала борода,
И на локоть торчали космы.
Про общій плачъ Годива разсказала
И мужа умоляла: «Если подать
Они заплатятъ—съ голоду умрутъ!»
Онъ странно на нее глаза уставилъ
И молвилъ: «Полноте! Вы не дадите
Мизинца уколоть за эту сволочь!»
—«Я умереть готова!»—возразила
Ему Годива. Онъ захохоталъ;
Петромъ и Павломъ клялся, что не вѣритъ;
Потомъ по брилліантовой сережкѣ
Ей щелкнулъ—и сказалъ: «Слова! слова!»
«Скажите, чѣмъ,—промолвила она:—
Мнѣ доказать? Потребуйте любого!»
И сердцемъ жесткимъ, какъ рука Исава,

Графъ испытанье выдумалъ. «Ступайте
На лошади по городу нагая—
И отмѣню!» Насмѣшливо кивнулъ
Онъ головой — и ровными шагами
Пошелъ, съ собой собачью стаю кликча.
Когда одна осталася Годива,
Въ ней мысли, словно бѣшеные вихри,
Кружились и боролися другъ съ другомъ,
Пока не побѣдило состраданье.
Она отправила герольда въ городъ,
Чтобъ съ трубнымъ звукомъ всѣмъ онъ возвѣстилъ,
Что графъ назначилъ тяжкое условье;
Но что она спасти народъ рѣшилась.
«Они меня всѣ любятъ,—говорила:—
Такъ пусть до полдня ни одна нога
Не ступитъ, ни одинъ не взглянетъ глазъ
На улицу, когда я ѣхать буду;
Пусть посидятъ покамѣсть дома всѣ,
Затворятъ двери и закроютъ окна».

Потомъ пошла она въ свою свѣтлицу
И пряжку пояса съ двумя орлами,
Подарокъ злого лорда своего,
Тамъ разстегнула. Но у ней стѣснилось
Дыханье—и замедлилась она,
Какъ медлитъ въ бѣлой тучкѣ лѣтній мѣсяцъ.
Опомнившись, тряхнула головой—
И до колѣнъ разсыпались волнами
Ея густые волосы. Поспѣшно
Она одежду сбросила и стала
Украдкою по лѣстницѣ спускаться.
Какъ лучъ дневной между колоннъ скользитъ,
Такъ и Годива кралась отъ колонны
Къ колоннѣ—и въ воротахъ очутилась.
Тутъ конь ея стоялъ ужъ наготовѣ,
Весь въ пурпурѣ и въ золотыхъ гербахъ.

И на конѣ поѣхала Годива,
Одѣта цѣломудріемъ. Казалось,
Вокругъ нея весь воздухъ притаился,
И вѣтерокъ едва дышалъ отъ страха.
И щурились исподтишка лукаво

На желобахъ съ широкой пастью рожи.
Дворняжка гдѣ-то тявкнула — и щеки
Годивы вспыхнули. Шаги коня
Ее кидали и въ ознобъ и въ трепетъ.
Казалось ей, что всѣ въ щеляхъ коварныхъ
Глухія стѣны, что затѣмъ тѣснятся
Надъ головой у ней шпили домовъ,
Чтобъ на нее взглянуть изъ любопытства.
Но ѣхала и ѣхала Година,
Пока предъ ней въ готическія арки
Градской стѣны не показалось поле,
Сіяя бѣлымъ цвѣтомъ бузины.

Тогда она поѣхала назадъ,
Одѣта цѣломудріемъ. Въ то время
Одинъ несчастный, никогда не знавшій
Біенья благодарности въ груди
И бранному присловью давшій имя,
Дыру въ закрытомъ ставнѣ пробуравилъ
И, весь дрожа, лицомъ къ нему припалъ,
Но не успѣлъ желанья утолить,
Какъ у него глаза одѣлись мракомъ—
И вытекли. Такъ сила дѣлъ благихъ
Сражаетъ злыя чувства. Ничего
Не вѣдая, проѣхала Година—
И съ сотни башенъ разомъ сотней мѣдныхъ
Звенящихъ языковъ безстыдный полдень
Весь городъ огласилъ. Она поспѣшно
Вошла въ свою свѣтлицу и надѣла
Тамъ мантію и графскую корону,
И къ мужу вышла, и съ народа подать
Сняла, и въ памяти людской навѣки
Оставила свое святое имя.

ПОДРАЖАНІЕ АНГЛІЙСКОМУ.

О! ежели порой, въ завѣтный часъ свиданья,—
Когда наединѣ съ тобою я сижу
И, гордый счастіемъ тобою обладанья,
Безмолвный, на тебя восторженно гляжу,—

Замѣтишь ты, мой другъ, что облако печали
Нахмуритъ мнѣ чело, изъ груди невзначай
Вздохъ тяжкій вырвется, туманнѣй взоры стали..
О, милый другъ, молю, меня не упрекай:
Вѣрь, то давнишнее, пережитое горе,
Внезапно всплывшее изъ глубины души,
Что въ немъ, оставь его,—оно опять, какъ море,
Туда опустится, чтобъ замереть въ тиши!..

ДВА ВОРОНА

(Шотландская баллада).

На дубѣ два ворона страшныхъ сидятъ;
Ихъ крылья, какъ черные угли, блестятъ.
Товарищу воронъ одинъ говоритъ:
«Кто нынче обѣдомъ насъ, братъ, угоститъ?
У синяго ль моря, средь мягкихъ песковъ,
У темнаго-ль лѣса обѣдь мнѣ готовъ?.

«У взморья на вязкомъ пескѣ я гулялъ...
Красивый корабль къ берегамъ приставалъ.
Я клювъ приготовилъ,—ударилъ крыломъ...
Погибъ онъ,—проклятія слышались въ немъ...
На берегѣ много тамъ мертвыхъ пловцовъ...
У синяго моря обѣдъ мнѣ готовъ...»

— Въ глубокой долинѣ, у чащи лѣсной
Убитый лежитъ удалецъ молодой...
Подъ свѣжею кровью поблекла трава...
Съ нимъ ножикъ широкій, большая стрѣла.
О смерти красавца не знаетъ никто:
Лишь песъ, да соколъ, да хозяйка его.

Съ охотникомъ песъ на охоту пошелъ,
Имъ дичь выгоняетъ изъ лѣса соколъ...
Хозяйка другого красавца нашла
И съ милымъ далеко отсюда ушла;
Въ обѣдѣ никто намъ не будетъ мѣшать...
Летимъ лучше въ лѣсъ мы добычу клевать!

Обѣдъ твой на бѣлой груди у неог;
Я жъ выклюю синія очи его.

Ты русыя кудри его оборви,—
Гнѣздо свое ими теплѣй уложи;
Пушокъ молодой съ его русыхъ усовъ
Возьму для своихъ я малютокъ-птенцовъ.

Постель молодца и жестка и хладна...
Съ нимъ вьюга лѣсная играетъ одна...
Подушка изъ дерна, и камень въ ногахъ:
Онъ спитъ; не сидитъ надъ нимъ дѣва въ слезахъ.
Надъ трупомъ порой лишь орелъ пролетитъ,
Да взвоетъ лисица,—олень пробѣжитъ...

ВИЛЛИ И МАРГАРИТА.

(Шотландская баллада).

Вилли въ конюшнѣ у стойла стоитъ,
Гладитъ коня своего.
На руку бѣлую вдругъ полилась
Изъ носу кровь у него.

«Матушка, корму коню положи!
Ужинать конюху дай!
Ѣду сейчасъ къ Маргаритѣ: поспѣть
Засвѣтло надо. Прощай!»

— Вилли, останься! Не ѣзди, родной!
Вѣтеръ студеный шумитъ;
Смеркнется скоро, а ночи темны...
Путь черезъ рѣчку лежитъ.

«Пусть не бывало темнѣе ночей,
Вѣтра сильнѣй, холоднѣй—
Ѣду сейчасъ къ Маргаритѣ: поспѣть
Засвѣтло надо мнѣ къ ней».

—Вилли, не ѣзди! Поѣдешь—добра
Ты и не жди! Прокляну!
Клейдъ и широкъ и глубокъ—и пойдешь
Ты словно камень ко дну.

Онъ осѣдлалъ вороного коня,
Сѣлъ на него — и погналъ.

Клейдъ еще былъ далеко, а въ поляхъ
Вѣтеръ и вылъ и стоналъ.

Вилли въ долину съѣзжаетъ съ холма:
Вся потемнѣла рѣка;
Звѣремъ реветъ она, бѣшено бьетъ
Темной волной въ берега.

Сердцемъ онъ пылокъ, отваженъ душой:
Клейду-ль его испугать?
Только звучитъ все въ ушахъ у него,
Словно клянетъ его мать.

Вплавь на конѣ переправился онъ,
Какъ ни бурлила рѣка;
Къ милой поспѣлъ онъ ужъ въ темной ночи...
Спятъ всѣ; нигдѣ огонька.

Долго вкругъ дома ходилъ онъ, стучалъ
Долго у двери кольцомъ...
Дверь на замкѣ, и всѣ окна темны—
Словно какъ вымеръ весь домъ.

«Ахъ, отвори, Маргарита моя!
Ахъ, отвори поскорѣй!
Мерзнетъ вода у меня въ сапогахъ,
Весь я продрогъ до костей».

— Какъ тебѣ, Вилли, я дверь отворю?
Матушка спать улеглась;
Петли скрипятъ, половицы скрипятъ.
Встану, проснется какъ разъ.

«Если къ себѣ ты не пустишь меня,
Съ Вилли не будетъ добра,
Ты мнѣ хоть уголъ какой укажи,
Гдѣ бъ отдохнуть до утра».

— Вилли, нельзя тебѣ здѣсь ночевать;
Поздно пріѣхалъ ко мнѣ;
Были три горницы въ домѣ пустыхъ;
Заняты нынче онѣ:

Хлѣбомъ одна, и соломой одна;
Въ третьей пріѣзжіе спятъ—
Три молодца разудалыхъ: они
Завтра весь день прогостятъ.

«Богъ же съ тобой, Маргарита! Прощай!
Вижу, ты хочешь мнѣ зла;
Видно недаромъ, какъ ѣхалъ къ тебѣ,
Мать меня грозно кляла».

Сѣлъ онъ, погналъ вороного коня;
Сердце въ немъ ныло тоской.
По полю вѣтеръ и вылъ и стоналъ;
Небо темнѣло грозой.

Вилли въ долину съѣзжаетъ съ холма:
Вся почернѣла рѣка;
Звѣремъ реветъ она, бѣшено бьетъ
Черной волной въ берега.

Съ берега въ воду спустилъ онъ коня,
Самъ же дрожитъ весь, какъ листъ.
Вѣтеръ, кидаясь по бурнымъ волнамъ,
Вырвалъ изъ рукъ его хлыстъ.

Вилли поймать его хочетъ; къ водѣ
Онъ наклонился съ сѣдла.
Буря, кидаясь по темнымъ волнамъ,
Шляпу съ него сорвала.

Вилли поймать ее хочетъ; къ водѣ
Онъ наклонился съ сѣдла.
Буря, кидаясь по чернымъ волнамъ,
Вилли съ коня сорвала.

Съ берега братъ ему старшій кричитъ:
«Очень же, малый, ты простъ!
Плавать не можешь, такъ зналъ-бы держалъ
Крѣпче коня хоть за хвостъ!»

— Плавай, не плавай—бѣды не избыть!
Что мнѣ держаться коня?

Мать, провожая, на смерть обрекла
Грознымъ проклятьемъ меня!»—

Молвилъ и камнемъ онъ въ воду пошелъ,
И не поднялся со дна.
Временемъ тѣмъ Маргарита его
Вдругъ пробудилась отъ сна.

«Матушка, встань! Разгадай мнѣ мой сонъ!
Снилась мнѣ бурная ночь...
Снилось мнѣ: милый стучалъ у дверей;
Ты прогнала его прочь».

— Спи, Маргарита, родное дитя!
Спи, не страшись ничего!
Милый твой былъ, и тебя онъ будилъ;
Я не впустила его.

Тихо съ постели тутъ дочь поднялась;
Къ двери идетъ и дрожитъ...
Изъ дому вышла—кричитъ и зоветъ...
Вѣтеръ все пуще шумитъ.

Къ Клейдскимъ волнамъ прибѣжала она;
Въ воду ступила ногой...
«Господи Боже мой! Грозенъ ты, Клейдъ:
Видно, не быть мнѣ живой!»

Дальше ступила, по бѣлую грудь
Въ бурныя волны ушла.
«Глубже пойду я, грозы не боюсь,
Только-бы Вилли нашла!»

Глубже ступила... Ужъ вѣтеръ волной
Ей черезъ плечи плескалъ;
Вдругъ обо что-то запнулась она:
Тутъ ея Вилли лежалъ.

«Вилли, мой другъ! Недобра къ тебѣ мать;
Мать и ко мнѣ недобра...
Вмѣстѣ мы ляжемъ и вмѣстѣ уснемъ,
Словно какъ братъ и сестра!»

——————

НѢМЕЦКІЕ ПОЭТЫ.

ШУБАРТЪ.

Вѣчный жидъ.

Изъ темнаго ущелія Кармила
На солнце выползъ Агасферъ. Другое
Тысячелѣтье шло къ концу съ тѣхъ поръ
Какъ онъ бродилъ, бичуемый тревогой,
По всѣмъ странамъ... Когда, идя на казнь,
Христосъ подъ крестной ношею склонился
И отдохнуть у двери Агасфера
На мигъ остановился,—Агасферъ
Его сурово оттолкнулъ,—и дальше
Пошелъ Христосъ и палъ подъ ношей тяжкой
Безъ слова, безъ стенанья. Тутъ предсталъ
Предъ Агасфера грозный агнелъ Смерти
И съ гнѣвнымъ взглядомъ молвилъ: «Отдохнуть
Ты сыну человѣческому не далъ;
Не знай же самъ ты отдыха отнынѣ,
Безчеловѣчный, до его второго
Пришествія!»
И черный адскій демонъ
Гналъ Агасфера изъ страны въ страну,—
И не было гонимому ни сладкой
Надежды умереть, ни утѣшенья
Найти успокоеніе въ могилѣ.
Изъ темнаго ущелія Кармила
На солнце вышелъ Агасферъ. Съ лица
И съ бороды стряхнулъ онъ пыль; изъ груды
Костей, нагроможденныхъ тутъ, взялъ черепъ
И по горѣ метнулъ его съ размаха.
Запрыгалъ черепъ, зазвенѣлъ о камни—
И разлетѣлся вдребезги. «То былъ
Отецъ мой!»—Агасферъ проскрежеталъ.
Еще схватилъ онъ черепъ—и еще...
Семь череповъ, кружася, покатились
Съ утеса на утесъ. «А это—это были
Мои все дѣти!—скрежеталъ несчастный:—
И умерли! Они могли!.. А я,
Отверженный, я не могу! Нѣтъ смерти!

Грознѣйшій судъ мучительнѣйшей карой
Навѣки надо мной отяготѣлъ.

«И палъ Іерусалимъ. Я съ лютой злобой
Смотрѣлъ, какъ мрутъ другіе,—и кидался
Въ объятья пламени,—и ярой бранью
Дразнилъ мечъ римлянъ. Грозное проклятье
Меня, какъ бронь, хранило: я не умеръ!

«И рухнулъ Римъ, всесвѣтный исполинъ.
Я голову и грудь свою подставилъ.
Онъ рухнулъ и меня не раздавилъ...
Передо мною націи рождались
И умирали; я же оставался,
Не умиралъ!.. Съ вершинъ, одѣтыхъ въ тучи,
Кидался я въ пучину; но приливъ
Меня волною выносилъ на сушу,
И жгучій ядъ существованья снова
Меня палилъ... Къ запекшемуся зѣву
Вулкана я взобрался. Я скатился
Въ его утробу. Тамъ стоналъ и вылъ
Я десять мѣсяцевъ въ чаду и мракѣ;
Ногтями рылъ курящееся устье...
И огненная матка разродилась
Потокомъ лавы и меня опять
Изъ пламеннаго выкинула зѣва,
И въ пеплѣ шевельнулся я—живой!

«Въ горящій лѣсъ я бросился. Я бѣгалъ,
Бѣснуясь, средь пылающихъ деревьевъ;
Съ волосъ своихъ они меня кропили
Огнемъ,—и пухло тѣло у меня,
И ныла кость. Но не горѣлъ я! живъ.

«И ринулся я въ дикій пылъ войны.
Въ грозѣ кровавыхъ битвъ съ врагомъ сходился
Лицомъ къ лицу. Ругательствомъ поноснымъ
Я разжигалъ и галла и германца,
Но отъ меня отскакивали стрѣлы;
Обламывались копья объ меня;
Объ черепъ мой въ осколки разлетались
Кривыя сабли сарациновъ. Пули
Въ меня летѣли градомъ—какъ горохъ,

Въ желѣзный панцырь. Молніи сраженья,
Смѣясь, мнѣ опоясывали тѣло,
И—какъ утесъ, зубчатою вершиной
Поднявшійся за тучи—оставался
Я невредимъ. Напрасно слонъ меня
Топталъ, напрасно конь своимъ желѣзнымъ
Копытомъ билъ, дыбясь средь ярой сѣчи!..
Пороховой подземный взрывъ меня
Высоко взбросилъ; оглушенный, тяжко
Упалъ на землю я—и очутился
Средь изможденныхъ труповъ, весь обрызганъ
Ихъ кровью, мозгомъ—живъ и невредимъ!

«На мнѣ ломались молотъ и топоръ;
У палачей мертвѣли руки; зубы
У тигровъ притуплялись. Въ циркѣ левъ
Голодный растерзать меня не могъ.
Я подползалъ къ норѣ гремучихъ змѣй,
Кровавый гребень щекоталъ дракону.
И жало змѣй меня не заражало;
Терзалъ и грызъ драконъ, не умерщвляя.

«И я пошелъ плевать хулой и бранью
Въ лицо тиранамъ. Говорилъ Нерону:
«Ты песъ! Ты кровопійца!» Христіерну
Я говорилъ: «Ты песъ! Ты кровопійца!»
Мулею Измаилу говорилъ:
«Ты песъ! Ты кровопійца!» И тираны
Мнѣ злѣйшія придумывали пытки
И казни... Но меня не умертвили.

«О ужасъ! Умереть не мочь! Покоя
Не мочь найти, томясь и изнывая!
И все влачить изсохшее, какъ трупъ,
И тлѣніемъ пропахнувшее тѣло!
Столѣтья и тысячелѣтья—видѣть
Передъ собой зіяющую пасть
Чудовища *Одно и то же!* Видѣть,
Какъ время, въ ненасытномъ любодѣйствѣ
И въ вѣчномъ голодѣ, дѣтей рождаетъ,
Иль пожираетъ! Умереть не мочь!
О, безпощадный Мститель! Есть-ли казнь
Грознѣйшая въ Твоей всевластной волѣ?

Казни меня, казни меня Ты ею!..
О, если-бъ пасть отъ одного удара
И съ этой выси покатиться внизъ,
И у подошвы горной растянуться,
И, вздрогнувъ—прохрипѣть и умереть!»

И Агасферъ шатнулся: смутный гулъ
Ему наполнилъ уши; тьма покрыла
Горячія зѣницы... Свѣтлый ангелъ
Взялъ на руки его и снесъ въ ущелье
И тамъ сложилъ и молвилъ: «Агасферъ!
Спи мирнымъ сномъ! Не вѣченъ Божій гнѣвъ»

ГЕТЕ.

I.

Новая любовь—новая жизнь.

Сердце, сердце, что съ тобою?
Что смутило глубь твою?
Жизнью ты живешь иною...
Я тебя не узнаю!

Мимо все, что̀ ты любило,
Мимо, что̀ тебя томило—
И забота, и покой.
Что̀ же сдѣлалось съ тобой?

Или этотъ образъ милый
Оковалъ мечты твои?
Иль въ тебѣ не стало силы
Презрѣть этотъ взоръ любви?

Захочу-ли ободриться,
Отвернуться, удалиться—
Мнѣ и шагу не шагнуть,
Снова къ ней лежитъ мой путь.

Нить волшебную напрасно
Я стараюсь оборвать;
Противъ воли все къ прекрасной
Возвращаюся опять—

И, вступая въ кругъ суровый,
Покоряюсь жизни новой.
Какъ я слабъ и молодъ вновь!
Отпусти меня, любовь!

II.

Первая потеря.

Кто возвратитъ мнѣ прекрасные дни,
Дни моей первой любви?
Кто возвратитъ мнѣ хоть часъ лишь одинъ
Этой поры золотой?

Грусть моей ранѣ зажить не даетъ:
Сердце назадъ свое счастье зоветъ
Съ новой и новой тоской.

Кто возвратитъ мнѣ прекрасные дни,
Дни той поры золотой?

III.

Близость милаго.

Съ тобою мысль моя—горятъ-ли волны моря
Въ огнѣ лучей,
Луна-ли кроткая, съ туманомъ ночи споря,
Сребритъ ручей.

Я вижу образъ твой, когда далеко въ полѣ
Клубится прахъ,
И въ ночь, какъ странника, объемлютъ поневолѣ
Тоска и страхъ.

Я слышу голосъ твой, когда начнетъ съ роптаньемъ
Волна вставать;
Иду въ долину я, объятую молчаньемъ,
Тебѣ внимать.

О, я вездѣ съ тобой, хоть далека̀ отъ взора!
Съ тобой вездѣ!
Ужъ солнце за горой; взойдутъ и звѣзды скоро...
О, гдѣ ты? гдѣ?

IV.

Ночная пѣсня странника.

Ты, небесный, ты, святой, Изнуренному борьбой
Всѣ печали утоляющій, Облегченье посылающій!

V

Обманъ.

Шелохнулась занавѣска
У сосѣдки на окнѣ:
Видно, вздумалось плутовкѣ
На окно взглянуть ко мнѣ.

Видно, хочется провѣдать,
Все-ли такъ же я сердитъ,
Или ропотъ мой ревнивый
Пріутихъ, и гнѣвъ забытъ.

Ахъ! плутовка спитъ спокойно
И не грезитъ обо мнѣ:
То шалунъ играетъ вѣтеръ
Занавѣской на окнѣ.

VI.

Вечерняя пѣсня охотника.

Я крадусь полемъ, тихъ и дикъ·
Взведенъ курокъ ружья.
Опять твой свѣтлый, милый ликъ
Мечтами вижу я!

Тиха, спокойна въ этотъ мигъ
Гуляешь ты въ лугахъ.
Мой промелькнувшій блѣдный ликъ
Не всталъ въ твоихъ мечтахъ.

Тоска и зло сдавили грудь...
Я исходилъ весь свѣтъ:
Къ востоку путь, на западъ путь,
Къ тебѣ дороги нѣтъ!

Но о тебѣ и мысль одна
Мнѣ лучъ во мглѣ ночной!
Покоемъ вновь душа полна;
Не знаю, что со мной!

VII

Близость.

Часто мы другъ другу чужды,
Далеки въ толпѣ людской.
Свѣтъ иль шумъ тому виной—
Право, знать намъ мало нужды
На безлюдьѣ, въ тишинѣ
Близость нашу мы почуемъ—
И знакомымъ поцѣлуемъ
Тотчасъ скажешься ты мнѣ.

VIII.

Блаженство грусти.

Не высыхайте, не высыхайте.
Слезы вѣчной любви!
Ахъ! и едва осушенному оку
Мертвъ и пустыненъ кажется міръ.
Не высыхайте, не высыхайте,
Слезы несчастной любви!

IX.

Пѣсня Клары.

Радостныхъ
И тягостныхъ
Думъ такъ много
Томишься—
И боишься;
И счастье, и тревога!
Небесно ликуешь—
И смертно тоскуешь..
Жизнь лишь тогда хороша,
Какъ полюбитъ душа!

X.

Миньона.

Ты знаешь-ли край, гдѣ лимонныя рощи цвѣтутъ,
Гдѣ въ темной листвѣ померанецъ горитъ золотистый,
Гдѣ съ неба лазурнаго нѣгою вѣетъ душистой,
Гдѣ скромно такъ мирты, гдѣ гордо такъ лавры растутъ?
Ты край этотъ знаешь? Туда-бъ я, туда
Съ тобою, мой милый, ушла навсегда!

Ты знаешь-ли домъ? Его кровля на стройныхъ столбахъ,
И зала сіяетъ, и мраморъ блеститъ на стѣнахъ,
И статуи рядомъ стоятъ и глядятъ, вопрошая:
«Ахъ, что̀ съ тобой, бѣдная? Что̀ съ тобой сталось, родная?»
Ты домъ этотъ знаешь? Туда-бъ я, туда
Съ тобою, родной мой, ушла навсегда!

Ты знаешь-ли гору? Тропинка за тучи ползетъ,
И мулъ средь тумановъ тамъ, тяжко ступая, идетъ,
И старыя гнѣзда драконовъ въ ущельѣ гнѣздятся
И рушатся скалы, и съ ревомъ потоки клубятся.
Ты гору ту знаешь? Туда-бы, туда
Путемъ тѣмъ, отецъ мой, уйти навсегда!

XI.

Передъ судомъ.

Отъ кого я беременна—вамъ не скажу:
То завѣтная тайна моя.
Потаскушкой меня называете вы:
Лжете, честная женщина я!

Съ кѣмъ слюбилась я, этого вамъ не узнать.
Онъ хорошъ и пригожъ, милый мой,
Въ чемъ бы онъ ни ходилъ, въ золотой ли цѣпи,
Иль въ соломенной шляпѣ простой.

Если надо насмѣшки сносить и позоръ,
Ихъ снесу я одна на плечахъ.
Знаетъ милый меня, знаю милаго я—
И про все знаетъ Богъ въ небесахъ.

Перестаньте же, честные судьи мои,
Перестаньте меня вы томить!
Вѣдь дитя это было и будетъ моимъ
И не вамъ его надо кормить.

XII.

Пряха.

Въ тихой горенкѣ своей
Я пряла спокойно,
Къ прялкѣ парень подошелъ
Молодой и стройный.

Сталъ хвалить меня, сказалъ,
Что пряду я чисто,
И что косы у меня—
Ленъ же золотистой.

Да не смирно онъ стоялъ—
Не далъ мнѣ покою,
Нитка вдругъ оборвалась
Между нимъ и мною.

Хоть на пряжѣ мнѣ пришлось
Много заработку,
Но не стать хвалиться имъ
Мнѣ по околотку.

Шла я съ пряжею къ ткачу,
А сама горѣла;
Точно сердце у меня
Выскочить хотѣло.

Надо мыть, бѣлить тканье,
У пруда трудиться;
А къ водѣ едва-едва
Сможешь наклониться.

То, что̀ въ горенкѣ тайкомъ
Отъ людей прядется,
Рано-ль, поздно ль на показъ
Выносить придется.

XIII.

Границы человѣчества.

Когда предвѣчный,
Святой отецъ
Спокойной рукою
Изъ клубящихся тучъ
Благодатныя молніи
Сыплетъ на землю,
Я лобызаю
Края одеждъ его
Съ младенческимъ трепетомъ
Въ вѣрной груди.
И гдѣ жъ человѣку
Тягаться съ богами!
Поднимется-ль ввысь,
Досягнетъ-ли
До звѣздъ головой,
Негдѣ ему опереться
Стопою невѣрной—
И имъ играютъ
Вѣтры и тучи.
Стоитъ-ли твердой,
Сильной ногою
На крѣпко-зданной,
Прочной землѣ,
Ему не подняться,
Даже чтобъ съ дубомъ
Иль съ лозой виноградной
Сравняться.
Что̀ отличаетъ
Боговъ отъ людей?
Безъ счета волны
Бѣгутъ предъ ними
Вѣчнымъ потокомъ:
А насъ одна
Волна подниметъ,
Одна потопитъ.
Въ маломъ звенѣ
Жизнь наша замкнута,
Много поколѣній
Примыкаютъ прочно
Къ безконечной цѣпи
Ихъ бытія.

XIV.

Осеннее чувство.

Тучнѣй зеленѣйте,
Виноградныя лозы,
Взбираясь къ окну моему!
Полнѣй наливайтесь,
Густые гроздья, и зрѣйте
Быстрѣе, пышнѣе!
Васъ грѣетъ,
Какъ лоно матери,
Прощальный взоръ солнца;
Васъ обвѣваетъ
Плодотворная ласка
Благого неба;
Васъ освѣжаетъ
Чудной прохладой
Дружественный мѣсяцъ;
Васъ орошаютъ
Изъ этихъ глазъ
Вѣчно живящей любви
Крупныя слезы.

XV.

Морская тишь.

Тишь глубокая надъ моремъ,
Неподвижно лоно водъ—
И на гладь морскую смотритъ,
Озабоченъ, мореходъ.

Хоть одно-бы дуновенье
Среди мертвой тишины!
Хоть бы гдѣ въ дали безбрежной
Показался всплескъ волны!

———

XVI.

Счастливое плаваніе.

Туманы рѣдѣютъ,
Прояснилось небо;
Эолъ разрѣшаетъ
Докучную цѣпь.
Вотъ вѣтромъ пахнуло;
Пловецъ встрепенулся
Живѣе! Живѣе!
Волна разступается,
Далекое близится,
Смотрите—земля!

———

XVII.

Свиданье и разлука.

Коня! Я долго дожидался—
И конь почуялъ иглы шпоръ.
Въ долинѣ вечеръ разстилался,
Сползала ночь съ далекихъ горъ.

Гигантомъ грознымъ возставая,
Въ туманъ завертывался вязъ,
Гдѣ сквозь кустарникъ тьма ночная
Глядѣла сотней черныхъ глазъ.

Луна мерцала надъ полями,
Блѣднѣя въ дымѣ облаковъ;
Чуть вѣя тихими крылами,
Шушукалъ вѣтеръ. Рой духовъ

Подъ тусклымъ возникалъ свѣтиломъ;
Но ясенъ мнѣ казался путь.
Какой огонь бѣжалъ по жиламъ
Какимъ огнемъ сгорала грудь!

И я съ тобой. Ты кроткимъ взглядомъ
Дарила радость и покой.
Два наши сердца бились рядомъ,
Дыханьемъ каждымъ былъ я твой.

Весеннимъ розовымъ мерцаньемъ
Былъ милый образъ твой одѣтъ.
А эта нѣжность упованьемъ
Шептала мнѣ, что въ счастьѣ свѣтъ.

Но солнце ужъ встаетъ съ ночлега,
И сердце сжалъ разлуки страхъ.
Въ твоихъ устахъ какая нѣга!
Какая грусть въ твоихъ очахъ!

Со мною здѣсь, тоской томимымъ,
Ты дни хотѣла проводить!
О, что за счастье быть любимымъ!
О, что за счастіе любить!

XVIII.

* * *

Порою мнится мнѣ: на головѣ моей
Сверкаетъ свѣтлый лучъ безсмертія и славы,
Съ груди больной скатился грузъ скорбей,
И нѣтъ въ очахъ горючихъ слезъ отравы.
Весь міръ передо мной любовью обновленъ:
Въ объятья братскія пѣвца онъ принимаетъ—
И всѣмъ священъ любви и истины законъ,
И правда, какъ звѣзда, во всей красѣ сверкаетъ.

Но этотъ мигъ прошелъ—и голову мою
Опять, какъ прежде, жметъ пѣвца вѣнецъ колючій,
И токи горькихъ слезъ попрежнему я лью
И скорби давятъ грудь, какъ пасмурныя тучи,

А люди старою дорогою вѣковъ,
Не отряхая прахъ страстей своихъ отцовъ,
Какъ прежде лживые, идутъ передо мною,
Любви и истины чуждаяся душою...
И голосъ мой молчитъ—болѣзненно молчитъ!

XIX.

Могила Анакреона.

Гдѣ роза юная въ тиши благоухаетъ,
Гдѣ горделивый лавръ и цѣпкій виноградъ
Сплелися дружески, гдѣ горлица вздыхаетъ,
И слышенъ въ зелени пріятный крикъ цикадъ,
Кого изъ смертныхъ здѣсь могила пріютила?
Кому надгробный холмъ такъ пышно расцвѣтила
Рука боговъ? Тутъ спитъ Анакреонъ-пѣвецъ?
Счастливецъ—и весну онъ видѣлъ молодую,
И лѣто жаркое, и осень золотую,
И отъ сѣдой зимы здѣсь скрылся наконецъ!

ШИЛЛЕРЪ.

I.

Безпредѣльность.

Надъ бездной возникшихъ изъ мрака міровъ
Несется челнокъ мой на крыльяхъ вѣтровъ.
Проплывши пучину,
Свой якорь закину,
Гдѣ жизни дыханіе спитъ,
Гдѣ грань мірозданья стоитъ.

Я видѣлъ: звѣзда за звѣздою встаетъ—
Свершать вѣковѣчный, размѣренный ходъ.
Вотъ къ цѣли, играя,
Несутся... Блуждая,
Окрестъ обращается взоръ,
И видитъ—беззвѣздный просторъ!

И вихря и свѣта быстрѣй мой полетъ.
Отважнѣе! въ область хаоса! впередъ!

Но тучей туманной,
По тверди пространной,
Ладьѣ дерзновенной вослѣдъ
Клубятся системы планетъ.

И вижу—пловецъ мнѣ навстрѣчу спѣшитъ.
«О, странникъ! Куда и зачѣмъ ты?» кричитъ.
— Проплывши пучину,
Свой якорь закину,
Гдѣ жизни дыханіе спитъ,
Гдѣ грань мірозданья стоитъ!

«Вотще! безпредѣльны пути предъ тобой!»
— Межи не оставилъ и я за собой!..
Напрасны усилья,
Орлиныя крылья,
Пытливая мысль, опускай
И якорь, смиряясь, бросай!

II.

Мигъ.

Шуменъ, радостенъ и тѣсенъ,
Вновь замкнулся нашъ кружокъ.
Заплетемте жъ свѣжихъ пѣсенъ
Зеленѣющій вѣнокъ!

Но кого между богами
Пѣсня первая почтитъ?
Онъ воспѣтъ да будетъ нами—
Онъ, что̀ радость намъ даритъ!

Хоть Церера съ нивы нашей
Хлѣбъ несетъ намъ на алтарь,
И вливаетъ Бахусъ въ чаши
Гроздій пурпуръ и янтарь,

Но коль съ неба огнь священный
Алтаря не опалитъ,
Не зажжется духъ нашъ плѣнный,
Въ сердцѣ радость не вскипитъ!

Свыше къ намъ нисходитъ счастье
Отъ божественныхъ владыкъ;
Но изъ нихъ всѣхъ выше властью—
Изъ владыкъ владыка—Мигъ!

Съ той поры, какъ произволу
Смутныхъ силъ назначенъ строй,
Все божественное долу—
Свѣтъ лишь мысли огневой.

Тихо въ мѣрномъ Оръ движеньи
Дѣло жизни совершай;
Мигъ же краткій вдохновенья
Быстро сердцемъ уловляй!

Фебъ съ безоблачной лазури
Стелетъ въ мигъ покровъ цвѣтной,
Въ мигъ по небу послѣ бури
Строитъ Мостъ Ирида свой.

Такъ и каждый даръ прекрасный,
Словно молнія струя,
Промелькнетъ—и гаснетъ, ясный,
Въ черной тьмѣ небытія!

III.

Диѳирамбъ.

Порознь безсмертные къ смертнымъ не сходятъ
Съ горнихъ высотъ:
Слѣдомъ за Вакхомъ веселымъ, на праздникъ
Фебъ лучезарный идетъ.
Сходятся гости небеснаго края;
Свѣтлыхъ пріемлетъ обитель земная.
Что̀ въ угощенье сынъ праха предложитъ
Вѣчнымъ богамъ?
Вы, олимпійцы, меня одарите
Вашею жизнью безсмертной! Возьмите
Въ небо лазурное, къ вамъ!
Родина радости—Зевса чертоги...
Вашего нектара дайте мнѣ, боги!

«Свѣтлымъ напиткомъ налей ему, Геба,
Полный фіалъ!
Влагой небесной омой ему око,
Чтобъ ненавистнаго Стиксова тока
Онъ, какъ и мы, не видалъ!»
Нектаръ Олимпа, ліясь, пламенѣетъ,
Сердцу просторнѣе, око свѣтлѣетъ.

IV.

Прощаніе Гектора.

Андромаха.

О, Гекторъ, супругъ мой, ужели меня ты покинешь?
Пойдешь-ли туда, гдѣ Ахиллъ безпощадной рукой
Приноситъ кровавыя жертвы Патроклу? Кто будетъ
Малютку учить твоего покоряться безсмертнымъ
И дротикъ метать? О, мой Гекторъ, что станется съ нами,
Когда ты потонешь въ пучинѣ туманнаго Орка?

Гекторъ.

Не плачь, дорогая супруга! Отри свои слезы!
Въ груди моей мщенье кипитъ врагамъ за отчизну...
Рука моя будетъ защитой родного Пергама;
И если паду я—паду за пенатовъ отцовскихъ!
И къ Стиксу сойду, какъ защитникъ твердынь иліонскихъ!

Андромаха.

Увы!. не внимать мнѣ бряцанью доспѣховъ супруга!
Твой мечъ сиротѣющій ржавчина съѣстъ, и съ тоб ю
Погибнетъ навѣки могучее племя Пріама!
Сойдешь ты туда, гдѣ и дня не бывало отъ вѣка,
Гдѣ волны Коцита рыдаютъ и стонутъ въ пустынѣ...
О, Гекторъ, супругъ мой, любовь твоя въ Летѣ потонетъ!

Гекторъ.

Потонутъ въ ней всѣ мои страсти, порывы и думы—
Любовь не погибнетъ въ холодной пучинѣ забвенья.
Но слышишь?.. Ужъ варваръ промчался къ стѣнамъ
Иліона!
Мечомъ опояшь меня!.. Плачъ свой оставь ты и вѣруй:
Любовь моя вѣчная въ Летѣ погибнуть не можетъ!

V.

Надовесская похоронная пѣсня.

Посмотрите! Вотъ—посаженъ
    На плетеный одръ—
Какъ живой, сидитъ онъ, важенъ,
    Величавъ и бодръ.

Но ужъ тѣло неподвижно,
    Бездыханна грудь...
Въ трубкѣ жертвеннаго дыма
    Ей ужъ не раздуть.

Очи, гдѣ вашъ взоръ орлиный?
    Не вглядитесь вы
По долинѣ въ слѣдъ звѣриный
    На росѣ травы.

Ты не встанешь, легконогій!
    Не направишь бѣгъ,
Какъ олень вѣтвисторогій,
    Черезъ горный снѣгъ.

Не согнешь, какъ прежде, смѣло
    Свой упругій лукъ...
Посмотрите! Отлетѣла
    Жизнь изъ сильныхъ рукъ.

Миръ душѣ его свободной!
    Тамъ, гдѣ нѣтъ снѣговъ,
Тамъ, гдѣ маисъ самородный
    Зрѣетъ средь луговъ...

Гдѣ въ кустахъ щебечутъ птицы,
    Полонъ дичи боръ,
Гдѣ гуляютъ вереницы
    Рыбъ по дну озеръ.

Уходя на пиръ съ духами,
    Насъ оставилъ онъ,
Чтобы здѣсь, воспѣтый нами
    Былъ похороненъ.

Трупъ надъ вырытой могилой
Плачемъ огласимъ!
Все, что̀ было другу мило,
Мы положимъ съ нимъ.

Въ головахъ—облитый свѣжей
Кровью томагокъ;
Сбоку окорокъ медвѣжій:
Путь его далекъ!

Съ нимъ и ножъ! Надъ вражьимъ трупомъ
Онъ не разъ сверкалъ,
Какъ, бывало, кожу съ чубомъ
Съ черепа сдиралъ.

Алой краски въ руки вложимъ,
Чтобъ, натершись ей,
Онъ явился краснокожимъ
И въ страну тѣней.

VI.

Истуканъ Изиды.

1.

Жрецами Са̀иса, въ Египтѣ, взять въ ученье
Былъ пылкій юноша, алкавшій просвѣщенья.
Могучей мыслію онъ быстро обнялъ кругъ
Хранимыхъ мудростью таинственныхъ наукъ;
Но смѣлый духъ его рвался къ познаньямъ новымъ.
Наставникъ-жрецъ вотще старался кроткимъ словомъ
Въ душѣ ученика смирять мятежный пылъ.
«Скажи мнѣ, *что* мое?» пришелецъ говорилъ:
«Когда не *все* мое? Гдѣ знанью грань положимъ?
Иль самой Истиной, какъ наслажденьемъ, можемъ
Лишь въ разныхъ степеняхъ и порознь обладать
Ее-ль, единую, дробить и раздѣлять?
Одинъ лишь звукъ убавь въ гармоніи чудесной!
Одинъ лишь цвѣтъ возьми изъ радуги небесной!
Что̀ значитъ звукъ одинъ, и что единый цвѣтъ?
Но нѣтъ гармоніи—и радуги ужъ нѣтъ!»

2.

Однажды, говоря о таинствахъ вселенной,
Наставникъ съ юношей къ ротондѣ отдаленной
Пришли, гдѣ полотномъ закрытый истуканъ
До свода высился, какъ грозный великанъ.
Дивяся, юноша подходитъ къ изваянью.
«Чей образъ кроется подъ этой плотной тканью?»
Спросилъ онъ.—«Истины подъ ней таится ликъ».
Отвѣтилъ спутникъ.—«Какъ!» воскликнулъ ученикъ:
«Лишь Истину ищу, по ней одной тоскую,
А отъ меня ее сокрыли вы, святую!»
«То воля божества!» промолвилъ жрецъ въ отвѣтъ:
«Завѣсы не коснись (таковъ его завѣтъ),
Пока съ себя сама ея не совлеку я!
Кто жъ, сокровенное преступно испытуя,
Подниметъ мой покровъ, тому присуждено...»
«Что?»—«Истину узрѣть».—«Значенье словъ темно;
Въ нихъ смыслъ таинственный. Запретнаго покрова
Не поднималъ ты?»—«Нѣтъ! и искушенья злова
Не вѣдалъ умъ»—«Дивлюсь! О, если-бъ, точно я
Былъ имъ лишь отдѣленъ отъ цѣли бытія—
Отъ Истины!..»—«Мой сынъ!» прервалъ его сурово
Наставникъ: «Преступить божественное слово
Не трудно. Долго-ли завѣсу приподнять?
Но каково душѣ себя преступной знать?»

3.

Изъ храма юноша печальный и угрюмой
Пришелъ домой. Душа одной тревожной думой
Была полна, и сонъ отъ глазъ его бѣжалъ,
Въ жару метался онъ на ложѣ и стеналъ
Ужъ было за̀ полночь, какъ шаткими стопами
Пошелъ ко храму онъ. Цѣпляяся руками
За камни, на окно вскарабкался; съ окна
Спустился въ темный храмъ, и вотъ—предъ нимъ она
Ротонда дивная, гдѣ цѣль его исканья.
Повсюду мертвое, могильное молчанье;
Порой лишь смутный гулъ изъ склеповъ отвѣчалъ
На робкіе шаги. Повсюду мракъ лежалъ,
И только блѣдное серебристое мерцанье
Лила изъ купола луна на изваянье,
Въ покровъ одѣтое... И, словно богъ живой,

Казалось, истуканъ качаетъ головой,
Казалось, движутся края одежды бѣлой.
И къ богу юношу приблизилъ шагъ несмѣлой
И косная рука ужъ поднята была,
Но кровь пылала въ немъ, и капалъ потъ съ чела,
И вспять его влекла незримая десница.
«Безумецъ! что̀ творишь? куда твой духъ стремится
Тебѣ - ли, бренному, безсмертное пытать?»
Взывалъ гласъ совѣсти. «Ты хочешь приподнять
Завѣсу, а забылъ завѣщанное слово:
До срока не коснись запретнаго покрова!»
Но для чего жъ завѣтъ божественный гласитъ:
Кто приподниметъ ткань, тотъ Истину узритъ?
«О, что̀ бы ни было, я вскрою покрывало!
Увижу!» вскрикнулъ онъ.—«Увижу!» прокричало
И эхо громкое изъ сумрачныхъ угловъ...
И дерзкою рукой онъ приподнялъ покровъ.

4.

Что̀ жъ увидалъ онъ тамъ?.. У ногъ Изиды въ храмѣ,
Поутру, недвижимъ, онъ поднятъ былъ жрецами.
И что онъ увидалъ? и что̀ постигнулъ онъ?
Вопросы слышались ему со всѣхъ сторонъ.
Угрюмый юноша на нихъ отвѣта нѐ далъ...
Но въ жизни счастья онъ и радости не вѣдалъ.
Въ могилу раннюю тоска его свела,
И къ людямъ рѣчь его прощальная была:
«Кто къ Истинѣ идетъ стезею преступленья,
Тому и въ Истинѣ не вѣдать наслажденья».

VII.

Колумбъ.

Далѣе, смѣлый пловецъ! И пусть невѣжды смѣются,
Пусть, утомившися, руль выпуститъ кормчій изъ рукъ —
Далѣе, далѣе къ западу! Долженъ тамъ берегъ явиться:
Ясно видится онъ мысли твоей вдалекѣ.
Вѣруй вожатаю-разуму! Бодро плыви океаномъ!
Если земли тамъ и нѣтъ—выйдетъ она изъ пучинъ.
Въ тѣсномъ союзѣ и были и будутъ природа и геній:
Что̀ обѣщаетъ намъ онъ—вѣрно исполнитъ она!

VIII.

Одиссей.

Всѣ моря переплылъ Одиссей, возвращаясь въ отчизну:
Слышалъ и Сциллы онъ лай, зрѣлъ и Харибды грозу;
Моря враждебнаго злобу и горе на сушѣ извѣдалъ,
Даже и въ темный аидъ, долго блуждая, попалъ;
Соннаго волны его принесли ко прибрежью Итаки:
Скорбный, отъ сна пробудясь, родины онъ не узналъ

IX.

Ненія.

Смерть суждена и прекрасному — богу людей и безсмертныхъ!
Зевса стигійскаго грудь, мѣди подобно, тверда.
Разъ лишь достигла любовь до властителя сумрачныхъ тѣней,
Но при порогѣ еще строго онъ отнялъ свой даръ.
Не усладить Афродитѣ прекраснаго юноши рану:
Вепрь безпощадно красу тѣла его растерзалъ.
И безсмертная мать не спасла великаго сына:
Палъ онъ у скейскихъ воротъ волей державныхъ судебъ...
Но она вышла изъ моря въ сонмѣ дщерей Нерея:
Въ жалобахъ ожилъ опять славный дѣлами герой.
Видишь: боги рыдаютъ, и плачутъ богини Олимпа,
Что совершенному—смерть, смерть красотѣ суждена.
Даже и пѣснью печали славно въ устахъ быть любимыхъ;
Только ничтожное въ Оркъ сходитъ безъ звуковъ любви.

X.

Иліада.

Рвите Гомеровъ вѣнокъ и считайте отцовъ совершенной,
Вѣчной поэмы его! Матерь одна у нея:
Ясно и стройно на ней родныя черты отразились —
Вѣчной природы черты въ ихъ неизмѣнной красѣ.

XI.
Сѣятель.

Полонъ надежды, землѣ ты ввѣряешь зерно золотое—
И ожидаешь весной радостно всхода его.
Что же боишься на полѣ временъ свои сѣять дѣянья?
Мудрости смѣлой посѣвъ тихо цвѣтетъ для вѣковъ.

XII.
Согласіе.

Истины оба мы ищемъ: ея ты ищешь въ природѣ,
Въ сердцѣ ищу я, и—вѣрь!—оба ее обрѣтемъ.
Здоровое око увидитъ Творца въ чудесахъ мірозда용нья;
Здравое сердце въ себѣ міръ и Творца отразитъ.

XIII.
Архимедъ и ученикъ.

Юноша, жаждущій знаній, однажды пришелъ къ Архимеду.
«О! посвяти меня въ тайну науки божественной!» молвилъ:
«Той, что отчизнѣ столь дивныя службы служила—
И охранила отъ вражьей самбуки [1]) родныя твердыни!»
— Ты называешь науку божественной — мудрый отвѣтилъ.
— Да, не служа государству, была таковою наука.
Хочешь плодовъ отъ нея? Но плодовъ и отъ смертной добудешь,
Хочешь богиню святую въ ней видѣть—жены не ищи въ ней.

XIV.
Ожиданіе и исполненіе.

Съ тысячью гордыхъ судовъ пускается юноша въ море;
Чуть уцѣлѣвшій челнокъ къ пристани правитъ старикъ.

XV.
Данаиды.

Вѣки черпаемъ ситомъ, и камень у сердца мы грѣемъ:
Холоденъ камень, какъ былъ; въ ситѣ ни капли воды.

---

[1]) Самбукою называется осадная машина, которою дѣйствовалъ Марцеллъ на стѣны Сиракузъ.

XVI.

Другъ и врагъ.

Дорогъ мнѣ другъ, но полезенъ и врагъ; наблюденія друга
Силу оцѣнятъ мою; врагъ мнѣ укажетъ мой долгъ.

XVII.

Ребенокъ въ колыбели.

Счастливъ младенецъ! Ему въ колыбели просторъ безконечный.
Тѣсенъ будетъ потомъ міръ безконечный ему.

XVIII.

Triebfedern.

Страхъ пусть прутомъ желѣзнымъ своимъ раба побуждаетъ.
Розовой вязью своей ты меня, радость, веди!

XIX.

Лжеученье.

Сколько у истины новыхъ враговъ!.. Душа замираетъ.
Къ свѣту тѣснится—увы!—стая незрячая совъ.

XX.

Ученый работникъ.

Ты дерево взрастилъ, но не вкусилъ плода:
Изящный вкусъ сорветъ плодъ знанья и труда.

XXI.

Общая участь.

Ненависть, распри межъ нами; и мнѣнья и чувства насъ дѣлятъ.
Время идетъ, серебря кудри и мнѣ и тебѣ.

XXII.

Къ музѣ.

Что̀ бы я былъ безъ тебя—не знаю; но страшно, какъ взглянешь,
Что̀ безъ тебя этотъ рой сотенъ и тысячъ людей.

XXIII.

Ключъ.

Хочешь себя изучить—посмотри на людей и дѣла ихъ;
Хочешь людей изучить—въ сердце къ себѣ загляни!

XXIV.

Наше поколѣніе.

Ты непонятно мнѣ, племя! Иль было и прежде, какъ нынѣ?
Молоды старцы теперь, юноши стары у насъ!

XXV.

Благо и величіе.

Двѣ только есть добродѣтели. Быть имъ вѣчно въ союзѣ:
Вѣчно великимъ добру, вѣчно величью благимъ.

XXVI.

Великій мигъ.

Вѣкъ породилъ намъ эпоху великую. Боже! Какъ горько
Въ этотъ великій моментъ видѣть ничтожныхъ людей!

XXVII.

Натуралисты и трансцендентальные философы.

Будьте враждебны другъ другу: союзъ заключать вамъ не время.
Только отдѣльно ища, истину сыщете вы.

XXVIII.

Долгъ каждаго.

Къ цѣлому вѣчно стремись, и если не можешь быть цѣлымъ
Самъ — подчиненнымъ звеномъ къ цѣлому скромно примкни.

XXIX.

Милость музъ.

Вмѣстѣ съ невѣждой умретъ его слава; небесная муза
Въ сѣнь Мнемозины вселитъ вѣрныхъ любимцевъ своихъ.

XXX.

Печать съ изображеніемъ головы Гомера.

Старецъ Гомеръ! Тебѣ довѣряю нѣжную тайну:
Счастье любовниковъ знай ты лишь, единый пѣвецъ!

УЛАНДЪ.

I.

Блаженная смерть.

Я умеръ отъ нѣги
Любви и счастья:
Мнѣ были могилой
Объятья милой;
Меня воскресили
Ея лобзанья;
Я небо увидѣлъ
Въ очахъ прекрасныхъ.

II.

Пастушья пѣсня.

Зима, зима лихая!
Какъ матъ и тѣсенъ свѣтъ!
Ни въ хатахъ, ни въ долинахъ—
Нигдѣ простору нѣтъ!

Иду-ли мимо дома,
Гдѣ милая живетъ,

Ея не видно: окна
Покрылъ узорный ледъ.

Прижму-ли къ сердцу руки
И перейду порогъ—
Она сидитъ, не взглянетъ:
Отецъ суровъ и строгъ.

О лѣто золотое!
Широкъ съ тобою свѣтъ!
На верхъ-ли горъ взберешься—
Ограды взору нѣтъ.

Когда съ зеленой выси
Мнѣ милая видна,
Зову—и зовъ мой слышитъ
Вдали она одна.

Когда сидимъ, цѣлуясь,
Мы на горахъ вдвоемъ,
Мы никому не видны—
И видимъ все кругомъ!

III.

Развалины.

транникъ! Не бойся средь этихъ развалинъ забыться
дремотой;
жетъ, твой сонъ возсоздастъ ихъ въ первобытной красѣ.

IV.

Король на башнѣ.

Объяты дремучею мглой, передо мной
Долины и горы лежатъ въ тишинѣ.
Все спитъ; вѣтерокъ не приноситъ ночной
Ни звука страданья ко мнѣ.

Заботой о счастіи всѣхъ удрученъ,
Я въ думахъ сидѣлъ и за кубкомъ вина.
Луной озаренъ голубой небосклонъ…
Душѣ моей воля нужна.

Торжественной жизни полны небеса
Въ мерцаніи звѣздныхъ таинственныхъ рунъ.

Мнѣ слышатся дивные тамъ голоса
При тихомъ бряцаніи струнъ.

Мой глазъ отуманенъ, и волосъ мой сѣдъ;
Оружіе праздно виситъ на стѣнѣ;
Дѣла мои правы, и правъ мой совѣтъ:
Пора успокоиться мнѣ!

О, что̀ же ты медлишь, желанный покой?
Возьми меня, вѣчная ночь, и умчи
Туда, гдѣ слышнѣе хоръ пѣсни святой,
Гдѣ звѣздные ярче лучи!

V.

Мать и дитя.

«У тебя есть братецъ въ небѣ!
Онъ меня не огорчалъ
Никогда—и Божій ангелъ
Въ небеса малютку взялъ».

—Научи меня, родная,
Какъ тебя мнѣ огорчить,
Чтобъ не могъ меня съ тобою
Божій ангелъ разлучить!

VI.

Серенада.

«Что̀ за пѣсня, о родная,
Разбудила вдругъ меня?..
Посмотри: пора ночная!
Кто же, кто пришелъ сюда?»

— Никого, дитя, не видно,
Ничего здѣсь не слыхать...
Кто тебя, дитя больное,
Станетъ пѣснью утѣшать?

«Это пѣсня неземная...
Нѣтъ! то ангелы поютъ.
Мать! прости!..Меня отсюда
Звуки чудные влекутъ».

VII.

Весенній покой.

Ахъ! не кладите въ могилу меня
Въ ясное утро весенняго дня!

Если меня схоронить захотите,
Лучше въ густую траву положите.

Любо въ травѣ и въ цвѣтахъ мнѣ лежать,
Издали будетъ свирѣль мнѣ звучать,
А въ вышинѣ будутъ плыть надо мною
Майскія тучки прозрачной грядою.

VIII.

Прощанье.

Такъ прощай, моя радость, прощай!
Дождались мы съ тобой разставанья.
Поцѣлуй же меня, приласкай!
Ужъ другого не будетъ свиданья.

На прощанье нарви мнѣ цвѣтовъ!
Всѣ на яблонѣ вѣтки бѣлѣютъ.
Не увижу на ней я плодовъ:
Безъ меня они лѣтомъ созрѣютъ.

IX.

Ночью.

На домъ умолкшій я гляжу
Средь темноты ночной:
Тамъ спитъ она—и очи ей
Сомкнулъ давно покой.

Я къ небу обращаю взоръ:
Оно покрыто мглой,—
Но за туманами горитъ
Тамъ мѣсяцъ золотой.

X.

Горный пастухъ.

Я на горахъ пасу стада,
Внизу чуть видны города.
Здѣсь раньше солнышко встаетъ,
И позже вечеръ настаетъ.
Я сынъ свободныхъ горъ!

Здѣсь чистый ключъ скалу пробилъ,
Меня онъ перваго поилъ.

Рѣкой онъ мчится тамъ, въ лугахъ,
А я вмѣщалъ его въ рукахъ,
Я сынъ свободныхъ горъ!

Мнѣ горы—родина и домъ.
Гроза-ль кругомъ, гремитъ-ли громъ,
Шипитъ-ли молнія змѣей,
Не заглушить имъ голосъ мой.
Я сынъ свободныхъ горъ!

Въ грозу подъ солнцемъ я стою;
Она реветъ, а я пою.
А разозлится, крикну ей:
«Не тронь ты горныхъ шалашей!»
Я сынъ свободныхъ горъ!

Когда жъ ударятъ вдругъ въ набатъ
И вспыхнетъ гдѣ одна изъ хатъ,
Я вмигъ туда! Топоръ въ рукахъ,
И та же пѣсня все въ устахъ:
Я сынъ свободныхъ горъ!

XI.

Добрый товарищъ.

Былъ у меня товарищъ,
Товарищъ дорогой.
Билъ барабанъ тревогу;
Онъ шелъ со мною въ ногу,
Шагъ въ шагъ, рука съ рукой.

Тутъ вдругъ шальная пуля.
Не мнѣ-ли? Нѣту; съ ногъ
Его рядкомъ свалило,
Какъ словно отхватило
Отъ тѣла мнѣ кусокъ.

Онъ протянулъ мнѣ руку;
А мнѣ—вбивать зарядъ.
«Ну, не взыщи сердечной!
Дай мира въ жизни вѣчной
Тебѣ Господь, камрадъ!»

АВГУСТЪ КОПИШЪ.

Серенада близъ Везувія.

О безпокойная, ты шлешь меня къ покою!..
Усталъ я; но мнѣ нѣтъ ни отдыха, ни сна.
Куда въ грозу пловецъ приляжетъ головою?
О Боже, Боже мой! Какъ эта ночь длинна!

Я—камень пламенный, жерломъ горы суровой
Высоко взброшенный съ клокочущаго дна.
Онъ падаетъ назадъ, но вдругъ изверженъ снова.
О Боже, Боже мой! Какъ эта ночь длинна!

Я—муравьиный рой, прохожимъ разоренный!
Все, все во мнѣ, вся жизнь—разбита, смущена...
Средь неба ходъ свѣтилъ—мнѣ хаосъ беззаконный.
О Боже, Боже мой! Какъ эта ночь длинна!

Я—бѣдный перепелъ надъ бурнымъ океаномъ!
Онъ бьется, онъ кричитъ: кругомъ—лишь тьма одна,
Подъ нимъ—могилы глубь, одѣтая туманомъ...
О Боже, Боже мой! Какъ эта ночь длинна!

РЮККЕРТЪ.

I.

Похороны.

Какъ ее любили!
Какъ похоронили!

Вѣтерокъ надъ гробомъ
Проносился стономъ;
Майскій колокольчикъ
Вторилъ грустнымъ звономъ.

Съ яркими свѣчами
Свѣтляки летѣли,
И на нихъ ревниво
Звѣздочки глядѣли.

Въ черномъ одѣяньи
Ночь, поникши взоромъ,
Тихо шла съ тѣнями
Молчаливымъ хоромъ.

Много слезъ уронитъ
Утро молодое;
Освѣтитъ могилу
Солнце золотое.

Какъ ее любили!
Какъ похоронили!

II.

У дверей.

У двери Богатства я долго стучалъ:
Къ ногамъ моимъ грошъ изъ окошка упалъ.

У дома Любви не пробился къ дверямъ,
Тамъ много народу толпилося тамъ.

Стучался я въ за̀мокъ, гдѣ Слава живетъ:
Сказали: «Ты пѣшъ—не отворимъ воротъ!»

Мнѣ слышались стоны подъ кровлей Труда—
И страшно войти показалось туда.

Побрелъ я по свѣту домъ Счастья искать:
Никто мнѣ дороги не могъ указать.

Одинъ остается мнѣ домикъ теперь:
Туда постучаться попробую въ дверь—

И вѣрно, хоть много въ Могилѣ гостей,
Найдется мѣстечко мнѣ, бѣдному, въ ней.

III.

Хидгеръ.

Неумирающій и вѣчно юный
Хидгеръ разсказывалъ: Я проѣзжалъ
Однажды шумнымъ городомъ. Въ саду
Я увидалъ тамъ человѣка
Съ корзиною,—и у него спросилъ,
Давно-ль стоитъ тутъ городъ? Продолжая
Сбирать плоды, онъ отвѣчалъ мнѣ: «Вѣчно
Стоялъ онъ тутъ и вѣчно простоитъ».

Чрезъ пять столѣтій тою же дорогой
Я проѣзжалъ. Отъ города того
Ни одного слѣда не оставалось;
Гдѣ онъ стоялъ—была пустыня. Тутъ
Сидѣлъ пастухъ и одиноко пѣсню
Наигрывалъ на дудкѣ; вкругъ него
Паслося стадо на зеленомъ лугѣ.

И я его спросилъ, давно-ль не стало
Тутъ города? Онъ продолжалъ играть
Въ свою свирѣль и мнѣ одно промолвилъ:
«Одно растетъ, другое увядаетъ.
Я вѣчно здѣсь пасу свои стада!»

Опять чрезъ пять столѣтій тою жъ самой
Дорогой проѣзжалъ я. Предъ собою
Я увидалъ тутъ море: волны
Катились и шумѣли. Въ челнокѣ,
У берега привязанномъ, рыбакъ
Сидѣлъ, свои закидывая сѣти.
Я у него спросилъ, давно-ль тутъ море?
И, моему вопросу засмѣявшись,
Онъ мнѣ сказалъ: «Какъ эти волны вѣчно
Гуляютъ и клубятся на просторѣ,
Такъ вѣчно здѣсь закидываютъ сѣти».

Чрезъ пять столѣтій тою же дорогой
Я снова ѣхалъ и нашелъ тутъ лѣсъ,
И въ чащѣ лѣса встрѣтилъ дровосѣка.
Подъ корень онъ рубилъ могучій дубъ,
И я спросилъ его, давно-ль явился
Тутъ лѣсъ? Онъ отвѣчалъ мнѣ: «Лѣсъ
Стоитъ здѣсь вѣчно, вѣчно въ немъ растутъ
Деревья, и дрова мы вѣчно рубимъ».

Еще чрезъ пять столѣтій той дорогой
Поѣхалъ я, и вновь передо мною
Тамъ очутился городъ. Громкій гулъ,
Народный говоръ, стукъ колесъ повсюду
На улицахъ и площадяхъ. У встрѣчныхъ
Я спрашивалъ, давно-ль построенъ городъ?
Куда дѣвались темный лѣсъ и море,
И пастбище? Но словъ моихъ никто
И слушать не хотѣлъ, и всѣ кричали:
«Такъ вѣчно шло на этомъ мѣстѣ, вѣчно—
И вѣчно такъ пойдетъ». Чрезъ пять столѣтій
Поѣду снова этою дорогой.

ЭЙХЕНДОРФЪ.

Тоска по родинѣ.

На нашихъ дубахъ и березахъ
Старинныя чары лежатъ,
И часто, въ полуночныхъ грезахъ.
Вдругъ пѣть начинаетъ весь садъ.

Порою родное то пѣнье
Я слышу всю ночь до утра—
И сердце въ тоскѣ и томленьи
Зоветъ тебя, другъ и сестра!

Другіе мнѣ чужды душою —
И страшно мнѣ въ чуждомъ краю.
Идти-бы намъ вмѣстѣ съ тобою;
Дай вѣрную руку свою!

Идти—и не вѣдать разлуки,
И вмѣстѣ, окончивши путь,
Подъ эти волшебные звуки
На отчей могилѣ заснуть!

КАРЛЪ ТАННЕРЪ.

Говоръ волнъ.

Одна волна другой журчитъ:
«Ахъ, какъ мы быстро гибнемъ въ морѣ!
Другая третьей говоритъ:
«Короче жизнь—короче горе!»

ШАМИССО.

I.

На мельницѣ.

Ребенкомъ принялъ мельникъ
Меня къ себѣ въ семью;
Здѣсь выросъ я, здѣсь прожилъ
И молодость свою.
Какъ ласкова со мною
Дочь мельника была!
Какъ ясны были очи,
И какъ душа свѣтла!

Порой, какъ съ братомъ, сядетъ
Со мною вечеркомъ,
И нѣтъ конца бесѣдѣ—
Толкуемъ обо всемъ.
И радости и горе —
Все повѣрялъ я ей;
Ни слова не примолвилъ
Лишь о любви своей.

Люби сама—безъ слова
Узнала-бы она:
Чтобъ высказаться сердцу,
Людская рѣчь бѣдна.
Я сердцу молвилъ: «Сердце!
Терпи, молчи, любя!
О счастьѣ полно думать!
Оно не для тебя».

Бывало, чуть примѣтитъ
Въ лицѣ печали слѣдъ:
«Ахъ, что съ тобой? Грустишь ты!
Въ щекахъ кровинки нѣтъ!
Да полно же крушиться!
Да будь же веселъ вновь!»
И изъ любви гасилъ я
Въ душѣ своей любовь.

Однажды шелъ я въ рощѣ—
Меня вдругъ догнала,
Такъ весело взглянула
И за руку взяла.
«Порадуйся со мною:
Теперь невѣста я!
А безъ тебя и радость
Нерадостна моя!»

Я цѣловалъ ей руки,
Лицо стараясь скрыть:
Катились градомъ слезы;
Не могъ я говорить.

Казалось, всѣ надежды,
Все, чѣмъ душа жила,
Передо мной могила
Навѣки погребла.

Въ тотъ вечеръ обручали
Невѣсту съ женихомъ;
Сидѣлъ почетнымъ гостемъ
Я съ ними за столомъ.
Вокругъ вино и пѣсни,
Веселый говоръ, смѣхъ;
Пришлось и мнѣ смѣяться:
Не плакать же при всѣхъ!

На утро послѣ пира
Ходилъ я самъ не свой:
Мнѣ было тошно, больно
Средь радости чужой.
О чемъ же я крушился?
Чего хотѣлъ отъ нихъ?
Вѣдь всѣ меня любили—
Она, ея женихъ.

Они меня ласкали,
А я болѣлъ душой.
Мнѣ тяжко было видѣть
Ихъ ласки межъ собой.
Задумалъ я—далеко
Навѣкъ отъ нихъ уйти:
Все уложилъ въ котомку
И все припасъ къ пути.

Прошу ихъ: «Отпустите
На бѣлый свѣтъ взглянуть!»
Самъ думаю: «Кручину
Размычу гдѣ-нибудь».
Она такъ кротко смотритъ:
«Куда ты? Богъ съ тобой!
Тебя мы всѣ такъ любимъ!
Вѣдь ты намъ свой, родной!»

Катились градомъ слезы—
И не скрывалъ я ихъ:

Всѣ плачутъ, покидая
Знакомыхъ и родныхъ.
Они со мной простились
И провожать пошли...
И замертво больного
Съ дороги принесли.

На мельницѣ всѣ ходятъ
За мной, какъ за роднымъ;
Она приходитъ съ милымъ
Сидѣть со мной, больнымъ.
Въ іюлѣ будетъ свадьба,
Они меня зовутъ,
Чтобъ ѣхалъ жить я съ ними,
Что я стоскуюсь тутъ.

Шумятъ въ водѣ колеса—
И все-бъ ихъ слушалъ я!..
Все думаю: «Нашла-бы
Здѣсь миръ душа моя!
Тутъ все мое-бы горе,
Всѣ скорби утопилъ!
Они же вѣдь желаютъ,
Чтобъ я доволенъ былъ!

II.

Зима.

Въ молодые годы
Весело живалось;
На мою-ль отвагу
Солнце любовалось.

Жизнь цвѣла любовью,
Какъ поля цвѣтами;
Было ретивое
Такъ полнò мечтами.

Словно сонъ мгновенный,
Дни тѣ пролетѣли...
Вотъ зима настала—
Кудри посѣдѣли.

Въ даль не смотрятъ очи,
Какъ тò въ старь бывало.
То-то жизнь, какъ вихорь,
Быстро пробѣжала!

III.

Новогреческая пѣсня.

Какъ въ ночи мы цѣловались,
Отъ людей мы схоронились;
А отъ звѣздочекъ небесныхъ
Нашихъ ласкъ и не таили.

Съ неба звѣздочка упала
И про насъ сказала морю;
Море весламъ проболталось;
Рыбаку сказали весла.

Какъ въ ночи мы цѣловались,
Разсказалъ рыбакъ невѣстѣ—
И про насъ теперь повсюду
Дѣвки пѣсню распѣваютъ.

IV.

Литовскія пѣсни.

1.

Какъ въ лѣсъ меня послали
По ягоду чернику,
Я въ лѣсъ не заходила
И ягодъ не сбирала:
Пошла я на кладбище,
Къ родимой на могилу;
Надъ нею залилася
Горючими слезами.

«Кто плачетъ надъ могилой?
Меня въ могилѣ будитъ?»
— Я, матушка родная,
Пришла къ тебѣ поплакать
Сиротскими слезами.
Кто косы мнѣ расчешетъ?
Кто личико умоетъ?
Кто лаской приголубитъ?

«Иди домой ты, дочка!
Тамъ мать тебѣ другая
И волосы расчешетъ
И личико умоетъ,
А суженый молодчикъ
И лаской приголубитъ».

2.

Воронъ.

Пролетаетъ черный воронъ,
Руку бѣлую несетъ онъ,
Съ золотымъ на пальцѣ перстнемъ.
Ты скажи, скажи мнѣ, птица,
Ты отвѣть мнѣ, черный воронъ:
Гдѣ взялъ бѣлую ты руку
Съ золотымъ на пальцѣ перстнемъ:
Отвѣчаетъ воронъ вѣщій:
«Я войну большую видѣлъ,
На великомъ былъ сраженьи
Тамъ плетни плели изъ сабель,
Рыли ружьями могилы,
Разливалась кровь ручьями.
Не одинъ тамъ сынъ зарубленъ,
Не одна тамъ мать рыдаетъ».
Этимъ перстнемъ обручилась
Я съ моимъ сердечнымъ другомъ.
Лейтесь, слезы мои, лейтесь!
Не воротится онъ къ милой.

3.

Пирушка.

Собирался отецъ на охоту въ лѣсокъ.
Недаромъ ходилъ онъ: былъ важный стрѣлокъ.
Присѣлъ за кустокъ да навелъ изъ ружья—
И сразу убилъ наповалъ воробья.
Въ телѣгу коня сыновья запрягли
И съ пѣснями птицу домой привезли.
«Ну, сестры! огонь разводите скорѣй!
А мы созывать разойдемся гостей!»
Дичину въ сметанѣ обжарила мать.
«Идите-ка, дочки, на столъ накрывать!»
Сестрицы жаркое на столъ подаютъ;
И только поставили,—гости ужъ тутъ.
Раскланялись, чинно усѣлись за столъ,
И ѣсть да похваливать каждый пошелъ
А ѣсть, такъ и выпить обычай у насъ...
И выпили пива двѣ бочки какъ разъ.

V.

Сербская пѣсня.

Дѣвушка у моря сидѣла,—
Говорила она, вопрошала:
— Господи сильный и правый,
Чтò шире синяго моря?
Чтò пространнѣе чистаго поля?
Чтò коня лихого быстрѣе?
Чтò меду янтарнаго слаще?
Чтò милѣе брата родного?
Молвила ей рыбка морская:
— Дѣвушка, зеленъ твой разумъ...
Шире синяго моря—небо,
А пространнѣе чиста поля—море,
Взоръ—быстрѣе коня лихого,
Слаще меду янтарнаго—сахаръ,
Милый другъ—милѣй брата родного!

ФРЕЙЛИГРАТЪ.

У гробовщика.

— Горькое дѣло! Ужасное дѣло!
Ляжетъ въ доскахъ этихъ мертвое тѣло!

«Вотъ еще выдумалъ горе какое!
Намъ что̀ за дѣло? Не наше—чужое!»

— Полно бранить: развѣ я виноватъ?
Первый вѣдь гробъ я работаю, братъ!

«Первый, послѣднiй-ли—что за забота?
Пой: веселѣе подъ пѣсни работа.

Доски распилишь—отмѣрь же, смотри!
Выстругай глаже и стружки сбери!

Доску къ доскѣ пригони поплотнѣе:
Тѣсно лежать, такъ, чтобь было теплѣе.

Выкрасить, дно и бока уложить
Стружками надо, а сверху обить.

Стружки приличнѣй, чѣмъ пухъ или перья:
Это старинное наше повѣрье.

Гробъ ты снесешь, а какъ мертвый ужъ въ немъ,
Крышку захлопнулъ—и дѣло съ концомъ!»

—Все это знаю я! Доски исправно
Я распилилъ и ихъ выстругалъ славно;

Только все дрожь не проходитъ въ рукахъ,
Только все слезы стоятъ на глазахъ.

Стругъ-ли, пилу-ли рука моя водитъ,
Сердце все мретъ, словно кровью исходитъ.

Горькое дѣло! ужасное дѣло!
Ляжетъ въ доскахъ этихъ мертвое тѣло.

ГЕЙНЕ.

Изъ «Книги пѣсенъ».

I.

Прологъ.

Снова я въ сказочномъ старомъ лѣсу:
Липы осыпаны цвѣтомъ;
Мѣсяцъ, чаруя мнѣ душу, глядитъ
Съ неба таинственнымъ свѣтомъ.

Лѣсомъ иду я. Изъ чащи вѣтвей
Слышатся чудные звуки:
Это поетъ соловей про любовь
И про любовныя муки.

Муки любовной та пѣсня полна,
Слышны и смѣхъ въ ней и слезы
Темная радость и свѣтлая грусть...
Встали забытыя грезы.

Дальше иду я. Поляна въ лѣсу;
За̀мокъ стоитъ на полянѣ,
Старыя, круглыя башни его
Спятъ въ серебристомъ туманѣ.

Заперты окна; унынье и мракъ;
И гробовое молчанье...
Словно безмолвная смерть обошла
Это заглохшее зданье.

Сфинксъ, и роскошенъ и страшенъ, лежалъ
Въ мѣстѣ, гдѣ вымерли люди:
Львиныя лица, спина, а лицо
Женское, женскія груди.

Дивная женщина! Въ бѣлыхъ очахъ
Дико свѣтилось желанье;
Страстной улыбкой нѣмыя уста
Страстное звали лобзанье.

Сладостно пѣлъ и рыдалъ соловей...
И, вожделѣньемъ волнуемъ,

Весь задрожалъ я—и къ бѣлымъ устамъ
Жаркимъ прильнулъ поцѣлуемъ.

Камень холодный вдругъ началъ дышать...
Груди со стономъ вздымались;
Жадно огнемъ поцѣлуевъ моихъ
Губы, дрожа, упивались.

Душу мнѣ выпить хотѣла она,
Въ нѣгѣ и млѣя и тая...
Вотъ замерла—и меня обняла,
Когти мнѣ въ тѣло вонзая.

Сладкая мука! блаженная боль!
Нѣга и скорбь безъ предѣла!
Райскимъ блаженствомъ поитъ поцѣлуй,
Когти терзаютъ мнѣ тѣло.

«Эту загадку, о Сфинксъ! о Любовь!—
Пѣлъ соловей:—разрѣши ты...
Какъ въ тебѣ счастье и смертная скорбь,
Горе и радости слиты?»

«Сфинксъ! надъ разгадкою тайны твоей
Мучусь я многія лѣта.
Или загадкою будетъ она
И до скончанія свѣта?»

II.

Грезы.

1.

Мнѣ снились страстные восторги и страданья,
И миртъ, и резеда въ кудряхъ прекрасной дѣвы,
И рѣчи горькія, и сладкія лобзанья,
И пѣсенъ сумрачныхъ унылые напѣвы.

Давно поблекнули и разлетѣлись грезы:
Исчезло даже ты, любимое видѣнье!
Осталась пѣсня мнѣ: той пѣснѣ на храненье
Ввѣрялъ я нѣкогда и радости и слезы.

Осиротѣлая! Умчись и ты скорѣе!
Лети, о пѣснь моя, вослѣдъ моихъ видѣній!
Найди мой лучшій сонъ, по свѣту птицей рѣя,
И мой воздушный вздохъ отдай воздушной тѣни.

2.

Зловѣщій грезился мнѣ сонъ...
И любъ и страшенъ былъ мнѣ онъ;
И долго ȍбразами сна
Душа, смутясь, была полна.

Въ цвѣтущемъ—снилось мнѣ—саду
Аллеей пышной я иду.
Головки нѣжныя клоня,
Цвѣты привѣтствуютъ меня.

Веселыхъ пташекъ голоса
Поютъ любовь, а небеса
Горятъ и льютъ румяный свѣтъ
На каждый листъ, на каждый цвѣтъ.

Изъ травъ курится ароматъ;
Тепломъ и нѣгой дышитъ садъ...
И все сіяетъ, все цвѣтетъ,
Все свѣтлой радостью живетъ.

ъ цвѣтахъ и зелени кругомъ,
Въ саду былъ свѣтлый водоемъ.
Склонялась дѣвушка надъ нимъ
И что-то мыла. Неземнымъ

Въ ней было все: и станъ, и взглядъ,
И ростъ, и поступь, и нарядъ...
Мнѣ показалася она
И незнакома и родна.

Она и моетъ и поетъ—
И пѣснью за сердце беретъ:
«Ты плещи, волна, плещи!
Холстъ мой бѣлый полощи!»

Къ ней подошелъ и молвилъ я:
«Скажи, красавица моя,

Скажи, откуда ты и кто,
И здѣсь зачѣмъ, и моешь что̀?»

Она въ отвѣтъ мнѣ: «Будь готовъ!
Я мою въ гробъ тебѣ покровъ».
И только молвила, какъ дымъ,
Исчезло все.—Я недвижимъ

Стою въ лѣсу. Дремучій лѣсъ
Касался, кажется, небесъ
Верхами темными дубовъ:
Онъ былъ и мраченъ и суровъ.

Смущался слухъ, томился взоръ...
Но чу! вдали стучитъ топоръ.
Бѣгу заросшею тропой—
И вотъ поляна предо мной.

Могучій дубъ на ней стоитъ—
И та же дѣвушка подъ нимъ;
Въ рукахъ топоръ... И дубъ трещитъ
Прощаясь съ корнемъ вѣковымъ.

Она и рубитъ и поетъ—
И пѣснью за сердце деретъ:
«Ты руби, мой топорокъ!
Наруби ты мнѣ досокъ!»

Къ ней подошелъ и молвилъ я:
«Скажи, красавица моя,
Скажи, откуда ты и кто,
И рубишь дерево на что?»

Она въ отвѣтъ мнѣ: «Близокъ срокъ!
Тебѣ на гробъ рублю досокъ».
И только молвила—какъ дымъ,
Исчезло все.—Тоской томимъ,

Гляжу—чернѣетъ степь кругомъ,
Какъ опаленная огнемъ,
Мертва, безплодна... Я не зналъ,
Что̀ ждетъ меня; но весь дрожалъ.

Иду... Какъ облачный туманъ,
Мелькнулъ вдали мнѣ чей-то станъ.
Я подбѣжалъ... Опять она!
Стоитъ, печальна и блѣдна,

Съ тяжелымъ заступомъ въ рукахъ—
И роетъ имъ. Могильный страхъ
Меня объялъ. О, какъ она
Была прекрасна и страшна!

Она и роетъ и поетъ—
И скорбной пѣснью сердце рветъ:
«Заступъ, заступъ! Глубже рой:
Надо въ сажень глубиной!»

Къ ней подошелъ и молвилъ я:
«Скажи, красавица моя,
Скажи, откуда ты и кто,
И здѣсь зачѣмъ, и роешь что̀?»

Она въ отвѣтъ мнѣ: «Для тебя
Могилу рою».—Ныла грудь,
И содрогаясь и скорбя,
Но мнѣ хотѣлось заглянуть

Въ свою могилу.—Я взглянулъ...
Въ ушахъ раздался страшный гулъ,
Въ очахъ померкло... Я скатился
Въ могильный мракъ—и пробудился.

Ночь могилы тяготѣла
На устахъ и на челѣ,
Замеръ мозгъ, застыло сердце,
Я лежалъ въ сырой землѣ.

Много-ль, мало-ли—не знаю—
Длился сонъ мой гробовой;
Пробудился я—и слышу
Стукъ и голосъ надъ собой...

«Встань, мой Генрихъ, изъ могилы!
Свѣтитъ міру вѣчный день—

И надъ мертвыми разверзлась
Гроба сумрачная сѣнь».

— Милый другъ мой, какъ я встану?
Все темны мои глаза:
Много плакалъ я—и выжгла
Ихъ горючая слеза.

«Генрихъ, встань! Я поцѣлуемъ
Слѣпоту сниму съ очей!
Узришь ангеловъ ты въ небѣ
Въ ризѣ свѣта и лучей».

— Милый другъ мой, какъ я встану?
Сердце все еще въ крови,
Глубоко его язвила
Ты словами безъ любви.

«Я къ больному сердцу, Генрихъ,
Нѣжно руку приложу;
Язвы старыя закрою,
Токи крови удержу».

— Милый другъ мой, какъ я встану?
Кровь и кровь на лбу моемъ:
Я не могъ снести разлуки,
Я пробилъ его свинцомъ!

«Я косой своею, Генрихъ,
Обвяжу тебѣ чело:
Кровь уймется, боль уймется;
Снова взглянешь ты свѣтло».

Такъ былъ сладокъ, такъ былъ нѣженъ
Тихій звукъ молящихъ словъ,
Что я встать хотѣлъ изъ гроба—
И идти на милый зовъ.

Но опять раскрылись раны,
Кровь, обильна и черна,
Снова хлынула ручьями,
И—очнулся я отъ сна.

———

III.

Пѣсни и думы.

1.

Дай ручку мнѣ! Къ сердцу прижми ее, другъ!
Чу! слышишь-ли, что̀ тамъ за стукъ?
Тамъ злой гробовщикъ въ уголочкѣ сидитъ
И гробъ для меня мастеритъ.

Стучитъ безъ умолку и день онъ и ночь...
Уснулъ-бы—при стукѣ не смочь.
Эй, мастеръ! Ужъ время работу кончать!
Пора мнѣ, усталому, спать!

2.

Съ толпой безумною не стану
Я пляску дикую плясать
И золоченому болвану,
Поддавшись гнусному обману,
Не стану ладанъ воскурять.
Я не повѣрю рукожатьямъ
Мнѣ яму роющихъ друзей;
Я не отдамъ себя объятьямъ
Надменныхъ наглостью своей
Прелестницъ... Шумной вереницей
Пусть за побѣдной колесницей
Своихъ боговъ бѣжитъ народъ!

Мнѣ чуждо идолослуженье:
Толпа въ слѣпомъ своемъ стремленьи
Меня съ собой не увлечетъ!
Я знаю, рухнетъ дубъ могучій;
А надъ послушнымъ камышомъ
Безвредно пронесутся тучи
И прогудитъ сердитый громъ.
Но лучше пасть, какъ дубъ въ ненастье
Чѣмъ камышомъ остаться жить,
Чтобы потомъ считать за счастье
Для франта тросточкой служить.

IV.

РОМАНСЫ.

I.

Гренадеры.

Во Францію два гренадера
Изъ русскаго плѣна брели,
И оба душой пріуныли,
Дойдя до Нѣмецкой Земли.

Придется имъ слышать, увидѣть
Въ позорѣ родную страну:
И храброе войско разбито,
И самъ императоръ въ плѣну!

Печальныя слушая вѣсти,
Одинъ изъ нихъ вымолвилъ: «Братъ,
Болитъ мое скорбное сердце,
И старыя раны горятъ!»

Другой отвѣчаетъ: «Товарищъ,
И мнѣ умереть-бы пора;
Но дома жена, малолѣтки:
У нихъ ни кола, ни двора.

«Да что̀ мнѣ? Просить Христа ради
Пущу и дѣтей и жену.
Иная на сердцѣ забота:
Въ плѣну императоръ! въ плѣну!

«Исполни завѣтъ мой: коль здѣсь я
Окончу солдатскіе дни,
Возьми мое тѣло, товарищъ,
Во Францію—тамъ схорони!

«Ты орденъ на ленточкѣ красной
Положишь на сердце мое,
И саблей меня опояшешь,
И въ руки мнѣ вложишь ружье.

«И смирно и чутко я буду
Лежать, какъ на стражѣ, въ гробу.

Заслышу я конское ржанье
И пушечный громъ и трубу:

«То Онъ надъ могилою ѣдетъ!
Знамена побѣдно шумятъ...
Тутъ выйдетъ къ тебѣ, императоръ,
Изъ гроба твой вѣрный солдатъ!»

2.

Гонецъ.

Вставай, слуга! Коня сѣдлай!
  Чрезъ рощи и поля
Скачи скорѣе ко дворцу
  Дункана-короля!

Зайди въ конюшню тамъ и жди!
  И если кто войдетъ,
Спроси: которую Дунканъ
  Дочь замужъ отдаетъ.

Коль чернобровую—лети
  Во весь опоръ назадъ!
Коль ту, что̀ съ русою косой—
  Спѣшить не надо, братъ.

Тогда ступай на рынокъ ты:
  Купи веревку тамъ!
Вернися шагомъ—и молчи:
  Я угадаю самъ.

3.

Валтасаръ.

Полночный часъ ужъ наступалъ;
Весь Вавилонъ во мракѣ спалъ.

Дворецъ одинъ сіялъ въ огняхъ,
И шумъ не молкъ въ его стѣнахъ.

Чертогъ царя горѣлъ, какъ жаръ:
Въ немъ пировалъ царь Валтасаръ.

И чаши обходили кругъ
Сіявшихъ златомъ царскихъ слугъ,

Шелъ говоръ: смѣлъ въ хмелю холопъ,
Разглаживался царскій лобъ,—

И самъ онъ жадно пилъ вино,
Огнемъ вливалось въ кровь оно.

Хвастливый духъ въ немъ росъ. Онъ пилъ
И дерзко Божество хулилъ.

И чѣмъ наглѣй была хула,
Тѣмъ громче рабская хвала.

Сверкнувши взоромъ, царь зоветъ
Раба и въ храмъ Іеговы шлетъ.

И рабъ несетъ къ ногамъ царя
Златую утварь съ алтаря.

И царь схватилъ святой сосудъ,
«Вина!» Вино до края льютъ,

Его до дна онъ осушилъ
И съ пѣной у рта возгласилъ:

«Во прахъ, Іегова, твой алтарь!
Я въ Вавилонѣ Богъ и царь!»

Лишь съ устъ сорвался дерзкій кликъ,
Вдругъ трепетъ въ грудь царя проникъ.

Кругомъ угасъ немолчный смѣхъ,
И мракъ, и холодъ обнялъ всѣхъ.

Въ глуби чертога на стѣнѣ
Рука́ явилась—вся въ огнѣ.

И пишетъ, пишетъ. Подъ перстомъ
Слова текутъ живымъ огнемъ.

Взоръ у царя и тупъ и дикъ,
Дрожатъ колѣни, блѣденъ ликъ.

И нѣмъ, недвижимъ пышный кругъ
Блестящихъ златомъ царскихъ слугъ.

Призвали маговъ, но не могъ
Никто прочесть горящихъ строкъ

Въ ту ночь, какъ теплилась заря,
Рабы зарѣзали царя.

V.

Лирическая интермецiя.

1.

Изъ слезъ моихъ много, малютка,
Родилось душистыхъ цвѣтовъ;
А вздохи мои превратились
Въ немолкнущiй хоръ соловьевъ

Ужъ только-бъ меня полюбила—
Тебѣ и цвѣты я отдамъ,
И пѣснями станутъ баюкать
Тебя соловьи по ночамъ.

2.

Когда гляжу тебѣ въ глаза,
Стихаетъ на сердцѣ гроза;
Когда въ уста тебя цѣлую,
Душою вѣрю въ жизнь иную.

Когда склонюсь на грудь твою,
Не на землѣ я, а въ раю...
Скажи «люблю»—и самъ не знаю,
О чемъ я горько зарыдаю.

3.

Щекою къ щекѣ ты моей приложись:
Пускай наши слезы сольются!
И сердцемъ ты къ сердцу мнѣ крѣпче прижмись,
Пусть пламенемъ общимъ зажгутся!

Когда же въ то пламя польются рѣкой
Кипящiя слезы разлуки,
Я, крѣпко твой станъ охвативши рукой,
Умру отъ блаженства и муки.

4.

Стоятъ отъ вѣка звѣзды
Недвижно надъ землей
И смотрятъ другъ на друга
Съ любовью и тоской.

Ихъ языка (богатъ онъ
И какъ хорошъ!) не могъ
Постигнуть ни единый
Ученый филологъ.

Но я его изгибы
Всѣ изучилъ вполнѣ...
Вѣдь глазки милой были
Грамматикою мнѣ.

5.

Тебя умчитъ далеко
На крыльяхъ пѣснь моя:
Въ долинѣ Ганга знаю
Пріютъ блаженный я.

Тамъ садъ цвѣтетъ и рдѣетъ
Подъ тихою луной,
И лиліи ждутъ въ гости
Сестры своей родной.

Фіалки смотрятъ въ небо
И шепчутся, смѣясь;
Лепечутъ розы сказки,
Другъ къ другу наклонясь.

Глядитъ умно и кротко
Газель исподтишка;
Вдали шумитъ волнами
Священная рѣка.

Тамъ сладко пріютиться
Подъ пальмой въ тишинѣ,
Вкушать любовь и нѣгу,
Тонуть въ волшебномъ снѣ.

6.

Опустясь головкой сонной
Подъ огнемъ дневныхъ лучей,
Тихо лотосъ благовонный
Ждетъ мерцающихъ ночей.

И лишь только выплываетъ
Въ небо кроткая луна,
Онъ головку поднимаетъ,
Пробуждаясь ото сна.

На листахъ душистыхъ блещетъ
Чистыхъ слезъ его роса,
И любовью онъ трепещетъ,
Грустно глядя въ небеса.

7.

Я глазки у милой моей
Въ прелестныхъ воспѣлъ канцонетахъ;
Румяныя губки у ней
Въ октавахъ хвалилъ, въ тріолетахъ;

Что личико розы свѣжѣй,
Твердилъ въ благозвучныхъ терцетахъ.
Какъ жаль, что сердечка въ ней нѣтъ
А чудный-бы вышелъ сонетъ!

8.

Дитя мое, свѣтъ глупъ и слѣпъ;
Во всѣхъ сужденьяхъ ложь.
Онъ говоритъ, что у тебя
Характеръ нехорошъ.

Дитя мое, свѣтъ глупъ и слѣпъ;
Тебя-ль онъ оцѣнитъ?
Не знаетъ онъ, какимъ огнемъ
Твой поцѣлуй горитъ.

9.

Какъ изъ пѣны волнъ рожденная,
И прекрасна и пышна,
За другого обрученная,
Дышитъ прелестью она.

Сердце многотерпѣливое!
Не ропщи и не грусти,
И безумство торопливое
Бѣдной женщинѣ прости.

10.

Я не ропщу, хоть въ сердцѣ стынетъ кровь,
Моя навѣкъ погибшая любовь!
Алмазы, что̀ въ кудряхъ твоихъ горятъ,
Ночь сердца твоего не озарятъ.

Я это зналъ. Все это снилось мнѣ:
И ночь въ твоей сердечной глубинѣ,
И грудь твою грызущая змѣя,
И какъ несчастна ты, любовь моя!

11.

Несчастна ты,—и ропотъ мой молчитъ.
Любовь моя, несчастны оба мы!
Пока намъ смерть сердецъ не сокрушитъ,
Любовь моя, несчастны оба мы!

Какъ ни играй насмѣшка на устахъ,
Какъ гордо ни вздымайся грудь твоя,
Какъ ни гори упорный блескъ въ глазахъ,
Несчастна ты,—несчастна, какъ и я.

Незримо скорбь уста твои мертвитъ;
Глаза пылаютъ, горечь слезъ тая,
Отъ скрытой язвы грудь твоя болитъ;
Несчастны оба мы, любовь моя!

12.

Свадебной радости полны,
Скрипки и флейты поютъ.
Вотъ мою милую волны
Быстраго танца несутъ.

Трубы грохочутъ; несется
Гулъ, и гудѣнье, и звонъ;
Тихо межъ нихъ раздается
Плачущихъ ангеловъ стонъ.

13.

Когда-бы цвѣты то узнали,
Какъ ранено сердце мое,
Со мной они плакать-бы стали,
Шепча утѣшенье свое.

Узнай соловьи, какъ мнѣ трудно,
Какимъ я недугомъ томимъ,—
О, какъ утѣшали-бы чудно
Они меня пѣньемъ своимъ!

Узнай мое злое несчастье
И звѣзды въ небесной дали,
Онѣ со слезами участья
Ко мнѣ-бы радушно сошли.

Узнать мое горе имъ трудно,
И знаетъ его лишь одна:
Вѣдь сердце мнѣ такъ безразсудно
Сама жъ и разбила она.

14.

Отчего это, милая, розы въ цвѣту
Поблѣднѣли? Скажи, отчего?
Отчего голубыя фіалки въ саду
Облетѣли? Скажи, отчего?

Отчего это птицы такъ тихо поютъ?
Отчего ихъ напѣвъ такъ унылъ?
На лугу, гдѣ душистыя травы растутъ,
Отчего слышенъ запахъ могилъ?

Отчего это, прячась среди облаковъ,
Солнце злобно глядитъ на поля?
Отчего это въ сѣрый одѣлась покровъ
И глуха и пустынна земля?

Отчего это, милая, боленъ такъ я,
И тоска меня злая томитъ?
О, скажи, отчего, дорогая моя,
Я покинутъ тобой и забыть?

15.

Когда-то другъ друга любили мы страстно...
Любили хоть страстно, а жили согласно.

Женой ее звалъ я, она меня мужемъ:
День цѣлый, бывало, играемъ, не тужимъ.

И Боже спаси, чтобъ затѣяли ссору!
Нѣтъ, все-бъ цѣловаться—во всякую пору!

Играть наконецъ мы задумали въ прятки,
И въ чащѣ лѣсной разошлись безъ оглядки.

Да такъ-то сумѣли запрятаться оба,
Что вѣрно другъ друга не сыщемъ до гроба.

16.

И розы на щечкахъ у милой моей,
И глазки ея незабудки,
И бѣлыя лиліи, ручки-малютки,
Цвѣтутъ все свѣжѣй и пышнѣй...
Одно лишь сердечко засохло у ней!

17.

На сѣверномъ голомъ утесѣ
Стоитъ одинокая ель.
Ей дремлется. Сонную снѣжнымъ
Покровомъ одѣла метель.

И ели мерещется пальма,
Что̀ въ дальней восточной землѣ
Одна молчаливо горюетъ
На зноемъ сожженной скалѣ.

18.

Какъ пришлось съ тобой разстаться,
Разучился я смѣяться...
Былъ въ насмѣшкахъ я жестокъ,
А смѣяться все не могъ.

Какъ съ тобою разлучился,
Я и плакать разучился...
Много сердцу горькихъ бѣдъ,
А слезы все нѣтъ, какъ нѣтъ

19.

Порою картины былого
Встаютъ изъ забытыхъ могилъ
И кажутъ мнѣ, какъ я когда-то
Вблизи тебя, милая, жилъ.

По улицамъ днемъ я скитался,
Затерянный въ грезахъ больныхъ.
Бывало, всѣ встрѣчные смотрятъ;
Такъ былъ я печаленъ и тихъ.

Не такъ было жутко мнѣ ночью:
Все пусто и тихо кругомъ;
Не сплю только я съ своей тѣнью,
И бродимъ мы съ нею вдвоемъ.

Какъ мостомъ иду я—далеко
Мой шагъ раздается, звеня;
Изъ облака выглянетъ мѣсяцъ
И грустно глядитъ на меня.

Вотъ домъ твой. Къ нему подхожу я,
Смотрю на окно въ вышинѣ,
Окно твоей спальни дѣвичьей—
И сердце рыдаетъ во мнѣ.

Я знаю, ты часто съ постели
Вставала—взглянуть изъ окна,
Какъ, словно статую, сіяньемъ
Меня обливаетъ луна.

20.

Только до слуха коснется
Пѣсня, что̀ милая пѣла,
Сердце заноетъ, забьется,
Вырваться хочетъ изъ тѣла.

Къ лѣсу тоска меня гонитъ;
Спрятался-бъ въ чащахъ дремучихъ.
Хочется слезъ мнѣ горючихъ:
Въ нихъ мое горе потонетъ!

21.

Сердце мнѣ терзали,
Гнали мой покой,—
Тѣ—своей любовью,
Тѣ—своей враждой.

Клали въ хлѣбъ отраву,
Ядъ—въ напитокъ мой,—
Тѣ—своей любовью,
Тѣ—своей враждой.

Та же, что терзала
Всѣхъ больнѣй и злѣй—
Ни любви ни злобы
Не видалъ я въ ней.

22.

Лѣто жаркое алѣетъ
На лицѣ твоемъ,
Но зима морозомъ вѣетъ
Въ сердцѣ молодомъ

Перемѣнится все это—
Посмотри сама:
Скоро въ сердцѣ будетъ лѣто,
На лицѣ зима.

23.

Какъ разстаются двое,
Другъ другу руки жмутъ,
И нѣтъ конца прощанью:
Вздыхаютъ, слезы льютъ.

Безъ вздоховъ и безъ плача
Пошли мы въ розный путь...
И вотъ и слезы льются,
И вздохи давятъ грудь.

24.

Полны мои пѣсни
И желчи и зла...
Не ты-ли отравы
Мнѣ въ жизнь налила?

Полны мои пѣсни
И желчи и зла...
Не ты-ли мнѣ сердце
Змѣей обвила?

25.

Во снѣ неутѣшно я плакалъ:
Мнѣ снилося—ты умерла.
Проснулся—а все по ланитамъ
Слеза за слезою текла.

Во снѣ неутѣшно я плакалъ:
Мнѣ снилось—забытъ я тобой.
Проснулся—но долго катились
Горючія слезы рѣкой.

Во снѣ неутѣшно я плакалъ:
Мнѣ снилось—мы вмѣстѣ опять.
Проснулся—а слезы все льются,
И я не могу ихъ унять.

26.

Падаетъ звѣздочка съ неба,
Съ яркой своей высоты...
Долго-ли, звѣздочка счастья,
Въ небѣ мнѣ теплилась ты?

Съ яблони цвѣтъ облетаетъ,
Падаетъ листъ за листомъ;
Буйно ихъ вѣтеръ осенній
По полю носитъ кругомъ.

Лебедь запѣлъ свою пѣсню...
Тихо прудомъ онъ плыветъ.
Пѣсня все глуше и глуше...
Съ пѣсней и самъ онъ умретъ.

Грустно, темно!.. Ни листочка
Нѣтъ ужъ на вѣткахъ нагихъ...
Вотъ и звѣзда золотая
Гаснетъ... и лебедь затихъ.

27.

Полночь нѣмая была холодна:
Громко въ лѣсу мои вопли звучали.
Темныя сосны очнулись отъ сна—
И съ состраданьемъ главами качали.

28.

Самоубійцъ хоронятъ
Межъ четырехъ дорогъ;
Растетъ цвѣтокъ тамъ синій,
Проклятыхъ душъ цвѣтокъ.

Я плакалъ мертвой ночью
Межъ четырехъ дорогъ;
Въ лучахъ луны кивалъ мнѣ
Проклятыхъ душъ цвѣтокъ.

VI.

Опять на родинѣ.

1.

Какъ-то разъ въ потемкахъ жизни
Засіялъ передо мной
Свѣтлый образъ, но погасъ онъ-
И я вновь окутанъ тьмой.

Дѣти малыя въ потемкахъ,
Чтобы страхъ преодолѣть
И унять тревогу сердца,
Начинаютъ громко пѣть.

Вотъ и я—ребенокъ глупый—
Точно такъ пою впотьмахъ...
Пусть утѣхи въ пѣснѣ мало,
Да зато прошелъ мой страхъ.

2.

Непонятной тоской
Мое сердце полно,—
Сказку старую все
Повторяетъ оно...

Вечеръ свѣтелъ и свѣжъ,
Рейнъ спокойно бѣжитъ,
На вершинахъ холмовъ
Лучъ вечерній горитъ.

Лорелея вдали,
Надъ утесомъ крутымъ,
Чешетъ злато кудрей
Гребешкомъ золотымъ,—

Чешетъ кудри свои
Съ чудной пѣсnью она;
Нѣгой знойной любви
Эта пѣсня полна...

И пловецъ въ челнокѣ
Пораженный сидитъ,—
Онъ не смотритъ на путь,
Все на дѣву глядитъ.

Разобьется у скалъ
И потонетъ ладья,—
И пловецъ проклянетъ,
Лорелея, тебя!

3.

Не радуетъ вешнее солнце
Смущенную душу мою:
У старыхъ развалинъ, подъ липой,
Одинъ и печаленъ стою.

Какъ ярко блеститъ подъ горою
Лазурною гладью рѣка!
Плыветъ по ней лодка; далеко
Разносится пѣснь рыбака.

А тамъ, за рѣкою, пестрѣютъ
Подъ ясной улыбкой небесъ
Сады и бесѣдки, и дачи,
И люди, и стадо, и лѣсъ.

Вонъ дѣвушки берегомъ ѝдутъ
Къ зыбучему плòту съ бѣльемъ;
Вонъ мельница шумно трудится—
И сыплетъ алмазнымъ дождемъ.

Вонъ древняя, ветхая башня
И будка у старыхъ воротъ;
Солдатикъ въ нарядномъ мундирѣ
Тамъ ходитъ и взадъ и впередъ.

Играетъ ружьемъ онъ—и ярко
Сверкаетъ на солнцѣ ружье...
«На плѐ-чо! на крà-улъ!» Солдатикъ,
Прицѣлься ты въ сердце мое!

4.

Печаленъ по рощѣ брожу,
А дроздъ мнѣ съ кудрявой березы
Щебечетъ: «О чемъ твои слезы?»
Да что тебѣ, птица, скажу?

Вѣдь, вѣрно, печаль мою знаютъ
Касатки, сестрицы твои,
Чтò умныя гнѣзда свои
Надъ окнами милой свиваютъ.

5.

Случайно со мной повстрѣчалась
Въ пути моей милой семья.
И мать, и отецъ, и сестричка—
Всѣ тотчасъ узнали меня.

Разспрашивать стали, здоровъ-ли?
И мнѣ говорили: «Ей-ей!
Такой же вы все, какъ и прежде;
Лишь стали немножко блѣднѣй!»

Я тоже спросилъ ихъ—о теткахъ,
О братцахъ, о прочей роднѣ;
Спросилъ о щеночкѣ, чтò лаялъ,
Такъ нѣжно ласкаясь ко мнѣ.

Да кстати спросилъ и о милой:
Я съ свадьбы ея не видалъ...
И дружески мнѣ отвѣчали:
«На-дняхъ ей сыночка Богъ далъ!»

И дружески я ихъ поздравилъ
И молвилъ, какъ могъ лишь нѣжнѣй:
«Ахъ, будьте добры, передайте
Сердечный поклонъ мой и ей!»

Сестричка межъ тѣмъ мнѣ кричала:
«Щеночка ужъ нѣтъ моего!
Былъ смирный, а выросъ—взбѣсился,
И бросили въ рѣчку его!»

Какъ съ милою схожа малютка!
Улыбка—двѣ капли—ея;
И глазки такіе же точно,
Чтò счастье сгубили мое.

6.

Привяжи, душа-рыбачка,
Ты у берега челнокъ!

Подойди! рука съ рукою
Сядемъ вмѣстѣ на песокъ

Безъ боязни припади ты
Мнѣ на сердце головой:
Вѣдь безъ страха синю морю
Ты челнокъ ввѣряешь свой.

Это сердце—то же море:
Такъ же часты бури въ немъ,
Такъ же, бурное, богато
Многоцѣннымъ жемчугомъ.

7.

Вихорь смерчи водяные
Вздѣлъ, какъ бѣлые штаны,
И бѣжитъ, бичуя волны;
Волны гнѣвны и черны.

Тьма на небѣ; ливень хлещетъ;
Пуще злится ураганъ.
Мнится, съ ночью довременной
Слился старый океанъ.

Къ нашей мачтѣ чайка жмется,
Бурей смята на лету,
И пророчитъ хриплымъ крикомъ
Неминучую бѣду.

8.

Буря поетъ плясовую,
Свищетъ во всю свою мочь...
Пляшетъ нашъ бѣлый кораблнкъ...
Что̀ за разгульная ночь!

По морю буйной ватагой
Съ грохотомъ волны бѣгутъ,
Черныя пасти зіяютъ,
Бѣлыя горы встаютъ.

Слышны въ каютахъ проклятья,
Рвота, молитвы и вой.
Крѣпко держусь я за мачту,
Думаю: буду-ль домой?

9.

Заря золотая погасла,
Надъ моремъ клубится туманъ...
И шепчутъ таинственно волны,
И плещетъ сѣдой океанъ.

Вотъ фея выходитъ изъ моря,
Садится на берегъ со мной...
Трепещутъ высокія перси,
Покровъ онѣ рвутъ золотой.

И къ пуху грудей бѣлоснѣжныхъ
Она прижимаетъ меня...
«Задушишь меня ты въ объятьяхъ,
Прекрасная фея моя!»

—Тебя я къ груди прижимаю,
Тебя обвиваю рукой:
Хочу я въ объятьяхъ согрѣться...
Такъ холоденъ вѣтеръ морской!

«Намъ мѣсяцъ сіяетъ блѣднѣе:
Закрыли его облака,
Зачѣмъ твои очи такъ мрачны,
И слезы въ нихъ, фея моя?»

—Всегда мои очи такъ мрачны,
Но въ нихъ не сверкаетъ слеза.
Какъ шла я изъ синяго моря,
Мнѣ капля попала въ глаза.

«Кричатъ гдѣ-то жалобно чайки,
Шумитъ и дробится струя...
Что̀ грудь твоя бьется такъ страстно,
Прекрасная фея моя?»

—Давно моя грудь такъ трепещетъ,
И горе давно я терплю...
Зачѣмъ я, безумная фея,
Тебя, человѣкъ, такъ люблю!

10.

Безбрежное море кругомъ
Лежало въ вечернемъ мерцаньи.

Вдвоемъ на утесѣ крутомъ
Сидѣли мы въ грустномъ молчаньи.

Въ туманъ облекались струи
И чайка надъ нами порхала,
Ты блѣдныя руки свои
Слезами любви орошала.

Безмолвно колѣни склоня,
Къ рукамъ твоимъ тихо устами
Припалъ я, и съ нихъ ты меня
Поила своими слезами.

Съ того безотраднаго дня
Я высохъ и сердце изныло:
Слезами своими меня,
Несчастная, ты отравила.

11.

На дальнемъ небосклонѣ
Туманною грядой
Встаетъ старинный городъ,
Одѣтъ вечерней мглой.

Кудрявитъ влажный вѣтеръ
Равнину синихъ водъ;
Гребецъ мой однозвучно
Весломъ по влагѣ бьетъ.

Заря, чуть теплясь, кажетъ
Мѣста, гдѣ я любилъ,
Гдѣ все, что мило сердцу,
Навѣкъ похоронилъ.

12.

Въ рощѣ я прилегъ подъ тѣ березы,
Гдѣ она мнѣ въ вѣрности клялась..
Гдѣ тогда ея струились слезы,
Куча змѣй шипѣла и вилась.

13.

Объятый туманными снами,
Глядѣлъ я на милой портретъ,
И мнѣ показалось—я вижу
Въ немъ жизни таинственный слѣдъ..

Какъ будто печальной улыбкой
Раскрылись нѣмыя уста,
И жемчугомъ слезъ оросилась
Любимыхъ очей красота.

И самъ я невольно заплакалъ—
Заплакалъ, грустя и любя...
Ахъ, страшно повѣрить!.. Неужто
Я точно утратилъ тебя?

14.

О, я несчастный Атласъ! Цѣлый міръ,
Да, цѣлый міръ скорбей нести я долженъ.
Я это бремя не снесу,—и сердце
Готово сокрушиться!

Ты жъ, сердце гордое, того хотѣло!
Ты жаждало иль счастья безъ конца,
Или хоть безконечнаго несчастья.
Ну, вотъ ты и несчастно!

15.

Идетъ за племемъ племя,
Идетъ за годомъ годъ,
А все любовь былая
Изъ сердца вонъ нейдетъ.

Лишь разъ тебя-бъ увидѣть
И пасть къ твоимъ ногамъ,
И молвить, умирая:
«Я васъ люблю, madame!»

16.

Сквозь облака мѣсяцъ осенній
Прорѣзался блѣднымъ серпомъ.
Стоитъ одинокъ у кладбища
Пастора-покойника домъ.

Старуха надъ Библіей дремлетъ;
Сынъ тупо на свѣчку глядитъ;
Дочь старшая сонно зѣваетъ,
А младшая дочь говоритъ:

«Ахъ, Господи! Дни-то здѣсь, дни-то:
Сидишь—не дождешься конца.
Одно развлеченье, какъ въ церковь
Отпѣть принесутъ мертвеца!»

Старуха, очнувшись, ей молвитъ:
«Не ври: схоронили всего
Троихъ съ той поры, какъ зарыли
Въ могилу отца твоего!»

«Здѣсь съ голоду ноги протянешь»,
Промолвила старшая дочь.
«Давно меня графъ подзываетъ...
Пойду къ нему: стало невмочь!»

«Троихъ я молодчиковъ знаю!»
Смѣясь, перебилъ ее братъ:
«Пойду съ ними денежки дѣлать...
Въ лѣсу имъ что кустикъ, то кладъ!»

Въ худое лицо ему книгу
Швырнула, вся блѣдная, мать:
«Такъ будь же ты проклятъ, разбойникъ,
Коль сталъ грабежи замышлять!»

Вдругъ стукнуло что-то въ окошко,
И кто-то рукой имъ грозитъ...
Глядятъ: въ облаченіи черномъ
Покойникъ-отецъ тамъ стоитъ.

17.

Снѣжная изморозь, вѣтеръ,
Слякоть—какъ-быть октябрю...
Сѣлъ я отъ скуки къ окошку,
Въ темень ночную смотрю

Тусклый вдали огонечекъ
Виденъ во мракѣ сыромъ
Это старушка изъ лавки
Тихо бредетъ съ фонаремъ

Вѣрно мучицы купила,
Масла, яичекъ пятокъ:
Хочетъ большой своей дочкѣ
Сдобный испечь пирожокъ.

Дочка же дома—усѣлась
Въ кресло, и дремлется ей...
Милое личико скрыли
Русыя волны кудрей.

18.

Я бѣса звалъ,—и онъ ко мнѣ сейчасъ явился.
Увидѣвши его, я очень изумился:
Онъ вовсе не уродъ, притомъ совсѣмъ не хромъ,
Такъ ловокъ, милъ,—почти «bel homme»,
Онъ среднихъ лѣтъ, учтивъ—и свѣтъ прекрасно знаетъ,
Искусный дипломатъ—и мѣтко разсуждаетъ
О разныхъ случаяхъ, дѣлахъ.
Лишь блѣденъ нѣсколько... Не странно! Все въ трудахъ:
Языкъ санскритскій онъ усердно изучаетъ
И Гегеля всегда внимательно читаетъ.
Любимый у него поэтъ, какъ встарь, Фуке...
(Давно-бы ужъ пора забыть о старикѣ!)
Но критику теперь совсѣмъ ужъ онъ оставилъ,
Гекатѣ, бабушкѣ дражайшей, предоставилъ;
Къ юриспруденціи мою любовь хвалилъ,
Онъ самъ юристомъ прежде былъ!
Онъ говорилъ, что небольшую службу
Ему я оказалъ моимъ знакомствомъ, дружбой,
И, кланяясь, спросилъ: не видѣлъ-ли его
Я гдѣ-нибудь случайно, хоть въ гостиной?..
И точно, разсмотрѣвъ черты лица его,
Узналъ я, что онъ мнѣ—знакомецъ, и старинный!

19.

Какъ сквозь облачнаго дыма
Виденъ млечный лунный свѣтъ,
Такъ во тьмѣ былого зрима
Ты, картина свѣтлыхъ лѣтъ!

Дружнымъ кругомъ мы сидѣли...
Гордо Рейномъ плылъ нашъ челнъ.
Подъ вечернимъ солнцемъ рдѣли
Берега лазурныхъ волнъ.

Передъ женщиной любимой
Я задумчиво сидѣлъ...
Блескомъ вечера палимый,
Блѣдный ликъ ея алѣлъ.

Все живѣе, веселѣе
Раздавалась пѣснь гребца;

Небо стало голубѣе,
И просторнѣе сердца.

Чуднымъ сномъ мелькали мимо
За̀мокъ, роща, горный склонъ...
Очи женщины любимой
Отражали этотъ сонъ.

20.

Полно, сердце, что̀ съ тобою?
Покорись своей судьбѣ!
Все, что̀ отнято зимою,
Возвратитъ весна тебѣ.

Да и все-ли измѣнило?
Вѣдь широкъ Господень свѣтъ:
Все, что̀ любо, все, что̀ мило,
Все люби—запрету нѣтъ!

21.

Ты, какъ цвѣтокъ весенній,
Чиста, нѣжна, хороша.
Гляжу на тебя, и печалью
Во мнѣ смутилась душа.

Съ молитвой тебѣ на головку
Я-бъ руки возложилъ,
Чтобъ Богъ тебя вѣчно прекрасной,
Нѣжной и чистой хранилъ.

22.

Лежу-ли безсонною ночью
Въ постели, одинъ, безъ огня:
Лицо твое съ кроткою лаской
Изъ мрака глядитъ на меня.

Закрою-ль усталыя вѣки
И тихо забудусь во снѣ—
Твой нѣжный и ласковый образъ
Прокрадется въ грезы ко мнѣ.

И утро его не уноситъ,
Летучія грезы гоня:

Весь день, неразлучно со мною,
Живетъ онъ въ душѣ у меня.

23.

Пусть на землю снѣгъ валится,
Вьюга бѣшеная злится
И стучится у окна!
Сердца бури не пугаютъ:
Въ немъ живутъ и расцвѣтаютъ
Образъ милой и весна.

24.

На блѣдномъ лицѣ ты моемъ
Читаешь страданья любви,
Но нищенскихъ словъ и признаній
Изъ устъ моихъ гордыхъ не жди.

Уста мои горды безмѣрно; онѣ
Одно лишь умѣютъ: шутить, цѣловать
И часто смѣются и дерзко и зло,
Когда я отъ горя готовъ умирать.

25.

Я къ бѣлому плечику милой
Прижался щекою плотнѣй:
Хотѣлось-бы очень подслушать,
Что кроется въ сердцѣ у ней.

Трубятъ голубые гусары
И въ городъ въѣзжаютъ толпой...
Я знаю, придется, голубка,
Намъ завтра разстаться съ тобой.

Пожалуй, покинь меня завтра;
Зато ты сегодня моя,
Зато въ этихъ милыхъ объятьяхъ
Сегодня блаженствую я.

26.

Трубятъ голубые гусары
И ѣдутъ изъ города вонъ...
Опять я съ тобою, голубка,
И розу принесъ на поклонъ.

Какая была передряга
Гусары—народецъ лихой:
Пришлось и твое мнѣ сердечко
Гостямъ уступать подъ постой.

27.

Я при первой нашей встрѣчѣ
По глазамъ твоимъ, по рѣчи
Угадалъ любовь твою.
Если-бъ мать тутъ не стояла,
Ты-бъ на грудь ко мнѣ упала
И сказала мнѣ: люблю!

Завтра снова мнѣ дорога:
Впереди осталось много
Безотраднаго пути.
Щелкнетъ бичъ у почтальона,
Грустно глянешь ты съ балкона,
Грустно молвлю я: прости!

28.

Смерть—прохладной ночи тѣнь,
Жизнь—палящій лѣтній день,
Близокъ вечеръ; клонитъ сонъ:
Днемъ я знойнымъ утомленъ.

А надъ ложемъ дубъ растетъ,
Соловей надъ нимъ поетъ...
Про любовь поетъ, и мнѣ
Пѣсни слышатся во снѣ.

29.

Въ лодкѣ я легкой катался
Быстрой рѣкой,
Въ лодкѣ малютка сидѣла
Рядомъ со мной.

Струйки ласкали съ игривой
Пѣной корму,
Темнымъ рулемъ шевелили
Жались къ нему.

Мѣсяца лучъ отражался
Въ мрачной рѣкѣ,
Теплая ручка лежала
Въ моей рукѣ.

Тихо, въ молчаніи плыли
Мы по волнамъ,
Болѣе словъ говорили
Очи очамъ...

Въ волнахъ тревожному сердцу
Отзывъ гудѣлъ,
И по рѣкѣ челнъ нашъ легкій
Быстро летѣлъ...

VII.

Сумерки боговъ.

Явился Май, принесъ и мягкій воздухъ,
И золотой свой свѣтъ, и ароматъ,
И дружелюбно бѣлыми цвѣтами
Всѣхъ мàнитъ, и изъ тысячи фіалокъ
Съ улыбкой смотритъ синими очами
И разстилаетъ свой коверъ зеленый,
Весь пышно затканный лучами солнца
И утренней росой, и созываетъ
Къ себѣ любезныхъ смертныхъ. Глупый людъ
На первый зовъ покорно поспѣшаетъ.
Мужчины вышли въ нанковыхъ штанахъ
И въ праздничныхъ кафтанахъ съ золотыми,
Сіяющими пуговками; въ цвѣтъ
Невинности всѣ женщины одѣлись;
Крутитъ свой усъ весенній молодежь;
У дѣвушекъ высоко дышатъ груди;
Поэты городскіе запаслись
Карандашомъ, бумагой и лорнетомъ...
И всѣ, ликуя, за городъ бѣгутъ,
Садятся на муравчатыхъ полянахъ,
Любуются на быстрый ростъ деревьевъ,
На нѣжные и пестрые цвѣточки,
Внимаютъ пѣнью беззаботныхъ пташекъ
И шлютъ привѣтъ свой яснымъ небесамъ.

И у меня былъ Май съ визитомъ. Трижды
Въ затворенную дверь онъ постучалъ
И кликнулъ мнѣ: «Я Май! Не прячься, блѣдный
Мечтатель! Выдь! Тебя я поцѣлую!»
Но двери я не отперъ и сказалъ:
«Недобрый гость, зовешь меня напрасно!
Тебя насквозь прозрѣлъ я—и насквозь
Узналъ строенье міра; слишкомъ много
И слишкомъ глубоко узналъ—и прахомъ
Разсѣялись всѣ радости мои,
И въ сердцѣ скорби вѣчныя вселились.
Сквозь каменную, жесткую кору
Мнѣ ясно видно все въ людскихъ домахъ,
Въ людскихъ сердцахъ; и здѣсь и тамъ я вижу
Обманъ, да ложь, да жалостное горе.
На лицахъ я читаю злыя мысли;
Въ стыдливомъ дѣвственномъ румянцѣ виденъ
Мнѣ тайный трепетъ похоти; надъ гордымъ
И вдохновеннымъ юноши челомъ—
Колпакъ дурацкій. Всюду на землѣ
Лишь тѣни прокаженныя я вижу
Да рожи глупыя, и самъ не знаю,
Въ больницѣ я, иль въ домѣ сумасшедшихъ.
Насквозь, какъ въ чистое стекло, я вижу
И всю земную глубь, и весь тотъ ужасъ,
Что̀ Май напрасно хочетъ утаить
Подъ пышной муравой своей. Я вижу,
Какъ мертвецы лежатъ въ гробахъ тамъ тѣсныхъ;
Глаза закрыты, руки скрещены,
Лицо какъ полотно, и бѣлъ ихъ саванъ;
И черви между желтыхъ губъ клубятся.
Я вижу—сынъ, съ любовницей шутя,
Садится на отцовскую могилу...
Вокругъ съ насмѣшкой свищутъ соловьи,
И нѣжные цвѣточки полевые
Лукаво издѣваются, и мертвый
Отецъ въ своей могилѣ шевелится,
И вздрагиваетъ скорбно мать-земля».

О бѣдная земля! Твои терзанья
Я знаю. Вижу я, какъ грудь твою
Снѣдаетъ пламя, какъ исходятъ кровью

Безчисленныя жилы, какъ широко
Твоя раскрылась рана, и потокомъ
Вдругъ хлынули огонь, и кровь, и дымъ.
Я вижу—изъ земной разверстой пасти
Выходятъ исполинскіе сыны
Предвѣчной ночи, машутъ надъ собой
Багровыми свѣтильниками, ставятъ
Свои литыя лѣстницы и грозно
Бѣгутъ по нимъ на штурмъ твердыни неба.
За ними лѣзутъ карлики, и съ трескомъ
Тамъ золотыя лопаются звѣзды.

VIII
Ратклифъ.

Богъ сна меня унесъ въ далекій край,
Гдѣ ивы такъ привѣтно мнѣ кивали
Зелеными и длинными руками,—
Гдѣ на меня цвѣты смотрѣли нѣжно
И ласково, какъ любящія сестры,—
Гдѣ родственно звучалъ мнѣ голосъ птицъ,—
Гдѣ даже самый лай собакъ казался
Давно знакомымъ,—гдѣ всѣ голоса,
Всѣ образы здоровались со мной,
Какъ съ другомъ старымъ; но гдѣ все при этомъ
Являлось мнѣ такъ чуждо—странно-чуждо.
Передъ красивой деревенской дачей
Стоялъ я. Грудь какъ будто содрогалась,
Но въ головѣ моей спокойно было.
И я спокойно отряхнулъ съ дорожной
Одежды пыль,—и за звонокъ взялся.
Онъ зазвенѣлъ, и двери отворились.

Тутъ было много женщинъ и мужчинъ,
Все лицъ знакомыхъ. Тихая печаль
И робко затаенный страхъ лежали
На нихъ на всѣхъ. Какъ будто смущены
Они смотрѣли на меня такъ странно,
Съ какимъ-то состраданьемъ,—и по сердцу
Вдругъ быстрый трепетъ у меня прошелъ
Предвѣстіемъ невѣдомаго горя.

Я тотчасъ же старуху Маргариту
Узналъ и на нее взглянулъ пытливо.
Она не говорила. «Гдѣ Марія?»
Спросилъ я,—и она, не отвѣчая,
Взяла мнѣ руку и пошла со мной
По множеству блестящихъ, длинныхъ комнатъ,
Гдѣ царствовали роскошь, свѣтъ и всюду
Безмолвіе могилы. Наконецъ,
Мы очутились въ сумрачномъ покоѣ,
И, отвернувшись отъ меня лицомъ,
Она мнѣ показала на софу.
«Марія, вы-ли это?» я спросилъ,
И твердости вопроса своего
Самъ подивился. Каменно и глухо
Послышался мнѣ голосъ: «Да, меня
Такъ называютъ люди». Острой болью
По мнѣ слова тѣ пробѣжали. Этотъ
Тупой, холодный звукъ былъ все жъ когда-то
Прекраснымъ, нѣжнымъ голосомъ Маріи.
И эта женщина, въ своемъ поблекшемъ
Лиловомъ платьѣ, кое-какъ надѣтомъ,
Съ отвисшими грудями, съ неподвижно
Стоящими стеклянными зрачками,
И съ блѣдной, вялой кожей на щекахъ,—
Да, эта женщина была когда-то
Цвѣтущей, нѣжной, милою Маріей.
Она сказала съ пошлой и холодной
Развязностью: «Теперь не такъ вы хилы:
Поздоровѣли, пополнѣли вы;
Животъ и икры очень округлились».
И сладкая улыбка пробѣжала
У ней по желтымъ, высохшимъ губамъ.
Въ смущеньи, машинально я сказалъ:
«Вы замужъ вышли, говорили мнѣ».
«Ахъ, да!» она сказала равнодушно
И съ громкимъ смѣхомъ: «у меня теперь
Полѣно есть, обтянутое кожей,
И мужемъ называется. Конечно,
Полѣно—все полѣно». И беззвучно,
Противно засмѣялася она.
Холодный страхъ стѣснилъ мнѣ грудь,
Подумалъ: «Это-ль чистыя уста—

Какъ розы, чистыя уста Маріи?»
Она тутъ поднялась, взяла со стула
Поспѣшно шаль, накинула ее,
И, опираясь на руку мою,
Меня съ собою быстро повлекла
Въ отворенную дверь,—и дальше—дальше—
Лугами, полемъ и опушкой лѣса.
Какъ огненный вѣнецъ, катилось солнце
Къ закату, въ пурпурѣ его горѣли
Цвѣты, деревья и рѣка, вдали
Струившаяся строго-величаво.
«Какъ блещетъ это пламенное око
Въ лазури водъ!» воскликнула Марія.
«Молчи, несчастная!» сказалъ я ей.
И предо мною въ заревомъ мерцаньи
Свершалось будто сказочное что-то.
Въ поляхъ туманные вставали лики,
И обнимались бѣлыми руками
И исчезали. Съ нѣжностью любви
Фіалки любовались другъ на друга;
Одинъ къ другому припадали страстно
Вѣнцы лилей; порывисто дышали,
Въ горячей нѣгѣ замирали розы;
Огнемъ вилось дыханіе гвоздикъ,—
И всѣ цвѣты въ благоуханьи млѣли,
Всѣ обливались страстными слезами,
Шептали всѣ: «любовь! любовь! любовь!»
Порхали мотыльки; жучки, какъ искры,
Мелькали, напѣвая пѣсню эльфовъ.
Вечерній вѣтеръ чуть дышалъ, и тихо
Шептались листья дуба. Соловей
Какъ будто таялъ въ звукахъ чудной пѣсни.
Подъ этотъ шопотъ, шелестъ, звонъ и пѣнье
Мнѣ женщина увядшая болтала,
Склоняясь къ моему плечу, несноснымъ,
Холоднымъ, будто оловяннымъ тономъ:
«Я знаю, въ ночь вы бродите по зàмку.
Высокій призракъ—малый не дурной;
На все сквозь пальцы смотритъ онъ; а тотъ,
Чтò въ голубомъ,—небесный ангелъ. Только
Вотъ этотъ красный очень васъ не любитъ».
И много дикихъ словъ, еще пестрѣе,

Она твердила мнѣ безъ перерыва,
Пока не утомилась и не сѣла
Со мною рядомъ на скамьѣ подъ дубомъ
Сидѣли мы уныло и безмолвно,
Порою взглядывали другъ на друга,
И все грустнѣе становились оба.
Казалось, вздохъ предсмертный проходилъ
По листьямъ дуба; соловей на немъ
Пѣлъ пѣсни неисцѣлимой вѣчной скорби
Но сквозь листы прокрался алый свѣтъ
И легъ на бѣлое лицо Маріи,
И вызвалъ блескъ въ ея глазахъ,—и прежнимъ,
Мнѣ милый голосомъ, она сказала:
«Какъ ты узналъ, что такъ несчастна я?
Прочла я все въ твоихъ безумныхъ пѣсняхъ».
Морозъ пошелъ по тѣлу у меня;
Я ужаснулся своего безумья,
Прозрѣвшаго въ грядущее; мой мозгъ
Какъ будто вдругъ погасъ,—и я проснулся.

IX.

Альманзоръ.

1.

Исполинскія колонны,
Счетомъ тысяча и триста,
Подпираютъ тяжкій куполъ
Кордуанскаго собора.

Куполъ, стѣны и колонны
Сверху донизу покрыты
Изреченьями корана
Въ завиткахъ и арабескахъ.

Храмъ воздвигли въ честь Аллаха
Мавританскіе калифы;
Но потокъ временъ туманный
Измѣнилъ на свѣтѣ много.

На высокомъ минаретѣ,
Гдѣ звучалъ призывъ къ молитвѣ,

Раздается христіанскій
Гулкій колоколъ, не голосъ.

На ступеняхъ, гдѣ читалось
Слово мудрое пророка,
Служатъ длинную обѣдню
Христанскіе монахи—

И кадятъ и распѣваютъ
Предъ иконами своими.
Всюду пѣнье, дымъ кадила
И мерцанье многихъ свѣчекъ.

Альманзоръ, воитель славный,
Молчаливъ стоитъ въ соборѣ,
На колонны мрачно смотритъ
И слова такія шепчетъ:

«О могучія колонны!
Въ честь Аллы васъ украшали,
А теперь служить должны вы
Ненавистнымъ христіанамъ!

Покорилися вы року—
И несете ваше бремя
Терпѣливо; какъ же слабый
Человѣкъ не присмирѣетъ?»

И съ веселою улыбкой
Альманзоръ чело склоняетъ
Къ изукрашенному полу
Кордуанскаго собора.

2.

Быстро вышелъ онъ изъ храма;
На лихомъ конѣ помчался;
Раздувалися по вѣтру
Кудри влажныя и перья.

По дорогѣ къ Алколеѣ,
Вдоль рѣки Гвадалквивира,
Гдѣ цвѣтутъ миндаль душистый
И лимоны золотые—

Тамъ веселый мчится рыцарь,
Распѣваетъ и смѣется—
И ему и птицы вторятъ
И рѣки журчащей воды.

Донья Карла ди-Альваресъ
Обитаетъ въ Алколеѣ:
Безъ отца (съ врагомъ онъ бьется)
Ей житье привольнѣй въ зàмкѣ.

Издалека Альманзору
Слышны трубы и литавры,
И сквозь тѣнь деревъ струится
Яркій свѣтъ изъ оконъ зàмка.

Въ зàмкѣ весело танцуютъ:
Тамъ двѣнадцать дамъ-красавицъ
И двѣнадцать кавалеровъ;
Альманзоръ—владыка бала.

Легокъ, веселъ онъ порхаетъ
По паркету свѣтлой залы,
Ловко всѣмъ прекраснымъ дамамъ
Разсыпаетъ комплименты.

Вотъ онъ возлѣ Изабеллы—
Страстно руки ей цѣлуетъ;
Вотъ онъ около Эльвиры—
И глядитъ ей страстно въ очи.

Вотъ смѣется съ Леонорой:
«Чтò, хорошъ-ли я сегодня?»
И показываетъ дамѣ
Крестъ, нашитый на плащѣ.

Всѣхъ красавицъ увѣряетъ
Онъ въ любви и постоянствѣ—
И Христомъ божится въ вечеръ
Тридцать разъ по крайней мѣрѣ.

3.

Танцы, музыка и говоръ
Смолкли въ зàмкѣ Алколейскомъ.

Нѣтъ ни дамъ, ни кавалеровъ;
Всюду свѣчи догорѣли.

Лишь вдвоемъ остались въ залѣ
Альманзоръ и донья Клара.
Ихъ мерцаньемъ обливаетъ
Догорающая лампа.

Въ мягкихъ креслахъ донья Клара,
На скамейкѣ дремлетъ рыцарь,
Головой припавъ усталой
На любимыя колѣни.

Дама розовое масло
Льетъ съ любовью изъ флакона
На его густыя кудри—
И глубоко онъ вздыхаетъ.

Тихо нѣжными устами
Шевеля, цѣлуетъ донья
Кудри рыцаря густыя,
И чело его темнѣетъ.

Изъ очей ея прекрасныхъ
Льются слезы на густыя
Кудри рыцаря—и рыцарь
Злобно стискиваетъ зубы.

Снится: онъ опять въ соборѣ
Съ наклоненной головою,
Молчаливъ стоитъ и слышитъ
И глухой и мрачный говоръ.

Слышитъ—ропщутъ, негодуя,
Исполинскія колонны:
Не хотятъ терпѣть позора
И колеблются со стономъ.

Покачнулись—трескъ и грохотъ;
Люди въ ужасѣ блѣднѣютъ;
Куполъ падаетъ въ осколкахъ;
Въ храмѣ слышенъ вой и стоны.

X.

Богомольцы въ Кевларѣ

1.

Старушка у окошка,
Въ постели сынъ больной,
«Идетъ народъ съ крестами:
Не встанешь-ли, родной?»

— Ахъ, боленъ я, родная!
Въ глазахъ туманъ и мгла.
Все сердце изболѣло,
Какъ Гретхенъ умерла.

«Пойдемъ въ Кевларъ! Недаромъ
Туда народъ бѣжитъ:
Твое больное сердце
Мать Божья исцѣлитъ».

Хоругви тихо вѣютъ,
Церковный хоръ поетъ,
И вьется вдоль по Рейну
Изъ Кельна крестный ходъ.

Въ толпѣ бредетъ старушка,
И съ нею сынъ больной.
«Хвала тебѣ, Марія!»
Поютъ они съ толпой.

2.

Мать Божія въ Кевларѣ
Вся въ лентахъ и цвѣтахъ,
И идутъ къ ней больные
Съ молитвой на устахъ.

И, вмѣсто дара, члены
Изъ воску ей несутъ—
Тотъ руку, этотъ ногу,
И исцѣленья ждутъ.

Принесъ изъ воска руку—
И заживетъ рука;

Принесъ изъ воску ногу
И заживетъ нога.

На клюшкахъ ковылявшій
Плясать и прыгать сталъ;
Руками невладѣвшій
На скрипкѣ заигралъ.

И мать слѣпила сердце
Изъ свѣчи восковой...
«Снеси къ Пречистой! Сниметъ
Недугъ твой, какъ рукой».

Взялъ сынъ, вздыхая, сердце,
Предъ ликомъ Дѣвы палъ...
Изъ глазъ струились слезы,
Онъ плакалъ и шепталъ:

«Пречистая! Святая!
Слезамъ моимъ вонми!
Небесная Царица!
Печаль мою прими!

Я жилъ на Рейнѣ, въ Кельнѣ,
Съ родимою моей,
Въ томъ Кельнѣ, гдѣ такъ много
Часовенъ и церквей.

Тамъ Гретхенъ... Ахъ, не встать ей
Изъ-подъ сырой земли!..
О, Дѣва Пресвятая!
Мнѣ сердце исцѣли!

Сними недугъ Ты съ сердца,
И чистою душой
Вѣкъ воспѣвать я буду
Хвалу Тебѣ, Святой!»

3.

Въ каморкѣ тѣсной спали
И мать и сынъ больной,
Вошла къ нимъ Матерь Божья
Неслышною стопой.

Къ больному наклонилась,
Съ улыбкой провела
Ему рукой по сердцу—
И, свѣтлая, ушла.

А мать во снѣ все видитъ...
Проснулась на зарѣ,
Встаетъ, и слышитъ—лаютъ
Собаки на дворѣ.

Сынъ нѣмъ и неподвиженъ—
Слѣда въ немъ жизни нѣтъ;
На блѣдныя ланиты
Ложится утра свѣтъ.

И мать скрестила руки,
Покорна и ясна.
«Хвала Тебѣ, Марія!»
Молилася она.

XI.

На Гарцѣ.

1.

ПРОЛОГЪ.

Фраки, бѣлые жилеты,
Тальи, стянутыя мило,
Комплименты, поцѣлуи...
Если бъ въ васъ да сердце было!

И любви хотя немножко
Было въ сердцѣ... Тошны, право,
Ваши вопли и стенанья:
Развѣ жизнь вамъ не забава?

Ухожу отъ васъ я въ горы,
Гдѣ живутъ простые люди,
Гдѣ свободный вѣетъ воздухъ,
И дышать просторно груди...

Въ горы, гдѣ темнѣютъ ели —
Шумны, зелены, могучи,

Воды плещутъ, птицы свищутъ,
И по волѣ мчатся тучи.

Полированныя залы...
Полированные гости...
Въ горы, въ горы! Я оттуда
Улыбнуся вамъ безъ злости

2.

ГОРНАЯ ИДИЛЛІЯ.

1.

На горѣ, въ избушкѣ скромной,
Рудокопъ живетъ старикъ,
Шумны темныя тамъ ели;
Кротко-свѣтелъ лунный ликъ.

Средь избушки стулъ высокій,
Весь рѣзной, у ногъ скамья;
И сидитъ на немъ счастливецъ,
И счастливецъ этотъ—я.

На скамьѣ сидитъ малютка—
Оперлась на локотокъ:
Глазки—звѣзды голубыя,
Губки—розовый цвѣтокъ.

Мнѣ сіяютъ эти звѣзды,
Чистой радостью блестя;
Къ алымъ губкамъ приложила
Бѣлый пальчикъ свой дитя.

Ни отецъ, ни мать не слышатъ;
Не до насъ имъ: мать прядетъ,
А отецъ, бренча на лютнѣ,
Пѣсню старую поетъ.

И малютка шепчетъ тихо,
Рѣчь ея едва слышна;
Важныхъ тайнъ своихъ не мало
Мнѣ повѣдала она:

«Вотъ какъ тетушка скончалась,
И сиди тутъ круглый годъ:
Съ ней пойдешь, бывало, въ городъ,
Хоть посмотришь на народъ.

Здѣсь и пусто такъ и глухо,
И такъ холодно въ горахъ;
А зима придетъ лихая—
Всѣ схоронимся въ снѣгахъ.

Я жъ трусливая такая:
Какъ дитя, меня страшатъ
Злые духи горъ, что бродятъ
Темной ночью и шалятъ».

Вдругъ малютка умолкаетъ,
Будто словъ боясь своихъ,
И руками закрываетъ
Звѣзды глазокъ голубыхъ.

И шумнѣе шелестъ елей,
Громче гулъ веретена,
И яснѣй со звономъ лютни
Пѣсня старая слышна:

«Не страшись, моя малютка,
Навожденья силы злой!
Божьи ангелы на стражѣ
Днемъ и ночью надъ тобой».

2.

Къ намъ въ окно стучитъ тихонько
Ель зеленою рукой,
И сквозь вѣтви съ любопытствомъ
Смотритъ мѣсяцъ золотой.

Крѣпко въ горенкѣ сосѣдней
Спятъ давно отецъ и мать;
Мы не можемъ нашептаться,
И не хочется намъ спать.

«Нѣтъ, не вѣрю я, чтобъ часто
Ты молился: шопотъ твой

Чѣмъ-то кажется мнѣ страннымъ—
Не молитвою святой.

Этотъ злой, холодный шопотъ
Ужъ не разъ меня пугалъ;
Только кроткимъ, свѣтлымъ взглядомъ
Ты испугъ мой отгонялъ.

Да и вѣришь-ли ты, полно,
Что есть въ небѣ надъ тобой
Богъ-Отецъ, Богъ-Сынъ, распятый
На крестѣ, и Духъ-Святой?»

— Ахъ, дитя! Еще малюткой
Вѣрилъ я, что въ небесахъ
Богъ-Отецъ живетъ надъ нами,
Что великъ Онъ, святъ и благъ,

Создалъ землю, человѣку
Бытіе и душу далъ,
Солнцу, мѣсяцу и звѣздамъ
Путь ихъ вѣчный указалъ

Сталъ я старше и умнѣе,
Сталъ побольше понимать—
И узналъ я свѣтлой вѣры
Въ Бога-Сына благодать.

Онъ принесъ намъ, воплотившись,
Откровеніе любви;
Но народъ безумный руки
Обагрилъ въ его крови.

Возмужалъ я, много видѣлъ,
Много странствовалъ, читалъ—
И теперь въ Святого Духа
Жаркимъ сердцемъ вѣрить сталъ.

Чудеса его исчислить
Недостанетъ нашихъ словъ:
Онъ сломилъ твердыни злобы
И оковы снялъ съ рабовъ.

Нашимъ язвамъ онъ цѣленье,
Въ немъ и право и законъ;
Передъ нимъ съ богатымъ нищій,
Рабъ съ владыкой уравненъ.

Гонитъ онъ туманъ тяжелый,
Что̀ окутывалъ намъ тьмой
Умъ и сердце, и предъ нами
Шелъ, какъ призракъ гробовой.

Много рыцарей отважныхъ
Обрекли себя ему
И по свѣту разъѣзжаютъ—
Носятъ свѣтъ и гонятъ тьму.

Тихо вѣютъ ихъ знамена,
И доспѣхъ горитъ на нихъ.
Что̀, хотѣла-бъ ты, малютка
Видѣть рыцарей такихъ?

Такъ скорѣй любуйся мною,
Ненаглядная моя,
И цѣлуй меня покрѣпче:
Вѣдь такой же рыцарь я.

3.

За вѣтвями темной ели
Прячетъ мѣсяцъ свѣтлый ликъ,
Въ нашей горенкѣ чуть свѣтитъ
Догорающій ночникъ.

Но въ звѣздахъ моихъ лазурныхъ
Свѣтъ мнѣ радостный горитъ;
Пышутъ розы устъ румяныхъ—
И малютка говоритъ:

«Домовые наши—злые:
Хлѣбъ воруютъ по ночамъ;
Въ ящикъ съ вечера положишь—
Поутру ужъ пусто тамъ.

Съ молока съѣдятъ всѣ сливки,
Не покроютъ и горшка;

Кошка вылижетъ остатки—
И сиди безъ молока!

А вѣдь кошка наша—вѣдьма.
Ночью буря на дворѣ,
А она идетъ тихонько
Къ старой башнѣ на горѣ.

Тамъ стоялъ когда-то зàмокъ;
Весь сіялъ онъ по ночамъ;
Въ яркихъ залахъ танцовало
Много рыцарей и дамъ.

Но волшебницей лихою
Проклятъ зàмокъ и народъ—
И остались лишь обломки,
И сова гнѣздо тамъ вьетъ.

Помню, тетка говорила:
«Лишь такое слово знать,
И его въ такомъ лишь мѣстѣ
И въ такой лишь часъ сказать—

Снова въ зàмокъ превратятся
Всѣ обломки эти тамъ—
И запляшетъ въ яркихъ залахъ
Много рыцарей и дамъ.

Будетъ тотъ, кто молвитъ слово,
Обладателемъ всего;
Станутъ трубы и литавры
Славить молодость его!»

Такъ живутъ и дышать сказки
У малютки на устахъ;
Вѣра теплится живая
Въ голубыхъ ея глазахъ.

Локонъ шелковый на пальцы
Навиваетъ мнѣ она,
И цѣлуетъ, и смѣется,
И даетъ имъ имена,

И глядитъ все такъ привѣтно
Въ тихой горенкѣ кругомъ:
Столъ и шкапъ—какъ будто съ ними
Я съ младенчества знакомъ.

Тихо маятникъ лепечетъ,
Тихо лютня на стѣнѣ
Прозвучитъ порой струнами—
И сижу я, какъ во снѣ.

Не такое-ль надо мѣсто,
Не такой-ли надо мигъ,
Чтобъ отъ слова за̀мокъ снова
Въ блескѣ царственномъ возникъ?

Да, дитя! Смотри: свѣтлѣетъ
Ночи темная пора.
Чу! шумнѣй ручьи и ели;
Пробуждается гора.

Пѣсня гномовъ съ струннымъ звономъ
Межъ утесами слышна;
По камнямъ ковры цвѣтные
Стелетъ ранняя весна.

А цвѣты—пестры и чудны,
Въ благовонныхъ завиткахъ,
И трепещутъ слезы страсти
На широкихъ ихъ листахъ.

Вожделѣнно пышутъ розы,
Разгораясь все краснѣй;
На стебляхъ стоятъ хрустальныхъ
Чаши снѣжныя лилей.

Звѣзды съ неба, словно солнцы,
Смотрятъ страстно-горячи,
И лилеямъ въ чаши льются
Ихъ влюбленные лучи.

Да и мы съ тобой, малютка,
Мы какъ будто ужъ не тѣ...
По мотри: огни зажглися,
Шелкъ и золото вездѣ!

И избушка стала зàмкомъ,
И принцессой стала ты;
Вкругъ все рыцари и дамы...
Сколько пышной суеты!

Все мое—и ты, и зàмокъ;
Пиръ вѣнчальный я даю:
Трубы, флейты и литавры
Славятъ молодость мою.

3.

ПАСТУХЪ.

Ты—король, пастухъ-красавецъ!
Этотъ холмъ—не тронъ-ли твой?
Это солнце надъ тобою—
Не вѣнецъ-ли золотой?

Льстиво овцы въ алыхъ лентахъ
Улеглись предъ королемъ;
Камергерами телята
Важно шествуютъ кругомъ.

Изъ козлятъ придворной труппы
Каждый—чудо, не актеръ;
Колокольчики коровокъ,
Флейты птицъ—придворный хоръ.

Чудный звонъ, игра и пѣнье;
И порой имъ вторитъ гулъ
Темныхъ елей, водопада —
И король, глядишь, заснулъ.

Той порой бразды правленья
Принимаетъ вѣрный песъ:
Всѣмъ извѣстенъ нравъ министра,
Громкій лай и чуткій носъ.

А король во снѣ лепечетъ:
«Тяжело быть королемъ!
Отдохнуть хотѣлъ-бы дома
Съ королевою вдвоемъ!

Головой-бы легъ державной
На груди я у нея:
Вѣдь въ глазахъ ея прекрасныхъ
Все и царство-то мое!»

4.

НА БРОКЕНѢ.

Солнце близко; на востокѣ
Небо ярко и румяно.
Вправо, влѣво тонутъ горы
Въ морѣ бѣлаго тумана.

Сапоги-бы скороходы!
Я-бы въ нихъ съ волшебной силой
Зашагалъ чрезъ эти горы—
И примчался къ дому милой.

Спитъ: я тихо распахнулъ-бы
Бѣлый пологъ надъ кроваткой;
Цѣловать-бы сталъ ей тихо
Глазки, щечки, ротикъ сладкій...

И еще-бы тише молвилъ
На ушко: «Не вѣрь обману!
Я съ тобой, съ тобой, какъ прежде,
И любить не перестану!»

5.

ИЛЬЗА.

Зовусь я принцессою Ильзой,
Живу въ Ильзенштейнѣ своемъ.
Зайди ты въ хрустальный мой замокъ:
Блаженно мы въ немъ заживемъ.

Своею прозрачной волною
Я вымою кудри твои;
Со мною, угрюмый страдалецъ,
Забудешь ты скорби свои.

На бѣлой груди моей ляжешь,
Уснешь въ моихъ бѣлыхъ рукахъ
И страстной душою потонешь
Въ чарующихъ сказочныхъ снáхъ.

Ласкать, цѣловать тебя стану
Безъ устали. Въ нѣгѣ такой
Не таялъ и царственный Генрихъ,
Покойный возлюбленный мой.

Пусть мертвые тлѣютъ въ могилѣ,
Живому дай жизни вполнѣ!
А я и свѣжа и прекрасна,
И сердце играетъ во мнѣ.

Зайди же, прохожій, въ мой зàмокъ
Въ мой зàмокъ хрустальный зайди!
Тамъ рыцари пляшутъ и дамы...
На пышный мой пиръ погляди.

Шумятъ тамъ парчевыя платья,
Желѣзныя шпоры звенятъ,
И карлы на скрипкахъ играютъ,
Бьютъ въ бубны и въ трубы трубятъ.

Какъ нѣкогда Генриха, крѣпко
Тебя ко груди я прижму,
Бывало, труба зарокочетъ—
Я уши закрою ему.

XII.

СѢВЕРНОЕ МОРЕ.

1.

Коронованіе.

Пѣсни, вы, добрыя пѣсни мои!
Вставайте, надѣньте доспѣхи,
Трубите въ трубы
И на щитѣ подымите
Мою красавицу!
Отнынѣ всевластной царицей

Въ сердцѣ моемъ она будетъ
Царить и править.
Слава тебѣ, молодая царица!
Отъ солнца далекаго я оторву
Клочокъ лучезарнаго
Багрянаго золота
И скую изъ него
Вѣнецъ на чело твое царское;
Отъ тонкой, лазурной
Шелковой ткани небеснаго полога,
Осыпанной яркими
Алмазами ночи,
Отрѣжу кусокъ драгоцѣнный
И имъ, какъ царской порфирой,
Одѣну твой царственный станъ.
Я дамъ тебѣ свиту
Изъ щепетильно-нарядныхъ сонетовъ,
Терцинъ горделивыхъ и вѣжливыхъ стансовъ;
У тебя скороходами будутъ
Мои остроты,
Придворнымъ шутомъ—
Моя фантазія,
Герольдомъ, съ смѣющейся слезкой въ щитѣ—
Мой юморъ;
А самъ я, царица,
Самъ я колѣни склоню предъ тобой
И, присягая тебѣ, поднесу
На бархатной алой подушкѣ
Ту малую долю разсудка,
Что мнѣ изъ жалости
Оставила прежняя
Царица моя.

2.

Сумерки.

На блѣдномъ морскомъ берегу
Сидѣлъ одинокъ я и грустно-задумчивъ.
Все глубже спускалося солнце, бросая
Багровый свой свѣтъ полосами
По водной равнинѣ,
И бѣглыя дальнія волны,
Приливомъ гонимыя,

Шумно и пѣнясь бѣжали
Къ берегу ближе и ближе.
Въ чудномъ ихъ шумѣ
Слышался шопотъ и свистъ,
Смѣхъ и роптанье,
Вздохи и радостный гулъ, и порой
Тихо-завѣтное,
Будто надъ дѣтскою люлькою, пѣнье.
И мнѣ казалось—
Слышу я голосъ забытыхъ преданій,
Слышу старинныя чудныя сказки—
Тѣ, что когда-то ребенкомъ
Слыхалъ отъ сосѣднихъ дѣтей,
Какъ всѣ мы, бывало,
Вечеромъ лѣтнимъ тѣснимся
Послушать тихихъ разсказовъ
На ступенькахъ крыльца,
И чутко въ насъ бьется
Дѣтское сердце,
И съ любопытствомъ глядятъ
Умные дѣтскіе глазки;
А взрослыя дѣвушки
Изъ-за душистыхъ цвѣточныхъ кустовъ
Глядятъ черезъ улицу въ окна.
На розовыхъ лицахъ улыбка—
И мѣсяцъ ихъ ȍблилъ сіяньемъ.

3.

Закатъ солнца.

Огненно-красное солнце уходитъ
Въ далеко волнами шумящее,
Серебромъ окаймленное море;
Воздушныя тучки—прозрачны и алы—
Несутся за нимъ; а напротивъ,
Изъ хмурыхъ осеннихъ облачныхъ грудъ
Грустнымъ и мертвенно-блѣднымъ лицомъ
Смотритъ луна; а за нею,
Словно мелкія искры,
Въ дали туманной
Мерцаютъ звѣзды.
Нѣкогда въ небѣ сіяли,
Въ брачномъ союзѣ,

Луна-богиня и Солнце-богъ;
А вкругъ ихъ роилися звѣзды,
Невинныя дѣти-малютки.
Но злымъ языкомъ клевета зашипѣла—
И раздѣлилась враждебно
Въ небѣ чета лучезарная.
И нынче днемъ въ одинокомъ величіи
Ходитъ по̀ небу солнце,
За гордый свой блескъ
Много молимое, много воспѣтое
Гордыми, счастьемъ богатыми смертными.
А ночью
По небу бродитъ луна,
Бѣдная мать,
Со своими сиротками-звѣздами,
Нѣма и печальна.
И дѣвушки любящимъ сердцемъ
И кроткой душою поэты
Ее встрѣчаютъ
И ей посвящаютъ
Слезы и пѣсни.
Женскимъ незлобивымъ сердцемъ
Все еще любитъ луна
Красавца-мужа
И по̀дъ-вечеръ часто,
Дрожащая, блѣдная,
Глядитъ потихоньку изъ тучекъ прозрачныхъ
И скорбнымъ взглядомъ своимъ провожаетъ
Уходящее солнце
И, кажется, хочетъ
Крикнуть ему: «Погоди!
Дѣти зовутъ тебя!»
Но упрямое солнце,
При видѣ богини,
Вспыхнетъ багровымъ румянцемъ
Скорби и гнѣва
И безпощадно уйдетъ на свое одинокое,
Влажно-холодное ложе.
Такъ-то шипящая злоба
Скорбь и погибель вселила
Даже средь вѣчныхъ боговъ,
И бѣдные боги

Грустно проходятъ по небу
Свой путь безутѣшный
И безконечный,
И смерти имъ нѣтъ, и влачатъ они вѣчно
Свое лучезарное горе.
Такъ мнѣ - ль—человѣку,
Низко поставленному,
Смертью одаренному—
Мнѣ-ли роптать на судьбу?

4.

Ночь на берегу.

Ночь холодна и беззвѣздна;
Море кипитъ, и надъ моремъ
На брюхѣ лежа,
Неуклюжій сѣверный вѣтеръ
Таинственнымъ,
Прерывисто-хриплымъ
Голосомъ съ моремъ болтаетъ,
Словно брюзгливый старикъ,
Вдругъ разгулявшійся въ тѣсной бесѣдѣ...
Много у вѣтра разсказовъ—
Много безумныхъ исторій,
Сказокъ богатырскихъ, смѣшныхъ до уморы,
Норвежскихъ сагъ стародавнихъ...
Порой средь разсказа,
Далеко мракъ оглашая,
Онъ вдругъ захохочетъ,
Иль начнетъ завывать
Заклятья изъ Эдды и руны
Темно-упорныя, чаро-могучія...
И мòря бѣлыя чада тогда
Высоко скачутъ изъ волнъ и ликуютъ,
Хмельны разгуломъ.
Межъ тѣмъ по волной омоченнымъ пескамъ
Плоскаго берега
Проходитъ путникъ,
И сердце кипитъ въ немъ мятежнѣй
И волнъ и вѣтра.
Куда онъ ни ступитъ,
Сыплются искры, трещатъ

Пестрыхъ раковинъ кучки...
И сѣрымъ плащемъ своимъ кутаясь,
Идетъ онъ быстро
Средь грозной ночи.
Издали манитъ его огонекъ,
Кротко, привѣтно мерцая
Въ одинокой хатѣ рыбачьей.
На морѣ братъ и отецъ,
И одна-одинешенька въ хатѣ
Осталась дочь рыбака —
Чудно-прекрасная дочь рыбака.
Сидитъ передъ печью она и внимаетъ
Сладостно-вѣщему,
Завѣтному пѣнью
Въ котлѣ шипящей воды,
И въ пламя бросаетъ
Трескучій хворостъ,
И дуетъ на пламя...
И въ трепетно-красномъ сіяньи
Волшебно-прекрасны
Цвѣтущее личико
И нѣжное бѣлое плечико
Такъ робко глядящее
Изъ-подъ грубой сѣрой сорочки,
И хлопотливая ручка-малютка.
Ручкой она поправляетъ
Пеструю юбочку
На стройныхъ бедрахъ.
Но вдругъ распахнулась дверь,
И въ хижину входитъ
Ночной скиталецъ.
Съ любовью онъ смотритъ
На бѣлую, стройную дѣвушку,
И дѣвушка трепетно-робко
Стоитъ передъ нимъ, какъ лилея,
Отъ вѣтра дрожащая.
Онъ наземь бросаетъ свой плащъ,
А самъ смѣется
И говоритъ:
«Видишь, дитя, какъ я слово держу!
Вотъ и пришелъ, и со мною пришло
Старое время, какъ боги небесные

Сходили къ дщерямъ людскимъ,
И дщерей людскихъ обнимали,
И съ ними рождали
Скипетроносныхъ царей и героевъ,
Землю дивившихъ.
Впрочемъ, дитя, моему божеству
Не изумляйся ты много!
Сдѣлай-ка лучше мнѣ чаю—да съ ромомъ
Ночь холодна; а въ такую погоду
Зябнемъ и мы,
Вѣчные боги—и ходимъ потомъ
Съ наибожественнымъ насморкомъ
И съ кашлемъ безсмертныхъ!»

5.

Поссейдонъ.

Солнце играло лучами
Надъ вѣчно-зыблемымъ моремъ;
Вдали на рейдѣ
Блестѣлъ корабль, на которомъ
Домой я ѣхать собрался,
Да не было вѣтра попутнаго —
И я еще смирно сидѣлъ
На бѣлой отмели
Пустыннаго берега
И пѣснь Одиссея читалъ—
Старую, вѣчно-юную пѣснь...
И со страницъ ея, моремъ шумящихъ,
Радостно вѣяло мнѣ
Дыханьемъ боговъ,
И свѣтозарной весной человѣка,
И небомъ Эллады цвѣтущимъ.
Благородное сердце мое
Всюду вѣрно слѣдило
За сыномъ Лаэрта въ скорбяхъ и скитаньяхъ:
Садилось печальное съ нимъ
За радушный очагъ,
Гдѣ царицы пурпуръ прядутъ;
И лгать и бѣжать ему помогало
Изъ объятій нимфъ, изъ пещеръ исполиновъ;
И въ киммерійскую ночь

Его провожало;
Было съ нимъ въ бурю—въ крушенье,—
И несказанное
Терпѣло горе.
Я вздохнулъ и сказалъ:
«Злой Поссейдонъ!
Гнѣвъ твой ужасенъ,
И самъ я боюсь не вернуться на родину».
Лишь только я молвилъ,
Запѣнилось море,
И изъ бѣлыхъ волнъ поднялась
Осокòю вѣнчанная
Глава владыки морей,
И онъ воскликнулъ съ насмѣшкой:
«Не бойся, поэтикъ!
Повѣрь, я не трону твой бѣдный корабликъ
И жизнь твою драгоцѣнную
Не стану смущать опасною качкой.
Вѣдь ты, поэтикъ,
Меня никогда не гнѣвилъ; ни единой
Башенки ты не разрушилъ въ священномъ
Градѣ Пріама;
Ни волоска не спалилъ ты въ рѣсницѣ
Моего Полифена,
И никогда не давала
Мудрыхъ совѣтовъ тебѣ
Богиня ума, Паллада-Аѳина».
Молвилъ—и снова
Въ море нырнулъ Поссейдонъ...
И надъ грубою шуткой
Моряка подъ водой засмѣялись
Амфитрида, нелѣпая женщина-рыба,
И глупыя дочки Нерея.

6.

Признаніе.

Тихо съ сумракомъ вечеръ подкрался:
Грознѣй бушевало море...
А я сидѣлъ на прибрежьѣ, глядя
На бѣлую пляску валовъ,
И сердце мнѣ страшной тоской охватило—

Глубокой тоской по тебѣ,
Прекрасный образъ,
Всюду мнѣ предстающій,
Всюду зовущій меня,
Всюду—всюду—
Въ шумѣ вѣтра и въ рокотѣ моря
И въ собственныхъ вздохахъ моихъ.
Легкою тростью я написалъ на пескѣ:
«Агнеса!
Я люблю тебя!»
Но злыя волны плеснули
На нѣжное слово любви—
И слово то стерли и смыли.
Ломкій тростникъ,
Зыбкій песокъ и текучія волны,
Вамъ я больше не вѣрю!
Темнѣетъ небо—и сердце мятежнѣй во мнѣ...
Мощной рукою въ норвежскихъ лѣсахъ
Съ корнемъ я вырву
Самую гордую ель и ее обмакну
Въ раскаленное Этны жерло.
И этимъ огнемъ, напоеннымъ
Исполинскимъ перомъ, напишу
На темномъ сводѣ небесномъ:
«Агнеса!
Я люблю тебя!»
И каждую ночь будутъ въ небѣ
Неугасимо горѣть письмена золотыя,
И всѣ поколѣнія внуковъ и правнуковъ
Будутъ, ликуя, читать
Слова небесныя:
«Агнеса!
Я люблю тебя!»

7.

Ночью въ каютѣ.

Свои у моря перлы,
Свои у неба звѣзды.
Сердце, сердце мое!
Своя любовь у тебя.

Велики море и небо;
Но сердце мое необъятнѣй...
И краше перловъ и звѣздъ
Сіяетъ и свѣтитъ любовь моя.

Прекрасное дитя!
Прійди ко мнѣ на сердце:
И море, и небо, и сердце мое
Томятся жаждой любви.

Къ голубой небесной ткани,
Гдѣ такъ чудно блещутъ звѣзды,
Я прижался бы устами
Крѣпко, страстно—бурно плача.

Очи милой—эти звѣзды,
Переливно тамъ играя,
Шлютъ онѣ привѣтъ мнѣ нѣжный
Съ голубой небесной ткани.

Съ голубой небесной ткани,
Къ вамъ, родныя очи милой,
Простираю страстно руки
И прошу и умоляю:

Звѣзды-очи! Кроткимъ миромъ
Осѣните вы мнѣ душу!
Пусть умру—и буду въ небѣ,
Въ вашемъ небѣ, вмѣстѣ съ вами!

Изъ очей небесныхъ льются
Въ сумракъ трепетныя искры,
И душа моя все дальше,
Дальше рвется въ страстной скорби.

Очи неба. Ваши слезы
Лейте мнѣ въ больную душу!
Пусть душа моя, слезами
Переполнясь, захлебнется!

Убаюканный волнами,
Будто въ думахъ, будто въ грезахъ,

Тихо я лежу въ каютѣ,
Въ уголкѣ на темной койкѣ.

Въ люкъ мнѣ видны небо, звѣзды...
Звѣзды ясны и прекрасны...
Это—радостныя очи,
Дорогой, родной и милой.

Эти радостныя очи,
Не дремля, слѣдятъ за мною
Кроткимъ свѣтомъ и привѣтомъ
Съ голубой, небесной выси.

И гляжу я ненаглядно,
Страстно въ небо голубое...
Только-бъ васъ, родныя очи,
Не подернуло туманомъ!

Въ дощатую стѣну,
Куда я лежу головой,
Грезами полной,
Стучатся волны—буйныя волны;

Онѣ шумятъ и бормочатъ
Мнѣ подъ самое ухо: «Безумный!
Рука у тебя коротка,
А небо далеко,

И звѣзды тамъ крѣпко
Золотыми гвоздями прибиты.
Напрасно тоскуешь, напрасно вздыхаешь...
Уснулъ-бы... Право, умнѣй!»

Мнѣ снился тихій долъ въ краю безлюдномъ:
Какъ саванъ, бѣлый снѣгъ на немъ лежалъ.
Подъ бѣлымъ снѣгомъ я въ могилѣ спалъ
Сномъ одинокимъ, мертвымъ, безпробуднымъ.

Не теплились, средь ночи голубой,
Родныя звѣзды надъ моей могилой.
Ихъ взоръ горѣлъ побѣдоносной силой,
Любовью безмятежной и святой.

8.

Буря.

Ярится буря,
И хлещутъ волны,—
И волны, въ пѣнѣ и гнѣвной тревогѣ,
Громоздятся высоко,
Словно зыбкія, бѣлыя горы,
И корабликъ на нихъ
Взбирается съ тяжкимъ трудомъ
И вдругъ свергается
Въ черный, широко разинутый зѣвъ
Водной пучины.
О, море!
Мать красоты, изъ пѣны рожденной!
Праматерь любви! Пощади меня!
Ужъ чуетъ трупъ и порхаетъ надъ нами
Бѣлымъ призракомъ чайка
И точитъ о мачту свой клювъ
И, жадная, алчетъ сердца,
Чтò звучитъ хвалою
Дщери твоей.
Что взято въ игрушки плутишкою внукомъ твоимъ

Мои моленья напрасны!
Глохнетъ мой голосъ въ грохотѣ бури,
Въ дикомъ шумѣ вѣтровъ.
Чтò за гамъ и за свистъ! Чтò за ревъ и за вой!
Словно все море—
Домъ сумасшедшихъ звуковъ.
Но межъ звуками тѣми
Мнѣ слышится внятно
Чудное арфы бряцанье,
Страстное, душу влекущее пѣнье—
Душу влекущее, душу зовущее...
И узнаю я тотъ голосъ.

Далеко, на темныхъ утесахъ
Шотландскаго берега,
Гдѣ лѣпится сѣрымъ гнѣздомъ
За́мокъ надъ гнѣвно-бьющимся моремъ—
Тамъ, подъ стрѣльчатымъ окномъ,

Стоитъ прекрасная,
Больная женщина,
Нѣжно-прозрачная, мраморно-блѣдная,
И поетъ и на арфѣ играетъ,
А вѣтеръ взвѣваетъ ей длинныя кудри
И томную пѣсню ея
Несетъ по широкому, бурному морю.

Морская тишь.

Тишь и солнце! Свѣтъ горячій
Обнялъ водныя равнины,
И корабль златую влагу
Рѣжетъ слѣдомъ изумруднымъ.

У руля лежитъ на брюхѣ
И храпитъ усталый боцманъ,
Парусъ штопая, у мачты
Пріютился грязный юнга.

Щеки пышутъ изъ-подъ грязи;
Ротъ широкій, какъ отъ боли,
Стиснутъ; кажется, слезами
Брызнутъ вдругъ глаза большіе

Капитанъ его ругаетъ,
Страшно топая ногами...
«Какъ ты смѣлъ—скажи, каналья!
Какъ ты смѣлъ стянуть селедку?»

Тишь и гладь! Со дна всплываетъ
Рыбка-умница; на солнцѣ
Грѣетъ яркую головку
И играетъ рѣзвымъ плесомъ.

Но стрѣлой изъ поднебесья
Чайка падаетъ на рыбку—
И съ добычей въ жадномъ клювѣ
Снова въ небѣ исчезаетъ.

10.

Морской призракъ.

А я лежалъ на краю корабля и смотрѣлъ
Дремотнымъ окомъ
Въ зеркально-прозрачную воду,
Все глубже и глубже
Взглядомъ въ нее проникая...
И вотъ въ глубинѣ, на самомъ днѣ моря,
Сначала какъ будто въ туманѣ,
Потомъ все яснѣй и яснѣй,
Показались церковныя главы и башни,
И наконецъ, весь въ сіяніи солнца
Цѣлый городъ,
Старобытно-фламандскій,
Съ живою толпою народной.
Важные граждане въ черныхъ плащахъ,
Въ бѣлыхъ фрезахъ, въ почетныхъ цѣпяхъ,
Съ длинными шпагами, съ длинными лицами,
Проходятъ по рыночной площади,
Народомъ кипящей,
Къ ратушѣ
Съ высокимъ крыльцомъ,
Гдѣ каменной стражей
Стоятъ императоровъ статуи
Съ мечами и скиптрами.
Неподалеку вдоль длиннаго ряда домовъ,
Гдѣ окна такъ ярко блестятъ,
Гдѣ пирамидами липы подстрижены,
Гуляютъ, шелкомъ платьевъ шумя,
Стройныя дѣвушки,
И ихъ цвѣтущія лица
Скромно глядятъ изъ-подъ шапочекъ черныхъ
И изъ-подъ золота пышныхъ волосъ.
Мимо гордо проходятъ,
Имъ головою кивая,
Пестрые франты въ испанскомъ нарядѣ,
Старыя женщины въ желтыхъ
Полинявшихъ платьяхъ
Со святцами, съ четками,
Мелкими идутъ шажками къ собору...

Ужъ съ башенъ благовѣстъ льется.
А въ церкви орга́нъ загудѣлъ.
И меня самого эти дальніе звуки
Охватили таинственнымъ трепетомъ
Безконечная, стра тная грусть
И глубокая скорбь
Тихо крадутся въ сердце ко мнѣ—
Едва исцѣленное сердце...
И кажется, будто сердечныя раны мои
Уста любимыя
Лобзаньями вновь открываютъ,
И снова кровь изъ нихъ льется
Горячими красными каплями,
И капли тѣ падаютъ тихо,
Тихо, одна за другой,
На старый домъ, въ томъ глубокомъ,
Подводномъ городѣ,
На старый, съ высокою кровлею домъ
Унылый, пустой и безлюдный.
Только внизу, подъ окномъ,
Сидитъ, пригорюнясь, тамъ дѣвушка,
Словно бѣдный, забытый ребенокъ.
И я знаю тебя, мое бѣдное
Дитя позабытое.
Такъ вотъ куда,
Въ какую глубокую глубь
Отъ меня ты скрылась
Изъ дѣтской прихоти—
И выйти ужъ больше па свѣтъ не могла.
И сидѣла одна, какъ чужая,
Средь чуждыхъ людей,
Межъ тѣмъ, какъ скорбный душою
По цѣлой землѣ я искалъ тебя,
Все только искалъ тебя,
Вѣчно-любимая,
Давно-утраченная,
Наконецъ-обрѣтенная!
Да, я нашелъ тебя—и опять
Вижу прекрасное
Лицо твое, вижу глаза
Умные, преданно-добрые,
Милую вижу улыбку.

И ужъ теперь не разстанусь съ тобой
И къ тебѣ низойду,
И, раскрывши объятья,
Припаду на сердце къ тебѣ.
Но во-время тутъ капитанъ
Схватилъ меня за ногу
И дальше отъ края меня оттащилъ,
И молвилъ, сердито смѣясь:
«Въ умѣ-ли вы, докторъ!»

11.

Очищеніе.

Останься въ морской глубинѣ ты,
Безумная греза,
Ты нѣкогда много ночей
Мнѣ сердце лживымъ счастьемъ терзавшая,
А нынѣ, призракомъ въ лонѣ морскомъ,
Мнѣ и средь бѣлаго дня угрожающая!
Останься ты въ безднѣ на вѣчные вѣки!
И я заодно къ тебѣ сброшу
Всѣ мои скорби и всѣ прегрѣшенія,
И шапку безумства, звенѣвшую
Такъ долго надъ жалкой моей головой,
И гладко-холодную
Змѣиную кожу лицемѣрія,
Что долго такъ душу мою обвивала—
Душу больную,
Бога отвергшую, небо отвергшую,
Окаянную душу!
Ой-гой! Вѣтеръ крѣпнетъ!
Вверхъ паруса!.. Заплескали они и надулись.
Вдоль по погибельно-тихой равнинѣ
Несется корабль—
И ликуетъ душа на свободѣ!

12.

Утренній привѣтъ.

Θалатта! Θалатта!
Привѣтъ тебѣ, вѣчное море!
Привѣтъ тебѣ десять тысячъ разъ
Отъ ликующаго сердца—

Такой, какъ нѣкогда слышало ты
Отъ десяти тысячъ
Сердецъ греческихъ,
Съ бѣдами боровшихся,
По отчизнѣ томившихся,
Всемірно-славныхъ сердецъ!

Вставали волны—
Вставали, шумѣли,
И солнце ихъ обливало
Игривымъ румянымъ свѣтомъ.
Стаи вспугнутыхъ чаекъ
Прочь отлетали съ громкими криками;
Били копытами кони; гремѣли щиты—
И разносилось далече кличемъ побѣднымъ:
Ѳалатта! Ѳалатта!
Привѣтъ тебѣ, вѣчное море!
Роднымъ языкомъ мнѣ шумятъ твои воды,
Грезы дѣтства встаютъ предо мною
Надъ твоимъ зыбучимъ просторомъ,
И сызнова мнѣ повторяетъ
Старая память былые разсказы
О всѣхъ дорогихъ игрушкахъ,
О святочныхъ пышныхъ подаркахъ,
О красныхъ деревьяхъ коралловыхъ,
О злато-чешуйчатыхъ рыбкахъ,
О жемчугѣ желтомъ, о грудахъ
Раковинъ пестрыхъ,
Что̀ ты бережливо таишь
Въ своемъ прозрачномъ,
Хрустальномъ домѣ.

О, какъ я въ чужбинѣ томился!
Словно увядшій цвѣтокъ
Въ жестянкѣ ботаника,
Лежало въ груди моей сердце.
Мнѣ кажется,
Будто я цѣлую долгую зиму, больной,
Былъ запертъ въ темномъ больничномъ покоѣ
И вдругъ нежданно его покинулъ—
И мнѣ ослѣпительно блещетъ навстрѣчу
Весна изумрудная,

Солнцемъ пробужденная,
И молодые цвѣты
Глядятъ на меня
Душистыми, пестрыми глазками,
И все благовоніемъ дышитъ,
И все гудитъ, и живетъ, и смѣется,
И въ небѣ лазурномъ
Распѣваютъ птицы...
Ѳалатта! Ѳалатта!

О храброе—и въ отступленіи храброе сердце!
Какъ часто, какъ горестно часто
Тебя тѣснили
Варварки сѣвера;
Сыпали жгучія стрѣлы въ тебя
Изъ большихъ побѣдительныхъ глазъ;
Грозили мнѣ грудь раскроить
Кривыми мечами словъ;
Гвоздеобразными письмами
Бѣдный мой оглушенный
Мозгъ разбивали...
Напрасно я крылся щитомъ;
Стрѣлы свистали, и падалъ ударъ за ударомъ...
И вотъ оттѣснили меня
Варварки сѣвера къ самому морю,
И, полною грудью дыша,
Я море привѣтствую—
Спасительно-чудное море...
Ѳалатта! Ѳалатта!

13.

Гроза.

Тяжко нависла надъ моремъ гроза,
И черную стѣну тучъ
Зубчатымъ лучомъ прорѣзаетъ
Молнія, быстро свѣтя и быстро
Исчезая, какъ бѣглая мысль
На челѣ Кроніона.
Далече по бурно-пустыннымъ водамъ
Грохочетъ громъ,
И скачутъ бѣлые кони-валы,
Самимъ Бореемъ рожденные

От чудныхъ кобылицъ Эрихтопа,
И въ жалкомъ испугѣ порхаетъ
Морская птица,
Какъ тѣнь у водъ Стикса,
Харономъ оттолкнутая
Отъ барки его полуночной.
Бѣдный, рѣзвый корабликъ!
Пришлось пуститься ему
Въ опасную пляску.
Эолъ ему выслалъ
Самыхъ искусныхъ своихъ музыкантовъ:
Пусть поиграютъ погромче,
А онъ веселѣе попляшетъ!
Одинъ громче свищетъ, другой трубитъ,
А третій водитъ по струнамъ
Глухого баса.
И корабельщикъ
Едва стоитъ на ногахъ у руля
И смотритъ, глазъ не сводя, на компасъ,—
Дрожащую душу кораблика,—
И руки съ мольбой къ небесамъ простираетъ:
«Спаси насъ, Касторъ, воинственный всадникъ,
И ты, кулачный боецъ Полидевкъ!»

14.

Кораблекрушеніе.

Любовь и надежда! Все погибло!
И самъ я, какъ трупъ,
Выброшенъ моремъ сердитымъ,
Лежу на пустынномъ,
Унылымъ берегѣ
Предо мной водяная пустыня колышется;
За мною лишь горе и бѣдствіе;
А надо мною плывутъ облака,
Безлично-сѣрыя дочери воздуха,
Что̀ черпаютъ воду изъ моря
Туманными ведрами,
И тащитъ и тащитъ ее черезъ силу,
И снова въ море ее проливаютъ...
Трудъ печальный и скучный—
И безполезный, какъ жизнь моя.

Волны рокочутъ; чайки кричатъ...
Воспоминанья старинныя вѣютъ мнѣ на душу...
Забытыя грезы, потухшіе образы,
Мучительно-сладкіе, вновь возникаютъ.

Живетъ на сѣверѣ женщина,
Прекрасная, царственно-пышная...
Станъ ея, стройный, какъ пальма,
Страстно охваченъ бѣлой одеждой;
Темныя, пышныя кудри,
Словно блаженная ночь,
Съ увѣнчанной косами
Головы, разливаясь, волшебно змѣятся
Вкругъ чуднаго, блѣднаго лика;
И величаво-могучи, горятъ ея очи,
Словно два черныя солнца.

О, черныя солнца! Какъ часто,
Какъ часто восторженно я упивался изъ васъ
Дикимъ огнемъ вдохновенія,
И стоялъ, цѣпенѣя,
Полонъ пламеннымъ хмелемъ...
И тогда голубино-кроткой улыбкой
Вдругъ оживлялись гордыя губы,
И съ гордыхъ губъ сливалось слово
Нѣжнѣе луннаго свѣта,
Отраднѣе запаха розы,
И душа ликовала во мнѣ—
И къ небу орломъ возлетала.

Молчите вы, волны и чайки!
Все миновало! Любовь и надежда—
Надежда и счастье! Лежу я на берегѣ,
Одинокій, моремъ ограбленный,
И къ сырому песку
Горячимъ лицомъ припадаю.

15.

На закатѣ.

Прекрасное солнце
Спокойно склонилося въ море;
Зыбкія волны окрасила
Темная ночь,

И только заря осыпаетъ ихъ
Золотыми лучами;
И шумная сила прилива
Бѣлыя волны тѣснитъ къ берегамъ,
И волны скачутъ въ поспѣшномъ весельѣ
Какъ стадо бѣлорунныхъ овецъ,
Что вечеромъ къ дому
Гонитъ пастухъ, распѣвая.

— Какъ солнце прекрасно!
Сказалъ мнѣ по долгомъ молчаньи мой другъ,
Со мною у моря бродившій...
И полугрустно, полушутливо
Онъ сталъ увѣрять меня,
Будто солнце—прекрасная женщина,
Которой пришлось поневолѣ
Выйти замужъ за стараго бога морей...
И днемъ она радостно по небу ходитъ
Въ пурпурной одеждѣ,
Блистая алмазами,
И всѣ ее любятъ, и всѣ ей дивятся—
Всѣ земныя созданья,
И всѣхъ созданій земныхъ утѣшаетъ
Свѣтъ и тепло ея взгляда;
А вечеромъ грустно-невольно
Она возвращается
Во влажный дворецъ, на холодную грудь
Сѣдого мужа.

— Повѣрь мнѣ! прибавилъ мой другъ,
А самъ смѣялся,
Потомъ вздыхалъ—и снова смѣялся...
— Это одно изъ нѣжнѣйшихъ супружествъ!
Они или спятъ, или бранятся—
Такъ бранятся, что море высоко вскипаетъ,
И въ шумѣ волнъ мореходы
Слышатъ, какъ старый жену осыпаетъ
Страшною бранью...
«Круглая ты потаскушка вселенной!
Лучеблудница!
Цѣлый ты день горяча для другихъ,
А ночью,

Для меня—холодна ты, устала!»
Послѣ такихъ увѣщаній постельныхъ, конечно,
Ударяется въ слезы
Гордое сердце — и рокъ свой клянетъ...
Клянетъ такъ долго и горько,
Что богъ морской
Съ отчаянья прочь изъ постели кидается
И поскорѣе наверхъ выплываетъ—
Воздухомъ свѣжимъ дохнуть, освѣжиться.

— Я самъ его видѣлъ прошедшею ночью:
По поясъ вынырнулъ онъ изъ воды
Въ байковой желтой фуфайкѣ,
Въ бѣломъ, какъ снѣгъ, ночномъ колпакѣ,
Нависшемъ надъ старымъ
Истощеннымъ лицомъ.

16.

Пѣснь Океанидъ.

Меркнетъ вечернее море,
И одинокъ, со своей одинокой душой,
Сидитъ человѣкъ на пустомъ берегу
И смотритъ холоднымъ,
Мертвеннымъ взоромъ
Ввысь, на далекое,
Холодное, мертвое небо
И на широкое море,
Волнами шумящее.
И по широкому,
Волнами шумящему, морю,
Вдаль, какъ пловцы воздушные,
Несутся вздохи его—
И къ нему возвращаются грустны;
Закрытымъ нашли они сердце,
Куда пристать хотѣли...
И громко онъ стонетъ, такъ громко,
Что бѣлыя чайки
Съ песчаныхъ гнѣздъ подымаются
И носятся съ крикомъ надъ нимъ—
И онъ говоритъ имъ, смѣясь:
«Черноногія птицы,

На бѣлыхъ крыльяхъ надъ моремъ вы носитесь
Кривымъ своимъ клювомъ
Пьете воду морскую,
Жрете ворвань и мясо тюленье...
Горька ваша жизнь, какъ и пища!
А я, счастливецъ, вкушаю лишь сласти:
Питаюсь сладостнымъ запахомъ розы,
Соловьиной невѣсты,
Вскормленной мѣсячнымъ свѣтомъ;
Питаюсь еще сладчайшими
Пирожками съ битыми сливками;
Вкушаю и то, что̀ слаще всего—
Сладкое счастье любви
И сладкое счастье взаимности!
Она любитъ меня! Она любитъ меня,
Прекрасная дѣва!
Теперь она дома, въ свѣтлицѣ своей у окна,
И смотритъ въ вечерній сумракъ—
Вдаль, на большую дорогу,
И ждетъ и тоскуетъ по мнѣ—ей-Богу!
Но тщетно и ждетъ и вздыхаетъ...
Вздыхая, идетъ она въ садъ,
Гуляетъ по саду
Среди ароматовъ, въ сіяньи луны,
Съ цвѣтами ведетъ разговоръ,
И имъ говоритъ про меня:
Какъ я—ея милый—хорошъ,
Какъ милъ и любезенъ—ей-Богу!
Потомъ и въ постели, во снѣ передъ нею,
Даря ее счастьемъ, мелькаетъ
Мой милый образъ;
И даже утромъ, за кофе, она
На бутербродѣ блестящемъ
Видитъ мой ликъ дорогой—
И страстно съѣдаетъ его—ей-Богу!»
Такъ онъ хвастаетъ долго,
И порой раздается надъ нимъ,
Словно насмѣшливый хохотъ,
Крикъ порхающихъ чаекъ.
Вотъ наплываютъ ночные туманы,
Мѣсяцъ—желтый, какъ осенью листъ,
Грустно сквозь сизое облако смотритъ...

Волны морскія встаютъ и шумятъ...
И изъ пучины шумящаго моря,
Грустно, какъ вѣтра осенняго стонъ,
Слышится пѣнье.
Океаниды поютъ,
Милосердыя, чудныя дѣвы морскія...
И слышнѣе другихъ голосовъ
Ласковый голосъ
Серебро-нагой супруги Пелея...
Океаниды уныло поютъ:
«Безумецъ, безумецъ! Хвастливый безумецъ!
Скорбью истерзанный!
Убиты надежды твои
Игривыя дѣти души,
И сердце твое, словно сердце Ніобы,
Окаменѣло отъ горя.
Сгущается мракъ у тебя въ головѣ,
И вьются средь этого мрака,
Какъ молніи, мысли безумныя!
И хвастаешь ты отъ страданья!
Безумецъ, безумецъ! Хвастливый безумецъ!
Упрямъ ты, какъ древній твой предокъ,
Высокій титанъ, что̀ похитилъ
Небесный огонь у боговъ
И людямъ принесъ его,
И, коршуномъ мучимый,
Къ утесу прикованный,
Олимпу грозилъ, и стоналъ, и ругался,
Такъ, что мы слышали голосъ его
Въ лонѣ глубокаго моря,
И съ утѣшительной пѣсню
Вышли изъ моря къ нему.
Безумецъ, безумецъ! Хвастливый безумецъ!
Ты вѣдь безсильнѣй его,
И было-бъ умнѣй для тебя
Влачить терпѣливо
Тяжелое бремя скорбей—
Влачить его долго, такъ долго,
Пока и Атласъ не утратитъ терпѣнья
И тяжкаго міра не сброситъ съ плеча
Въ ночь безъ разсвѣта!»

Долго такъ пѣли въ пучинѣ
Милосердыя, чудныя дѣвы морскія.
Но зашумѣли грозные валы,
Пѣніе ихъ заглушая;
Въ тучахъ спрятался мѣсяцъ; раскрыла
Черную пасть свою ночь...
Долго сидѣлъ я во мракѣ и плакалъ.

17.

Боги Греціи.

Полный мѣсяцъ! Въ твоемъ сіяньи,
Словно текучее золото,
Блещетъ море.
Кажется, будто волшебнымъ сіяньемъ
Дня съ полуночною мглою одѣта
Равнина песчанаго берега.
А по ясно-лазурному,
Беззвѣздному небу
Бѣлой грядою плывутъ облака,
Словно боговъ колоссальные лики
Изъ блестящаго мрамора.
Не облака это! Нѣтъ!
Это сами они—
Боги Эллады,
Нѣкогда радостно міромъ владѣвшіе,
А нынѣ въ изгнаньи и смертномъ томленьи,
Какъ призраки, грустно бродящіе
По небу полночному.
Благоговѣйно, какъ будто объятый
Странными чарами, я созерцаю
Средь пантеона небеснаго
Безмолвно торжественный,
Тихій ходъ исполиновъ воздушныхъ.
Вотъ Кроніонъ, надзвѣздный владыка!
Бѣлы, какъ снѣгъ, его кудри,
Олимпъ потрясавшія, чудныя кудри;
Въ десницѣ онъ держитъ погасшій перунъ;
Скорбь и невзгода
Видны въ лицѣ у него,
Но не исчезла и старая гордость.
Лучше было то время, о Зевсъ,

Когда небесно тебя услаждали
Нимфы и гекатомбы!
Но не вѣчно и боги царятъ:
Старыхъ тѣснятъ молодые и гонятъ,
Какъ нѣкогда самъ ты гналъ и тѣснилъ
Сѣдого отца и титановъ,
Дядей своихъ, Юпитеръ-Паррицида.
Узнаю и тебя,
Гордая Гера!
И тебя, и тебя я узнаю, Афродита
Древле златая, нынѣ серебряная!
Правда, все такъ же твой поясъ
Прелестью дивной тебя облекаетъ,
Но втайнѣ страшусь я твоей красоты,
И если-бъ меня осчастливить ты вздумала
Лаской своей благодатной,
Какъ прежде счастливила
Иныхъ героевъ—я-бъ умеръ отъ страха.
Богинею мертвыхъ мнѣ кажешься ты,
Венера-Либитина!
Не смотритъ ужъ съ прежней любовью
Грозный Арей на тебя.
Печально глядитъ
Юноша Фебъ-Аполлонъ.
Молчитъ его лира,
Весельемъ звенѣвшая
За ясной трапезой боговъ.
Еще печальнѣе смотритъ
Гефестъ хромоногій—
И, точно ужъ вѣкъ не смѣнять ему Гебы,
Не разливать хлопотливо
Сладостный нектаръ въ собраньи небесномъ.
Давно умолкъ
Немолчный смѣхъ олимпійскій.
Я никогда не любилъ васъ, боги!
Противны мнѣ греки,
И даже римляне мнѣ ненавистны;
Но страданье святое и горькая жалость
Въ сердце ко мнѣ проникаютъ,
Когда васъ въ небѣ я вижу,
Забытые боги,
Мертвыя, ночью бродящія тѣни,

Туманныя, вѣтромъ гонимыя—
Старые боги! Всегда вы, бывало,
Въ битвахъ людскихъ принимали
Сторону тѣхъ, кто одержитъ побѣду.
Великодушнѣе васъ человѣкъ —
И въ битвахъ боговъ я беру
Сторону вашу,
Побѣжденные боги!
Такъ говорилъ я,
И покраснѣли замѣтно
Блѣдные облачные лики
И на меня посмотрѣли
Умирающимъ взоромъ,
Преображенные скорбью—
И вдругъ исчезли.
Мѣсяцъ скрылся
За темной, темною тучей,
Задвигалось море,
И просіяли побѣдно на небѣ
Вѣчныя звѣзды.

18.

Вопросы.

У моря, пустыннаго моря полночнаго
Юноша грустный стоитъ.
Въ груди тревога, сомнѣньемъ полна голова,
И мрачно волнамъ говоритъ онъ:
«О, разрѣшите мнѣ, волны,
Загадку жизни—
Древнюю, полную муки загадку!
Ужъ много мудрило надъ нею головъ—
Головъ въ колпакахъ съ іероглифами,
Головъ въ чалмахъ и черныхъ, съ перьями, шапкахъ,
Головъ въ парикахъ и тысячи тысячъ другихъ
Головъ человѣческихъ, жалкихъ, безсильныхъ...
Скажите мнѣ, волны, что̀ есть человѣкъ?
Откуда пришелъ онъ? Куда пойдетъ?
И кто тамъ надъ нами на звѣздахъ живетъ?»
Волны журчатъ своимъ вѣчнымъ журчаньемъ;
Вѣетъ вѣтеръ; бѣгутъ облака;
Блещутъ звѣзды безучастно-холодныя...
И ждетъ безумецъ отвѣта!

19.

Фениксъ.

Летитъ съ запада птица—
Летитъ къ востоку,
Къ восточной отчизнѣ садовъ,
Гдѣ пряныя травы душисто растутъ,
И пальмы шумятъ,
И свѣжестью вѣютъ ручьи...
Чудная птица летитъ и поетъ:
«Она любитъ его, она любитъ его!
Образъ его у ней въ сердцѣ живетъ—
Въ маленькомъ сердцѣ,
Въ тайной, завѣтной его глубинѣ,
Самой ей невѣдомо.
Но во снѣ онъ стоитъ передъ нею...
И молитъ она, и плачетъ,
И руки цѣлуетъ ему,
И имя его произноситъ,
И съ именемъ тѣмъ на устахъ
Въ испугѣ вдругъ пробуждается,
И протираетъ себѣ въ изумленьи
Прекрасныя очи...
Она любитъ его, она любитъ его!»

На палубѣ, къ мачтѣ спиной прислоняясь,
Стоялъ я и слушалъ пѣніе птицы.
Какъ черно-зеленые кони съ серебряной гривой,
Скакали бѣло-кудрявыя волны;
Какъ лебединыя стаи,
Мимо плыли,
Парусами блестя, суда гелголандцевъ,
Смѣлыхъ номадовъ полночнаго моря.
Надо мною, въ вѣчной лазури,
Порхали бѣлыя тучки,
И вѣчное солнце горѣло,
Роза небесная, пламенно-цвѣтная,
Радостно въ морѣ собою любуясь...
И небо, и море, и сердце мое
Согласно звучали:
«Она любитъ его, она любитъ его!»

20.

У пристани.

Счастливъ, кто мирно въ пристань вступилъ,
И за собою оставилъ
Море и бури,
И тепло и спокойно
Въ уютномъ сидитъ погребкѣ
Въ городѣ Бременѣ.
Какъ пріятно и ясно
Въ рюмкѣ зеленой весь міръ отражается!
Какъ отрадно,
Солнечно грѣя, вливается
Микрокосмъ струистый
Въ жаждой томимое сердце!
Все въ своей рюмкѣ я вижу.
Исторію древнихъ и новыхъ народовъ,
Турокъ и грековъ, Ганса и Гегеля,
Лимонныя рощи и вахтъ-парады,
Берлинъ и Шильду, Тунисъ и Гамбургъ...
А главное—образъ милой моей...
Херувимское личико
Въ золотистомъ сіяньи рейнвейна.
О, милая! Какъ ты прекрасна!
Какъ ты прекрасна! Ты—роза...
Только не роза ширазская,
Гафизомъ воспѣтая,
Соловью обрученная...
Не роза шаронская,
Священно-пурпурная
Пророками славимая...
Не роза ты погребка
Въ городѣ Бременѣ [1])...
О! эта роза изъ розъ!
Чѣмъ старше она, тѣмъ пышнѣе цвѣтетъ,
И я упоенъ
Ея ароматомъ небеснымъ,
Упоенъ—вдохновленъ—охмеленъ...
И не схвати меня

---

[1]) Роза—одно изъ названій рейнвейна.

За вихоръ погребщикъ,
Я, навѣрно, подъ столъ-бы свалился!
Славный малый! Мы вмѣстѣ сидѣли
И пили, какъ братья.
Мы говорили о важныхъ, тайныхъ предметахъ
Вздыхали и крѣпко другъ друга
Сжимали въ объятьяхъ,
И онъ обратилъ меня
На истинный путь... Я съ нимъ пилъ
За здравіе злѣйшихъ враговъ
И всѣмъ плохимъ поэтамъ простилъ,
Какъ и мнѣ простится со временемъ...
Я въ умиленіи плакалъ, и вотъ наконецъ
Передо мною отверзлись
Врата спасенья...

Слава, слава! Какъ сладостно вѣютъ
Вокругъ меня пальмы вефильскія,
Какъ благовонно дышатъ
Мирты хевронскія!
Какъ шумитъ священный потокъ
И кружится отъ радости!
И самъ я кружусь... и меня
Выводитъ скорѣе на воздухъ.
На бѣлый свѣтъ—освѣжиться
Мой другъ погребщикъ, гражданинъ
Города Бремена.

Ахъ, мой другъ погребщикъ! Погляди!
На кровляхъ домовъ все стоятъ
Малютки крылатыя...
Пьяны онѣ—и поютъ!
А тамъ—это яркое солнце—
Не красный-ли спьяна то носъ
Властителя міра, Зевеса,
И около этого краснаго носа
Не спьяна-ли міръ весь кружится?

21.

Эпилогъ.

Какъ на нивѣ колосья,
Растутъ и волнуются помыслы

Въ душѣ человѣка; но нѣжные
Любовные помыслы ярко
Цвѣтутъ между ними, какъ между колосьями
Цвѣты голубые и алые.
Цвѣты голубые и алые,
Жнецъ ворчливый на васъ и не взглянетъ,
Какъ на траву безполезную;
Нагло васъ цѣпъ деревянный раздавитъ.
Даже прохожій бездомный,
Вами любуясь и тѣшась,
Головой покачаетъ и дастъ вамъ
Названье плёвелъ прекрасныхъ.
Но молодая крестьянка,
Вѣнокъ завивая,
Ласково васъ соберетъ и украситъ
Вами прекрасныя кудри,
И въ этомъ вѣнкѣ побѣжитъ къ хороводу,
Гдѣ такъ отрадно поютъ
Флейты и скрипки,
Или въ укромную рощу,
Гдѣ милаго голосъ звучитъ отраднѣй
И флейтъ и скрипокъ!

XIII.

Новая весна.

1.

Липа вся подъ снѣжнымъ пухомъ,
Вѣтеръ ходитъ по полянамъ,
Облака нѣмыя въ небѣ
Облекаются туманомъ.

Лѣсъ безжизненъ, долъ пустыненъ,
Все кругомъ темно, уныло,
Стужа въ полѣ, стужа въ сердцѣ:
Сердце сжалось и застыло.

Вдругъ качнулись вѣтви липы,
Съ нихъ пушинки полетѣли...
Весь обсыпанъ, грустно молвишь:
«Дождался опять мятели!»

Но вглядись—и сердце вздрогнетъ:
То не снѣгъ, не иней льдистый,
То цвѣтовъ весеннихъ бѣлыхъ
Рой пушистый, рой душистый.

Чары чудныя свершились!
Дышитъ маемъ зимній холодъ,
Снѣгъ сталъ вешними цвѣтами,
И опять ты сердцемъ молодъ!

2.

Снова роща зеленѣетъ,
Нѣги дѣвственной полна;
Солнце весело смѣется...
Здравствуй, юная весна!

Соловей, и твой унылый,
Страстный голосъ слышенъ вновь;
Звуки плачутъ и рыдаютъ,
И вся пѣснь твоя—любовь!

3.

Дождался я свѣтлаго мая;
Цвѣты и деревья цвѣтутъ,
И по небу синему, тая,
Румяныя тучки плывутъ.

Запѣли веселыя пташки
Въ играющей листвѣ лѣсовъ,
И бѣлые скачутъ барашки
На зелени мягкихъ луговъ.

Ни пѣть ни скакать не могу я...
Больной, я улегся въ травѣ.
Какъ будто и сплю и не сплю я...
И грезы, и звонъ въ головѣ.

4.

Глазки весны голубые
Кротко глядятъ изъ травы.
Любы вы милой, фіалки:
Съ полемъ разстаетесь вы.

Рву я цвѣты и мечтаю...
Въ рощѣ поютъ соловьи...
Боже мой, кто разсказалъ имъ
Думы и грезы мои?

Громко они разглашаютъ
Все, что я въ сердцѣ таю...
Цѣлая роща узнала
Нѣжную тайну мою.

5.

Какъ трепещетъ, отражаясь
Въ морѣ плещущемъ, луна,
А сама идетъ по небу
И спокойна и ясна:

Такъ и ты идешь, спокойна
И ясна, своимъ путемъ;
Но дрожитъ твой свѣтлый образъ
Въ сердцѣ трепетномъ моемъ.

6.

Священный союзъ заключили
Горячія наши сердца
И тѣсно другъ съ другомъ сомкнулись,
Чтобъ биться вдвоемъ до конца.

Была на груди твоей роза
Посредницей нашихъ сердецъ...
Мы очень тѣснили бѣдняжку—
И смяли совсѣмъ наконецъ.

7.

Скажи мнѣ, кто вздумалъ часы изобрѣсть:
Въ минуты, въ секунды все время расчесть?
— Холодный и мрачный то былъ нелюдимъ:
Онъ, въ зимнія ночи хандрою томимъ,
Все слушалъ, какъ мышка скребется въ подпечекъ'
Да въ щелкѣ куетъ запоздалый кузнечикъ.

А кто изобрѣлъ поцѣлуй, и когда?
— Пылавшія счастьемъ и нѣгой уста:

Безъ счету, безъ думъ цѣловались они.
То было въ пр красные майскіе дни...
И солнце играло, и птицы запѣли,
И ярко цвѣтами луга запестрѣли!

———

8.

Тотъ же сонъ, что̀ снился прежде!
Прежнимъ счастьемъ вновь живу я...
Въ той же вешней міръ одеждѣ,
Та же нѣга поцѣлуя.

Тотъ же мѣсяцъ все двурогій
Свѣтитъ намъ; бесѣдка та же;
Тѣ же мраморные боги
У дверей стоятъ на стражѣ.

Сладкій сонъ—увы!—минуетъ,
И сердечные обманы
Осень холодомъ обдуетъ,
Какъ весеннія поляны...

Да! цвѣсти недолго счастью;
И поблекнетъ, и сомнется...
И покинутое страстью
Сердце къ сердцу не прижмется.

———

XIV.

Разныя.

1.

Тѣнь—любовь твоя и ласки:
Жизнь и счастье наше—тѣнь;
Ахъ! не вѣрь вчерашней сказкѣ:
Новой былью дышитъ день.

Мимолетно наслажденье,
Мигъ любви—невѣренъ онъ...
Въ сердце крадется забвенье,
И глаза смыкаетъ сонъ.

2.

Корабль мой на черныхъ плыветъ парусахъ
По дикой пустынѣ морей...
Ты знаешь, какъ больно мнѣ горе мое:
Зачѣмъ его дѣлать больнѣй?

Какъ вѣтеръ, измѣнчиво сердце твое,
Волны оно вольной бѣглѣй!..
Корабль мой на черныхъ плыветъ парусахъ
По дикой пустынѣ морей.

3.

Все море, братья, въ часъ заката
Горитъ кругомъ, какъ золотое...
Когда умру, на дно морское
Усопшаго вы бросьте брата!

Мы были долго съ моремъ дружны;
Волною ласковой, бывало,
Такъ часто скорби утоляло
Оно въ груди моей недужной.

XV.

На чужбинѣ.

Изъ края въ край твой путь лежитъ:
Идешь ты—радъ не радъ.
По вѣтру нѣжный зовъ звучитъ—
И ты взглянулъ назадъ.

Твоя любовь въ странѣ родной;
Манитъ, зоветъ она:
«Вернись домой! Побудь со мной!
Ты радость мнѣ одна».

Но путь ведетъ все вдаль и тьму,
И остановки нѣтъ...
Чѣо такъ любилъ—навѣкъ къ тому
Запалъ возвратный слѣдъ.

XVI.

Трагедія.

1.

«Бѣги со мной! Будь мнѣ женой!
На сердцѣ отдохни моемъ!
Оно тебѣ въ странѣ чужой—
Родимый край, родимый домъ.

Иль лягу я въ землѣ сырой,
И будешь въ мірѣ ты одна,
И будетъ домъ родимый твой
Тебѣ чужая сторона!»

2.

На поляну иней палъ
Середь вешней ночки:
Познобилъ онъ, погубилъ
Алые цвѣточки.

Темной ночкой съ молодцомъ
Дѣвушка бѣжала,
Ни родимой ни отцу
Слова не сказала.

Въ чужедальной сторонѣ
Горе да несчастье,
И повянули они,
Какъ цвѣты въ ненастье.

3.

Лица ихъ могилу тѣнью покрываютъ;
Межъ кудрявыхъ вѣтокъ пташка распѣваетъ.
На травѣ зеленой сѣли у могилы
Парень деревенскій со своею милой.

Тихо и печально вѣтерокъ лепечетъ,
Сладко и уныло пташечка щебечетъ.
Пріумолкли парень и его зазноба...
Отчего—не знаютъ, только плачутъ оба.

XVII.

РОМАНСЫ И БАЛЛАДЫ.

1.

Женщина.

Любовь ихъ была глубока и сильна:
Мошенникъ былъ онъ, потаскушка она.
Когда молодцу сплутовать удавалось,
Кидалась она на кровать и смѣялась.

И шумно и буйно летѣли ихъ дни;
По темнымъ ночамъ цѣловались они.
Въ тюрьму угодилъ онъ. Она не прощалась;
Глядѣла, какъ взяли дружка, и смѣялась.

Послалъ онъ сказать ей: «Зашла-бы ко мнѣ!
Съ ума ты нейдешь наяву и во снѣ:
Душа у меня по тебѣ стосковалась!»
Качала она головой и смѣялась.

Чѣмъ свѣтъ его вѣшать на площадь вели,
А въ семь его сняли—въ могилу снесли...
А въ восемь она, какъ ни въ чемъ не бывало,
Вино попивая съ другимъ, хохотала.

2.

Рыцарь Олафъ.

1.

Кто тѣ двое у собора,
Оба въ красномъ одѣяньи?
То король, что хмуритъ брови,
Съ нимъ палачъ его покорный.

Палачу онъ молвитъ: «Слышу
По словамъ церковныхъ пѣсенъ,
Что обрядъ вѣнчанья конченъ...
Свой топоръ держи поближе!»

И трезвонъ, и гулъ оргàна...
Пестрый людъ идетъ изъ церкви.
Вотъ выводятъ новобрачныхъ
Въ пышномъ праздничномъ уборѣ.

Блѣдны щеки, плачутъ очи
У прекрасной королевны;
Но Олафъ и бодръ и веселъ,
И уста цвѣтутъ улыбкой,

И съ улыбкой устъ румяныхъ
Королю онъ молвитъ: «Здравствуй,
Тесть возлюбленный! Сегодня
Я разстанусь съ головою.

Но одну исполни просьбу:
Дай отсрочку до полночи,
Чтобъ отпраздновать мнѣ свадьбу
Свѣтлымъ пиромъ, шумной пляской.

Дай пожить мнѣ! дай пожить мнѣ!
Осушить послѣднiй кубокъ,
Пронестись въ послѣдней пляскѣ!
Дай пожить мнѣ до полночи!»

И король угрюмый молвитъ
Палачу: «Даруемъ зятю
Право жизни до полночи...
Но топоръ держи поближе!»

2.

Сидитъ новобрачный за брачнымъ столомъ;
Онъ кубокъ послѣднiй наполнилъ виномъ.
Къ плечу его блѣднымъ лицомъ припадая,
Вздыхаетъ жена молодая...
Палачъ стоитъ у дверей!

«Готовятся къ пляскѣ, прекрасный мой другъ!»
И рыцарь съ женою становятся въ кругъ.
Зажегся въ ихъ лицахъ горячiй румянецъ—
И бѣшенъ послѣднiй ихъ танецъ...
Палачъ стоитъ у дверей!

Какъ весело ходятъ по струнамъ смычки,
А въ пѣнiи флейты какъ много тоски!
У всѣхъ, передъ кѣмъ эта пара мелькаетъ,
Отъ страха душа замираетъ...
Палачъ стоитъ у дверей!

А пляска все вьется, а зала дрожитъ,
Къ супругѣ склоняясь, Олафъ говоритъ:
«Не знать тебѣ, какъ мое сердце любило;
Готова сырая могила!»
Палачъ стоитъ у дверей!

3.

Рыцарь! полночь било... Кровью
Уплати проступокъ свой!

Насладился ты любовью
Королевны молодой.

Ужъ сошлись во дворъ монахи—
За псалмомъ поютъ псаломъ...
И палачъ у черной плахи
Всталъ съ широкимъ топоромъ.

Озаренъ весь дворъ огнями...
На крыльцѣ Олафъ стоитъ—
И, румяными устами,
Улыбаясь, говоритъ:

«Слава въ небѣ звѣздамъ чистымъ!
Слава солнцу и лунѣ!
Слава птицамъ голосистымъ
Въ поднебесной вышинѣ!

И морскимъ водамъ безбрежнымъ!
И землѣ въ дарахъ весны!
И фіалкамъ въ полѣ—нѣжнымъ,
Какъ глаза моей жены.

Надо съ жизнью разстаться
Изъ-за этихъ синихъ глазъ...
Слава рощѣ, гдѣ видаться
Мы любили въ поздній часъ!»

4.

День въ темную ночь влюбленъ,
Въ зиму весна влюблена,
Жизнь въ смерть...
А ты?.. Ты въ меня!

Ты любишь меня... Ужъ тебя
Объемлетъ страшная тѣнь.
Ты вянешь, мой нѣжный цвѣтокъ,
И кровью исходитъ душа твоя...

Оставь меня и люби
Бабочекъ рѣзвыхъ, веселыхъ,
Играющихъ въ солнечномъ блескѣ...
Оставь несчастье при мнѣ!

3.

Гаральдъ Гарфагаръ.

Король Гаральдъ на днѣ морскомъ
Сидитъ подъ синимъ сводомъ
Съ прекрасной феею своей;
А годъ идетъ за годомъ.

Не разорвать могучихъ чаръ
Ни смерти нѣтъ, ни жизни.
Минуло двѣсти зимъ и лѣтъ
Его послѣдней тризнѣ.

На грудь красавицы склонясь,
Король глядитъ ей въ очи,
Дремотной нѣгою объятъ,
Глядитъ и дни и ночи.

Златыя кудри короля
Изсѣклись, побѣлѣли,
Въ морщинахъ желтое лицо,
Нѣтъ силъ въ поблекшемъ тѣлѣ.

Порой тревожитъ страстный сонъ
Какой-то грохотъ дальной:
То буря нà морѣ шумитъ—
Дрожитъ дворецъ хрустальной.

Порою слышитъ Гарфагаръ
Нормандскій кликъ родимый:
Подниметъ руки—и опять
Поникнетъ, недвижимый.

Порой до слуха долетитъ
И пѣснь пловца надъ моремъ,
Чтò про Гаральда сложенà:
Стѣснится сердце горемъ.

Король застонетъ, и глаза
Наполнятся слезами;
А фея льнетъ къ его устамъ
Веселыми устами.

———

XVIII.

СЛУЧАЙНЫЯ СТИХОТВОРЕНІЯ.

Ночныя мысли.

Какъ вспомню къ ночи край родной,
Покоя нѣтъ душѣ больной:
И сномъ забыться нѣту мочи,
И горько, горько плачутъ очи.

Проходятъ годы чередою...
Съ тѣхъ поръ, какъ матери родной
Я не видалъ, прошло ихъ много!
И все растетъ во мнѣ тревога...

И грусть растетъ день ото дня.
Околдовала мать меня:
Все-бъ думалъ о старушкѣ милой—
Господь храни ее и милуй!

Какъ любо ей ея дитя!
Пришлетъ письмо—и вижу я:
Рука дрожала, какъ писала,
А сердце ныло и страдало.

Забыть родную силы нѣтъ!
Прошло двѣнадцать долгихъ лѣтъ—
Двѣнадцать лѣтъ ужъ миновало,
Какъ мать меня не обнимала.

Крѣпка родная сторона;
Вовѣкъ не сломится она;
И будутъ въ ней, какъ въ оны годы,
Шумѣть лѣса, катиться воды.

По ней не сталъ-бы тосковать,
Но тамъ живетъ старушка-мать:
Меня не родина тревожитъ,
А то, что мать скончаться можетъ.

Какъ изъ родной ушелъ земли,
Въ могилу многіе легли,
Кого любилъ... Считать ихъ стану
И бережу за раной рану.

Когда начну усопшимъ счетъ,
Ко мнѣ на грудь, какъ тяжкій гнетъ,
За трупомъ мертвый трупъ ложится...
Болитъ душа, и умъ мутится.

Но слава Богу! Сквозь окна
Зардѣлся свѣтъ. Моя жена,
Ясна, какъ день, глядитъ мнѣ въ очи —
И гонитъ прочь тревоги ночи.

XIX.
РОМАНЦЕРО.
1.
Гастингское поле.

Глубоко вздыхаетъ вальтамскій аббатъ;
 Дошли къ нему горькія вѣсти:
Проигранъ при Гастингсѣ бой—и король
 Убитый остался на мѣстѣ.

Зоветъ онъ монаховъ и имъ говоритъ:
 «Ты, Асгодъ, ты, Эльрикъ—вы двое—
Идите, сыщите вы трупъ короля
 Гарольда межъ жертвами боя!»

Въ печали монахи на поискъ пошли;
 Вернулись къ аббату въ печали.
«Не радостна, отче, Господня земля:
 Ей дни испытаній настали!

О горе намъ! Палъ благороднѣйшій мужъ,
 И воля ничтожныхъ надъ нами:
Грабители дѣлятъ родную страну—
 И дѣлаютъ вольныхъ рабами.

Паршивый нормандскій оборвышъ—увы!—
 Британскимъ становится лордомъ;
Вездѣ щеголяютъ въ шитьѣ золотомъ,
 Кого колотили по мордамъ!

Несчастье тому, кто саксонцемъ рожденъ!
 Нѣтъ участи горше и гаже:

Враги наши будутъ безбожно хулить
Саксонскихъ святителей даже!

Узнали мы, что̀ намъ большая звѣзда
Кровавымъ огнемъ предвѣщала,
Когда на горящей метлѣ въ небесахъ
Средь темной полночи скакала.

Сбылося предвѣстье, грозившее намъ
И нашей отчизнѣ бѣдами;
Мы были на Гастингскомъ полѣ, отецъ!
Завалено поле тѣлами.

Бродили мы долго, искали вездѣ,
Надеждой и страхомъ томимы...
Увы! королевскаго тѣла нигдѣ
Межъ трупами тамъ не нашли мы!»

Такъ молвили Асгодъ и Эльрикъ. Аббатъ,
Сраженный ихъ вѣстью жестокой,
Поникъ головою и молвилъ потомъ
Монахамъ съ тоскою глубокой:

«Живетъ въ гриндельфильдскомъ дремучемъ лѣсу,
Сношеній съ людьми не имѣя,
Одна въ беззащитной избушкѣ своей,
Эдиѳь Лебединая-шея.

Была какъ у лебедя шея у ней,
Была и стройна и прекрасна,
И въ Бозѣ почившій король нашъ Гарольдъ
Когда-то любилъ ее страстно.

Любилъ онъ ее, цѣловалъ и ласкалъ,
Потомъ разлюбилъ и покинулъ.
За днями шли дни, за годами года:
Шестнадцатый годъ тому минулъ.

Идите вы, братіе, въ хижину къ ней...
Туда вы поспѣете къ ночи,
Возьмите съ собою на поискъ Эдиѳь:
У женщины зоркія очи.

Вы трупъ короля принесите сюда;
Надъ нашимъ почившимъ героемъ
По чину мы долгъ христіанскій свершимъ
И съ почестью тѣло зароемъ».

Ужъ въ полночь монахи къ избушкѣ лѣсной
Пришли и стучатся: «Скорѣе
Съ постели вставай и за нами иди,
Эдиѳь Лебединая-шея!

Насъ герцогъ нормандскій въ бою побѣдилъ,
И много легло насъ со славой;
Но палъ подъ мечомъ и король нашъ Гарольдъ
На гастингской нивѣ кровавой!

Пришли тебя звать мы искать, гдѣ лежитъ
Межъ мертвыми нашъ повелитель:
Найдя, понесемъ мы его хоронить
Въ священную нашу обитель».

Ни слова не молвя, вскочила Эдиѳь
И вышла къ монахамъ босая.
Ей вѣтеръ полночный трепалъ волоса,
Сѣдыя ихъ космы вздувая.

Пошли. По оврагамъ, по топямъ и пнямъ
Вела ихъ лѣсная жилица...
И вотъ показался утесъ мѣловой,
Какъ въ небѣ зажглася денница.

Бѣлѣя, какъ саванъ, взвивался туманъ
Надъ полемъ сраженья; взлетали
Съ кровавыми клювами стаи воронъ—
И дико и мерзко кричали.

Ограблены, голы, безъ членовъ, черны,
Валялися трупы повсюду:
Тамъ люди лежали, тутъ лошадь гнила,
Давя безобразную груду.

Бродила Эдиѳь по равнинѣ, гдѣ мечъ
Разилъ и губилъ безъ пощады;

Изъ глазъ неподвижныхъ метала она,
Какъ стрѣлы, пытливые взгляды.

Въ крови по колѣни ходила Эдиѳь;
Порой рукавами рубахи
Отъ мертвыхъ гнала она стаи воронъ;
За нею плелися монахи.

Весь день проискала она короля.
Закатъ былъ, какъ зарево, красенъ...
Вдругъ бѣдная съ крикомъ поникла къ землѣ,
Пронзительный крикъ былъ ужасенъ!

Нашла Лебединая-шея, нашла
Кого такъ усердно искала!
Не молвила слова и слезъ не лила
И къ блѣдному лику припала...

Лобзала его и въ чело и въ уста,
И жалась лицомъ къ его стану;
Лобзала на мертвой груди короля
Кровавую черную рану.

Потомъ увидала на правомъ плечѣ
(И къ нимъ приложилась устами)
Три рубчика: въ чудно-блаженную ночь
Она нанесла ихъ зубами.

Монахи двѣ жерди межъ тѣмъ принесли
И доску къ жердямъ привязали,
И на доску подняли трупъ короля
Въ глубокой, безмолвной печали.

Въ обитель святую его понесли—
Отпѣть и предать погребенью;
За трупомъ любви своей тихо Эдиѳь
Пошла похоронною тѣнью,

И пѣла надгробныя пѣсни она,
Такъ жалобно-дѣтски!.. Звучали
Напѣвы ихъ скорбно въ ночной тишинѣ...
Монахи молитву шептали.

———

2.

Король Ричардъ.

Всадникъ несется на борзомъ конѣ
Свѣжею пущей лѣсной;
То запоетъ онъ, то въ рогъ затрубитъ,
Веселъ и воленъ душой.

Крѣпки литые доспѣхи его,
Духъ не сломился отъ бѣдъ,
Онъ это—Львиное Сердце Ричардъ,
Божьяго воинства цвѣтъ.

«Здравствуй на родинѣ!» слышенъ ему
Радостный лепетъ вѣтвей:
«Слава, король нашъ, что вырвался ты
Цѣлъ изъ австрійскихъ когтей!»

Полною грудью онъ пьетъ благодать
Вольнаго Божьяго дня;
Вспомнилъ о смрадѣ австрійской тюрьмы—
Гонитъ и шпоритъ коня!

3.

Асра.

Каждый день порой вечерней
Дочь султана молодая
Тихо по саду проходитъ
Близъ журчащаго фонтана.

Каждый день порой вечерней
У журчащаго фонтана
Молодой стоитъ невольникъ,
Съ каждымъ днемъ онъ все блѣднѣетъ.

Разъ къ нему подходитъ быстро
Съ быстрой рѣчью дочь султана:
«Знать хочу твое я имя,
Кто ты родомъ и откуда?»

Отвѣчаетъ ей невольникъ:
«Магометъ я, изъ Емена,

Родомъ Асра: всѣ мы въ родѣ
Умираемъ, какъ полюбимъ!»

XX.
НА СМЕРТНОМЪ ОДРѢ.

Радость и горе

Радость—рѣзвая гризетка:
Посидитъ на мѣстѣ рѣдко,
Разъ-другой поцѣловала
И гляди—ужъ убѣжала!

А старуха—горе дружно
Приласкаетъ, приголубитъ:
Торопиться ей не нужно,
Посидѣть съ работой любитъ.

XXI.
КНИГА ЛАЗАРЯ.
(Lazarus).

1.
Оглядка на прошлое.

Благоуханье кухни дольной
Понюхалъ вволю я, друзья,
Земная жизнь была привольной,
Блаженной жизнью для меня.
Я кофе пилъ и ѣлъ пастеты,
Прекрасной куколкой игралъ,
Носилъ атласные жилеты,
Въ тончайшемъ фракѣ щеголялъ;
Въ карманѣ брякали червонцы,
А что̀ за конь! А что̀ за домъ!
Я жилъ безпечнымъ богачомъ
Подъ золотою лаской солнца:
Въ долинѣ Счастья я лежалъ.
Вѣнокъ лавровый обвивалъ
Мое чело; благоухая,
Онъ погружалъ въ отрадный сонъ,

И въ область розъ, въ отчизну мая,
Тѣмъ сномъ я былъ переселенъ.
Всѣ чувства сладостно дремали,
Блаженъ, безъ думъ и безъ заботъ,
Я млѣлъ, и сами мнѣ влетали
Бекасы жареные въ ротъ.
Порой какой-то чудный геній
Уста шампанскимъ мнѣ кропилъ,
То были грезы, рой видѣній!
Они исчезли. Старъ и хилъ,
Лежу теперь въ травѣ росистой.
Какъ я озябъ? Какъ воздухъ мглистый
Мнѣ давитъ грудь! Не встану я:
Недугъ убилъ во мнѣ всѣ силы,
И, чуя близкій зовъ могилы,
Устыжена душа моя...
За радости, за мигъ ихъ каждой,
Досадой горькой я платилъ:
Томясь и голодомъ и жаждой,
Я ѣлъ полынь и уксусъ пилъ.
Мой день заботы отравляли
Пустой и мелкой суетой,
И комары всю ночь жужжали
Надъ горемычной головой.
Мнѣ поневолѣ приходилось
И лгать и деньги занимать,
И чуть-ли даже не случилось
Съ сумою по міру сбирать.
Теперь усталъ я отъ тревоги.
Усталъ отъ бѣдъ и отъ скорбей,
И, протянувъ въ могилѣ ноги,
Желалъ-бы выспаться скорѣй...
Прощайте! Тамъ, за гробомъ, братья,
Я васъ прошу въ свои объятья!

2.

Умирающіе.

Солнца, счастья шелъ искать...
Нагъ и плохъ вернулся вспять.
И бѣлье и упованья
Истаскалъ въ своемъ скитаньѣ.

Скуденъ силой, худъ лицомъ.
Но—утѣшься! Близко домъ:
Какъ у матери любимой
Сладко спать въ землѣ родимой!

А иной въ пути сталъ хромъ,
Не вернется въ отчій домъ.
Плачетъ въ горѣ безутѣшномъ...
Боже! Смилуйся надъ грѣшнымъ!

3.

Умныя звѣзды.

Не всякій цвѣтокъ
Спасется отъ ногъ,—
И рѣдкій останется цѣлымъ;
Всѣ ходятъ полями
И мнутъ сапогами
Головки и робкимъ и смѣлымъ.

Хоть жемчугъ цѣлѣй
Въ пучинѣ морей,
Но мы его добываемъ:
Сверлимъ ему зерна
И послѣ позорно
На шелковый шнуръ ихъ вздѣваемъ.

Какъ звѣзды умны!
Мы имъ не страшны:
Чуждаясь земного предѣла,
Онѣ, средь эѳира,
Какъ свѣточи міра,
Стоятъ невредимо и живо.

4.

Брось свои иносказанья
И гипотезы святыя!
На проклятые вопросы
Дай отвѣты намъ прямые!

Отчего подъ ношей крестной,
Весь въ крови, влачится правый!

Отчего вездѣ безчестный
Встрѣченъ почестью и славой?

Кто виной? Иль силѣ правды
На землѣ не все доступно?
Иль она играетъ нами?
Это подло и преступно!

Такъ мы спрашиваемъ жадно
Цѣлый вѣкъ, пока безмолвно
Не забьютъ намъ рта землею...
Да отвѣтъ-ли это, полно?

5.

Остывшій.

Когда умрешь, въ землѣ лежать
Придется долго безъ движенья.
Боюсь, придется долго ждать
Мнѣ дня изъ мертвыхъ воскресенья.

Пока свѣтъ жизни не погасъ,
Не перестало сердце биться,
Еще хотѣлось-бы мнѣ разъ
Любовью женской насладиться.

Блондинку-бы! Чтобъ кроткій взглядъ
Сіялъ, какъ свѣтъ луны спокойной:
Предъ смертью былъ плохой-бы ладъ
Съ брюнеткою, какъ солнце знойной.

Кто молодъ, полонъ свѣжихъ силъ,
Тотъ хочетъ страстныхъ бурь, волненій...
И клятвы, и ревнивый пылъ...
Чтò шуму, гаму! Чтò мученій!

Мнѣ лѣтъ и силъ не воротить—
И о страстяхъ чужда мнѣ дума.
Хотѣлъ-бы тихо я любить,
Хотѣлъ-бы счастливъ быть безъ шума.

6.

Заставь горячими клещами
Меня щипать, лицо мнѣ рвать,

Сѣчь розгами, хлестать плетями,—
Не заставляй лишь долго ждать!

Заставь мнѣ пыткою ужасной
Всѣ кости вывихнуть, сломать,—
Не заставляй лишь ждать напрасно:
Страшнѣе муки нѣтъ, какъ ждать!

Вчера прождалъ я въ этой мукѣ
Тебя съ полудня до шести.
Ты не пришла. Кусая руки,
Я былъ готовъ съ ума сойти!

Меня душило нетерпѣнье,
Какъ змѣй. У двери зазвонятъ,—
Вскочу... Не ты! Въ изнеможеньи,
Какъ трупъ, я падаю назадъ.

Ты не пришла. Я рвусь и ною;
А въ уши шепчетъ сатана:
«Безумецъ старый! Надъ тобою
Не потѣшается-ль она?»

XXII.
ПОСЛѢДНІЯ СТИХОТВОРЕНІЯ.

1.
Въ маѣ.

Кого я любилъ и кого цѣловалъ,
Отъ тѣхъ я и худшее зло испыталъ.
Разбито сердце! А небо блещетъ;
Все вешнею нѣгой горитъ и трепещетъ.

Цвѣтетъ весна. Опушились лѣса;
Въ нихъ весело птичьи звенятъ голоса,
И запахъ цвѣтовъ раздражительно-сладокъ.
О міръ прекрасный! Какъ ты мнѣ гадокъ.

Милѣй-бы мнѣ Орка подземная мгла:
Тамъ рѣзкихъ контрастовъ душа-бъ не нашла.
Споснѣй для сердецъ, неусыпно болящихъ,
У темныхъ водъ Стикса, немолчно журчащихъ!

Ихъ вѣчный ропотъ межъ черныхъ плитъ,
И мерзостный крикъ стимфалидъ,
И фурій пронзительно-дикое пѣнье,
И Цербера лай въ отдаленьѣ—

Все кстати пришлась-бы тамъ скорбь моя
Въ унылой юдоли средь царства тѣней.
Въ проклятыхъ владѣньяхъ твоихъ, Перифона,
Все создано только для вопля и стона.

А здѣсь—что̀ за ужасъ! Здѣсь все: небеса,
И солнце, и розы язвятъ мнѣ глаза,
И май надо мной насмѣхается ясный.
О, какъ ты мнѣ гадокъ, о міръ прекрасный!

2.

Скорбь вавилонская.

Смерть меня кличетъ, моя дорогая!
О! для чего, умирая,
О! для чего, умирая любя,
Я не въ лѣсу покидаю тебя,
Въ темномъ лѣсу, гдѣ погибель таится,
Неотразимо-грозна,
Волкъ завываетъ злой, коршунъ гнѣздится,
Съ бѣшенымъ хрюканьемъ бродитъ веприца,
Бураго вепря жена?

Смерть меня кличетъ. О горе!
Лучше-бы въ утломъ челнѣ
Бросилъ средь бурнаго моря
Я существо, драгоцѣнное мнѣ.
Яростно воетъ и волны вздымаетъ
Тамъ ураганъ!
Будитъ на днѣ и наверхъ высылаетъ
Страшныхъ чудовищъ своихъ океанъ;
Все тамъ грозитъ неминучей напастью:
Мчится акула съ разинутой пастью,
Вынырнулъ жадный кайманъ.

Вѣрь мнѣ, о другъ мой прекрасной,
Какъ ни опасно

Въ морѣ сердитомъ, во мракѣ лѣсномъ,
Вдвое опаснѣе—гдѣ мы живемъ.
Вѣрь мнѣ: ужаснѣе волка, веприцы,
Злѣе акулъ и всѣхъ чудищъ морскихъ
Звѣри Парижа, всемірной столицы,
Въ играхъ и пѣсняхъ, и пляскахъ своихъ.
Замерло сердце, и разумъ мутится:
Вкругъ сироты моей, дурью объятъ,
Этотъ блестящій Парижъ суетится,
Дьяволамъ—рай, чистымъ ангеламъ—адъ!

Что̀ такъ жужжитъ вкругъ постели?
Черныя мухи—озлобленный рой.
Боже! Откуда онѣ налетѣли?
Свѣтъ застилая, кишатъ предо мной,
На носъ и на лобъ садятся, кусаютъ;
Точно людскіе глаза у иныхъ!
Эта вонъ съ хоботомъ... Страшно мнѣ ихъ.
Прочь! Отвяжитесь! Еще налетаютъ...
Словно свинцомъ придавило мнѣ грудь...
Жить ужъ немного:
Стукъ въ головѣ и возня, и тревога...
Знать, мой разсудокъ сбирается въ путь.

3.

Афронтенбургъ.

Проклятый за̀мокъ! Образъ твой
Еще мелькаетъ предъ очами—
Съ своими мрачными стѣнами,
Съ своей запуганной толпой.

Надъ кровлей въ воздухѣ чернѣя,
Вертѣлся флюгеръ и скрипѣлъ,
И кто лишь ротъ раскрыть хотѣлъ,
На флюгеръ взглядывалъ, блѣднѣя.

Не начиналъ никто рѣчей,
Не справясь съ вѣтромъ: всякъ страшился,
Чтобъ не зафыркалъ, не озлился
Старикъ, придирчивый Борей.

Кто былъ умнѣй, не молвилъ слова:
Онъ зналъ, что эхо въ за̀мкѣ томъ

Переиначить все готово
Своимъ фальшивымъ языкомъ.

Въ саду, средь зелени убогой,
Темнѣлъ гранитный водоемъ:
Онъ вѣчно былъ съ засохшимъ дномъ,
Хоть слезъ въ него катилось много.

Проклятый садъ! Въ немъ нѣтъ угла,
Гдѣ-бъ сердца злость не отравляла,
И гдѣ-бы слезъ моихъ не пало,
Которымъ не было числа.

Не счесть и тяжкихъ оскорбленій!
Во всѣхъ углахъ я былъ язвимъ
То рѣчью, полной ухищреній,
То словомъ грубо-площаднымъ.

Подслушать мой позоръ обидный
И жаба черная ползла...
И злую рѣчь потомъ вела
Съ своею тетушкой-ехидной;

И—вся ихъ грязная родня—
Лягушки, крысы узнавали,
Какъ безпощадно оскорбляли
И какъ позорили меня.

Алѣли розы, расцвѣтая,
Но рано сваяла ихъ весна—
И, чѣмъ-то вдругъ отравлена,
Поблекла жизнь ихъ молодая.

Съ тѣхъ поръ зачахъ и соловей,
Чья пѣснь лилась надъ соннымъ садомъ,
Лаская розы въ тьмѣ ночей:
И онъ отравленъ тѣмъ же ядомъ!

Проклятый садъ! проклятый! да!
Повсюду клеймы отверженья:
И въ ясный день тамъ иногда
Меня пугали привидѣнья.

Порой мелькалъ мнѣ чей-то ликъ—
Зеленый, злобой искаженный...
И слышалъ вопли я и стоны,
Послѣднiй хрипъ, предсмертный крикъ.

Террасой къ морю садъ кончался:
Тамъ о пяты крутой скалы
Хлестали буйные валы—
И валъ за валомъ сокрушался.

Скорбя, что воля хороша,
Стоялъ я часто тамъ. Синѣла
Морская даль. Во мнѣ душа
Рвалась и билась и кипѣла...

Кипѣла, билась и рвалась
Она, какъ этотъ валъ мятежной,
Что̀ мчится гордъ къ скалѣ прибрежной—
И вспять отходитъ, раздробясь.

О! сколько я судовъ крылатыхъ
Вдали сквозь слезы различалъ!
Меня изъ стѣнъ своихъ проклятыхъ
Проклятый за̀мокъ не пускалъ.

4.

Enfant perdu.

Забытый часовой въ войнѣ свободы,
Я тридцать лѣтъ свой постъ не покидалъ:
Побѣды я не ждалъ, сражаясь годы;
Что не вернусь, не уцѣлѣю—зналъ.

Я день и ночь стоялъ, не засыпая,
Пока въ палаткахъ храбрые друзья
Всѣ спали, громкимъ храпомъ не давая
Забыться мнѣ, хоть и вздремнулъ-бы я.

А ночью—скука, да и страхъ порою:
Дуракъ лишь не боится ничего...
Я бойкимъ свистомъ или пѣсныо злою
Ихъ отгонялъ отъ сердца моего.

Ружье въ рукахъ, всегда на стражѣ ухо;
Чуть тварь какую близко разгляжу—
Ужъ не уйдетъ: какъ разъ дрянное брюхо
Насквозь горячей пулей просажу.

Случалось и такая тварь, бывало,
Прицѣлится и мѣтко попадетъ.
Не утаю—теперь въ томъ проку мало—
Я весь израненъ; кровь моя течетъ.

Гдѣ жъ смѣна? Кровь течетъ; слабѣетъ тѣло.
Одинъ упалъ—другіе подходи!
Но я не побѣжденъ: оружье цѣло,
Лишь сердце порвалось въ моей груди

XXIII.

Вицли - Пуцли.

Прелюдія.

Вотъ она, она—Америка!
Вотъ онъ, вотъ онъ, Новый Свѣтъ!
Не теперешній, что̀ началъ
Увядать въ европеизмѣ.

Вотъ онъ, Новый Свѣтъ, въ томъ видѣ,
Какъ онъ только-что Колумбомъ
Былъ добытъ изъ океана!
Влажной свѣжестью онъ дышитъ;

Весь осыпанъ и обрызганъ
Словно жемчугомъ, онъ ярко
Разгорается подъ солнцемъ.
Сколько въ немъ здоровья, силы!

Не кладбище романтизма
Этотъ свѣтъ, не куча хлама,
Крытыхъ плѣсенью символовъ
Париковъ окаменѣлыхъ.

На его здоровой почвѣ
Все здоровыя деревья:

Ни въ одномъ нѣтъ байронизма,
Ни въ одномъ—спинной сухотки.

На вѣтвяхъ сидятъ, качаясь,
Птицы въ яркихъ, пестрыхъ перьяхъ.
Какъ въ очкахъ, глаза ихъ блещутъ
Въ круглыхъ черныхъ ободочкахъ.

Важно длинный клювъ насупивъ,
На меня всѣ молча смотрятъ;
Но, всмотрѣвшись, начинаютъ
Тараторить, какъ торговки.

Чтò кричатъ, не понимаю,
Хоть не хуже Соломона,
Мужа тысячи красавицъ,
Языки я птичьи знаю.

Соломонъ же, какъ извѣстно,
Зналъ всѣ птичьи діалекты,
И не только всѣ живые,
Но и вымершіе даже.

Здѣсь, на новой почвѣ, новы
И цвѣты и ароматы.
Ароматы эти страстно
Раздражаютъ обонянье,

Нѣжатъ, тѣшатъ и щекòтятъ—
И мой носъ въ недоумѣньи
Труднымъ мучится вопросомъ:
Гдѣ духи такіе нюхалъ?

Можетъ-быть, на Реджентъ Стритѣ,
На груди у знойно-желтой,
Гибкой, стройной той яванки,
Что всегда цвѣты жевала?

Или, можетъ, въ Роттердамѣ,
Б изко статуи Эразма,
Въ бѣлой вафельной . авчонкѣ,
За таинственной гардиной?

Но пока въ такомъ смущеньѣ
Новый Свѣтъ я созерцаю,
Самъ я, кажется, внушаю
Вдвое большее смущенье.

Увидавъ мою фигуру,
Въ кустъ шмыгнула обезьяна,
И кричитъ она въ испугѣ:
«Призракъ, призракъ старосвѣтскій!»

Обезьяна, не пугайся!
Я не призракъ, не видѣнье;
Жизнь въ моихъ струится жилахъ.
Вѣрь, я сынъ вѣрнѣйшій жизни!

Но я долго былъ въ сношеньяхъ
Съ мертвецами и усвоилъ
Отъ покойниковъ манеры
И ихъ тайныя причуды.

Годы юности цвѣтущей
Проводилъ я въ Венусбергѣ
Да въ Кифгейзерѣ и въ разныхъ
Катакомбахъ романтизма.

Не пугайся, обезьяна!
Я люблю тебя: я вижу
На твоей блестящей, голой,
Гладкой з...... три цвѣта:

Черный, красный, золотистый!
Эти три любезныхъ цвѣта
Мнѣ родные, и я съ грустью
Вспомнилъ знамя Барбароссы

Пѣснь I.

Онъ ходилъ въ вѣнкѣ лавровомъ,
Въ золотыхъ блестящихъ шпорахъ,
А героемъ все же не былъ,
Да плохой онъ былъ и рыцарь.

Былъ разбойничьей онъ шайки
Атаманомъ,—въ книгу славы

Кулакомъ вписалъ онъ наглымъ
Имя наглое Кортеса.

Онъ подъ именемъ Колумба
Подписался въ ней, и каждый
Школьникъ нынче вмѣстѣ учитъ
Наизусть два эти имя:

За Колумбомъ Христофоромъ
И Кортеса Фердинанда
Онъ зоветъ великимъ мужемъ
Въ ново-свѣтномъ пантеонѣ.

О, игра судьбы лукавой!
Вмѣстѣ съ именемъ героя
Слито имя прощалыги
У людей въ воспоминаньи.

Ужъ не лучше-ли безвѣстно
Кануть въ вѣчное забвенье,
Чѣмъ влачить съ собой въ сосѣдствѣ
Въ даль вѣковъ такое имя?

Христофоръ Колумбъ родился
Быть героемъ. Онъ, какъ солнце,
Свѣтелъ былъ великимъ духомъ,
Да и щедръ онъ былъ, какъ солнце.

Были люди, что̀ и прежде
Намъ давали много; онъ же
Подарилъ насъ цѣлымъ свѣтомъ,
Что̀ Америкою названъ.

Онъ не могъ людей избавить
Изъ глухой земной темницы;
Но темницу имъ раздвинулъ
И длиннѣе цѣпь имъ сдѣлалъ.

И его чтутъ свято люди,
Изнывавшіе отъ скуки
И въ Европѣ, и въ предѣлахъ
Африканскихъ и азійскихъ

Лишь одинъ изъ всѣхъ героевъ
Подарилъ намъ нѣчто больше,
Чѣмъ Колумбъ, и нѣчто лучше:
Это тотъ, что̀ далъ намъ Бога.

Мать его Іохабетой,
А отца Амрамомъ звали,
Самого же—Моисеемъ,
Онъ-то мой герой любимый!

Но Пегасъ мой слишкомъ долго
Застоялся предъ Колумбомъ;
А сегодня я въ герои
Взялъ себѣ какъ разъ Кортеса.

Поднимайся, конь летучій,
И меня на пестрыхъ крыльяхъ
Въ Новый Свѣтъ неси, въ тотъ чудный
Край, что̀ Мексикой зовется!

Въ тотъ дворецъ меня неси ты,
Гдѣ державный Монтезума
Далъ гостямъ своимъ, испанцамъ,
Такъ радушно помѣщенье!

И не только кровъ и пищу
Въ самомъ щедромъ изобильѣ,
Но и множество подарковъ
Получили проходимцы.

Кучи рѣдкостныхъ издѣлій
Золотыхъ, массивныхъ, цѣнныхъ
Въ яркомъ свѣтѣ выставляли
Благодушіе монарха.

Онъ, слѣпой язычникъ, чуждый
Просвѣщенія Европы,
Еще вѣрилъ въ честность, въ вѣрность,
Въ святость правъ гостепріимства.

Снизошелъ онъ и на просьбу
Удостоить посѣщеньемъ
Пиръ, что̀ въ честь ему испанцы
Дать въ дворцѣ своемъ хотѣли.

Простодушенъ и довѣрчивъ,
Царь съ придворной свитой прибылъ
На испанскую квартиру—
И концертомъ встрѣченъ трубнымъ.

Какъ торжественная пьеса
Называлась—я не знаю:
Можетъ, «Вѣрностью испанской!»—
Но Кортесъ былъ авторъ пьесы,

Далъ сигналъ онъ и мгновенно
Монтезуму окружили
И, связавши, удержали
У себя, какъ аманата.

Тутъ и умеръ онъ. Тогда-то
Прорвалися всѣ заплоты,
Что̀ отъ гнѣва мексиканцевъ
Дерзкихъ выходцевъ спасали.

Страшно буря разразилась:
Словно бѣшеное море,
Лѣзли, съ воемъ, ближе, ближе
Волны гнѣвнаго народа.

Храбро гости отбивали
Каждый штурмъ. Но съ каждымъ утромъ
Начинался новый приступъ—
И испанцы утомились.

Какъ не стало Монтезумы,
Истощились и припасы;
Сократилися закуски,
И повытянулись лица.

Отощавшіе испанцы
Другъ на друга лишь смотрѣли
Да, вздыхая, вспоминали
Христіанскую отчизну,

Гдѣ ихъ сердцу все родное:
И гудѣнье колоколенъ
И шипѣнье на жаровнѣ
Чудной о̀лпеа-потриды.

Подъ распареннымъ горошкомъ
Все наложены колбаски
Съ чеснокомъ и соблазняютъ
Аппетитно-сладкимъ паромъ.

Вождь созвалъ совѣтъ военный—
И рѣшили отступленье:
Завтра, самымъ раннимъ утромъ,
Выйдетъ изъ городу войско.

Безъ труда оно вступило
Въ городъ, хитростью Кортеса;
Но въ обратный путь грозили
Роковыя затрудненья.

Городъ Мексико построенъ
Весь на островѣ и гордо,
Среди озера большого,
Поднимается, какъ крѣпость,

Сообщаясь съ берегами
На плотахъ лишь да на лодкахъ,
Иль по гатямъ, да мостами
На громадныхъ, черныхъ сваяхъ.

Еще солнце не всходило,
Какъ пустились въ путь испанцы,
Барабанъ не билъ тревоги,
Не трубилъ трубачъ похода:

Сладкій сонъ своихъ хозяевъ
На разсвѣтѣ потревожить
Не хотѣлось имъ: сто тысячъ
Было въ Мексико индійцевъ.

Но испанцы собралися
Уходить, не расплатившись,
И гораздо раньше встали
Въ это утро мексиканцы.

На мостахъ, плотахъ и гатяхъ
Собрались они и ждали,
Чтобъ гостямъ на разставаньи
Поднести прощальный кубокъ.

На мостахъ, плотахъ и гатяхъ
Завязалася пирушка:
Кровь лилась рѣкой багровой,
И борьба на смерть кипѣла.

Съ грудью грудь они боролись,
И оттискивались ясно
На груди индійцевъ голой
Арабески латъ испанскихъ.

То-то было рубки, давки!
И отчаянная свалка
Страшно-медленно клубилась
Вдоль мостовъ, плотовъ и гатей.

Мексиканцы дико пѣли
И визжали, а испанцы
Бились молча, покупая
Каждый шагъ свой свѣжей кровью.

Въ тѣснотѣ и давкѣ мало
Было проку отъ военныхъ
Европейскихъ ухищреній,
Отъ коней, отъ латъ и пушекъ,

Да къ тому жъ иной испанецъ
Много золота награбилъ
И трудненько подвигался
Со своей грѣховной ношей.

Изъ-за адскаго металла
Очень многимъ приходилось
Погубить не только душу,
Но и тѣло вмѣстѣ съ нею.

Той порою челноками
Сплошь все озеро покрылось;
Съ челноковъ летѣли стрѣлы
На мосты, плоты и гати.

Попадали въ суматохѣ
И въ своихъ они, конечно;
Но не мало положили
И изящнѣйшихъ гидальго.

На одномъ мосту свалился
Донъ Гастонъ, державшій знамя
Со святымъ изображеньемъ
Богородицы Маріи.

Даже въ этотъ образъ стрѣлы
Попадали мексиканцевъ.
Шесть блестящихъ стрѣлъ воткнулись
Прямо въ сердце и остались,

Какъ мечи тѣ золотые,
Что̀ въ Великій постъ пронзаютъ
Грудь у Mater Dolorosa
На процессіяхъ церковныхъ.

Донъ Гастонъ, прощаясь съ жизнью,
Знамя передалъ Гонзальву;
Но и тотъ, стрѣлой сраженный,
Мертвый наземь покатился.

Самъ Кортесъ, самъ полководецъ,
Знамя взялъ—и несъ высоко
Надъ конемъ весь день, до ночи,
До конца упорной битвы.

Въ битвѣ слишкомъ полтораста
Въ этотъ день легло испанцевъ;
Слишкомъ восемьдесятъ взяли
Въ плѣнъ живыми мексиканцы.

Много раненыхъ смертельно
Послѣ умерло. Средь боя
Лошадей двѣнадцать было
Иль убито, или взято.

Только къ ночи рать Кортеса
Добралась до твердой почвы,
Гдѣ лишь нѣсколько плакучихъ
Ивъ расло, къ водѣ склоняясь.

Пѣснь II

За кровавымъ днемъ сраженья
Наступила ночь тріумфа.

Сотни тысячъ яркихъ плошекъ
Всюду въ Мексико пылаютъ.

Въ свѣтѣ сотенъ тысячъ плошекъ
И въ огнѣ костровъ смолистыхъ,
Какъ въ дневномъ стоятъ сіяньи
Всѣ дома, дворцы и храмы—

И кумирня Вицли-Пуцли,
Чтò своей кирпично-красной
Массой такъ напоминаетъ
Колоссальныя строенья

Ассиріянъ, вавилонянъ
И египтянъ, какъ ихъ видимъ
Мы въ изящнѣйшихъ рисункахъ
Генри Мартина, британца.

Тѣ жъ громадныя террасы,
По которымъ кверху, книзу,
Вдоль и вширь свободно ходитъ
Много тысячъ мексиканцевъ.

На ступеняхъ всюду группы
Дикихъ воиновъ пируютъ,
Въ опьянѣньи отъ побѣды
И отъ пальмоваго сока.

Къ кровлѣ храма эти всходы
Поднимаются зигзагомъ
Къ окруженной балюстрадой
И громаднѣйшей платформѣ.

Тамъ на жертвенникѣ-тронѣ
Возсѣдаетъ самъ великій
Вицли-Пуцли, кровожадный
Богъ войны. Онъ страшно-злобенъ:

Но наружность такъ затѣйна
И такъ вычурно-забавна,
Что при тайномъ содроганьи
Смѣхъ невольно возбуждаетъ.

Замѣчаешь въ немъ, вглядѣвшись,
Будто родственное что-то
Съ блѣдной базельскою смертью
И съ брюссельскимъ Манкенъ-Писсомъ.

Справа все стоятъ міряне,
Все жрецы стоятъ налѣво.
Въ ризы изъ узорныхъ перьевъ
Облачилось духовенство.

А на мраморныхъ ступенькахъ
Алтаря сидитъ столѣтній,
Безволосый, безбородый
Человѣчекъ въ красной курткѣ.

Это жрецъ главнѣйшій. Точитъ
Онъ ножи свои: съ усмѣшкой
Точитъ ихъ—и все порою
Смотритъ искоса на бога.

И, какъ будто понимая
Эти взгляды, Вицли-Пуцли
И рѣсницами моргаетъ
И сжимаетъ даже губы.

Тутъ же жмутся на ступенькахъ
Храмовые музыканты
Съ барабанами, съ рогами.
Трескъ и стонъ стоитъ ужасный!

Трескъ и стонъ стоитъ ужасный!
Вотъ и пѣвчіе запѣли
Мексиканское «Te Deum»:
Ну, точь-въ-точь мяучатъ кошки.

Да, точь-въ-точь мяучатъ кошки,
Но изъ крупной той породы,
Что̀ людей хватаютъ, вмѣсто
Крысъ, и тиграми зовутся.

И лишь только эти звуки
Донесетъ на берегъ вѣтеръ,
У испанцевъ, тамъ приставшихъ,
Заскребутъ на сердцѣ кошки.

Тамъ, подъ ивами, уныло
Все стоятъ они и смотрятъ—
Смотрятъ пристально на городъ,
Отражающій на темной

Влагѣ озера, какъ будто
Имъ на зло, огни тріумфа;
Все стоятъ, какъ-бы въ партерѣ
Колоссальнаго театра.

Кровля жъ храма Вицли-Пуцли
Вся сіяетъ, словно сцена.
Тамъ играютъ въ честь побѣды
Нынче пьесу подъ заглавьемъ:

«Человѣческая жертва».
Содержанье очень древне
И не такъ ужасно въ нашей
Христіанской обстановкѣ...

Но не то у этихъ дикихъ!
Шутка ихъ грозна, серьезна:
Мясомъ будетъ—точно мясо,
Кровью будетъ—кровь людская.

И на этотъ разъ обилье
Христіанской чистой крови,
Не мѣшавшейся издавна
Съ кровью мавровъ, иль евреевъ.

Веселися, Вицли-Пуцли!
Вдоволь есть испанской крови:
Теплымъ паромъ этой крови
Ты потѣшишь обонянье.

Нынче восемьдесятъ слишкомъ
Предъ тобой враговъ заколятъ;
Будетъ славное жаркое
У жрецовъ твоихъ на ужинъ.

Вѣдь жрецы такіе жъ люди
И должны, какъ всѣ, питаться
И, конечно, жить не могутъ
Только запахомъ, какъ боги.

Чу! Вотъ въ смертные литавры
Бьютъ! Вотъ громко рогъ рокочетъ!
Это знакъ, что ужъ восходятъ
Къ кровлѣ жертвы на закланье.

Да, позорно-обнаженныхъ,
Плѣнныхъ тащатъ и волочатъ
По ступенямъ, закрутивши
За спиной имъ крѣпко руки,

Передъ ликомъ Вицли-Пуцли
Силой ставятъ на колѣни
И къ потѣшной пляскѣ нудятъ
Ихъ кровавымъ истязаньемъ.

Отъ ужасныхъ мукъ испанцы
Такъ кричатъ и стонутъ громко,
Что за воплями ихъ глохнетъ
Каннибальскій гамъ и грохотъ.

Жутко публикѣ. Кортесу
И его дружинѣ слышны
Эти вопли. Всѣ въ тѣхъ вопляхъ
Голоса друзей узнали.

И на ярко-освѣщенной
Сценѣ все имъ ясно видно—
И фигуры и движенье,
Видно ножъ и кровь имъ видно.

Тутъ испанцы сняли шлемы,
Опустились на колѣни,
Стали пѣть псаломъ надгробный,
Стали пѣть и «De profundis».

Среди тѣхъ, что̀ умирали,
Былъ Раймондо де-Мендоза,
Сынъ прекрасной аббатиссы,
Молодой любви Кортеса.

Какъ у юноши на шеѣ
Медальонъ съ ея портретомъ
Увидалъ Кортесъ, слезами
У него глаза затмило.

Но онъ вытеръ эти слезы
Жесткой кожаной перчаткой,
Глубоко вздохнулъ и началъ
Пѣть съ другими: «Miserere!»

Пѣснь III.

Все блѣднѣй мерцаютъ звѣзды,
И надъ озеромъ туманы
Поднялись, какъ привидѣнья,
Волоча свой бѣлый саванъ.

Пиръ погасъ, огни потухли—
И жрецы и прихожане
Разлеглись на кровлѣ храма
И храпятъ на лужахъ крови.

Нѣту сна лишь красной курткѣ.
При огнѣ послѣдней лампы
Съ сладострастно-злобнымъ визгомъ
Жрецъ лепечетъ истукану:

«Вицли-Пуцли! Пуцли-Вицли!
Мой божочекъ, Вицли-Пуцли!
Позабавился ты нынче
И понюхалъ ароматовъ.

Не дурна вѣдь кровь испанцевъ?
Какъ дымилась аппетитно!
А твой лакомый носишка
Такъ и лоснился довольствомъ!

Завтра мы коней заколемъ,
Благородно-ржущихъ чудищъ.
Духи вѣтра ихъ родили,
Любодѣйствуя съ моржами.

Будь уменъ—и я зарѣжу
Для тебя обоихъ внуковъ,
Мальчугановъ съ сладкой кровью,
Услаждающихъ мнѣ старость.

Только будь уменъ—и больше,
Больше дай побѣдъ намъ новыхъ!

Дай побѣдъ намъ, мой божочекъ,
Пуцли-Вицли, Вицли-Пуцли!

Истреби враговъ ты нашихъ,
Этихъ выходцевъ, приплывшихъ
Къ намъ изъ дальнихъ и донынѣ
Не открытыхъ странъ заморскихъ!

Что̀ имъ дома не жилося:
Голодъ гналъ, иль преступленье?
Правду молвитъ поговорка:
Отъ добра добра не ищутъ.

Что̀ имъ нужно? Набиваютъ
Нашимъ золотомъ карманы
И хотятъ, чтобъ намъ блаженство
Гдѣ-то на небѣ досталось.

Намъ сперва казалось—это
Существа породы высшей,
Дѣти солнца; имъ, безсмертнымъ,
Громъ и молнія подвластны.

Но они такіе жъ люди,
Также смертны: нынче ночью
Я ножомъ своимъ извѣдалъ
Человѣчность ихъ и смертность.

Тѣ же люди—и не лучше
Нашей братьи; а иные
Есть и гаже обезьяны:
Обрасла вся рожа шерстью.

Говорятъ, въ штанахъ запрятанъ
У иныхъ и хвостъ такой же.
Если ты не обезьяна—
И штановъ тебѣ не нужно!

Да и нравственно-то гадки;
Ничего имъ нѣтъ святого:
Слышалъ я, что пожираютъ
И своихъ боговъ-то даже.

Истреби ты этихъ гнусныхъ
Нечестивцевъ, богоѣдовъ!
Дай побѣдъ намъ, Вицли-Пуцли,
Вицли-Пуцли, Пуцли-Вицли!»

И въ отвѣтъ жрецу раздался
Голосъ бога—грустный, хриплый
И глухой, какъ вѣтеръ ночи,
Рѣчь ведущій съ камышами:

«Жрецъ ты мой, мясникъ кровавый!
Рѣзалъ ты народу много.
Наточи теперь свой ножикъ,
Распори себѣ ты брюхо.

Изъ распоротаго брюха
Упрыгнетъ душа—поскачетъ
По каменьямъ, пнямъ и кочкамъ
На лягушечью трясину.

Тамъ сидитъ царица Жаба,
Тетка мнѣ. Она промолвитъ:
— Здравствуй, душенька! Здоровъ-ли
Мой племянничекъ любезный?

Какъ-то онъ въ сіяньи солнца
Вицли-пуцельствуетъ нынче?
Все-ль отмахиваетъ счастье
Отъ него и мухъ и думы?

Иль въ желѣзныхъ, черныхъ лапахъ,
Омоченныхъ въ ядъ ехидны,
Онъ сидитъ у Кацлагары,
Злой богини бѣдъ и горя?

Отвѣчай, душа безъ тѣла:
Шлетъ поклонъ свой Вицли-Пуцли
И отъ всей души желаетъ,
Чтобъ тебѣ, проклятой, лопнуть!

Ты войну ему внушила—
И совѣтъ твой сталъ бѣдою.
Наступаетъ исполненье
Горькихъ древнихъ предсказаній,

Что погибель будетъ царству
Отъ пришельцевъ съ бородами;
Что съ Востока принесутъ ихъ
Деревянныя къ намъ птицы...

Осѣнясь щитомъ, испанцы
Побѣдятъ насъ—и погибну
Я, изъ всѣхъ боговъ жалчайшій,
Съ бѣдной Мексикою вмѣстѣ.

Какъ исполнишь порученье,
Пусть душа твоя въ трясину
Заползетъ и спитъ спокойно,
Чтобъ моихъ не видѣть бѣдствій.

Этотъ храмъ падетъ, а самъ я
Погребусь въ огнѣ и дымѣ
И въ развалинахъ, и больше
Никому меня не видѣть.

Но я буду живъ; мы, боги,
Долголѣтнѣй попугаевъ:
Какъ они же, мы линяемъ
И мѣняемъ только перья.

Въ край враговъ моихъ, извѣстный
Подъ названіемъ Европы,
Я уйду. Мнѣ тамъ открыта
Будетъ новая карьера:

Превращусь изъ бога въ чорта,
Адскимъ пугаломъ тамъ стану
И, какъ злѣйшій врагъ, съ врагами
Поступать начну жестоко.

Стану ихъ терзать и мучить
И пугать толпой видѣній.
Предвкушенье ада, сѣру,
Всюду носъ ихъ будетъ чуять.

Мудрецовъ ихъ, дураковъ ихъ
Соблазнять начну я, стану
Щекотать ихъ добродѣтель,
Чтобъ она, какъ...... смѣялась.

Да, я буду чортомъ, чортомъ!
И сведу тѣснѣе дружбу
Съ Астаротомъ, Вельзевуломъ,
Сатаной и Веліаломъ.

И съ тобой сойдусь я, Лили,
Мать грѣха, змѣя-ползунья!
Ты изящному искусству
Лжи и зла меня научишь.

Милой Мексики не въ силахъ
Я спасти отъ разрушенья;
Но отмщу ужасной местью
Я за Мексику родную!

ЛЕНАУ.

I.

Трое цыганъ.

Степью песчаной нашъ грузный рыдванъ
Еле тащился. Подъ ивой,
Рядомъ съ дорогою, трое цыганъ
Расположились лѣниво.

Въ огненныхъ краскахъ заката лежалъ
Старшій съ лубочною скрипкой:
Буйную пѣсню онъ дико игралъ
Съ ясной, безпечной улыбкой.

Трубкой дымилъ надъ собою другой,
Дымъ провожая глазами,
Счастливъ—какъ будто нѣтъ доли другой,
Лучше, богаче дарами.

Третій, раскинувшись, сладко заснулъ;
Надъ головою висѣла
Лютня на ивѣ. По струнамъ шелъ гулъ,
По сердцу греза летѣла.

Пусть изъ-за пестрыхъ заплатъ, изъ прорѣхъ
Голое тѣло сквозится:

Все на лицѣ у нихъ гордость и смѣхъ,
Сколько судьба ни грозится

Вотъ отъ кого довелось мнѣ узнать,
Какъ тебя, доля лихая,
Дымомъ развѣять, проспать, проиграть,
Міръ и людей презирая.

Глазъ я не могъ отвести отъ бродягъ.
Долго мнѣ будутъ все сниться
Головы въ черныхъ, косматыхъ кудряхъ,
Темныя, смуглыя лица.

II.

Совѣтъ и желаніе.

«Не живи такъ быстро, такъ мятежно!
Посмотри—еще весна кругомъ.
Къ сердцу радость ластится такъ нѣжно;
Ты жъ блѣднѣешь, вянешь съ каждымъ днемъ.

Не надолго розы увядаютъ:
Лишь пахнетъ весной—цвѣтутъ опять;
Соловьи въ лѣса къ намъ прилетаютъ
И поютъ... иль ихъ не хочешь ждать?»

— Не хочу. Пусть жизнь скорѣй промчится
Вольно, бурно, страстью и огнемъ!
Пусть угасну я, какъ та зарница,
Чтò, сверкнувъ, исчезла за холмомъ!

III.

Тяжелый вечеръ.

Покрытъ былъ облаками
Сводъ неба голубой...
Мы по саду ходили
Въ тоскѣ, мой другъ, съ тобой.

И ночь была беззвѣздна,
Безмолвна и темна...
И съ нашею любовью
Была она сходна!

Прощался я съ тобою...
Такъ горько было мнѣ,
Что смерти намъ обоимъ
Желалъ я въ тишинѣ.

МОРИЦЪ ГАРТМАНЪ.

I.

Бѣлое покрывало.

1.

Позорной казни обреченный,
Лежитъ въ цѣпяхъ венгерскій графъ.
Своей отчизнѣ угнетенной
Хотѣлъ помочь онъ: гордый нравъ
Въ немъ возмущался; межъ рабами
Себя онъ чувствовалъ рабомъ—
И взятъ въ борьбѣ съ могучимъ зломъ
И къ петлѣ присужденъ врагами.

Едва двадцатая весна
Настала для него—и надо
Покинуть міръ! Не смерть страшна:
Больному сердцу въ ней отрада!
Ужасно въ петлѣ роковой
Средь людной площади качаться!
Вороны жадныя слетятся
И надъ опальной головой
Голодный рой ихъ станетъ драться.
Но графъ въ тюрьмѣ, въ углу сыромъ,
Заснулъ спокойнымъ, дѣтскимъ сномъ.

Поутру, грустно мать лаская,
Онъ говорилъ: «Прощай, родная!
Я у тебя дитя одно,
А мнѣ такъ скоро суждено
Разстаться съ жизнью молодою;
Погибнетъ безъ слѣда со мною
И имя честное мое.
Ахъ, пожалѣй дитя свое!
Я въ вихрѣ битвъ не зналъ боязни,
Я не дрожалъ въ дыму, въ огнѣ;
Но завтра, при позорной казни,
Дрожать какъ листъ придется мнѣ».
Мать говорила, утѣшая:

«Не бойся, не дрожи, родной!
Я во дворецъ пойду, рыдая:
Слезами, воплемъ и мольбой
Я сердце разбужу на тронѣ—
И поутру, какъ поведутъ
Тебя на площадь, стану тутъ,
У мѣста казни, на балконѣ.
Коль въ черномъ платьѣ буду я,
Знай—неизбѣжна смерть твоя.

Не правда-ль, сынъ мой, шагомъ смѣлымъ
Пойдешь навстрѣчу ты судьбѣ?
Вѣдь кровь венгерская въ тебѣ!
Но если въ покрывалѣ бѣломъ
Меня увидишь надъ толпой,
Знай—вымолила я слезами
Пощаду жизни молодой
Пусть будешь схваченъ палачами—
Не бойся, не дрожи, родной!»
И графу тихо, мирно спится,
И до утра онъ будетъ спать:
Ему все на балконѣ мать
Подъ бѣлымъ покрываломъ снится.

2.

Гудитъ набатъ; бѣжитъ народъ—
И тихо улицей идетъ,
Угрюмой стражей окруженный,
На площадь графъ приговоренный.
Всѣ окна настежь. Сколько глазъ
Его слезами провожаетъ,
И сколько женскихъ рукъ бросаетъ
Ему цвѣты въ послѣдній разъ!
Графъ ничего не замѣчаетъ:
Впередъ, на площадь, онъ глядитъ.
Тамъ на балконѣ мать стоитъ—
Спокойна, въ покрывалѣ бѣломъ.
И заиграло сердце въ немъ—
И къ мѣсту казни шагомъ смѣлымъ
Пошелъ онъ; съ радостнымъ лицомъ
Вступилъ на пòмостъ съ палачомъ—

И ясенъ къ петлѣ поднимался
И въ самой петлѣ—улыбался!

Зачѣмъ же въ бѣломъ мать была?
О, ложь святая! Такъ могла
Солгать лишь мать, полна боязнью,
Чтобъ сынъ не дрогнулъ передъ казнью.

II.

Два корабля.

Два корабля, какъ два гроба глухихъ,
Встрѣтились молча во мракѣ ночномъ.
Далѣе каждый плыветъ; а на нихъ—
Сынъ на одномъ, мать на другомъ.

Сынъ послѣ долгихъ скитаній и бѣдъ
Ѣдетъ на родину, гдѣ его мать.
Мать стосковалася; вѣсти все нѣтъ—
И поплыла она сына искать.

Что̀ съ ней такое, не знаетъ она:
Капаютъ слезы, одна за одной.
Дума у сына легка и ясна,
Словно онъ слушаетъ голосъ родной.

А корабли, какъ два гроба глухихъ,
Дальше несутся во мракѣ ночномъ.
Нѣтъ человѣка, чтобъ зналъ, что на нихъ
Сынъ на одномъ, мать на другомъ.

ЮСТИНЪ КЕРНЕРЪ.

I.

Старая родина.

Въ долинѣ мрачной я
Лежалъ, тоской томимый,
И вновь увидѣлъ я
Лучъ родины любимой.

Мой отчій домъ стоялъ
Въ равнинѣ свѣтозарной...
Какъ сводъ небесъ сіялъ!
Какъ лучъ горѣлъ янтарный!

Какъ родина моя
Была свѣтла, богата!..
Но пробудился я...
Въ душѣ свѣжа утрата.

И я пошелъ съ тоской
Печальною дорогой,
Ищу страны родной
Съ слезами и тревогой.

II.

Разставанье.

Я иду по улицамъ уснувшимъ...
Словно вымеръ городъ—все молчитъ,
Лишь вдали рѣка шумитъ сонливо...
Блѣдный мѣсяцъ на небѣ горитъ.

Вотъ я здѣсь, у маленькаго дома,
Гдѣ дитя любимое живетъ...
Спитъ она,—не знаетъ, что далеко
Другъ ея изъ города идетъ.

Грустно я протягиваю руки
Предъ давно погаснувшимъ окномъ—
И твержу: «Прости, родимый городъ!
Ты прости, спокойный, тихій домъ!

Уголокъ, прости и ты, завѣтный,
Куда такъ рвалась душа моя,—
И окно, гдѣ милою головкой
Любовался часто, часто я».

Подошелъ я къ городскимъ воротамъ,
Вотъ взглянулъ назадъ съ нѣмой тоской.
Часовой за мной ворота заперъ...
Сердце тамъ осталось—за стѣной!

ОСКАРЪ РЕДВИЦЪ.

* * *

Ясно надъ мною
Голубое небо;
Стану-ли я думать
О туманныхъ тучахъ?
Весело мнѣ юность
Завиваетъ кудри;
Стану-ль я клониться
Головой кудрявой?

Думають-ли розы,
Пышно расцвѣтая,
Что онѣ увянутъ
Завтра отъ мороза?,
Думають-ли звѣзды
Загораясь ночью,
Что заря поутру
Ихъ погаситъ въ небѣ?

БОДЕНШТЕДТЪ.

Пѣсни Мирзы-Шаффи.

1.

Мирза-Шаффи, пчелой прилежной
Ты долго по свѣту леталъ;
Тебя поили влагой нѣжной
Фіалъ лилеи бѣлоснѣжной
И розы пурпурный фіалъ.

Пора изъ рощи благосклонной,
Мирза-Шаффи, тебѣ домой;
Съ своею ношей благовонной,
На крыльяхъ пѣсни легкозвонной,
Лети къ подругѣ молодой!

2.

Распахни покрывало: не прячь ты себя!
Вѣдь не прячутся розы въ саду у тебя.
Красота тебѣ Богомъ, какъ розѣ, дана;
Ты, какъ роза, на радость очей создана—
Создана ты подъ солнцемъ цвѣсти и сіять,
Перестань же чадрою лицо закрывать!

Распахни покрывало: увидитъ весь свѣтъ,
Что пышнѣй и желаннѣй красавицы нѣтъ.
Пусть огнемъ по сердцамъ пробѣгаетъ твой взглядъ,
А уста многоцѣннымъ рубиномъ горятъ,
И одна только ночь самотканной чадрой
Облекаетъ твой ликъ и твой станъ молодой!

Покажись: предъ лицомъ твоимъ блѣденъ и нѣмъ
У султана въ Стамбулѣ смутится гаремъ.
Да и гдѣ же, когда же, какой падишахъ
Передъ взглядомъ такимъ не упалъ-бы во прахъ?
Не туманъ же чадрой лучезарныхъ очей,
Торжества красоты и блаженства людей.

ГЕРВЕГЪ.

I.

Старики и молодые.

«Ты молодъ, и твой долгъ—молчанье.
Ты молодъ; слушай стариковъ.
Горячей крови волнованье
Пусть поутишитъ рядъ годовъ!

Ты молодъ, испыталъ ты мало,
Цѣль жизни для тебя темна.
Ты молодъ; пусть тебя сначала
Украситъ наша сѣдина.

Умѣй отказываться, милый;
Дай пылу юности простыть;
Сковать дай молодыя силы:
Тогда и годенъ можешь быть!»

— Вы рады, умники, любого
Съ собою нà цѣпь посадить.
Скажите жъ, сторожà былого,
Кому грядущее творить?

Гдѣ, кромѣ силъ могучихъ нашихъ,
Себѣ опору вамъ сыскать?
Кто дочерей полюбитъ вашихъ?
Кто будетъ домъ вашъ охранять?

По васъ и въ рѣчи нашей страстной
И въ русыхъ кудряхъ проку нѣтъ?
Но серебро сѣдинъ прекрасно,
А золоту покоренъ свѣтъ!

Не вамъ хулить насъ! Юность наша
Шумна, конечно, и громка;
А сколько добродѣтель ваша
Творила зла исподтишка!

МОСХЪ.

* * *

Если зефиры легко пробѣгаютъ лазурное море,
Робкій мой духъ увлекается далью безбрежной; тогда мнѣ
Грустною кажется суша,—спокойныя воды милѣе.
Если жъ пучина сѣдая завоетъ, и бѣлою пѣной
Берегъ высокій кропится, и злые валы, подымаясь,
Ходятъ шумливо—я взоръ обращаю на землю, на рощи
Въ пышной, зеленой одеждѣ, и дальше отъ моря бѣгу я...
Болѣе вѣрнымъ пріютомъ земля мнѣ кажется. Чащи
Злачныхъ лѣсовъ меня манятъ широкою тѣнью: тамъ вѣтеръ
Тихо главами сосенъ высоковершинныхъ качаетъ...
Тяжкою кажется мнѣ тогда жизнь рыбака: его хата—
Судно ломкое, трудъ его—въ морѣ сердитомъ, а рыба—
Часто добыча невѣрная... Лучше, спокойнѣй живу я:
Сплю-ли—надъ соннымъ кудрявый яворъ махаетъ вѣтвями;
Серебропѣнный ручей мой слухъ, не пугая, лелѣетъ
Неяснымъ и сладкимъ журчаньемъ,—и тихія думы
наводитъ...

ФРАНЦУЗСКІЕ ПОЭТЫ.

ЛАМАРТИНЪ.

Бабочки.

Съ весною родиться и съ розой весны умереть,
Носиться на крыльяхъ зефира,
На первенцахъ поля, качаясь и нѣжась, сидѣть
И пить благовонье эѳира,
Потомъ, стряхнувъ съ своихъ крыльевъ лазуревыхъ прахъ,
Въ далекихъ тонуть небесахъ...
Вотъ бабочки доля!.. Какъ бабочка поля живая,
Желанье въ насъ также не спитъ;
Всѣмъ здѣсь недовольно оно—и, земное бросая,
За радостью въ небо летитъ.

КАЗИМІРЪ ДЕЛАВИНЬ.

Нанна.

«Волны плещутъ и воютъ—и небо черно...
Ахъ, зачѣмъ въ этотъ вечеръ ты ѣдешь, Пьетро?»
Такъ ему мать говорила:
«Въ прошломъ годѣ потокъ такъ же дурно ревѣлъ
И твой братъ меня слушать, какъ ты, не хотѣлъ,—
И его я въ волнахъ схоронила».
Но Пьетро ужъ въ ладьѣ—
И ей машетъ платкомъ—
И средь бури во мглѣ,
Говоритъ онъ тайкомъ:
«Нанна любитъ меня!
Нанна кличетъ меня!..
Откажу-ли я ей,
Милой Наннѣ моей?»
И надъ парусомъ бѣлая чайка летитъ,
И печально пловцу эта чайка кричитъ:
«О, рыбакъ! не плыви: въ бурю страшно!
На скалѣ я гнѣздо себѣ долго вила,
Но его эта буря съ собой унесла,
Въ волны сдулъ его вѣтеръ ужасный».
Но Пьетро не дрожитъ,
Онъ весломъ волны бьетъ;

Вѣтеръ въ парусъ свиститъ,
Путникъ тихо поетъ:
«Нанна любитъ меня!
Нанна кличетъ меня!..
Откажу-ли я ей,
Милой Наннѣ моей?»
И потокъ свирѣпѣлъ, и потокъ рокоталъ,
И изъ волнъ тихій шопотъ къ пловцу долеталъ:
«О Пьетро! О мой братъ незабвенный!
Не пробилъ пока часъ твой послѣдній, скорѣй
Помолись о душѣ ты погибшей моей;
Помолися, Петро мой безцѣнный!..»
Но Пьетро не слыхалъ;
Онъ все такъ же гребетъ;
Шопотъ волнъ замолчалъ.
Путникъ тихо поетъ:
«Нанна любитъ меня!
Нанна кличетъ меня!..
Откажу-ли я ей,
Милой Наннѣ моей?»
Вотъ Пьетро ужъ и къ берегу тихо присталъ,—
А на башнѣ прибрежной печально звучалъ
Погребальный звонъ, въ храмъ созывая.
«О комъ молитесь вы?»—такъ Пьетро вопросилъ.
«Ахъ, объ ней!»—ему тихо рыбакъ говорилъ,
Горькія слезы глотая...
И Пьетро поблѣднѣлъ,
И безъ чувствъ онъ упалъ,
И безумно глядѣлъ,
И до смерти шепталъ:
«Нанна любитъ меня!
Нанна кличетъ меня!..
Откажу-ли я ей
Милой Наннѣ моей?»

МИЛЬВУА.

Возвращеніе.

На кровляхъ сельскихъ лучъ дневной давно погасъ,
Давно лелѣетъ насъ вечерній сладкій часъ!..
Пойдемъ изъ тайнаго жилища наслажденій,
Гдѣ намъ часы любви текли быстрѣй мгновеній!.

Изъ грота темнаго ты унесешь въ мечтахъ
Воспоминаніе о сладостныхъ часахъ,
Въ очахъ плѣнительныхъ огонь прелестнотомный,
И въ русыхъ волосахъ одинъ листокъ нескромный!

АНДРЕ ШЕНЬЕ.

I.

Близъ Верекинфа разъ Сатиръ нашелъ, гуляя,
Рѣзную флейту: къ ней, Гіагнисъ, прилагая
Свои уста, плѣнялъ, воспламенялъ порой
Великой матери боговъ поѣздъ живой...
Сатиръ созвалъ тотчасъ изъ водъ Меандра топкихъ,
Чтобы внимать его игрѣ, стыдливо-робкихъ
Азійскихъ нимфъ,—и имъ надменно говорилъ,
Что свой Гіагнисъ даръ въ той флейтѣ заключилъ,
И что Сатиръ на ней сыграетъ имъ не хуже,
Что пальцы у него претонкіе къ тому же...
Всѣ сѣли. Вотъ Сатиръ трудится, градомъ потъ...
Онъ дуетъ, пальцами перебираетъ, ротъ
Кривитъ уродливо; вотъ губы надуваетъ
И щеки жирныя... Вдругъ флейта испускаетъ
Ужасный, дикій звукъ... Лѣсъ огласился имъ,—
И всѣ кругомъ встаютъ—и съ хохотомъ живымъ,
Съ насмѣшкой явною Сатира выхваляютъ...
И слезы на глазахъ у бѣднаго сверкаютъ,—
И онъ бѣжитъ скорѣй подъ сѣнь своихъ дубовъ,
При лаѣ бѣшеномъ пастушьихъ умныхъ псовъ.

II.

Мой стихъ умѣетъ все такъ живо рисовать...
Приди, мой другъ! Приди скорѣй ему внимать...
Мой голосъ нравится; звучитъ онъ нѣжно, стройно
Все отражается въ элегіи спокойной...
Лѣса зеленые, ручьи и соловей,
И музы и весна живутъ согласно съ ней.

Въ моихъ стихахъ и вздохъ и поцѣлуй палящій;
Ручей серебряный, такъ сладостно журчащій,

Въ нихъ катитъ легкія и чистыя струи,—
И часто синевой небесъ полны они.
Дыханье сладкое, живящее дубровы,
Въ строфахъ моихъ живетъ и дышитъ нѣгой новой;
Благоухаютъ въ нихъ роскошные цвѣты:
И тѣ, которыми весна даритъ кусты,—
И тѣ, что у тебя надъ щечкой молодою
Такъ пышно расцвѣли съ шестнадцатой весною.

БЕРАНЖЕ.

I.

Бѣдняки.

Весело живется
Нищимъ голякамъ:
Любится,—поется.
Слава бѣднякамъ!

Гдѣ мы столькихъ добрыхъ сыщемъ,
Сколько ихъ межъ бѣдныхъ есть?
Воздадимъ же честнымъ нищимъ
Подобающую честь!

Весело живется
Нищимъ голякамъ:
Любится,—поется.
Слава бѣднякамъ!

Счастью легче уживаться
Съ нищетой. Могу, что правъ,
На Евангелье сослаться
И на свой веселый нравъ.

Весело живется
Бѣднымъ голякамъ:
Любится,—поется.
Слава бѣднякамъ!

На Парнасѣ долго жило
Все въ союзѣ съ нищетой.
Что̀ и у Гомера было,
Кромѣ посоха съ сумой?

Весело живется
Нищимъ голякамъ:
Любится,—поется.
Слава бѣднякамъ!

Вы, кого нужда тревожитъ,
Вѣрьте мнѣ: иной герой,
Коль сапогъ не впору, можетъ
О лаптяхъ вздыхать порой.

Весело живется
Нищимъ голякамъ:
Любится,—поется.
Слава бѣднякамъ!

Какъ солома превратилась
Въ ложе пышное цвѣтовъ?
Это къ бѣдности явилась
Гостья смѣлая Любовь.

Весело живется
Нищимъ голякамъ:
Любится,—поется.
Слава бѣднякамъ!

Дружба, всюду холодъ чуя,
Улетѣла, говорятъ.
Нѣтъ, она сидитъ, пируя,
Въ кабачкѣ межъ двухъ солдатъ.

Весело живется
Нищимъ голякамъ:
Любится,—поется.
Слава бѣднякамъ!

II.

Можетъ быть послѣдняя моя пѣсня.

Я не могу быть равнодушенъ
Ко славѣ родины моей.
Теперь покой ея нарушенъ,
Враги хозяйничаютъ въ ней.

Я ихъ кляну; но предаваться
Унынью—не поможетъ намъ.
Еще мы можемъ пѣть, смѣяться...
Хоть этимъ взять на зло врагамъ!

Пускай иной храбрецъ трепещетъ,—
Я не дрожу, хотя и трусъ.
Вино предъ нами въ чашахъ блещетъ;
Я богу гроздій отдаюсь.
Друзья! нашъ пиръ одушевляя,
Онъ силу робкимъ дастъ сердцамъ.
Давай же пить, не унывая!
Хоть этимъ взять на зло врагамъ!

Заимодавцы! Безпокоить
Меня старались вы всегда;
Ужъ я хотѣлъ дѣла устроить,—
Случилась новая бѣда.
Вы за казну свою дрожите;
Вполнѣ сочувствую я вамъ.
Скорѣй мнѣ въ долгъ еще ссудите!
Хоть этимъ взять на зло врагамъ!

Не безопасна и Лизета;
Бѣды-бы не случилось съ ней.
Но чуть-ли вѣтренница эта
Не встрѣтитъ съ радостью гостей.
Въ ней вѣрно страха не найдется,
Хоть грубость ихъ извѣстна намъ.
Но эта ночь мнѣ остается...
Хоть этимъ взять на зло врагамъ!

Коль неизбѣжна гибель злая,
Друзья! сомкнемтесь—клятву дать,
Что для враговъ родного края
Не будетъ наша пѣснь звучать.
Послѣдней пѣснью лебединой
Пусть будетъ эта пѣсня намъ.
Друзья, составимъ хоръ единой!
Хоть этимъ взять на зло врагамъ.

———

III.

День поминокъ.

Звонъ церковный—грустный, томной—
Укоряетъ громко насъ,
Что за трапезой нескромной
Застаетъ насъ въ этотъ часъ.
«Души многихъ въ тьмѣ блуждаютъ»,
Скажетъ намъ монахъ любой.
Нынче мертвыхъ поминаютъ;
Вѣчный имъ покой!

Пусть поэзія цвѣтами
Въ этотъ день гроба даритъ,
Пусть слезами передъ нами
Лицемѣрье ихъ кропитъ.
Вспять судьбы насъ увлекаютъ;
Но поетъ имъ голосъ мой:
«Нынче мертвыхъ поминаютъ;
Вѣчный имъ покой!»

Злымъ—огонь пучинъ бездонныхъ;
Сѣнь невянущихъ садовъ
Приметъ женщинъ благосклонныхъ
И простыхъ друзей пировъ.
Въ рай ключи Петра впускаютъ
Всѣхъ незлобивыхъ душой.
Нынче мертвыхъ поминаютъ;
Вѣчный имъ покой!

Чѣмъ въ уныніе вдаваться
У могилъ отцовъ своихъ,
Поучиться-бъ намъ смѣяться
Надъ судьбой своей у нихъ.
Вина искрами сверкаютъ;
Лица дышатъ добротой.
Нынче мертвыхъ поминаютъ;
Вѣчный имъ покой!

Смерть отъ слезъ чужихъ не краше;
Но хотѣлъ-бы въ смертный часъ

Видѣть я, что дѣти наши
Веселѣй, живѣе насъ.
Пусть безпечно распѣваютъ
Возлѣ ямы роковой:
«Нынче мертвыхъ поминаютъ;
Вѣчный имъ покой!»

IV.

Школьный учитель.

Ахъ, повѣса, озорникъ!
Ну, на что это похоже?
Я заснулъ всего на мигъ,
А ужъ онъ и прочь отъ книгъ...
Ахъ, совсѣмъ мнѣ съ нимъ бѣда...
А какія строитъ рожи!
Ахъ, совсѣмъ мнѣ съ нимъ бѣда!
Поскорѣе хлыстъ сюда!

Мало-ль онъ меня бѣсилъ!
Я вина принесъ недавно,
Да поставить въ шкапъ забылъ,—
Онъ бутылку утащилъ...
Ахъ, совсѣмъ мнѣ съ нимъ бѣда...
Да и выпилъ всю исправно.
Ахъ, совсѣмъ мнѣ съ нимъ бѣда!
Поскорѣе хлыстъ сюда!

Поутру жена начнетъ
Въ спальнѣ мыться, одѣваться;
Онъ изъ класса ускользнетъ,
Къ щелкѣ двери припадетъ...
Ахъ, совсѣмъ мнѣ съ нимъ бѣда...
И изволитъ любоваться.
Ахъ, совсѣмъ мнѣ съ нимъ бѣда!
Поскорѣе хлыстъ сюда!

Разъ и съ дочерью засталъ:
Вижу, съ нею онъ пріятель.
Знать, уроки ей, нахалъ,
Онъ и прежде ужъ давалъ...

Ахъ, совсѣмъ мнѣ съ нимъ бѣда...
Вотъ хорошъ преподаватель!
Ахъ, совсѣмъ мнѣ съ нимъ бѣда!
Поскорѣе хлыстъ сюда!

Не уйдешь теперь ты такъ:
Вспомнишь ты расправу эту.
Что ворчишь ты?.. Я... колпакъ?..
Что̀?.. жена... намедни... Какъ!..
Ахъ, совсѣмъ мнѣ съ нимъ бѣда!
И дѣтей ужъ въ мірѣ пѣту!
Ахъ, совсѣмъ мнѣ съ нимъ бѣда!
Поскорѣе хлыстъ сюда!

V.

Конецъ политикѣ.

Не брани меня ты строго,
Ненаглядная моя,
Что любви своей такъ много
Отдаю отчизнѣ я.
Ты всегда скучать готова
Отъ политики моей.
Успокойся: ни полслова
Не скажу теперь о ней.

Близъ тебя еще недавно
Объ искусствахъ рѣчь я велъ,
Дѣтямъ вольности державной.
Но погасъ нашъ ореолъ,—
И, чтобъ здѣсь расцвѣсть имъ снова,
Надо ждать временъ другихъ.
Успокойся: ни полслова
Не скажу теперь о нихъ.

Несмотря на робость нрава,
Послѣ битвъ любви я спѣлъ
Вѣдь тебѣ о битвахъ славы:
Нашихъ воиновъ я пѣлъ.
Какъ ихъ доблести суровой
Трусилъ сонмъ владыкъ земныхъ!

Успокойся: ни полслова
Не скажу теперь о нихъ.

Цѣпь твою нося охотно,
Я свободу призывалъ,
И въ твой лепетъ беззаботный
Римъ и Грецію вплеталъ.
Хоть мнѣ Титамъ нашимъ новымъ
Что-то вѣрится съ трудомъ,—
Успокойся: ни полсловомъ
Не промолвлюсь я о томъ.

Кто могъ съ Франціей сравниться:
Всѣ завидовали ей!
Ты могла ее страшиться,
Какъ соперницы своей.
Но—увы!—судьба сурова:
Гаситъ свѣтъ надеждъ моихъ.
Успокойся: ни полслова
Не скажу теперь о нихъ.

Да, мой другъ, ты судишь здраво:
Въ мракъ безвѣстности уйдемъ,
Позабудемъ голосъ славы,
И на ложѣ нѣгъ уснемъ:
Для французовъ цѣпь готова
Отъ своихъ и отъ чужихъ.
Успокойся: ни полслова
Не скажу теперь о нихъ.

VI.

Мое призваніе.

Хилой и некрасивой
Я въ этотъ міръ попалъ.
Затертъ въ толпѣ шумливой,
Затѣмъ, что ростомъ малъ.
Я полонъ былъ тревогой
И плакалъ надъ собой,
Вдругъ слышу голосъ Бога:
«Пой, бѣдный, пой!»

Грязь въ пѣшаго кидаютъ
Кареты, мчася вскачь;

Путь нагло заступаютъ
Мнѣ сильный и богачъ.
Намъ заперта дорога
Вездѣ ихъ спесью злой.
Я слышу голосъ Бога:
«Пой, бѣдный, пой!»

Ввѣрять судьбѣ заботу
О каждомъ днѣ страшась,
Не по душѣ работу
Несу, какъ цѣпь, смирясь.
Стремленья къ волѣ много;
Но—аппетитъ большой:
Я слышу голосъ Бога:
«Пой, бѣдный, пой!»

Въ любви была отрада
Больной душѣ моей;
Но мнѣ проститься надо,
Какъ съ молодостью, съ ней,
Все чаще смотрятъ строго
На страстный трепетъ мой.
Я слышу голосъ Бога:
«Пой, бѣдный, пой!»

Да, нѣтъ,—теперь я знаю,—
Вотъ доля здѣсь моя!
Кого я утѣшаю,
Не всѣ-ли мнѣ друзья?
Когда пріязни много
За чашей круговой,
Я слышу голосъ Бога:
«Пой, бѣдный, пой!»

VII.

Простолюдинъ.

Въ моей частичкѣ *de* знакъ чванства,
Я слышу, видятъ; вотъ бѣда!
«Такъ вы изъ древняго дворянства?»
Я? нѣтъ; куда мнѣ, господа!

Я старыхъ грамотъ не имѣю,
Какъ каждый истый дворянинъ;
Лишь родину любить умѣю.
Простолюдинъ я; да, простолюдинъ,
Совсѣмъ простолюдинъ.

Мнѣ надо-бы безъ *de* родиться;
Въ крови я чувствую своей,
Что противъ власти возмутиться
Не разъ пришлось роднѣ моей.
Та власть, какъ жерновъ, все дробила,
И палъ, навѣрно, не одинъ
Мой предокъ передъ буйной силой.
Простолюдинъ я; да, простолюдинъ,
Совсѣмъ простолюдинъ.

Они усобицы гражданской
Не разжигали никогда;
Не ими леопардъ британскій
Вводимъ былъ въ наши города.
Въ крамолы церкви не вдавался
Изъ нихъ никто, и ни одинъ
Подъ лигою не подписался.
Простолюдинъ я; да, простолюдинъ,
Совсѣмъ простолюдинъ.

Оставьте жъ мнѣ мое прозванье,
Герои ленточки цвѣтной,
Готовые на пресмыканье
Предъ каждой новою звѣздой.
Кадите, льстите передъ властью!
Всѣмъ общей расы скромный сынъ,
Я льстилъ лишь одному несчастью.
Простолюдинъ я; да, простолюдинъ,
Совсѣмъ простолюдинъ.

VIII.

Старый скрипачъ.

Мудрецомъ слыву въ селеньѣ,
Я старикъ, скрипачъ простой,
Потому что отъ рожденья
Не пивалъ вина съ водой.

Любо скрипкой на полянѣ
Молодежь мнѣ созывать.
Собирайтесь, поселяне,
Здѣсь подъ дубомъ поплясать!

Встарь подъ этотъ дубъ сходились
За совѣтомъ, за судомъ.
Сколько разъ враги мирились
Подъ густымъ его шатромъ!
Не слыхалъ онъ слова брани,
Видѣлъ только тишь да гладь.
Собирайтесь, поселяне,
Здѣсь подъ дубомъ поплясать!

О владѣльцѣ знатномъ вашемъ
Пожалѣйте: въ за̀мкѣ тамъ,
Какъ завидуетъ онъ нашимъ
Незатѣйливымъ пирамъ.
Дружный смѣхъ тутъ на полянѣ;
Онъ одинъ изволь скучать
Собирайтесь, поселяне,
Здѣсь подъ дубомъ поплясать!

Не хулите тѣхъ, что̀ съ вами
Чтить священства не хотятъ,
А желайте, чтобъ плодами
Былъ богатъ ихъ лугъ и садъ.
Вмѣстѣ надо, христіане,
Не молиться, такъ гулять!
Собирайтесь, поселяне,
Здѣсь подъ дубомъ поплясать!

Если ниву родовую
Ты обнесъ вокругъ плетнемъ,
Не топчи же и чужую
И не тронь своимъ серпомъ.
Будешь знать тогда заранѣ,
Что̀ въ наслѣдье дѣтямъ дать.
Собирайтесь, поселяне,
Здѣсь подъ дубомъ поплясать!

Послѣ горя прожитого
Миръ опять нашъ край живитъ:

Не гоните жъ прочь слѣпого,
Что съ дороги бурей сбитъ.
Сколькимъ въ этомъ ураганѣ
Домъ и кровъ пришлось терять!
Собирайтесь, поселяне,
Здѣсь подъ дубомъ поплясать!

Вотъ мое вамъ наставленье:
Здѣсь, въ тѣни густыхъ вѣтвей,
Дѣти, всѣмъ привѣтъ, прощенье!
Обнимитеся дружнѣй!
На моей родной полянѣ
Долженъ вѣчно миръ сіять.
Собирайтесь, поселяне,
Здѣсь подъ дубомъ поплясать!

IX.

Птицы.

Зима несетъ опустошенье
Подъ наши кровли и поля:
Знакомыхъ птицъ не слышно пѣнья:
Умчались въ чуждые края.
Но пусть тамъ ярче свѣтъ денницы—
Онѣ на родинѣ душой.
Зимою изгнанныя птицы
Опять воротятся съ весной.

Судьба въ изгнанье ихъ послала.
Печально имъ,—печальнѣй намъ:
Ихъ пѣсни эхо повторяло
По бѣднымъ избамъ и дворцамъ.
Пусть ихъ пѣвучія станицы
Собой счастливятъ край иной,—
Зимою изгнанныя птицы
Опять воротятся съ весной.

А насъ застигли здѣсь морозы,—
И намъ завидна доля ихъ:
Холодный вѣтеръ шлетъ угрозы,
Идетъ все больше тучъ сѣдыхъ.

Счастливъ, кто могъ, какъ изъ темницы,
Отсюда упорхнуть живой!
Зимою изгнанныя птицы
Опять воротятся съ весной.

Какъ тучъ не будетъ на лазури,
Любовь ихъ снова приманитъ,—
И дубъ, не разъ видавшій бури,
Опять ихъ дружно пріютитъ.
Чтобъ возвѣстить восходъ денницы
И новый день странѣ родной,
Зимою изгнанныя птицы
Опять воротятся съ весной.

X.

Добрая старушка.

Увянешь ты, подруга дорогая,—
Состаришься; въ могилѣ буду я:
Вдвойнѣ мнѣ дни погибшіе считая,
Уходитъ жизнь. Переживи меня;
Не вѣдая ни скорби ни недуга,
Останься вѣрнымъ сердцемъ мнѣ близка,
И доброю старушкой пѣсни друга,
Какъ прежде, напѣвай у камелька.

Когда, найдя подъ старыми чертами
Слѣды воспѣтой мною красоты,
Тебя обступятъ юноши съ словами:
«Кто этотъ другъ, по комъ горюешь ты?»
Разсказывай имъ въ тихій часъ досуга,
Какъ я любилъ, какъ жизнь была ярка,
И доброю старушкой пѣсни друга,
Какъ прежде, напѣвай у камелька.

Коль спросятъ: «Что̀ тебѣ въ немъ было мило?»
«Его любила я», ты дашь отвѣтъ.
«И никогда въ немъ зла не находила?»
Ты съ гордостью на это скажешь: «Нѣтъ!»
Припомни часъ среди родного круга:
Касалась нѣжно струнъ моя рука,
И доброю старушкой пѣсни друга,
Какъ прежде, напѣвай у камелька.

Надъ Франціей со мной лила ты слезы,—
И новымъ поколѣньямъ передай,
Что славы и надеждъ святыя грезы
Я пѣлъ, чтобъ утѣшать родной нашъ край.
Напоминай имъ, какъ жестоко вьюга
Губила лавры нашего вѣнка,
И доброю старушкой пѣсни друга,
Какъ прежде, напѣвай у камелька.

Когда тебя обрадуетъ порою
Молва о славѣ друга давнихъ лѣтъ,—
Когда весной ты слабою рукою
Сорвешь цвѣтокъ, украсишь мой портретъ,
Взоръ обращай въ тотъ міръ, моя подруга,
Гдѣ насъ съ тобой соединятъ вѣка,
И доброю старушкой пѣсни друга,
Какъ прежде, напѣвай у камелька.

XI.

Изгнанникъ.

Въ кругу подругъ веселыхъ
Изъ дѣвушекъ одна
Сказала: «Въ нашихъ селахъ
Всѣмъ радостна весна.
Но между нами бродитъ
Пришелецъ, намъ чужой,
И грустно пѣснь заводитъ
О сторонѣ родной.
Какъ брата, примемъ странника,
Съ любовью пріютимъ,
Пусть будетъ для изгнанника
Нашъ край роднымъ.

Надъ быстрою рѣкою,
Что̀ къ Франціи бѣжитъ,—
Поникнувъ головою,
Сидитъ онъ и грустить.
Онъ знаетъ, эти воды
Туда спѣшатъ скорѣй,
Гдѣ зеленѣютъ всходы
Его родныхъ полей.

Какъ брата, примемъ странника,
Съ любовью пріютимъ,
Пусть будетъ для изгнанника
Нашъ край роднымъ.

Оплакивая сына,
Быть-можетъ, мать его
Въ ногахъ у властелина
Тамъ молитъ за него;
А онъ, судьбой неправой
Покинутъ въ грозный мигъ,
Бѣжитъ съ своею славой
Отъ зла земныхъ владыкъ.
Какъ брата, примемъ странника,
Съ любовью пріютимъ,
Пусть будетъ для изгнанника
Нашъ край роднымъ

Онъ безъ пріюта бродитъ
Среди чужихъ полей;
Но не вездѣ-ль находитъ
Слѣдъ доблести своей?
Какъ вся страна объята
Была у насъ войной,
Здѣсь кровь его когда-то
Лилась за край родной.
Какъ брата, приметъ странника,
Съ любовью пріютимъ,
Пусть будетъ для изгнанника
Нашъ край роднымъ.

Когда отъ бурь военныхъ
Нашъ бѣдный край страдалъ,
Онъ, слышно, нашихъ плѣнныхъ,
Какъ братьевъ, принималъ.
Напомнимъ время славы
Ему въ печальный часъ;
Пусть онъ найдетъ забавы,
Найдетъ любовь у насъ.
Какъ брата, примемъ странника,
Съ любовью пріютимъ,
Пусть будетъ для изгнанника
Нашъ край роднымъ.

Когда привѣтъ нашъ приметъ
И къ намъ онъ въ домъ войдетъ,
Свою котомку сниметъ,
Приляжетъ и заснетъ,—
Пусть свой напѣвъ любимый
Услышитъ онъ сквозь сонъ:
Навѣрно, край родимый
Во снѣ увидитъ онъ.
Какъ брата, примемъ странника,
Съ любовью пріютимъ,
Пусть будетъ для изгнанника
Нашъ край роднымъ».

XII.

Природа.

Богата нѣгой жизнь природы,
Но съ нѣгой скорби въ ней живутъ,
На землю черныя невзгоды,
Потоки слезъ и крови льютъ.
Но развѣ все погибло, что̀ прекрасно?
Шлютъ виноградъ намъ горы и поля.
Течетъ вино, улыбки женщинъ ясны,
И вновь утѣшена земля.

Вездѣ потопы бушевали,
Есть страны, гдѣ и въ наши дни
Людей свирѣпо волны гнали...
Въ ковчегѣ лишь спаслись они.
Но радуга смѣнила день ненастный,
И голубь съ вѣткой ищетъ корабля.
Течетъ вино, улыбки женщинъ ясны,
И вновь утѣшена земля.

Готовя смерти пиръ кровавый,
Раскрыла Этна жадный зѣвъ.
Все зашаталось; рѣки лавы
Несутъ кругомъ палящій гнѣвъ.
Но, утомясь, сомкнулся зѣвъ ужасный;
Вулканъ притихъ, и не дрожатъ поля.
Течетъ вино, улыбки женщинъ ясны,
И вновь утѣшена земля.

Иль мало бѣдствій насъ давило?
Чума несется изъ степей;
Какъ коршунъ, крылья распустила,
И дышитъ смертью на людей.
Но меньше жертвъ, вольнѣй вздохнулъ несчастный
Идетъ любовь къ стѣнамъ госпиталя.
Течетъ вино, улыбки женщинъ ясны,
И вновь утѣшена земля.

Война! Затѣянъ споръ ревнивый
Межъ королей,—и бой готовъ.
Кровь сыновей поитъ тѣ нивы,
Гдѣ не застыла кровь отцовъ.
Но пусть мы къ разрушенію пристрастны,
Мечъ устаетъ; миръ сходитъ на поля.
Течетъ вино, улыбки женщинъ ясны,
И вновь утѣшена земля.

Природу-ли винить за грозы!
Идетъ весна, ее поемъ.
Благоухающія розы
Въ любовь и радость мы вплетемъ.
Какъ рабство послѣ воли ни ужасно,
Но будемъ ждать, надежды всѣхъ дѣля.
Течетъ вино, улыбки женщинъ ясны,
И вновь утѣшена земля.

XIII.

Гроза.

Рѣзвитесь, дѣти, и играйте!
Вашъ возрастъ—свѣтлая весна;
Гроза вамъ не страшна.
Играйте, дѣти,—слезъ не знайте!
Надеждой даль ясна.

Вамъ любо отдыхать, малютки,
Отъ скучной школы средь полей.
Какъ беззаботны ваши шутки!
Какъ рады волѣ вы своей!
Пусть бѣдный міръ нашъ снова
Ждетъ бѣдствій и тревогъ,

Пусть громъ ворчитъ сурово,
Плетите вашъ вѣнокъ.

Рѣзвитесь, дѣти, и играйте!
Вашъ возрастъ—свѣтлая весна;
Гроза вамъ не страшна.
Играйте, дѣти,—слезъ не знайте!
Надеждой даль ясна.

По тучѣ молнія змѣится;
Она вашъ взглядъ не привлекла,
Таясь въ кустахъ, примолкла птица
А ваша пѣсня весела.
Что дню недолго тмиться,
Я вѣрю, видя васъ;
Свѣтъ скоро отразится
Въ лазури вашихъ глазъ.

Рѣзвитесь, дѣти, и играйте!
Вашъ возрастъ—свѣтлая весна;
Гроза вамъ не страшна.
Играйте, дѣти,—слезъ не знайте!
Надеждой даль ясна.

Отцы-ли ваши не страдали!
Они, въ виду измѣны злой,
Одной рукой оковы рвали,
Другой дрались за край родной.
Ихъ честь не запятналась
Паденьемъ роковымъ.
Вамъ слава ихъ осталась;
Въ ней было счастье имъ.

Рѣзвитесь, дѣти, и играйте!
Вашъ возрастъ—свѣтлая весна;
Гроза вамъ не страшна.
Играйте, дѣти,—слезъ не знайте!
Надеждой даль ясна.

При трубныхъ похоронныхъ звукахъ
Родиться присудилъ вамъ рокъ;
Вамъ возвѣстилъ о нашихъ мукахъ
Самъ врагъ, трубя въ свой мѣдный рогъ.

Еще гремѣли сшибки
Съ врагомъ. Онъ плѣнъ къ намъ несъ,—
И вашихъ устъ улыбки
Мы видѣли сквозь слезъ.

Рѣзвитесь, дѣти, и играйте!
Вашъ возрастъ—свѣтлая весна;
Гроза вамъ не страшна.
Играйте, дѣти,—слезъ не знайте!
Надеждой даль ясна.

Вы совладаете съ грозами,
Въ которыхъ истощились мы:
Блескъ молній, вившихся надъ нами,
Насъ озарилъ средь нашей тьмы.
Пусть тучи тяготѣютъ,
И прежній страхъ въ насъ живъ,—
Для васъ въ грядущемъ зрѣютъ
Посѣвы нашихъ нивъ.

Рѣзвитесь, дѣти, и играйте!
Вашъ возрастъ—свѣтлая весна;
Гроза вамъ не страшна.
Играйте, дѣти,—слезъ не знайте!
Надеждой даль ясна.

Гроза, о дѣти, недалеко:
За молньей снова грянулъ громъ.
Васъ не страшатъ угрозы рока;
Но я—я сталъ ужъ старикомъ.
Быть-можетъ, подъ громами
Я пѣснь не допою...
Украсите-ль цвѣтами
Могилу вы мою?

Рѣзвитесь, дѣти, и играйте!
Вашъ возрастъ—свѣтлая весна;
Гроза вамъ не страшна.
Играйте, дѣти,—слезъ не знайте!
Надеждой даль ясна.

XIV.

Прощанье съ полями.

Какъ кротко, ласково осеннее свѣтило!
Какъ блеклый лѣсъ шумитъ и въ глубь свою зоветъ!
Уже надежды нѣтъ, чтобъ ненависть простила
Мои напѣвы мнѣ и смѣлый ихъ полетъ.
Здѣсь навѣщалъ меня мечтаній рой прекрасный,
Здѣсь слава мнѣ порой шептала свой обѣтъ.
О небо, разъ еще пошли мнѣ лучъ свой ясный!
Даль рощи, повтори прощальный мой привѣтъ!

Зачѣмъ не пѣлъ я такъ, какъ птица межъ вѣтвями?
Какъ былъ-бы воленъ здѣсь я съ пѣснею своей!
Но родина моя—унижена врагами—
Клонила голову подъ иго злыхъ людей!
Стихами колкими я мстилъ за край несчастный.
Лишь для стиховъ любви преслѣдованій нѣтъ.
О небо, разъ еще пошли мнѣ лучъ свой ясный!
Даль рощи, повтори прощальный мой привѣтъ!

Ихъ ярость скудныхъ средствъ меня уже лишила;
Теперь грозятъ судомъ веселости моей.
Святою маскою ихъ злость лицо покрыла:
Заставлю-ль ихъ краснѣть я прямотой своей?
Предъ божествами лжи преступникъ я опасный;
Предъ Богомъ истины вины за мною нѣтъ.
О небо, разъ еще пошли мнѣ лучъ свой ясный!
Даль рощи, повтори прощальный мой привѣтъ!

Величье наше пѣлъ я надъ его могилой,
О славѣ вспоминалъ въ надгробной пѣснѣ я;
Но—неподкупная—передъ побѣдной силой
Убійства государствъ хвалила-ль пѣснь моя?
Когда давалъ ты, лѣсъ, мнѣ свой пріютъ прекрасный,
Имперію-ль я пѣлъ? Ея-ли солнце? Нѣтъ!
О небо, разъ еще пошли мнѣ лучъ свой ясный,
Даль рощи, повтори прощальный мой привѣтъ!

Надѣясь мнѣ нанесть позоръ и униженье,
Пусть цѣпи для меня вымѣриваетъ судъ!
Въ цѣпяхъ и Франція. Оковы, заточенье
Въ ея глазахъ вѣнецъ моимъ стихамъ дадутъ.

Пусть за окномъ тюрьмы мерцаетъ день ненастный!
Мнѣ слава принесетъ свой радующій свѣтъ.
О небо, разъ еще пошли мнѣ лучъ свой ясный!
Даль рощи, повтори прощальный мой привѣтъ!

Не навѣстишь-ли ты мой уголъ, Ѳиломела?
Когда-то отъ царя терпѣла горе ты...
Пора: тюремщикъ ждетъ; ему такъ много дѣла!
Прощайте, нивы, лѣсъ, долины и цвѣты!
Готовы цѣпи мнѣ; но я душою страстной
Свободѣ гимнъ пою, храня ея завѣтъ.
О небо, разъ еще пошли мнѣ лучъ свой ясный!
Даль рощи, повтори прощальный мой привѣтъ!

XV.

Тѣнь Анакреона.

«Мы побѣдили!» молвилъ юный грекъ,
Кладя вѣнки на свѣжія могилы.
«Покиньте Стиксъ! Мы повторимъ вашъ вѣкъ,
О полубоги, древнихъ дней свѣтилы!»
И предъ собой въ лучахъ утра
Онъ видитъ призракъ, слышитъ пѣнье:
«Пора на родину, пора,
Дитя Свободы, Наслажденье!
Пора!

«Мнѣ жизнь была, о греки, сладкій сонъ
При вашихъ предкахъ, гнавшихъ прочь печали;
Когда на ихъ пирахъ Анакреонъ
Имъ пѣлъ любовь, они цѣпей не знали.
Душѣ, не жаждущей добра,
Чужда любовь и вдохновенье.
Пора на родину, пора,
Дитя Свободы, Наслажденье!
Пора!

«Все такъ же къ небесамъ летитъ орелъ;
Пѣснь соловья полна все такъ же чувства...
А гдѣ же вашъ, о греки, ореолъ:
Законы, слава, боги и искусства?

Природа такъ же все щедра;
А пиръ вашъ глухъ и нѣмъ безъ пѣнья.
Пора на родину, пора,
Дитя Свободы, Наслажденье!
Пора!

«Иди же, грекъ, сражаться, побѣждать!
Рви цѣпь свою! Проснулся страхъ въ тиранахъ,
Недолго будетъ варваръ сладко спать
На ложѣ розъ твоихъ благоуханныхъ,
Недолго съ данью серебра
Ему брать дѣвъ на униженье.
Пора на родину, пора,
Дитя Свободы, Наслажденье!
Пора!

«Довольно, греки, потуплять глаза,
Довольно вамъ краснѣть предъ древней славой!
Помогутъ правой мести небеса,
Вернется слава... Мчитесь въ бой кровавый!
И почва будетъ вновь щедра:
Ей кровь тирановъ—удобренье.
Пора на родину, пора,
Дитя Свободы, Наслажденье!
Пора!

«Берите у сосѣдей только мечъ;
Ихъ рукъ не нужно, скованныхъ цѣпями:
Громъ Зевса будетъ съ вами въ вихрѣ сѣчъ!
Звѣзда Киприды всходитъ надъ полями;
Винъ искрометная игра
Ждетъ побѣдившихъ изъ сраженья,
Пора на родину, пора,
Дитя Свободы, Наслажденье!
Пора!»

Исчезла тѣнь пѣвца. Свой тяжкій плѣнъ
Клянутъ грознѣй, съ мечомъ въ рукахъ, эллины.
Дрожатъ надеждой камни вашихъ стѣнъ,
Коринѳъ и Ѳивы, Спарта и Аѳины!
Тьму ночи гонитъ свѣтъ утра,—
И вашихъ дѣвъ намъ слышно пѣнье:

«Пора на родину, пора,
Дитя Свободы, Наслажденье!
Пора!»

XVI.

Богиня.

Къ женщинѣ, олицетворявшей свободу на одномъ изъ празднествъ Революціи.

Тебя-ль я видѣлъ въ блескѣ красоты,
Когда толпа твой поѣздъ окружала,
Когда безсмертною казалась ты,
Какъ та, чье знамя ты въ рукѣ держала?
Ты прелестью и славою цвѣла;
Народъ кричалъ: «Хвала изъ рода въ роды!»
Твой взоръ горѣлъ; богиней ты была;
Богиней Свободы.

Обломки старины топтала ты,
Окружена защитниками края;
И пѣли дѣвы,—сыпались цвѣты,
Порой звучала пѣсня боевая.
Еще, дитя, узналъ я съ первыхъ дней
Сиротскій жребій и его невзгоды,
И звалъ тебя: «Будь матерью моей,
Богиня Свободы».

Чтó темнаго въ эпохѣ было той,
Не понималъ я дѣтскою душою,
Боясь лишь одного, чтобъ край родной
Не палъ подъ иноземною рукою.
Какъ все рвалось къ оружію тогда!
Какъ жаждало военной непогоды!
О, возврати мнѣ дѣтскіе года,
Богиня Свободы!

Чрезъ двадцать лѣтъ опять уснулъ народъ,—
Вулканъ, потухшій послѣ изверженья;
Пришелецъ на вѣсы свои кладетъ
И золото его и униженье.
Когда въ пылу надеждъ, для красоты
Мы воздвигали жертвенные своды,

Лишь грезой счастья намъ явилась ты,
Богиня Свободы!

Ты-ль это, божество тѣхъ свѣтлыхъ дней?
Гдѣ твой румянецъ? Гордый взглядъ орлицы?
Увы,—не стало красоты твоей.
Но гдѣ же и вѣнки и колесницы?
Гдѣ слава, доблесть, гордыя мечты,
Величіе, дивившее народы?
Погибло все—и не богиня ты,
Богиня Свободы.

XVII.

Ласточки.

Въ плѣну у племени чужова,
Гляжу съ тоской въ окно тюрьмы.
Явились, ласточки, вы снова,
Изъ дальнихъ странъ, боясь зимы.
Не прилетѣла-ль ваша стая
Сюда къ теплу, сюда къ веснѣ
Изъ моего родного края?
Ахъ, не о родинѣ-ль щебечете вы мнѣ?

Три года я молю въ неволѣ
Васъ побывать въ долинѣ той,
Гдѣ мирно жилъ я въ тихой долѣ,
Надеждой тѣшась молодой.
У рѣчки, гдѣ листвою темной
Сирени клонятся къ волнѣ,
Вы не видали-ль домикъ скромный?
Не о долинѣ-ль той щебечете вы мнѣ?

Быть-можетъ, родилась иная
Изъ васъ подъ кровлей, мнѣ родной.
Что̀ мать моя? Лежитъ больная,
И все-то сына ждетъ домой,
Все не дождется... «Кто-то скачетъ!
Не онъ-ли это на конѣ?»
Послушаетъ,—потомъ поплачетъ.
Не о любви-ль ея щебечете вы мнѣ?

Что̀, не при васъ-ли выдавали
Въ замужство младшую сестру?
Вы громкихъ пѣсенъ не слыхали
У ней на свадебномъ пиру?
Что̀ сверстники мои, со мною
Служившіе въ святой войнѣ?
Вернулся-ль кто изъ нихъ изъ бою?
Не о друзьяхъ-ли вѣсть щебечете вы мнѣ?

По теплымъ трупамъ ихъ, быть можетъ,
Въ долину нашу врагъ идетъ;
Покой сестры моей тревожитъ,
Свой произволъ въ нашъ домъ несетъ.
Въ могилѣ спитъ моя родная,—
И всюду цѣпи на землѣ.
О, ласточки родного края!
Не о его-ль скорбяхъ щебечете вы мнѣ?

XVIII.

Узникъ.

«Царица волнъ, ты будишь чуднымъ пѣньемъ
Молчанье скалъ, ведя свой быстрый челнъ.
Въ огнѣ лучей, подъ вешнимъ дуновеньемъ
Горитъ заливъ. Плыви, царица волнъ!»

Такъ узникъ пѣлъ изъ-за рѣшетки
Тюремной башни надъ водой:
Онъ видѣлъ,—каждый день на лодкѣ
Являлась дѣва подъ стѣной.

«Царица волнъ, ты будишь чуднымъ пѣньемъ
Молчанье скалъ, ведя свой быстрый челнъ.
Въ огнѣ лучей, подъ вешнимъ дуновеньемъ
Горитъ заливъ. Плыви, царица волнъ!

«Я молодъ; тяжки эти своды.
Въ тьмѣ заточенья своего,
Что день, страстнѣе—какъ свободы—
Я жду явленья твоего.

«Царица волнъ, ты будишь чуднымъ пѣньемъ
Молчанье скалъ, ведя свой быстрый челнъ.
Въ огнѣ лучей, подъ вешнимъ дуновеньемъ
Горитъ заливъ. Плыви, царица волнъ!

«Твой милый образъ отражаетъ
Съ любовью зеркало войны.
О, что̀ твой парусъ направляетъ?
Любовь? Иль только духъ весны?

«Царица волнъ, ты будишь чуднымъ пѣньемъ
Молчанье скалъ, ведя свой быстрый челнъ.
Въ огнѣ лучей, подъ вешнимъ дуновеньемъ
Горитъ заливъ. Плыви, царица волнъ!

«Надеждой вѣетъ надо мною.... .
Меня рука твоя спасетъ!
Освобожденнаго тобою
Вездѣ съ тобою счастье ждетъ.

«Царица волнъ, ты будишь чуднымъ пѣньемъ
Молчанье скалъ, ведя свой быстрый челнъ.
Въ огнѣ лучей, подъ вешнимъ дуновеньемъ
Горитъ заливъ. Плыви, царица волнъ!

«Ты легкій челнъ свой замедляешь,—
И слезы у тебя въ глазахъ...
Но, какъ надежда, ускользаешь
Ты вновь,—и я умру въ цѣпяхъ.

«Царица волнъ, ты будишь чуднымъ пѣньемъ
Молчанье скалъ, ведя свой быстрый челнъ.
Въ огнѣ лучей, подъ вешнимъ дуновеньемъ
Горитъ заливъ. Плыви, царица волнъ!

«Меня схоронятъ эти своды...
Но нѣтъ,—ты машешь мнѣ рукой.
Свѣтило жизни и свободы
Заблещетъ завтра надо мной!

«Царица волнъ, ты будишь чуднымъ пѣньемъ
Молчанье скалъ, ведя свой быстрый челнъ.
Въ огнѣ лучей, подъ вешнимъ дуновеньемъ
Горитъ заливъ. Плыви, царица волнъ!

XIX.

Каминъ въ тюрьмѣ.

Мнѣ взаперти такъ много утѣшеній
Даетъ каминъ! Лишь вечеръ настаетъ,
Здѣсь грѣется со мною добрый геній,
Бесѣдуетъ и пѣсни мнѣ поетъ.
Въ минуту онъ рисуетъ міръ мнѣ цѣлый,
Лѣса, моря, въ углахъ среди огня.
И скуки нѣтъ: вся съ дымомъ улетѣла.
О добрый геній, утѣшай меня!

Онъ въ юности дарилъ меня мечтами,
Мнѣ старику поетъ о юныхъ дняхъ
Онъ кажетъ мнѣ перстомъ между дровами
Большой корабль на вспѣненныхъ волнахъ.
Вдали пловцамъ ужъ виденъ берегъ новый
Въ сіяніи тропическаго дня.
Меня же крѣпко держатъ здѣсь оковы.
О добрый геній, утѣшай меня!

А это что̀? Орелъ-ли ввысь несется
Измѣривать путь солнечныхъ лучей?
Нѣтъ, это шаръ воздушный... Вымпелъ вьется;
Я вижу лодку,— человѣка въ ней.
Какъ долженъ онъ жалѣть, взносясь надъ нами,
Дыша всей грудью вольнымъ свѣтомъ дня,
О людяхъ, обгороженныхъ стѣнами.
О добрый геній, утѣшай меня!

А вотъ Швейцарія... ея природа...
Озера, ледники, луга, стада...
Я могъ бѣжать: я зналъ—близка невзгода;
Меня свобода кликала туда,
Гдѣ эти горы гордо громоздятся
Въ вѣнцахъ снѣговъ. Но былъ не въ силахъ я
Отъ Франціи душою оторваться.
О добрый геній, утѣшай меня!

Вотъ и опять перемѣнилась сцена...
Лѣсистый холмъ, знакомый небосклонъ...
Напрасно шепчутъ мнѣ: «Согни колѣна,—
И мы тюрьму отворимъ; будь уменъ».

На зло тюремщикамъ, на зло оковамъ,
Ты здѣсь,—и вновь съ тобою молодъ я...
Я тѣшусь каждый мигъ видѣньемъ новымъ...
О добрый генiй, утѣшай меня!

XX.

Рыжая Жанна.

Двухлѣтнiй сынъ ей обвилъ шею
Изъ-за спины; въ рукахъ другой;
А третiй, старшiй, рядомъ съ нею
Бѣжитъ, иззябшiй и босой.
Отца застигли такъ нежданно!
Онъ за рѣшеткой, за замкомъ.
Что̀ будетъ съ бѣдной рыжей Жанной?
Взятъ браконьеръ въ лѣсу съ ружьемъ

Я зналъ ее довольной, ясной,
Видалъ за чтеньемъ, за иглой.
Въ селѣ казалась всѣмъ прекрасной
Она своею добротой.
Я руку ей съ отрадой странной
Жалъ часто въ танцѣ круговомъ.
Что̀ будетъ съ бѣдной рыжей Жанной?
Взятъ браконьеръ въ лѣсу съ ружьемъ.

Къ ней фермеръ сватался, мы знаемъ,
Богатый, съ нею лѣтъ однихъ.
Но Жанну рыжей называли,
Смѣялись,—и отсталъ женихъ;
Не онъ одинъ... Отъ безприданной
Шли прочь женихъ за женихомъ.
Что̀ будетъ съ бѣдной рыжей Жанной?
Взятъ браконьеръ въ лѣсу съ ружьемъ.

«Будь мнѣ женой», сказалъ бездомный:
«Ты мнѣ и рыжая мила.
Съ ружьемъ не страшенъ лѣсъ намъ темный,
Хоть рыщетъ стража безъ числа,
Постель въ травѣ лѣсной поляны.
Благословить—попа найдемъ».

Чтò будетъ съ бѣдной рыжей Жанной?
Взятъ браконьеръ въ лѣсу съ ружьемъ.

Любить, быть матерью—все звало
Ее давно. Пошла она
И въ горькой радости рожала
Три раза, въ тьмѣ лѣсной, одна.
Малютки бодры и румяны,
Какъ почки на цвѣткѣ лѣсномъ.
Чтò будетъ съ бѣдной рыжей Жанной?
Взятъ браконьеръ въ лѣсу съ ружьемъ.

Чтò за любовь у ней святая
Въ улыбкѣ добраго лица!
Она твердитъ, дѣтей лаская:
«Черноволосы,—всѣ въ отца».
Ея улыбкою нежданной
Мракъ озарится предъ отцомъ.
Чтò будетъ съ бѣдной рыжей Жанной?
Взятъ браконьеръ въ лѣсу съ ружьемъ.

XXI.

Старикъ-бродяга.

Я старъ и хилъ; здѣсь у дороги
Во рву придется умереть.
Пусть скажутъ: «Пьянъ,—не держатъ ноги».
Тѣмъ лучше, чтò меня жалѣть?
Одинъ мнѣ въ шапку грошъ кидаетъ
Другой, и не взглянувъ, идетъ.
Спѣшите! Пиръ васъ ожидаетъ.
Старикъ-бродяга и безъ васъ умретъ.

Отъ старости я умираю!
Не умеръ съ голоду. Я ждалъ—
Хоть при смерти покой узнаю.
Да нѣтъ,—въ больницу не попалъ.
Давно вездѣ народъ набился;
Все нѣтъ ему счастливыхъ дней!
Я здѣсь, на улицѣ родился,
Старикъ-бродяга, и умру на ней.

Я смолоду хотѣлъ трудиться,
Но слышалъ въ каждой мастерской:
«Не можемъ сами прокормиться;
Работы нѣтъ. Иди съ сумой!»
У васъ, твердившихъ мнѣ о лѣни,
Сбиралъ я кости по дворамъ
И часто спалъ на вашемъ сѣнѣ.
Старикъ-бродяга благодаренъ вамъ.

Приняться могъ за воровство я;
Нѣтъ, лучше по міру сбирать.
Дорогой яблоко чужое
Едва рѣшался я сорвать:
Но двадцать разъ меня сажаютъ
Въ острогъ, благодаря судьбѣ;
Одно, что̀ было, отнимаютъ:
Старикъ-бродяга, солнца нѣтъ тебѣ!

Отечество не знаетъ бѣдный!
Что̀ въ вашихъ тучныхъ мнѣ поляхъ?
Что̀ въ вашей славѣ мнѣ побѣдной,
Въ торговлѣ, въ риторскихъ борьбахъ?
Когда врагу вашъ городъ сдался,
Поилъ-кормилъ гостей чужихъ,
Съ чего слезами обливался
Старикъ-бродяга надъ подачкой ихъ?

Что̀, люди, вы не раздавили
Меня, какъ вреднаго червя?
Нѣтъ лучше-бъ во̀-время учили,
Чтобъ могъ полезенъ стать и я.
Я былъ-бы не червемъ,—пчелою...
Но отъ невзгодъ никто не спасъ.
Я могъ любить васъ всей душою;
Старикъ-бродяга проклинаетъ васъ!

XXII.

Орангъ-утанги.

Орангъ-утанги (такъ въ Езопѣ
Читалъ я) славились въ Европѣ

Рѣчами,—и отъ нихъ идетъ
Всѣхъ адвокатовъ нашихъ родъ.
Ихъ предокъ разъ въ ученомъ преньѣ
Сказалъ: «Въ наукѣ твердо мнѣнье,
Что люди всѣхъ вѣковъ и странъ
Лишь обезьянятъ обезьянъ.

«Не намъ-ли слѣдуя вначалѣ,
Они копить запасы стали?
Не намъ-ли довелось учить
Ихъ, съ палкой выпрямясь, ходить?
Не дѣйствуютъ-ли въ нашемъ вкусѣ
Они и съ небомъ, сильно труся?
Да, люди всѣхъ вѣковъ и странъ
Лишь обезьянятъ объзьянъ.

«Любовь ихъ—наши же интрижки...
Но намъ всегда вѣрны мартышки.
Имъ было болѣе подъ стать
Безстыдство наше перенять.
Отъ насъ ихъ Діогенъ великій
Усвоилъ образъ жизни дикій.
Да, люди всѣхъ вѣковъ и странъ
Лишь обезьянятъ обезьянъ.

«Не намъ-ли люди подражали,
Когда и войско создавали?
Какой не зналъ орангъ-утангъ,
Что правый флангъ, что лѣвый флангъ?
У насъ и до паденья Трои
Считались сотнями герои.
Да, люди всѣхъ вѣковъ и странъ
Лишь обезьянятъ обезьянъ.

«Копье-ль, дубину-ль, шпагу-ль въ руки,
Лишь бей!.. Прекраснѣй нѣтъ науки,—
И *мы* ее преподаемъ.
А человѣкъ вдругъ сталъ царемъ!
Гдѣ жъ, боги, правосудье ваше?
Вѣдь, образъ вашъ—подобье наше.
Да, боги, человѣкъ всѣхъ странъ
Лишь обезьянитъ обезьянъ».

Досадно слушать Зевсу стало.
«Вся тварь мнѣ уши прокричала,
Что человѣкъ мой очень тупъ
И неискусенъ. Да, онъ глупъ,—
Зато мнѣ лесть всегда готова.
А вы?.. Отнять у нихъ даръ слова!
А люди всѣхъ вѣковъ и странъ
Пусть обезьянятъ обезьянъ!»

XXIII.

Конецъ стихамъ.

Конецъ стихамъ, какъ ни кипитъ желанье!
Старинной силы въ риѳмахъ нѣтъ моихъ.
Теперь мнѣ школьникъ страшенъ въ состязаньѣ,
По пальцамъ составляющій свой стихъ.
Когда, какъ встарь, мой голосъ починаетъ
Бесѣду съ сердцемъ въ глубинѣ лѣсовъ,
Родной ихъ шумъ мнѣ прозой отвѣчаетъ...
Меня покинулъ свѣтлый даръ стиховъ.

Конецъ стихамъ! Какъ осенью глухою
Поселянинъ въ увядшій садъ идетъ
И смотритъ: подъ послѣднею листвою
Не притаился-ль гдѣ забытый плодъ?
Такъ я хожу, ищу. Но все увяло;
На деревѣ ни листьевъ, ни плодовъ;
Корзины не наполнить, какъ бывало...
Меня покинулъ свѣтлый даръ стиховъ.

Конецъ стихамъ! Но я душой внимаю
Зовъ Бога къ вамъ, поникшія сердца.
«Воспрянь, народъ! Тебя провозглашаю
Отнынѣ я наслѣдникомъ вѣнца!»
И радостенъ и полонъ вѣры ясной,
Тебѣ, народъ-дофинъ, я пѣть готовъ
О милости и кротости... Напрасно!
Меня покинулъ свѣтлый даръ стиховъ.

XXIV.

Муравьи.

Муравейникъ весь въ движеньи;
Все шумитъ, кричитъ, снуетъ.
Войско въ сборѣ къ выступленью;
Царь ведетъ его въ походъ.
Полководецъ горячится,
Возглашая храбрецамъ:
«Цѣлый міръ намъ покорится!
Слава, слава муравьямъ!»

Войско въ маршѣ достигаетъ
До владѣній гордой тли,
Гдѣ былинка вырастаетъ
Изъ-за камня, вся въ пыли.
Царь командуетъ: «Смѣлѣе!
Съ нами Богъ—и смерть врагамъ!
Молодцы, ударь дружнѣе!
Слава, слава муравьямъ!»

Есть у тли свои герои
Для свершенья славныхъ дѣлъ,
Все помчалось въ вихорь боя.
Сколько крови, мертвыхъ тѣлъ!
Наконецъ,—хоть храбро билась—
Тля бѣжитъ по всѣмъ угламъ,
Участь варваровъ свершилась!
Слава, слава муравьямъ!

Двое старшихъ адъютантовъ
Сочинили бюллетень,
Днемъ сраженія гигантовъ
Въ немъ былъ названъ этотъ день.
Край разграбить покоренный
Остается молодцамъ.
Что̀ трухи тутъ запасенной!
Слава, слава муравьямъ!

Вотъ подъ аркой изъ соломы,
Тріумфальный вьется ходъ,

Чернь, работавшая дома,
Натощакъ «ура» реветъ.
Мѣстный Пиндаръ въ громкой одѣ
Всѣмъ другимъ грозитъ врагамъ
(Оды были очень въ модѣ):
Слава, слава муравьямъ!

Въ піитическомъ пареньѣ
Бардъ гласитъ: «Сквозь тьму временъ
Вижу міра обновленье;
Муравьи, вашъ данникъ онъ!
И когда земного шара
Всѣ края сдадутся намъ,
Ты, о небо, жди удара!
Слава, слава муравьямъ!»

XXV.

Апостолъ.

«Куда ты, Павелъ?»—Въ міръ несу спасенье.
Намъ Богомъ данъ законъ любви.—
«Апостолъ, отдохни мгновенье!
Усталъ ты,—ноги всѣ въ крови».
— Нѣтъ, нѣтъ; я въ міръ несу спасенье.
Намъ Богомъ данъ законъ любви.

«Куда ты, Павелъ?»—Проповѣдать людямъ
Вѣсть мира, братства, правоты.—
«Останься съ нами; вмѣстѣ будемъ
Жить для наукъ и красоты».
— Нѣтъ; я иду повѣдать людямъ
Вѣсть мира, братства, правоты.

«Куда ты, Павелъ?»—Со стези неправой
Направить души въ путь прямой.—
«Свѣтлѣй всего дорога славы.
Коль хочешь славы, съ нами пой!»
— Нѣтъ; я иду съ тропы неправой
Направить души въ путь прямой.

«Куда ты, Павелъ?»—Благовѣстье Бога
Въ селенья скудныя несу.—

«Страшись! Трудна туда дорога:
Въ горахъ злодѣи, звѣрь въ лѣсу».
— Нѣтъ; я благословенье Бога
Въ селенья скудныя несу.

«Куда ты, Павелъ?»—Въ города, пороки
Искоренить во всѣхъ сердцахъ.—
«Страшись! Насмѣшки тамъ жестоки,
И много зла кипитъ въ страстяхъ».
— Нѣтъ; я иду туда пороки
Искоренить во всѣхъ сердцахъ.

«Куда ты, Павелъ?»—Къ бѣднымъ и несчастнымъ;
Сказать имъ: Богъ одинъ великъ!—
«Ты бичъ вручишь врагамъ всевластнымъ,
И сгубитъ бѣдныхъ твой языкъ».
— Нѣтъ; я иду сказать несчастнымъ
И бѣднымъ: Богъ одинъ великъ!

«Куда ты, Павелъ?»—На прибрежья моря,
Дрожащихъ ободрять друзей.—
«Какъ! ни года, ни трудъ, ни горе
Не потрясли души твоей?»
— Нѣтъ! я иду къ прибрежьямъ моря,
Дрожащихъ ободрять друзей!

«Куда ты, Павелъ?»—Высказать все прямо
Гнетущимъ свой народъ царямъ.—
«Страшись! За горстку ѳиміама
Ты будешь выданъ ихъ жрецамъ».
— Нѣтъ, выскажу я правду прямо
Гнетущимъ свой народъ царямъ.

«Куда ты, Павелъ?»—Въ судъ; свое ученье
Передъ судьями возгласить.—
«Смягчи уступкой обвиненье,
Хитрѣй старайся говорить».
— Нѣтъ; я иду свое ученье
Передъ судомъ провозгласить.

«Куда ты, Павелъ?»—Я несу на плаху
Сѣдую голову свою.—

«Лишь слово дай промолвить страху—
И старость озлатятъ твою».
— Нѣтъ, нѣтъ, я понесу на плаху
Сѣдую голову свою.

«Куда ты, Павелъ?»—Въ тихой сѣни рая
По трудномъ отдохнуть пути.—
«И жизнь и смерть твоя святая
Примѣромъ будетъ намъ. Прости!»
— Въ небесной, тихой сѣни рая
По трудномъ отдохну пути.

XXVI.

Прощаніе.

Прости, прости, о Францiя родная!
Мой смертный часъ, я чувствую, пробилъ;
Но я пою тебя, и умирая;
Кто такъ любилъ, какъ я тебя любилъ?
Я пѣлъ тебя ребенкомъ до науки;
Вотъ смерть меня готова унести,
Чуть дышитъ грудь, но въ ней все тѣ же звуки,
За всю любовь пролей слезу. Прости!

Когда враговъ гнели тебя союзы,
И грудь твою разили десять странъ,
Не я-ль щипалъ на корпію ихъ узы
И лилъ бальзамъ для язвъ твоихъ и ранъ?
Изъ праха ты возстала въ полномъ цвѣтѣ,
Чтобъ съ торжествомъ изъ вѣка въ вѣкъ расти:
Ты, мысль свою посѣявъ въ цѣломъ свѣтѣ,
Пожнешь и плодъ: онъ въ равенствѣ. Прости!

И мнится мнѣ, что я среди могилы.
О призри тѣхъ, кто милъ душѣ моей!
Вѣдь это—долгъ: твой голубь легкокрылый
Не бралъ зерна съ отеческихъ полей.
Но Богъ зоветъ! Чтобъ сердца стонъ и пламень
Твоимъ сынамъ до сердца довести,
Я поддержалъ на мигъ могильный камень;
Увы, нѣтъ силъ! Онъ падаетъ... Прости!

XXVII.

Придворный кафтанъ.

Всѣ наши принципы—химера!
Дворъ и меня уже плѣнилъ:
Обноски послѣ камергера
Въ лоскутной лавкѣ я купилъ.
Его высочество заняться
Изволилъ мной—намекъ мнѣ данъ.
Какъ я доволенъ!
Я во дворецъ иду являться,
Въ придворный облачась кафтанъ.

Отъ честолюбья нѣтъ покоя;
Мнѣ грезится мой славный путь.
Шитье на платьѣ золотое
Внушаетъ—ниже спину гнуть.
Вотъ въ залъ меня съ почетомъ вводятъ,
Стараясь угадать мой санъ...
Какъ я доволенъ!
Его высочество выходятъ...
На мнѣ придворный мой кафтанъ.

Я не завелъ еще кареты,—
Иду пѣшкомъ. Вдругъ предо мной
Толпа гулякъ, друзей Лизетты,
И тащатъ завтракать съ собой.
—«Не пропустить-бы лишь парада!»
Твержу, попавшись къ нимъ въ капканъ.
«Какъ я доволенъ!
Къ его высочеству мнѣ надо...
Придворный видите кафтанъ?»

Лишь конченъ завтракъ, въ путь я снова.
Навстрѣчу старый, добрый другъ.
—«Ты быть на свадьбѣ далъ намъ слово».
И я попалъ въ знакомый кругъ,
Поютъ, смѣются, веселятся,
Шампанскимъ пѣнится стаканъ.
Какъ я доволенъ!
Но во дворецъ я шелъ являться;
На мнѣ придворный мой кафтанъ.

Какъ мнѣ ни весело съ друзьями,
Спесь подзываетъ во дворецъ.
Иду нетвердыми шагами
И дотащился наконецъ.
Въ толпѣ неужто Роза это?
Ея походка, стройный станъ.
Какъ я доволенъ!
Ей, стоящей всѣхъ сильныхъ свѣта,
Не нуженъ вышитый кафтанъ.

Отъ двери, гдѣ ее смѣшило
Холопство глупой суетой,
Она меня сейчасъ сманила
Въ свой скромный уголокъ съ собой.
У Розы мой кафтанъ расшитый
Мнѣ давитъ грудь—въ глазахъ туманъ.
Какъ я доволенъ!
Его высочество забыто,
И въ уголъ брошенъ мой кафтанъ.

Простился я со спесью жалкой
И прочиталъ себѣ урокъ.
Вооружась дурацкой палкой,
Пойду пѣть пѣсни въ кабачокъ.
Подчасъ тамъ можно и забыться:
На совѣсти не будетъ ранъ.
Какъ я доволенъ!
Кто жаждетъ во дворецъ явиться,
Возьми придворный мой кафтанъ.

XXVIII.
Зима.

Вновь зима идетъ сюда;
Гонитъ птицъ, сердито воетъ
И покровомъ снѣжнымъ кроетъ
И поля и города.
Все окно разрисовала
Мнѣ цвѣтами изъ кристалла.
Дверь на петляхъ завизжала;
Котъ мой съежился клубкомъ.
Ждать ужъ нечего: отнынѣ

Надо жечь дрова въ каминѣ;
Надо грѣться предъ огнемъ.

Не пускайся, странникъ, въ путь;
А пошелъ,—вернись скорѣе!
Мой каминъ горитъ шумнѣе:
Вѣтеръ началъ крѣпче дуть.
Не страшна мнѣ здѣсь угроза
Вѣтра, снѣга и мороза:
Вотъ явилась въ шубкѣ Роза;
Грѣетъ, кутаетъ меня.
Но ты рукъ не отогрѣла·
На мои-бъ колѣни сѣла,
Роза, грѣться у огня!

Смерклось; ночь густую тѣнь
Надъ снѣгами разстилаетъ.
Насъ любовь благословляетъ:
Ради насъ уходитъ день.
Но къ намъ въ гости, распѣвая,
Входитъ пара молодая:
Другъ, красавица живая...
Славно вечеръ проведемъ!
Стужи нечего страшиться:
Чтобъ попарно размѣститься,
Станемъ грѣться предъ огнемъ.

Вотъ нескромный лампы свѣтъ
Наши ласки прекращаетъ,
Роза скатерть разстилаетъ;
На столѣ вино, паштетъ.
Другъ пустился въ изложень
Имъ прочтеннаго творенья
Про воровъ и привидѣнья;
Смѣхъ не молкнетъ за столомъ.
Конченъ ужинъ; пуншъ пылаетъ.
Но пока онъ поспѣваетъ,
Станемъ грѣться предъ огнемъ.

Пусть какъ въ саванъ облачитъ
Въ снѣгъ и ледъ зима природу,
Шлетъ къ намъ вихри, непогоду—
Нашихъ пѣсенъ не смутитъ.

Здѣсь весна любви надъ нами
Вѣетъ тихими крылами;
Незнакомая съ громами,
Неразлучная съ добромъ.
Отъ морозовъ мы запремся
И, пока цвѣтовъ дождемся,
Станемъ грѣться предъ огнемъ.

XXIX.

Залоги.

(Арабская сказка).

Ахъ, что̀ за добрая душа
Былъ Бенъ-Исса̀ въ Бассорѣ!
Но разъ встаетъ онъ,—ни гроша,-
Друзей любилъ,—вотъ горе!
Бенъ завтра по-міру пойдетъ
Винить судьбу-злодѣйку;
Сегодня жъ нищему даетъ
Послѣднюю копѣйку.

Тому лѣтъ триста это былъ
Вѣкъ духовъ и видѣній,
Иссу же Мокъ тогда любилъ,—
Зеленоглазый геній.
Но Мокъ хитеръ: все, дескать, дамъ,
Чтобъ Бенъ сталъ равенъ Крезу,
Пусть только все даетъ друзьямъ,
Придись хоть до зарѣзу.

Что̀ Бену Моковы дары?—
Спасетъ друзей услуга;
Но пусть кошель,—прошли пиры,—
И нѣтъ у Бена друга.
Одинъ Малѐкъ приходитъ вновь:
«Ахъ, Бенъ, я долженъ кади
Червонцевъ десять кошельковъ...
Достань ихъ, Бога ради!..

Быть-можетъ, Мокъ на этотъ разъ
Окажетъ намъ услугу!»

И Бенъ кричитъ: «Зеленый глазъ,
Явись на помощь другу!»
«Я изъ жидовъ!—воскликнулъ Мокъ:—
Дамъ денегъ, но, ей-Богу,
Возьму хоть ухо, глазъ въ залогъ,
Зубъ, руку или ногу.

Я все беру безъ ранъ и мукъ;
За нужную же ссуду
Твоихъ зубовъ дай восемь штукъ—
И я доволенъ буду!»
«Какъ? восемь?—Стало, всѣ, что есть!
Кто жъ всѣхъ зубовъ лишится?»
«Эхъ, Бенъ! Вѣдь ты любилъ поѣсть,
Теперь пора поститься...

Присядь-же!..» Кракъ!—и зубы вдругъ
Всѣ выпали безъ муки.
«Эй!—Бенъ кричитъ:—Малекъ, мой другъ,
Досталъ,—держи-ка руки!»
Пошла молва,—друзья бѣгомъ
Къ Иссѣ: вѣдь для промѣна
Кто жъ былъ-бы самъ себѣ врагомъ
И не добылъ-бы Бена?

Суда Муссы разъ на утесъ
Попали въ ночь — и сѣли:
Бенъ только глазъ въ залогъ отнесъ—
И другъ стянулся съ мели.
Гассанъ давно-бы выдалъ дочь,
Хватило-бы кармана;
Но Бенъ въ приданое не прочь
Дать руку для Гассана.

Цѣна Гуссейну дорога
Купить дѣтей изъ плѣна,—
И вотъ въ залогъ идетъ нога:
Друзья поддержатъ Бена.
Распродадутъ тебя, о Бенъ,
Всѣ эти людоморы:
Они за свой за каждый членъ
Вскричали-бъ: «Рѣжутъ! Воры!»

И вѣдь друзья же говорятъ,
Завидѣвъ Бена, дружно:
«Какой уродъ! Ну, просто, гадъ!
А поклониться нужно!»
—«Постойте,—разъ вскричалъ Малекъ —
Я съ нимъ сыграю штуку,
И завтра этотъ человѣкъ
Ужъ намъ протянетъ руку!..»

«Исса, мой другъ! Исса, отецъ!—
Кричитъ Малекъ, рыдаетъ:—
Моей женѣ пришелъ конецъ,
Ничто не помогаетъ.
Хоть средство есть, и самъ султанъ
Спасенъ настойкой тою:
Но гдѣ же перловъ взять тюрбанъ
На золотомъ настоѣ?»

Бенъ къ Моку уши было-снесъ,
Чтобъ выручить собрата:
«Нѣтъ,—Мокъ сказалъ:—великъ запросъ,
Залогу жъ маловато!»
Другъ проситъ глазъ отдать другой.
«Не дамъ!—кричитъ безногій:—
Мнѣ нуженъ глазъ, съ одной ногой
Не сбиться чтобъ съ дороги!»

«Спаси жену!—реветъ Малекъ:—
Дай глазъ и вѣрь Малеку,
Что онъ съ тобой проходитъ вѣкъ
И сводитъ даже въ Мекку...»
Глазъ отданъ... Что̀ жъ Малеку ждать?
Взявъ деньги, далъ онъ тягу
И бросилъ Бенъ-Иссу блуждать
Все ощупью, бѣднягу.

—Эй, берегись!—раздался крикъ:—
Держись, иль канешь въ море!..
Ахъ, это—Бенъ!.. Какой старикъ!
И слѣпъ—какое горе!..
Я—Али, другъ твой съ дѣтскихъ дней:
Пойдемъ вдвоемъ до гроба,

По ремеслу я лицедѣй,
Такъ будемъ сыты оба.

Бенъ обнялъ друга... Вотъ такъ разъ!
Вотъ чудо! Цѣлы стали
Рука, нога и пара глазъ,-
И Бенъ увидѣлъ Али,
И злыхъ друзей увидѣлъ онъ,—
Но былъ одинъ безногій,
А тотъ иль глазъ, иль рукъ лишенъ—
Все старые залоги...

И Мокъ сказалъ: «Я очень радъ
Судьбѣ друзей коварныхъ...
Возьми жъ и деньги всѣ назадъ
Отъ нихъ, неблагодарныхъ.
Пусть Али дѣлитъ серебро
Съ тобой и крохи хлѣба:
Достойнымъ дѣлай ты добро—
Получишь двое съ неба!»

И Мокъ исчезъ. Друзья скорѣй
Уходятъ отъ печали
И отъ предателей-друзей...
Но шепчетъ Бенъ: «Дай, Али,
Имъ рису, меду, ихъ одѣнь!
Исправь ихъ,—воля рока!
Рубиномъ можешь и кремень
Ты сдѣлать—длань Пророка!»

XXX.

Паяцъ.

Паяцомъ быть родился я.
Отецъ, чтобъ дать мнѣ ходу,
Пинкомъ спровадилъ въ міръ меня...
«Ломайся всѣмъ въ угоду!
Хоть отрастилъ брюшко,
Но скачешь ты легко
И мастеръ кувыркаться.
Для всѣхъ, паяцъ, скачи!
Разузнавать не хлопочи,
Предъ кѣмъ пришлось ломаться!»

Мать, снаряжая въ путь сынка,
Собственноручно сшила
Одежду мнѣ изъ тюфяка.
«Онъ долго, говорила,
Служилъ мнѣ. Дѣлай въ немъ,
Что дѣлала на немъ
И я, чтобъ пропитаться.
Для всѣхъ, паяцъ, скачи!
Разузнавать не хлопочи,
Предъ кѣмъ пришлось ломаться!»

Мнѣ скоро встрѣтиться Богъ далъ
Съ особой августѣйшей,—
И во дворцѣ я мѣсто взялъ
Собачки околѣвшей.
Какъ началъ я скакать,—
Съ собакой-ли сравнять?..
Завистники косятся.
Для всѣхъ, паяцъ, скачи!
Разузнавать не хлопочи,
Предъ кѣмъ пришлось ломаться!

Я сладко ѣлъ... Вдругъ слухъ идетъ,
Что изъ дурного тѣста
Мой господинъ, и что займетъ
Законный это мѣсто.
Что̀ жъ! Тотъ меня кормилъ...
И этотъ будетъ милъ,
Лишь надо постараться.
Для всѣхъ, паяцъ, скачи!
Разузнавать не хлопочи,
Предъ кѣмъ пришлось ломаться!

Лишь сталъ предъ новымъ я скакать,
Вдругъ прежній воротился.
Поѣсть люблю я,—и опять
Предъ нимъ скакать пустился.
Но снова выгнанъ онъ,
И новый сѣлъ на тронъ.
Съ судьбою гдѣ жъ тягаться!
Для всѣхъ, паяцъ, скачи!
Разузнавать не хлопочи,
Предъ кѣмъ пришлось ломаться!

Кто ни приди, мнѣ все равно:
        Скакать для всѣхъ сумѣю.
Зато пью славное вино,
        Ѣмъ сытно—и толстѣю.
        Повсюду скакуны
        (Не всѣ лишь такъ умны)
        У насъ въ краю плодятся.
        Для всѣхъ, паяцъ, скачи!
Разузнавать не хлопочи,
        Предъ кѣмъ пришлось ломаться!

XXXI.

Веселая голова.

Какъ образецъ удачный
Для страждущихъ хандрой,
Родился въ вѣкъ нашъ мрачный
Веселый мой герой.
Жить смирно, безъ вниманья
Къ судьбѣ, къ рѣчамъ молвы...
Вотъ въ чемъ и все призванье
Веселой головы.

Въ отцовской шляпѣ чинно
По праздникамъ гулять;
Фасонъ ея старинный
Цвѣтами обновлять...
Плащъ—тоже не для чванства:
Всѣ побѣлѣли швы...
Вотъ въ чемъ и все убранство
Веселой головы.

Подъ кровлей стульевъ пара,
Кроватка, столъ кривой,
Колода картъ, гитара,
Стаканъ, сундукъ пустой,
Портретъ (воспоминанье
Хорошенькой вдовы)...
Вотъ все и достоянье
Веселой головы.

Пропѣть куплетъ нескромный;
Учить дѣтей играть;
Большимъ разсказъ скоромный,
Забавный передать.
Плясать неугомонно,
Когда бъ ни звали вы...
Вотъ весь запасъ ученый
Веселой головы.

Коль есть вино плохое,
Хорошаго не ждать;
Оставя дамъ въ покоѣ,
У швей любви искать;
Не знать припадковъ сплина
И мрачности совы...
Вотъ мудрая доктрина
Веселой головы.

«Всего себя ввѣряю,
Творецъ, любви Твоей,
Ты не осудишь, знаю,
Веселости моей,
И въ смертное мгновенье
Не дать сказать: «Увы!»—
Вотъ скромное моленье
Веселой головы.

Ты, ропщущій невольно,
Бѣднякъ, и ты, богачъ,
Всѣмъ вѣчно недовольный,
Отъ вашихъ неудачъ
Утѣшьтесь, не тужите,
Что̀ бъ ни терпѣли вы;
Благой примѣръ берите
Съ веселой головы.

ВИКТОРЪ ГЮГО.

I.

О, подойди ко мнѣ! Поговори со мной!..
Очарованіе летаетъ за тобой.
Не ангелъ-ли ты Данта пѣснопѣній?
Ты не богиня-ли Виргилія твореній?..
Высокое чело и нѣга устъ твоихъ,
И ножка легкая—напоминаютъ ихъ.
Ты съ гордостью-бъ могла, въ кирасѣ изъ эѳира,
Быть амазонкой греческаго міра!

Сераль и гинекей, жилища красоты,
Коралломъ устъ—вѣрь!—помрачила-бъ ты...
И если-бъ зналъ тебя Челлини, на чудесной
Онъ вазѣ греческой твой ликъ прелестный,
Конечно-бы, рѣзцомъ волшебнымъ начертилъ;
Въ цвѣткѣ-бы долотомъ тебя изобразилъ,
Иль полу-лиліей, полъ-женщиной прекрасной
Онъ изваялъ тебя на чашѣ голубой,
Иль въ чудномъ лотосѣ, его созданьи ясномъ,
Которому цвѣтокъ завидуетъ живой.

II.

Приди, красавица съ небесными очами!..
То золотой былъ день, какъ я узналъ тебя.
Воспоминанье свѣтлыми лучами
Живетъ-ли у тебя въ душѣ, какъ у меня?
Ты улыбаешься... Дай руку мнѣ, пойдемъ!..
Весна встрѣчаетъ насъ улыбкою живою...
Легла на путь намъ тѣнь, и въ воздухѣ ночномъ
Такъ много теплоты... А тамъ, за той горою,
Прохладный лѣсъ, и въ немъ, у ногъ большихъ дубовъ,
Ковры роскошные густыхъ, зеленыхъ мховъ.

———

III.

Могила розѣ говоритъ:
«Изъ слезъ, которыми кропитъ
Тебя небесная заря,
Что̀ ты творишь, царица дня?»

Могилѣ роза говоритъ:
—А что̀, скажи, твой мракъ творитъ
Изъ душъ, которыя бѣгутъ
Въ гостепріимный твой пріютъ?

—Могила мрачная! Изъ нихъ—
Цвѣтокъ въ отвѣтъ:—изъ слезъ златыхъ,
Среди полуночныхъ прохладъ,
Творю я сладкій ароматъ.

«Вотъ, роза, нѣжный, добрый цвѣтъ,—
Могила шепчетъ:—мой отвѣтъ:
Изъ душъ, сошедшихъ въ глубь мою,
Я небу ангеловъ даю».

IV.

Какъ въ водахъ глубокихъ, уснувшихъ подъ сѣнью деревьевъ,
Часто въ душѣ у людей видимъ мы двѣ стороны:
Небо,—которое въ чуть-журчащія волны глядится
Всѣми стрѣла̀ми лучей, каждою тучкой своей...
И ужасное дно,—безсвѣтное, мутное ложе,
Гдѣ въ заснувшей зыби черные гады живутъ.

V.

ВАКХАНКА.

Подъ свѣжимъ пологомъ зеленаго платана,
Гдѣ слышится вблизи жемчужный звонъ фонтана,
Гдѣ сочная трава росою смочена,—
Но кожѣ тигровой покоится она...
Изъ виноградныхъ лозъ на ней вѣнокъ широкой,
Одежда сброшена съ груди ея высокой...
Румянцемъ нѣги Вакхъ ланиты ей покрылъ,
И чудныя красы ея воспламенилъ.

Глаза ея полны слезою упоенья,
И персей рѣзкое прерывисто движенье...
. . . .
. . . .
Шуми, шуми, струя холоднаго фонтана!
Покрой все тайною, широкій кровъ платана!

VI.

ПАЖЪ.

«Чтò ты блѣденъ, пажъ-ребенокъ,
Пажъ-красавецъ мой!
Въ пѣсняхъ голосъ твой не звонокъ...
Взоръ блеститъ слезой.

Веселъ, шуменъ—какъ бывало—
Свѣтлый зàмокъ нашъ...
Чтò жъ тебѣ въ немъ скучно стало,
Мой прекрасный пажъ?

Не изъ свиты-ль многолюдной
Оскорбилъ тебя
Гордый рыцарь?.. Съ безразсуднымъ
Разсчитаюсь я.

Иль усталъ ты шлейфъ мой длинный
На рукѣ носить!..
Разскажи, мой пажъ невинный,
Чтò тебя крушитъ?»

—Мнѣ-ль устать служить прекрасной
Госпожѣ моей!..
Я порой встрѣчаю ясный
Взоръ твоихъ очей.

Въ твоемъ зàмкѣ кто посмѣетъ
Оскорбить меня?..
Но лицо мое блѣднѣетъ,
Нѣтъ въ глазахъ огня!

Нѣтъ! Гоститъ здѣсь рыцарь блѣдный
Въ золотыхъ кудряхъ...

На цѣпи онъ носитъ мѣдный
Мечъ въ большихъ ножнахъ.

Если ты ему порою
Шлешь привѣтъ живой,
Ноетъ сердце молодое...
И я самъ не свой.

Если руку онъ цѣлуетъ
Госпожи моей,
Вдругъ щека моя блѣднѣетъ—
Словно снѣгъ полей.

Если ваши разговоры
Слышу бѣдный я—
У меня, туманя взоры,
Слезъ бѣжитъ струя!

УВАЖЕНІЕ
КЪ
ЖЕНЩИНАМЪ

УВАЖЕНІЕ КЪ ЖЕНЩИНАМЪ.

Вся исторія человѣчества есть не что иное, какъ постоянный, болѣе или менѣе рѣзкій разладъ между идеалами, которые оно составляло и возводило въ законъ жизни, и самою практикою жизни. Да и могло-ли не быть разлада, когда идеалы строились не на результатахъ научнаго опыта и знанія природы, а на фантазіяхъ возбужденной, но младенчески безсильной и блуждающей мысли. Фантазіи эти замѣняли науку, да еще и замѣняютъ ее для массъ. Конечно, вначалѣ онѣ были все-таки шагомъ впередъ изъ первобытнаго варварства; но потомъ стали только помѣхой развитію науки. Успѣхи естествознанія были надолго пріостановлены фантастическимъ и мистическимъ настроеніемъ мысли въ средніе вѣка. Собственно говоря, только въ послѣднія сто лѣтъ шаги науки о природѣ стали тверды и вѣрны. Ея неуклонное и быстрое движеніе составляетъ лучшую характеристическую сторону нашего времени. Съ каждымъ шагомъ наука все болѣе просвѣтляетъ «царство безпорядочной таинственности, подлежащее владычеству невѣжества». Ея свѣту и строю долженъ будетъ со временемъ покориться безобразный хаосъ понятій массы. Фантастическое міросозерцаніе должно смѣниться научнымъ. Тогда и требованія наши отъ жизни будутъ согласнѣе съ тѣмъ, что жизнь можетъ дать, и мы перестанемъ плакаться, что осуждены превозноситься въ идеѣ выше звѣздъ небесныхъ, а на практикѣ подчасъ становиться ниже гориллы, родство съ которымъ намъ такъ обидно. Исчезнетъ тогда и лицемѣріе, порожденное противорѣчіемъ между нашими противоестественными идеалами и основными законами человѣческой природы и жизни.

Конечно, до всего этого очень далеко. Господствующій взглядъ на міръ установилъ и всѣ человѣческія отношенія такъ, что наука долго будетъ достояніемъ лишь малаго меньшинства. Между мыслью и знаніемъ передового ученаго нашего времени и понятіями всей массы общества, изъ котораго онъ вышелъ, лежатъ тысячелѣтнія бездны. Преданія и рутина все еще замѣняютъ тутъ мысль; фантастическія и суевѣрныя представленія все еще играютъ роль научныхъ выводовъ. Разумъ не вступилъ во всѣ свои права. Мозгъ, притупленный вѣковымъ бездѣйствіемъ и принятыми на вѣру фантазіями, не легко воспринимаетъ и самые очевидные его доводы. То, что на ходячемъ языкѣ называется образованіемъ, большею частью только громкое слово. Имъ лицемѣрно прикрывается то же упорное въ своихъ традиціонныхъ понятіяхъ невѣжество. И сколькимъ еще поколѣніямъ будетъ внушаться за истину то, что давно утратило даже тѣнь ея въ глазахъ настоящаго знанія! Отъ сколькихъ поколѣній будетъ заслоняться свѣтъ будущаго, и выставляться имъ за законъ жизни отжившая старина!

Одно изъ тѣхъ лицемѣрныхъ словъ, которыми стараются защитить неурядицу существующихъ общественныхъ отношеній, не умѣя или боясь обратиться къ ней критически, выставлено въ заглавіи этой статьи. Но время заклинаній и заговоровъ проходитъ, и такого рода магическія формулы перестаютъ отгонять злого духа скептицизма. Онѣ не отводятъ ему и глазъ. Отъ него не укрывается сущность понятія, какимъ бы хвастливымъ словомъ ни было оно прикрыто. Наружность его не обманетъ. Онъ сумѣетъ подъ гордою прогрессивною внѣшностью разглядѣть раболѣпное пристрастіе къ тому дряхлому зданію фантазіи, которое шатается во всѣхъ своихъ основахъ отъ прикосновенія къ нему здравой и свободной мысли.

Объ «уваженіи къ женщинамъ» никогда столько не говорили, какъ теперь, хотя разговоръ этотъ идетъ по крайней мѣрѣ со временъ законовъ Ману. Эти законы впрочемъ только предписывали «уважать женщинъ» (въ родѣ того, какъ ямщикъ въ извѣстномъ стихотвореніи «уважалъ, тоись вотъ какъ, съ охотой» свою жену). Теперь этимъ уваженіемъ хвалятся, какъ осуществленнымъ идеаломъ.

Никто не хвалится имъ такъ много, какъ нѣмцы. Это

для нихъ предметъ великой гордости. «Уваженіе къ женщинамъ есть основная черта нѣмецкаго національнаго характера». Такъ значится даже во всѣхъ учебникахъ исторіи, какъ спеціально-нѣмецкой, такъ и всеобщей. Эту истину провозглашаютъ всѣ нѣмецкіе писатели, ученые и не ученые. О ней поютъ въ унисонъ всѣ нѣмецкіе поэты, крупные и мелкіе. И какъ въ самомъ дѣлѣ не хвалиться своимъ уваженіемъ къ женщинамъ! Вѣдь еще Тацитъ говорилъ о немъ. Притомъ и Шиллеръ пѣлъ: «Ehret die Frauen!». И Гете закончилъ своего *Фауста* словами:

Das Ewig-Weibliche
Zieht uns hinan.

Но говорятъ, будто люди обыкновенно болѣе всего хвастаются тѣми качествами, которыми обладаютъ въ наименьшей степени. «Съ тѣхъ поръ, какъ міръ стоитъ», замѣчаетъ Бюхнеръ, «опытъ показываетъ, что у тѣхъ, у кого больше всего на языкѣ нравственность, меньше всего ея въ сердцѣ, и что добродѣтель живетъ не тамъ, гдѣ сіяютъ ея вывѣски».

Чуть не дюжина томовъ, недавно изданныхъ въ Германіи о положеніи нѣмецкихъ женщинъ, представляетъ очень удобный случай провѣрить на фактахъ это такъ громко возглашаемое уваженіе. Авторы, конечно, поминаютъ о немъ черезъ каждыя пять страницъ на шестой. Входить въ подробный разборъ ихъ мнѣній я не намѣренъ, а хочу только пересказать по нимъ исторію положенія женщины и вообще женской жизни въ Германіи. Названныя книги довольно обильны фактами. Такой разсказъ всего лучше покажетъ, что за смыслъ заключается въ словахъ «уваженіе къ женщинѣ»,—словахъ, которыя повторяются въ томъ же смыслѣ не одними нѣмцами.

I.

Разсказы древнихъ о первой встрѣчѣ ихъ лицомъ къ лицу съ германскими племенами похожи на отрывки изъ богатырскаго эпоса. Все въ этихъ сѣверныхъ пришлецахъ мрачно, дико-величаво и грозно. Это какъ будто фигуры изъ *Эдды*. Онѣ какъ разъ подстать тѣмъ образамъ, которые составляла фантазія на солнечныхъ

берегахъ юга о дальнемъ сѣверѣ. Эти тевтоны и кимвры, въ звѣриныхъ кожахъ, съ громадными щитами, непремѣнно сродни той страшной странѣ, гдѣ нѣтъ ни суши, ни моря, ни воздуха, а есть какой-то хаосъ или кисель, смѣшеніе всѣхъ стихій. Не слѣпая-ли и это стихія движется? Отъ «кимвро-тевтонскаго ужаса» у римлянъ какъ будто замутилось въ глазахъ. Нѣсколько вѣковъ спустя, перепуганный Римъ видѣлъ у гунновъ Аттилы такія длинныя руки, что они могли поднимать съ земли камни, не нагибаясь. И теперь, въ этомъ передовомъ прибоѣ будущаго варварскаго потопа, ему мерещилось племя сказочныхъ великановъ. Эти новые циклопы отламываютъ скалы, сбрасываютъ ихъ въ рѣку и переходятъ по нимъ, какъ по мосту. Плѣнный кимвръ, прикованный къ побѣдной колесницѣ Кая Марія, головой выше всѣхъ трофеевъ тріумфа. Онъ перескакиваетъ безъ трамплина черезъ шесть лошадей.

Каковы мужчины, таковы и женщины. Онѣ не остались дома со своими прялками. Да и сомнительно, умѣютъ-ли онѣ прясть хорошенько. За то несомнѣнно, что онѣ умѣютъ переносить всѣ тягости походовъ. Когда мужчины кидаются съ оглушительнымъ крикомъ и ревомъ на врага, женщины подзадориваютъ ихъ не менѣе оглушительнымъ стукомъ въ кожаные верхи своихъ походныхъ повозокъ. При случаѣ онѣ умѣютъ и драться, какъ тигрицы. Отъ вида крови никому не сдѣлается дурно. Онѣ рѣжутъ плѣнныхъ, какъ куръ. Для этого въ лагерѣ, укрѣпленномъ ихъ подвижными домами - повозками, есть и большой мѣдный котелъ. На встрѣчу плѣнному выходятъ сѣдыя старухи, босыя, въ бѣлыхъ рубахахъ, перетянутыхъ мѣднымъ поясомъ. Онѣ надѣваютъ вѣнокъ на плѣнника и ведутъ его къ котлу. Въ рукахъ у нихъ мечи. Это жрицы какого-то кровожаднаго бога. Одна всходитъ на ступеньку у котла; другія поднимаютъ плѣнника надъ его окраиной. Кровь изъ перерѣзаннаго горла течетъ въ котелъ и вѣщія старухи пророчествуютъ надъ ней. Онѣ не пожалѣютъ и своихъ трусовъ. Отступающіе бѣглецы, не умѣвшіе честно пасть на полѣ битвы, идутъ въ свой станъ на казнь. Женщины въ черномъ стоятъ, какъ на эшафотахъ, на своихъ повозкахъ; отъ ножа ихъ нѣтъ никому пощады. Жены казнятъ мужей, сестры братьевъ, дочери отцовъ, матери сыновей. Но

побѣдители уже тѣснятся къ стану; своихъ бѣжитъ все больше. Женщины хватаются за топоры, за мечи, и съ неистовымъ воемъ и визгомъ кидаются изъ лагеря. Надо заставить своихъ трусовъ опять обернуться лицомъ къ непріятелю; надо гнать римскихъ солдатъ назадъ. Бей безъ разбору и тѣхъ и другихъ! Потерявъ оружіе, онѣ хватаются за непріятельскіе щиты, за клинки римскихъ мечей, и падаютъ израненныя, изрубленныя въ куски. Въ станѣ все, что ни попадется подъ руку, все годно имъ для обороны. Умереть легче, чѣмъ сдаться; цѣнна только свободная жизнь. И женщины на глазахъ побѣдителей душатъ своихъ дѣтей, объ землю раздробляютъ имъ головы, кидаютъ ихъ подъ копыта лошадей, подъ колеса повозокъ, въ лицо непріятелямъ. Потомъ и себѣ очередь: нѣтъ топора, ножа, веревки,—за то есть длинные волосы, и ими можно перетянуть себѣ горло. Вонъ женскій трупъ качается на дышлѣ повозки; на ногахъ матери висятъ удавленныя дѣти.—Тевтонки, захваченныя въ плѣнъ Маріемъ, молили пощадить ихъ женскій стыдъ; онѣ просились хранить священное пламя дѣвственной Весты: онѣ неприкосновенно сохранятъ и въ себѣ священный огонь дѣвственныхъ помысловъ. Но если эти великаны, скачущіе черезъ шесть лошадей, очень годятся въ гладіаторы для цирка,—эти женщины вовсе не дурны для лупанаровъ міродержавнаго города. Плѣнныхъ и безъ того мало; что жъ это будетъ за побѣда? Глаза солдатъ разгораются на бѣлокурыхъ дикарокъ. Но косы у нихъ не обрѣзаны,—и онѣ всѣ удавились въ ту же ночь.

Что тутъ правда, что преувеличеніе, кто теперь разберетъ? Полвѣка спустя, Цезарь посмотрѣлъ на германскія племена болѣе трезвымъ взглядомъ умнаго и наблюдательнаго реалиста. Перейдя со своими легіонами изъ Галліи черезъ Рейнъ въ германскія дубровы, онъ увидалъ не великановъ, а просто людей статнаго роста, съ крѣпкими мускулами. Но его легіоны трусили при одной мысли, что имъ придется выносить въ битвѣ «огонь германскихъ глазъ». Что же зажгло этотъ страшный огонь? Цезарь не могъ не сравнивать быта, который видѣлъ, съ римскими нравами. Вотъ почему онъ хвалитъ въ своихъ *комментаріяхъ* суровое воспитаніе германской молодежи, ея воздержность. Юноши цѣломудренны до двадцати лѣтъ. Узнать раньше сладость женскихъ объятій счи-

тается позоромъ. А утаиться нельзя: мужчины и женщины купаются въ рѣкахъ вмѣстѣ; ихъ одежда, все тѣ же звѣриныя кожи, едва прикрываетъ наготу.

Сравненіе съ римскими нравами затрогивало еще глубже мысль Тацита, когда онъ писалъ свою *Германію*, почти черезъ полтора вѣка послѣ зарейнскихъ походовъ Цезаря. Урокъ развратной утонченности, нравственному одряхлѣнію Рима слышится изъ каждой фразы. Для насъ мало привлекательнаго въ идиллической картинѣ, нарисованной имъ такими полными и смѣлыми чертами; но надо взглянуть на нее послѣ его же картинъ римской современности. Да, изъ Германіи еще не отлетала Астрея.

Римскія дамы, заставлявшія сердитаго Ювенала вздыхать по той цѣломудренной порѣ, когда у Юпитера не прорѣзывались еще усы, воспользовались новооткрытымъ германскимъ міромъ только съ туалетными цѣлями. Имъ захотѣлось такихъ же свѣтлыхъ волосъ, и онѣ стали перекрашивать свои черныя косы въ рыжеваторусую масть, стали наперерывъ выписывать волосы изъ Германіи и строить изъ нихъ себѣ парики. Тацитъ указывалъ, и конечно понапрасну, иныя черты въ германкахъ, достойныя подражанія. Прежде всего, разумѣется, скромность, цѣломудріе. Соблазнять, поддаваться соблазну онѣ не называютъ—слѣдовать духу вѣка. Простота ихъ одежды такова, что онѣ не многимъ отличаются отъ мужчинъ. Сорочки безъ рукавовъ, накидки изъ кожи—вотъ и все; а подчасъ, у домашняго очага, и совершенная нагота. Что̀ сказала-бы римская сенаторша Ювенала [1]), глядя на этихъ голыхъ германцевъ съ могучими членами, съ красивыми лицами, сидящихъ у огня? Вѣдь она бѣжала же на край свѣта съ безобразнымъ варваромъ гладіаторомъ, плѣнившись въ циркѣ его желѣзными мускулами. А здѣсь царитъ чистота, достойная эдемскихъ кущей. Тацитъ вполнѣ подтверждаетъ похвальные отзывы Цезаря. Молодежь поздно узнаетъ наслажденія любви. Дѣвушки тоже не торопятся любить. Оттого онѣ такъ хороши, такъ свѣжи, и немногимъ уступаютъ въ статномъ и высокомъ ростѣ юношамъ. Женское цѣломудріе цѣнится дорого. Утратить его до брака—значитъ, ужъ

---

[1]) Сатира IV.

не найти себѣ мужа. Тутъ не помогутъ ни красота, ни богатство. Бракъ заключается въ присутствіи родителей и кровныхъ. Приданое приноситъ не жена мужу, а, наоборотъ, мужъ женѣ. И это не какія-нибудь побрякушки-наряды, а пара воловъ, или лошадь въ полной сбруѣ щитъ, мечъ и копье. «Для того», поясняетъ Тацитъ, «чтобы жена не считала себя чуждою доблестнымъ помысламъ и всѣмъ случайностямъ войны, самые брачные обряды напоминаютъ ей, что она должна быть сопутницей мужу въ его трудахъ и опасностяхъ, что она обязана въ мирѣ и въ войнѣ все переносить, все предпринимать съ нимъ за одно. Это знаменуютъ и спрягъ воловъ, и снаряженный конь, и поднесенное ей оружіе». И женщины не боятся этихъ обязанностей. Онѣ безстрашно осматриваютъ и считаютъ раны своихъ мужей и сыновей. Онѣ носятъ имъ пищу на самое поле битвы и подстрекаютъ ихъ отвагу. «Случалось, говорятъ, что колеблющіеся и уже разстроенные ряды воиновъ смыкались снова по настойчивымъ просьбамъ женъ, которыя заграждали имъ дорогу назадъ и указывали на близкую возможность плѣна, всего болѣе страшнаго германцамъ изъ-за нихъ». Этого уже достаточно для патріотическаго чувства нѣмца, чтобы видѣть въ описанной Тацитомъ порѣ германскихъ женщинъ не рабами, а подругами своихъ мужей. И еще тотъ же Тацитъ прибавилъ: «Народы Германіи думаютъ, что въ женщинахъ есть нѣчто святое и вѣщее; потому они не пренебрегаютъ ихъ мнѣніемъ и слушаютъ ихъ совѣтовъ». Передъ одною изъ стычекъ съ Юліемъ Цезаремъ такія вѣщія женщины запретили германцамъ вступать въ бой до новолунія. На Нижнемъ Рейнѣ, у племени бруктеровъ, очень славилась нѣкая Веледа. Эта дѣвственная жрица жила одиноко, недоступно, въ высокой башнѣ, и оттуда провозглашала свои вѣщанія. Голосъ ея рѣшалъ спорные вопросы въ дѣлахъ войны и мира; чрезъ ея посредство заключались союзы; къ ея ногамъ приносили добычу и трофеи побѣдъ. Были еще и другія. Но это исключенія. Любопытнѣе посмотрѣть, какъ жилось женщинамъ, не обладавшимъ даромъ прорицанія.

Если нѣтъ войны, мужчины проводятъ время на охотѣ, а больше въ праздности, во снѣ и въ ѣдѣ. Любятъ они и пировать. Провести день и ночь за попойкой не вмѣняется въ стыдъ. Вести же домъ, хозяйство—предоставляется

женщинамъ. Онѣ должны и няньчиться съ дѣтьми, и ходить за стадами, и работать въ полѣ. Раздѣленіе труда между мужемъ и женой не совсѣмъ-то равномѣрно. Во время мира «храбрѣйшіе и воинственнѣйшіе» изъ мужчинъ не дѣлаютъ ужъ ровно ничего. Развѣ играютъ въ кости. А страсть къ игрѣ у нихъ велика. Они часто проигрываютъ не только все имущество, но и свою свободу и себя, и идутъ въ рабство. Проигрываютъ-ли сначала женъ, объ этомъ не говорится. Женъ держатъ они въ страхѣ. У каждаго не болѣе одной жены, кромѣ нѣсколькихъ знатныхъ людей, которые берутъ по двѣ и больше, для пущей важности. Бракъ проченъ, и невѣрности женъ (о мужьяхъ нѣтъ рѣчи) очень рѣдки. Если же жена позволила себѣ сдѣлать невѣрность, мужъ приглашаетъ родню, и въ присутствіи ея стрижетъ виновницѣ косу, какъ это дѣлали еще такъ недавно наши помѣщики и помѣщицы со своими горничными. Потомъ остриженную и голую выталкиваетъ онъ ее изъ дому и гоняетъ плетью по всей деревнѣ. Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ вдовы послѣ одного мужа не могутъ уже выходить во второй разъ замужъ.

Тацитъ не говоритъ объ обычаѣ, чтобы жена слѣдовала за умершимъ мужемъ и въ могилу. По поводу германскихъ похоронъ онъ упоминаетъ только, что съ покойникомъ сожигалось его оружіе, а иногда и его боевой конь. Но германское язычество не было чуждо этого варварства. Богиню Нанну сожгли съ убитымъ богомъ Бальдуромъ, ея супругомъ. Валькирія Брунгильда закалываетъ сама себя, чтобы ее положили на костеръ съ любимымъ ею Сигурдомъ. У геруловъ жены, говорятъ, вѣшались на могилахъ мужей. Еще въ концѣ X-го вѣка христіанской эры, послѣдній боецъ скандинавскаго Сѣвера за религію Одина, Гаконъ Ярлъ, сватался подъ старость за молодую дѣвушку. Она отказалась выйти за него потому, что ее страшила необходимость разстаться такъ скоро со своею юною, свѣжею жизнью. Старый мужъ не могъ прожить долго и ей пришлось-бы слѣдовать за нимъ на костеръ. Это было *обязанностью и славой* жены, какъ поетъ хоръ браминовъ въ извѣстной балладѣ Гете. Тотъ же хоръ называетъ мужа *тѣломъ*, а жену только *тѣнью* этого тѣла. Таковъ именно былъ взглядъ на женщину, естественнымъ послѣдствіемъ котораго были индійское *сатти* и германское самосожигательство вдовъ.

II.

«Свобода есть германское достоянiе», говорилъ римскiй поэтъ Луканъ. Онъ, конечно, понималъ подъ свободой нѣчто иное, чѣмъ мы. Во время наплыва варваровъ на области римской имперiи, въ перiодъ такъ называемаго переселенiя народовъ, основы быта германскихъ племенъ были тѣ же, на какихъ выросъ и Римъ. То же рабство, то же деспотическое устройство семьи. Законы побѣжденныхъ отвѣчали взгляду побѣдителей, и они взяли ихъ почти цѣликомъ. Новаго, своего они внесли въ нихъ мало; а въ законахъ о семьѣ нѣтъ почти ничего, что было-бы характеристично-германское. Оно и подстать латыни, на которой они написаны.

Во главѣ угла—родовое, кровное и семейное начало, а съ нимъ, конечно, и общественное неравенство. Отецъ семьи тотъ же самодержавный римскiй pater-familias; члены семьи та же римская gens, наравнѣ съ рабами. Это не лица, а вещи передъ правами домовлыдыки. Обязанность повиновенiя исключаетъ въ нихъ самую волю. У нихъ нѣтъ голоса и дома; тѣмъ паче въ народномъ собранiи, въ судѣ. Но поклонники германской древности хотятъ и въ этихъ законахъ найти уваженiе къ женщинѣ. Гдѣ же оно?

По германскому уголовному праву всякiй свободный человѣкъ могъ покрыть свое преступленiе (будь оно даже убiйство) пеней семейству того, кто отъ него пострадалъ. Всякiй вредъ, нанесенный женщинѣ, покрывался гораздо большею пеней, чѣмъ такой же вредъ, нанесенный мужчинѣ. Такъ, по аллеманскому праву и по баварскому пеня за женщину платилась вдвое противъ мужской. По саксонскому—тоже во время способности женщины къ дѣторожденiю. У вестготовъ пеня за женщину во весь перiодъ женской производительности была выше мужской. У франковъ она увеличивалась въ этотъ перiодъ противу мужской втрое. За убiйство женщины полагалась у нихъ пеня въ шестьсотъ солидовъ, или коровъ. (Цѣна коровы равнялась цѣнности солида). Если убитая беременна, пеня увеличивалась еще ста солидами. Законы салическихъ франковъ охраняли и женскую стыдливость. Кто непочтительно гладитъ замужнюю женщину или дѣвицу по рукѣ противъ ея воли, платится пятнадцатью

солидами. Кто позволитъ себѣ гладить ее по верхней части руки выше локтя, долженъ заплатить тридцать пять солидовъ. Кто пощупаетъ ей грудь—сорокъ пять солидовъ или коровъ.—Развѣ все это не благоговѣніе къ женскому aliquid sanctum?

А развѣ въ Аѳинахъ, а потомъ и въ Римѣ законъ не наказывалъ за убійство *чужого раба*, какъ за убійство *свободнаго* человѣка (*своего* можно было убить безнаказанно)? Развѣ не были оцѣнены каждый синякъ, каждая царапина на тѣлѣ чужого раба? Или и тутъ уваженіе къ человѣческому достоинству въ рабѣ? Германскіе законы о женщинахъ—тѣ же законы о собственности, которая вся была въ рукахъ мужчины. Женщина принадлежала только къ разряду собственности довольно цѣнной.—Правда, къ безграничнымъ правамъ домовладыки прибавлялись и обязанности,—и прежде всего обязанность защиты, покровительства всѣхъ подвластныхъ. Но какъ же было отцу и мужу, распоряжаясь дочерьми и женой какъ собственностью, и не беречь ихъ какъ собственность?

Новорожденное дитя долженъ былъ признать отецъ, какъ это велось въ Римѣ. Дитя оставалось лежащимъ на полу («nudus humi jacet», говорится у Лукреція), пока отецъ не поднималъ его. Это и было знакомъ признанія. Только тутъ давали ребенку имя, окропивъ его водой. Непризнаніе равнялось обреченію на смерть. Ребенка тогда подкидывали, или лучше сказать—просто выкидывали изъ дому. Во времена, когда выше всего цѣнится тѣлесная крѣпость и сила, понятно обреченіе на смерть дѣтей слабыхъ и калѣкъ. Но вмѣстѣ съ этимъ отецъ могъ отказаться отъ ребенка, если подозрѣвалъ въ невѣрности жену, или просто находилъ невыгоднымъ приращеніе семьи. Власть его была безотчетна. Захотѣлъ—убилъ. И, конечно, доля непризнанія выпадала чаще дѣвочкамъ, чѣмъ мальчикамъ. Вѣдь называютъ же бретанскіе крестьяне и нынче новорожденныхъ дочерей—выкидышами.

И признанныя дѣти были вполнѣ беззащитны отъ произвола отца. Даже сыновья до совершеннолѣтія были полною его собственностью. Онъ могъ продавать ихъ, какъ жеребятъ. И право это вовсе не было въ пренебреженіи. Для дочери совершеннолѣтія не было. Отъ возможности быть проданною родителемъ она избавлялась, только выйдя замужъ. А что было и замужство, какъ не про-

дажа? Во все продолженіе среднихъ вѣковъ, вмѣсто слова *жениться*, говорилось: *купить жену*. Даже въ концѣ XIV вѣка *Лимбургская хроника* выражается еще такъ.— Вотъ откуда и пени за оскорбленіе женской стыдливости. Товаръ могъ потерять цѣну.

Похищеніе дѣвушки наказывалось тоже очень строго. (Въ Римѣ украсть раба, или даже просто помочь ему убѣжать, считалось въ числѣ самыхъ важныхъ преступленій). А похищенія должны были случаться нерѣдко. Особенно строгъ вестготскій законъ по этому поводу. Если женщина убѣжитъ отъ похитителя прежде, чѣмъ онъ учинитъ надъ нею насиліе, онъ платится только половиною своего состоянія. Если же наоборотъ—онъ передаетъ женщинѣ (то-есть отцу ея) все свое имущество; ему даютъ публично двѣсти ударовъ, и онъ становится рабомъ женщины, которую укралъ (то есть все-таки отца ея). Если женщина объявитъ желаніе выйти за похитителя, оба повинны смерти. Отъ смерти можно было спастись въ церкви. Но бракъ ихъ все-таки не признавался, и они становились крѣпостными родителей похищенной.

Смерть отца семейства не освобождала ни жену, ни дочерей, ни сестеръ его, если такія были, отъ полновластнаго распоряженія мужчины ихъ судьбою. Женщина никогда не была sui juris. Опека переходила въ руки ближайшаго родственника покойника и почти съ тѣми же правами.—Выходя замужъ, женщина только мѣняла распорядителя.

Въ древнѣйшихъ остаткахъ германской народной поэзіи есть примѣры, что дѣвушки торжественно, въ полномъ народномъ собраніи объявляютъ, кого онѣ выбрали себѣ въ мужья, какъ царевны индійскаго эпоса. Но Leges barbarorum говорятъ иное. Согласіе дѣвушки или вдовы ничего не значило безъ согласія отца, брата, опекуна. Женихъ обращался къ нимъ и, сойдясь въ цѣнѣ, могъ не обращать вниманія на желаніе или нежеланіе невѣсты. Дѣло рѣшено, и ихъ обручали. Это была уже пустая формальность. За товаръ плата получена.—Обряды при сговорѣ бывали различные; но вообще онъ происходилъ публично, при сборѣ всѣхъ членовъ общины. Этимъ какъ будто снималось съ отца нареканіе, что бракъ заключается по одному его произволу, а не съ согласія дочери. Насилія повидимому не могло тутъ быть. Невѣ-

ста прямо, передъ всею общиной предъявила-бы свое нежеланіе. Вѣроятно, таковъ былъ первоначальный смыслъ обряда. Но вѣдь она попала-бы изъ огня въ полымя.

Такъ велось въ быту людей свободныхъ. Для лита и раба не было родительскаго произвола. Его замѣнялъ произволъ господскій, равно тяготѣвшій надъ обѣими сторонами. Браки тутъ (когда ихъ стали признавать) зависѣли вполнѣ отъ воли или отъ согласія господина. «Еже Богъ сочета, человѣкъ да не разлучаетъ». Церковь хотѣла примѣнить это правило ко всѣмъ, безъ различія состояній. Но вотъ какъ понимали его люди, власть имущіе. Одинъ франкскій эделингъ далъ священнику клятву передъ алтаремъ, что не разлучитъ чету своихъ крѣпостныхъ, и въ подтвержденіе велѣлъ—мужа и жену *вмѣстѣ* закопать живыхъ въ землю. Это называлось по тогдашнему—пошутить.—Произвольное распоряженіе браками подчиненныхъ во всѣ средніе вѣка можно встрѣтить и при дворахъ королей и князей. Они, нисколько не стѣсняясь, выбирали для своихъ приближенныхъ—разумѣется рыцарей и дворянъ—*приличныя* по ихъ мнѣнію *партіи*, и что рабомъ принималось скрѣпя сердце, съ затаеннымъ ожесточеніемъ, за то холопство съ сладкой улыбкой признательности прикладывалось къ ручкѣ.

Жизнь замужней женщины была не свѣтла. Битье и увѣченье женъ было не въ меньшемъ ходу, чѣмъ у насъ въ крестьянствѣ. «Извѣстно, ихъ надо бить, только не до смерти», говорилъ когда-то г-жѣ Севинье одинъ французскій крестьянинъ. Тогда всѣ такъ говорили. По мнѣнію Кримгильды въ *Пѣсни о Нибелунгахъ*, ея возлюбленный Зигфридъ былъ совершенно правъ, что избилъ ее *всю въ синяки* за нескромное слово.—Измѣну жены мужъ могъ наказать самъ, безъ всякаго вмѣшательства какой бы то ни было власти. Онъ господинъ—онъ и судья. (Жена говоритъ *господинъ* вмѣсто *мужъ* и донынѣ на югѣ Германіи). Онъ могъ убить жену совершенно безнаказанно. Это было его право.—Право продажи жены тоже переходило къ нему во всей своей силѣ отъ тестя. Во время Констанцскаго Собора, ужь въ первыхъ годахъ XV столѣтія, одинъ тамошній гражданинъ продалъ жену за триста червонцевъ и купилъ себѣ домъ. У англичанъ это считалось правомъ чуть не до нашихъ дней. По древнему саксонскому обычаю, они выводили женъ на рынокъ,

накинувъ имъ петлю на шею, и продавали, за сколько и кому угодно. И это случалось еще въ 1815, въ 1819 годахъ.

Выходомъ изъ этой ужасной подчиненности могъ-бы, кажется, быть разводъ. Онъ и точно существовалъ. Но вѣдь сила и власть были въ рукахъ мужа, и законы о разводѣ служили только ему и его прихоти. На каждомъ шагу видимъ мы въ среднихъ вѣкахъ ссылки женъ въ монастыри, по желанію и по капризу мужей. Такая легкость (для мужчины) отдѣлываться отъ брачныхъ узъ, при отсутствіи у женщины всякихъ правъ, была въ Римѣ поводомъ къ цѣлымъ женскимъ заговорамъ. Германскій законъ былъ повидимому справедливъ къ обѣимъ сторонамъ въ этомъ случаѣ; но онъ противорѣчилъ самой своей основѣ. Достаточнымъ поводомъ къ разводу онъ считалъ не только безплодіе жены, но и тѣлесное безсиліе мужа или отказъ его отъ супружескихъ сношеній съ женой. Нужно было принести жалобу, и недовольныхъ супруговъ разводили. При этомъ бывали разные обряды. Или жена возвращала мужу ключи отъ дома и домашняго хозяйства, или же давали разлучающимся по концу полотнянаго плата и разрѣзывали его между ними. На германскомъ сѣверѣ довольно было, чтобы мужъ объявилъ при свидѣтеляхъ, что отпускаетъ жену. У франковъ разведеннымъ женамъ давались особыя отпускныя грамоты отъ мужа, нѣчто въ родѣ желтыхъ билетовъ французскимъ каторжнымъ и нашимъ публичнымъ женщинамъ.

Дочь и сынъ не могли, конечно, быть равны, когда дѣло шло о наслѣдствѣ. Дочь получала половину или треть того, что доставалось сыну, а въ нѣкоторыхъ мѣстахъ и вовсе ничего не получала. Это, правда, относилось лишь къ родовому недвижимому имѣнію; другое имущество дѣлилось поровну. Но развѣ владѣніе всякимъ достояніемъ не было для женщины только номинальнымъ? Мужъ пользовался имъ и распоряжался, какъ своимъ. Изъ благопріобрѣтеннаго во время брака имущества мужа (по саксонскимъ законамъ и по законамъ франковъ рипуаріевъ) выдѣляли вдовѣ половину или треть. Но и вдова была не свободнѣе дѣвушки или замужней женщины въ распоряженіи своею собственностью.—Вообще женщина могла разсчитывать на наслѣдство родни только въ такомъ случаѣ, если выходила замужъ за человѣка

одной съ нею касты. Аристократка, вышедшая за лита, лишалась всякихъ правъ на наслѣдство. Дѣти тоже не оставались безнаказанными за вину матери: и имъ нечего было ждать наслѣдства отъ ея родныхъ. Впрочемъ, надо прибавить, что и свободный мужчина, унизясь до брака съ рабою, не могъ передать наслѣдства дѣтямъ, прижитымъ съ нею.

Да и это еще хорошо. А то были законы построже для такихъ mèsalliances. По бургундскимъ и лонгобардскимъ законамъ, женщину и раба, за котораго она вышла, постигала смертная казнь. По франкскимъ законамъ, свободный человѣкъ, женившійся на рабѣ—самъ рабъ; свободная женщина, вышедшая за раба—сама раба. Она могла избавиться отъ такой доли и остаться свободной, только убивши мужа. Ей предлагали на выборъ прялку и мечъ. Выбрать прялку — значило идти въ рабство; выбрать мечъ—значило согласиться на убійство мужа.

Степени родства при заключеніи браковъ наблюдались еще и въ язычествѣ. Но родство имѣлось въ виду только ближайшее, кровное: дѣти и родители, братья и сестры. Уже христіанская церковь включила въ это ограниченіе и свойственниковъ, и такъ называемую духовную родню—кумовьевъ, кумъ. Но предписанія церкви долго наблюдались плохо. У франковъ Клотаръ, сынъ Хлодвига, преспокойно женится на вдовѣ своего брата и беретъ за себя въ то же время ея родную сестру. Церковныя правила пригодны, развѣ чтобы вывернуться иногда изъ неловкаго положенія. Наложница Хильперика, ревнуя его къ женѣ, уговариваетъ королеву принять самой отъ купели дитя, родившееся у ней въ отсутствіе мужа. Королева становится кумою своему мужу. По закону церкви, имъ уже нельзя жить вмѣстѣ. А это и нужно наложницѣ. Король тоже не прочь разстаться съ женой и сослать ее въ монастырь. И законъ исполняется.

Вѣроятно, въ язычествѣ у германскихъ племенъ существовало и религіозное освященіе брака. На скандинавскомъ сѣверѣ прикасались къ невѣстѣ священнымъ молотомъ Тора. У германцевъ были и богини и боги, покровители брака. Вообще же довольно было жениху и невѣстѣ лечь на *одну* постель, подъ *одно* покрывало. Мѣнялись также рубашками.—Церковное вѣнчанье вошло въ силу только въ концѣ среднихъ вѣковъ. До тѣхъ поръ оно

вовсе не считалось необходимостью. А церковь еще со временъ Карла Великаго требовала, чтобы бракъ былъ непремѣнно признанъ ею и не совершался безъ священническаго благословенія. До первой брачной ночи или послѣ—это все равно. И въ XVI столѣтіи были еще примѣры, что benedictio sacerdotis слѣдовало только за первою ночью.

Казня смертью невѣрность жены, мужъ могъ не стѣсняться въ своихъ любовныхъ сношеніяхъ. Наложничество при бракѣ было очень обыкновенно, особенно между знатью. Знакомство съ римскими нравами, неограниченная власть, данная мужу, общая грубость—все этому помогало. Къ тому же вѣдь существовали рабство и крѣпостная кабала. Невольница ничѣмъ не была защищена отъ прихоти и насилія господина.—И въ періодъ переселенія народовъ, и во весь карлингскій періодъ наложничество встрѣчается на каждомъ шагу. Теодорихъ и Аларихъ жили съ наложницами. Дворъ франкскихъ королей кипѣлъ ими, и при Меровингахъ интриги ихъ ворочали дѣлами. Наложницы были и у Карла Великаго, и у Людовика Благочестиваго. Старанія церкви положить этому конецъ оказывались безплодными. На Майнцскомъ синодѣ 851 года постановили, что жить законно съ *одною* только женщиной. Церковь дѣлала уступку нравамъ. Пусть эта женщина будетъ хоть простая наложница, а не жена въ церковномъ смыслѣ,—только - бы *одна*. За наложничество при бракѣ синодъ этотъ назначалъ церковныя наказанія. Но предписаній и не думали исполнять. Не только наложничество продолжало существовать, но и формальное многоженство въ высшихъ сферахъ. Имъ еще вовсе не страшны были угрозы духовенства. Да и оно не всегда грозилось. Франкскіе короли брали по двѣ жены и по три,—и духовенство помалчивало. Оно и понятно. У многихъ изъ его собственныхъ членовъ дома походили на гаремы. Въ половинѣ VIII вѣка святой Бонифацій писалъ къ папѣ, что франкскіе дьяконы держатъ по четыре наложницы и даже больше.

Положить конецъ многоженству и наложничеству могли скорѣе трагическія столкновенія, безъ которыхъ они рѣдко обходились. При тогдашнихъ нравахъ нечего было ждать тутъ мира. Стоитъ припомнить хоть франкскіе дворы при Меровингахъ. Какихъ тутъ ужасовъ

нѣтъ! Удушенія, отравленія, потаенныя убійства, и всюду ревность, жадная корысть, зависть, кровная месть. Какъ ни ищи, не найдешь ровно ничего *вѣчно-женственнаго*, столь милаго нѣмцамъ.

III.

И здѣсь, и въ эти времена,—какъ было впрочемъ всегда и вездѣ,—женщина съ трудомъ примирялась со своимъ подчиненнымъ положеніемъ. Она не уставала возмущаться противъ тираніи, которая не допускала ее до общественной дѣятельности. Чего не давало признанное право, то старалась она взять косвеннымъ вліяніемъ, ловкостью, изворотливостью, хитростью, интригой. На низшихъ ступеняхъ общества, гдѣ все составляютъ заботы о насущномъ хлѣбѣ, трудъ раздѣляется равномѣрнѣе между мужчиной и женщиной. Тутъ легче удовлетвориться скромною и тяжелою долей. Но когда упроченное благосостояніе, богатство снимаетъ тяжесть насущныхъ заботъ, женщина постоянно стремится къ сферѣ болѣе широкой. Законы германцевъ не допускали женщинъ до управленія государствомъ. Но, такъ или иначе, онѣ умѣли очень рѣшительно вліять на государственныя дѣла. Онѣ умѣли даже устранять для себя законъ и дѣлаться правительницами за своихъ малолѣтнихъ сыновей и внуковъ. Такихъ правительницъ было не мало и въ періодъ переселенія народовъ, и онѣ были вообще ничѣмъ не хуже правителей мужчинъ. Такова, напримѣръ, дочь Теодориха, Амалазунта, правившая остготскимъ королевствомъ за своего сына, воспитанная въ римскомъ духѣ, хорошо знавшая по-гречески и цѣнившая образованность. Такова лонгобардская королева Теоделинда, большая ревнительница христіанства, съ которою дружески переписывался папа Григорій I.

Вообще женщины этого времени, да и еще долго, очень долго спустя, принимали болѣе всего къ сердцу дѣла церкви. Онѣ были рьяными миссіонерками христіанства. Этого нельзя однако-жъ приписывать исключительно ихъ религіозному чувству. Дѣятельность и въ дѣлахъ вѣры была все-таки дѣятельностью общественной, все-таки выводила женщину изъ тѣсной домашней сферы, и притомъ это была единственная общественная дѣятельность, дозволенная ей. Организуясь все сильнѣе и сильнѣе,

іерархія понимала отлично, какая опора была ей въ женскомъ участіи, и она рано начала всячески пользоваться имъ. Около женщинъ изъ царственныхъ и знатныхъ родовъ составлялись цѣлыя свиты епископовъ и поповъ разнаго разбора.

Нѣтъ спору конечно, что и безправность въ семьѣ, и наклонность къ мистицизму, воспитанная исключительностью домашней жизни, должны были тоже привлекать скорѣе всего женщинъ къ религіи смиренія, терпѣнія и загробной справедливости. Обиженное и утѣсняемое чувство находило здѣсь идеальное удовлетвореніе. Монастырь съ первыхъ же поръ сталъ для женщинъ (сначала въ особенности для знатныхъ дѣвицъ и вдовъ) прибѣжищемъ отъ несчастій семейной жизни, отъ безпомощности въ свѣтѣ, наконецъ вообще отъ буйнаго и дикаго хаоса тогдашняго общества, способнаго запугать кроткія и мягкія натуры.—Женщинъ не всегда влекло въ монастырь религіозное одушевленіе. Онѣ не всегда приносили туда рѣшеніе совершенно отказаться отъ міра. Сколько удалялось ихъ въ монастырскую тишь, чтобы только жить мирно и спокойно, не принимая монашескаго обѣта! Такъ жила въ монастырѣ загнанная родней бургундская принцесса Клотильда, и изъ монастыря вышла замужъ за франкскаго короля Хлодвига, котораго обратила въ христіанство.—Многія являлись въ монастырь кончить не богатую радостями жизнь, и тогда не останавливались уже передъ постриженіемъ. У иныхъ самыя несчастія развивали аскетическую религіозность, какъ, напримѣръ, у тюрингенской принцессы Радегунды, весь родъ которой былъ истребленъ сыновьями Хлодвига. Ее взялъ въ плѣнъ и потомъ за себя Клотаръ Суассонскій. Она его не любила, не могла забыть печальной судьбы всей своей родни, тосковала среди придворнаго шума и была словно чужая въ мужниномъ дворцѣ. Мужъ называлъ ее въ насмѣшку монахиней, и долженъ былъ подъ конецъ отпустить ее въ монастырь, гдѣ она дала волю и своей меланхоліи, и своимъ аскетическимъ порывамъ.

Папство исполняло долгъ благодарности, канонизируя всѣхъ этихъ миссіонерокъ новаго ученія. Римъ причислилъ къ лику святыхъ и Клотильду, обратившую Хлодвига, и правнучку ея Берту, побудившую креститься англосаксонскаго короля Этельберта Кентскаго, за котораго

она вышла замужъ, и Радегунду, и жену Хлодвига II Батильду, бывшую невольницу, привезенную изъ Англіи. Эта Батильда тоже правила одно время государствомъ за своихъ малолѣтнихъ сыновей и навлекла на себя неудовольствіе за свою щедрость къ духовенству, какъ это случалось впослѣдствіи со многими изъ царственныхъ покровительницъ римской церкви.—Съ VIII вѣка женщины въ Германіи все чаще и чаще являются ея усердными служительницами. Онѣ основываютъ монастырь, дѣлаютъ вклады, ведутъ иноческую или отшельническую жизнь и умираютъ большеіі частію въ благоуханіи святыни, какъ повѣствуютъ о нихъ безчисленныя легенды.

Кромѣ добровольныхъ отшельницъ, монастыри пополнялись невольными монахинями. Сколько женъ, опротивѣвшихъ или надоѣвшихъ мужьямъ, ссылались ими туда! сколько дѣвушекъ и вдовъ, которыхъ надо было отстранить отъ участія въ наслѣдствѣ или отъ вліянія на дѣла, считавшіяся не женскими!—Удаленіе отъ свѣта, уединеніе въ глухихъ стѣнахъ, подавленныя желанія, наконецъ, мистическое настроеніе, которому не было никакихъ преградъ, производили разныя болѣзненныя явленія въ женскихъ обителяхъ. Ясновидѣнія, галлюцинаціи, всякіе нервные припадки вскорѣ сдѣлались очень часты. Еще Григорій Турскій разсказываетъ о вѣщихъ видѣніяхъ нѣкоей Дисціолы въ томъ самомъ монастырѣ, гдѣ жила и умерла святая Радегунда.—Но, разумѣется, не всѣ приносили въ монастырь такое настроеніе.—Многія изъ попадашихъ туда волей или неволей смотрѣли на жизнь въ монастырѣ, какъ на освобожденіе отъ домашняго деспотизма, и старались пользоваться этой свободой по своему.

Напрасно стали-бы мы искать въ эту пору смягченія нравовъ отъ распространявшагося все болѣе и болѣе христіанства. Оно усвоивалось преимущественно своею формальною стороной. Оно не могло привить своей морали къ римскому обществу, да не обнаруживало еще вліянія и на нравы германскихъ варваровъ. Для короля Хлодвига, напримѣръ, новая вѣра была только сподручнымъ политическимъ орудіемъ. Послѣ крещенія онъ сталъ чуть-ли не кровожаднѣе прежняго. Да и жена его, подъ вліяніемъ которой онъ принялъ христіанство, была полна самой нехристіанской, неутолимой мстительностью. Она

постоянно разжигала завоевательную жадность мужа, а потомъ и сыновей, своею ненавистью къ бургундской роднѣ, отъ которой нѣкогда натерпѣлась горя.

IV.

Ко времени Карла Великаго христіанство было уже прочно организованною силой. Еще въ 743 году первый германскій синодъ подчинилъ германскую церковь папѣ. Этимъ папство было обязано Винфриду, котораго прозвало благодѣющимъ—Бонифаціемъ. Онъ неустанно хлопоталъ въ германскихъ земляхъ о пользахъ римской церкви и, какъ извѣстно, сложилъ голову на этой миссіи. Это былъ и фанатикъ, и ловкій дипломатъ. Онъ не хуже современнаго іезуита умѣлъ дѣйствовать черезъ женщинъ. Отъ него осталась большая переписка съ его пріятельницами, которыхъ онъ заочно обнимаетъ «златыми узами любви духовной» и цѣлуетъ «лобзаніемъ божественной и дѣвственной любви». Онѣ его снаряжали въ его миссіи, надѣляли деньгами, книгами, одеждой, церковной утварью. —вообще содѣйствовали ему усердно.—Впрочемъ, женщины въ самой Германіи, вѣроятно, были тогда мало развиты, и не могли сознательно помогать ему. Онъ пригласилъ нѣсколько духовныхъ подругъ своихъ изъ англійскихъ монастырей. Монашескіе обѣты исполнялись тамъ не всегда особенно строго. Еще первый историкъ англосаксонской церкви, Беда, жалуется, что уже въ VII вѣкѣ англійскія монахини употребляли свое искусство въ тканьѣ на то, чтобы снабжать красивымъ платьемъ любовниковъ. Но Винфридъ сдѣлалъ видно строгій выборъ. За шестью духовными сестрами его, переѣхавшими въ Германію, осталась хорошая слава. Всѣ онѣ стали тутъ основательницами женскихъ обителей и настоятельницами. Особенно одинъ изъ этихъ монастырей, Бишофсгеймъ на Таубэрѣ, заведенный *ученою* Ліобой, долго считался хорошимъ мѣстомъ для воспитанія дѣвочекъ. Въ міру имъ учиться было негдѣ. Въ ахенскомъ *капитуляріи* Карла 789 года говорится о заведеніи школъ только для мальчиковъ.

Черная ряса была тогда вообще одеждой очень уважаемой. Ее надѣвали на время, а иногда и на всю жизнь, и женщины, жившія въ міру. Онѣ обрекали себя этимъ на безбрачіе, на дѣла смиренія и христіанскаго мило-

сердія, и именовались *Божьими дѣвицами*, *покровенницами* (Verschleierte), *посвященницами*.—А между тѣмъ то, что говорилъ Беда объ английскихъ монахиняхъ, примѣнялось и къ обитательницамъ монастырей въ Германіи. Не даромъ свѣтская власть являлась на помощь монастырскому уставу. Въ *капитуляріяхъ* Карла Великаго видна большая забота о поведеніи монастырскихъ затворницъ. Женскіе монастыри строились часто рядомъ съ мужскими, и это вовсе не способствовало храненію должнаго цѣломудрія. (Около Люттиха былъ даже такой монастырь, гдѣ монахи и монахини жили вмѣстѣ). Карлъ запретилъ такое опасное сосѣдство. Его указы опредѣляютъ до мелочей и всѣ другія сношенія монахинь. Мужчинамъ запрещается посѣщать женскія обители. Священникъ даже, отправивъ тамъ богослуженіе, долженъ немедленно удаляться. Монахини не смѣютъ и переписываться съ кѣмъ-либо въ міру. Наконецъ, тѣ же самые *капитуляріи* говорятъ совершенно ясно, что есть монахини, которыя ведутъ бродяжническую жизнь, и вмѣсто вѣрности долгу своего званія заводятъ самыя земныя связи. И даже за деньги! Такія преступныя связи не обходятся безъ явныхъ послѣдствій, и эти послѣдствія преступно уничтожаются. Въ сравненіи съ этимъ, что значила какая-нибудь любовная пѣсенка, которую напѣвала въ своей кельѣ иная затворница, или переписывала и передавала своей подругѣ? Но и это строго запрещалось однимъ изъ указовъ Карла.—Нечего и говорить, что монахиня не смѣла и шагу ступить за ворота ограды. Игуменья также не могла выѣзжать не спросясь епископа, кромѣ выѣзда ко двору разъ въ годъ.

Постричься—значило навсегда отказаться, если не отъ любви, то по крайней мѣрѣ отъ замужества. Церковь грозила отлученіемъ не только монахинѣ, нарушившей обѣтъ, но и тому, кто бралъ ее за себя замужъ изъ монастыря. Отлученіе, впрочемъ, не внушало еще большаго страха. Особенно люди знатные и богатые часто высматривали себѣ женъ подъ монашескимъ покрываломъ. Такихъ отступницъ церковь допускала къ покаянію только по смерти мужа. Чтобы предупредить позднія раскаянія, постригаться позволялось не раньше двадцати пяти лѣтъ отъ роду. Принять «ангельскій образъ» раньше можно было развѣ на смертномъ одрѣ. Насильно

постригать запрещалось; но насильно постриженная оставалась все-таки связана своимъ саномъ. Этимъ, конечно, не разъ пользовались для своихъ личныхъ цѣлей родители, мужья и родные. Монастырь сталъ, между прочимъ, очень удобнымъ мѣстомъ для сбыванья лишнихъ дѣтей. Родители съ полнымъ правомъ могли съ младенчества обрекать свою дочь на монастырскую жизнь.

Поощряя и умножая монастырскія общины, церковь въ то же время не уставала стараться покорять себѣ совѣсть и внѣ ихъ стѣнъ. Она сильно ратовала противъ наложничества и установила неразрывность брака, освященнаго ея благословеніемъ. Разводъ однако-жъ допускался. Къ прежнимъ его поводамъ, женскому безплодію и мужскому безсилію, даже прибавили прелюбодѣяніе или угрозу смертью, съ которой-нибудь стороны, изгнаніе или ссылку кого-нибудь изъ двухъ, и, наконецъ, взаимное соглашеніе разойтись, когда мужъ или жена, или же оба желали посвятить себя Богу, то есть вступить въ монастырь. Если же жена вступала въ монастырь безъ согласія мужа, онъ могъ вытребовать ее обратно.

И карлингское время, конечно, плохо покорялось строгости церковныхъ законовъ о бракѣ. Самъ Карлъ Великій смотрѣлъ на бракъ и вообще на любовныя отношенія вовсе не такъ строго, какъ можно подумать, судя хоть-бы по его законамъ. Первую жену свою онъ черезъ годъ отослалъ обратно къ ея отцу изъ политическихъ соображеній. Потомъ онъ былъ еще три раза женатъ, но имѣлъ и четырехъ наложницъ. Страстная натура его не могла примириться съ умѣренностью христіанскаго брака. Онъ былъ снисходителенъ и не къ одному себѣ. Въ императорскомъ пфальцѣ его господствовала полная терпимость въ дѣлахъ любви. Къ красавицамъ дочерямъ своимъ (ихъ было у него семь отъ женъ и наложницъ) онъ не примѣнялъ правилъ, какія предписывалъ бѣднымъ монахинямъ. Онъ не выдавалъ ни одной изъ нихъ замужъ и говорилъ, что жить безъ нихъ не можетъ. Но за то онѣ пользовались полной свободой. Сначала ихъ учили наравнѣ съ братьями наукамъ, потомъ заставляли заниматься женскимъ рукодѣльемъ. Но онѣ вышли вовсе не похожи на свою бабку Берту, такую рукодѣльницу, что ее прозвали *пряхой*. Онѣ больше любили развлеченія. Онъ смотрѣлъ сквозь пальцы, что у дочерей были любовники

и дѣти. Братъ ихъ Лудовикъ, вступивши на престолъ, оказался строже отца. Образъ жизни принцессъ ему не нравился, и онъ силой удалялъ отъ нихъ мужчинъ, которые отличались ужъ черезчуръ «гнуснымъ безстыдствомъ», какъ выражается хроника.

И выйдя изъ императорскаго пфальца, мы нигдѣ не найдемъ большаго вліянія новаго ученія о единомъ неразрывномъ бракѣ, о великой цѣнѣ дѣвственности и цѣломудрія, о преступности наложничества и многоженства. Ужь если монастыри были такъ далеки отъ христіанской чистоты нравовъ, то чего требовать хоть-бы отъ дворовъ тогдашнихъ помѣщиковъ? У нихъ были своего рода гаремы. Это такъ называемые *женскіе дома*. Назначеніе ихъ было хозяйственное. Отдѣльная изба при помѣщичьемъ дворѣ, которую называли *женскимъ домомъ*, служила собственно швейной мастерской. Тутъ работали крѣпостныя дѣвушки и женщины. Шитье всякаго платья для мужчинъ и для женщинъ долго было исключительно женскою спеціальностью. Тутъ трепали и чесали ленъ, пряли, ткали, кроили, шили, вязали и вышивали. За работами смотрѣла особая надзирательница. Чѣмъ служили эти гинекеи помѣщикамъ, ясно ужъ изъ того, что названіе *женскій домъ* усвоилось за мѣстами проституціи. Въ этомъ смыслѣ употреблялось оно во всѣ средніе вѣка. Развратъ, занесенный въ свои мастерскія помѣщикомъ, привлекалъ, конечно, и постороннихъ. Противъ такихъ нарушителей помѣщичьяго права принимались нѣкоторыя мѣры. Въ аллеманскомъ правѣ назначена пеня въ шесть шиллинговъ за изнасилованіе служанки, умѣющей шить. *Швабское зерцало* за изнасилованіе простой швеи назначаетъ лишь три шиллинга, а надзирательницы—шесть. Конечно, все это не касается самого помѣщика. Онъ полный хозяинъ.

Въ германскихъ актахъ, хоть и позднѣйшаго времени, именно первой половины XVI-го столѣтія, есть и слѣды помѣщичьяго «jus primae noctis». Неизвѣстно, было-ли это здѣсь формальное право, какъ, напр., во Франціи и въ Шотландіи. Упомянутые акты говорятъ, впрочемъ, о выкупѣ, который долженъ внести женихъ владѣльцу, если не хотѣлъ подчиняться этому праву. Вѣроятно, значеніе такого же выкупа отъ барскихъ правъ имѣла и брачная пошлина, maritagium. Ее взимали помѣщики со сво-

ихъ крѣпостныхъ, браками которыхъ распоряжались полновластно. По грамматическому смыслу нѣкоторыхъ ея названій (а ихъ можно насчитать до десяти по разнымъ мѣстностямъ), никакъ нельзя думать, чтобы пошлина эта была только какъ-бы платой за господское согласіе на бракъ. Въ названіяхъ этихъ поминаются постель, дѣвичество и т. п.

При всемъ желаніи найти гдѣ-нибудь уваженіе къ женщинѣ въ карлингскій періодъ, его не найдешь. Справедливости въ отношеніяхъ и того меньше.—Нѣмцы, конечно, пускаются въ разныя натяжки. Есть, напримѣръ, поэма IX столѣтія, Heliand. Эта поэма, говоря о Маріи, представляетъ, по словамъ нѣкоторыхъ ученыхъ, «полнозвучное выраженіе древнегерманскаго уваженія къ женщинамъ». Но все это полнозвучіе ограничивается тѣмъ, что Марія именуется въ поэмѣ «прекраснѣйшею изъ женщинъ»,—никакъ не больше!

Германецъ Тацита, со своимъ уваженіемъ къ женщинамъ, стригъ волосы невѣрной женѣ и гонялъ ее плетью по улицамъ. Теперь подозрѣваемыхъ въ невѣрности женъ подвергали пыткамъ такъ называемаго *божьяго суда*. Вотъ и весь успѣхъ въ уваженіи. Да и то успѣхъ-ли? Вѣдь, обычай этотъ былъ еще и въ язычествѣ. Онъ шелъ изъ далекой древности. И во всѣ средніе вѣка эта судебная форма удовлетворяла общественную нравственность. Къ ней прибѣгали: когда уликъ не было или было мало,—когда обвинитель отвергалъ присягу обвиняемаго и его поручителей. или свидѣтелей,—когда, наконецъ, обвиняемый не могъ представить поручителей, которые присягнули-бы за него. Дѣло рѣшалъ тогда судебный поединокъ. Но эта форма *божьяго суда* была доступна только людямъ свободныхъ состояній. Несвободныхъ же, когда никто не вызывался заступиться за нихъ въ поединкѣ, ждали испытанія другого рода. Точно также и женщинъ, хотя-бы онѣ были изъ свободнаго сословія. Главную роль въ этихъ испытаніяхъ играли огонь и вода. Чтобы окончательно оправдаться, надо было или продержать извѣстное время руку въ огнѣ, или пройти въ одной рубашкѣ сквозь зажженный костеръ, или пройти голыми ногами по нѣсколькимъ (семи, девяти) раскаленнымъ сошникамъ, или пронести извѣстное пространство кусокъ раскаленнаго желѣза въ голыхъ рукахъ, или вынуть голой рукой

кольцо, камень изъ котла съ кипящей водой. Но интереснѣе всего слѣдующій экспериментъ, которому въ XVI и XVII столѣтіяхъ подвергали особенно часто вѣдьмъ. Онъ и назывался поэтому *пробой вѣдьмъ* или *купаньемъ вѣдьмъ*. Подозрѣваемую кидали голую въ холодную воду. Всплыла—значитъ виновата; пошла ко дну—невинна. Захлебнуться при такой дилеммѣ было выгоднѣе.

Въ хроники чаще всего заносились случаи *божьяго суда* въ высшихъ общественныхъ слояхъ. Любопытна исторія императрицы Рихардисы, второй жены Карла Толстаго, внука Карла Великаго. За этого не особенно умнаго государя правилъ дѣлами его канцлеръ Ліутвардъ, епископъ верчелльскій. Карлу наговорили о любовной связи жены его съ канцлеромъ. Императрица утверждала, что никогда не была въ близкихъ сношеніяхъ не только съ Ліутвардомъ, но и ни съ однимъ мужчиной, даже со своимъ глупымъ мужемъ, хоть и прожила съ нимъ двѣнадцать лѣтъ. Ей не вѣрили. Дѣвственность ея вмѣсто повивальной бабки долженъ былъ рѣшить *божій судъ*. По одному извѣстію, императрицу подвергли испытанію водой; по другому, заставили пройти въ навощенной рубашкѣ сквозь огонь, или надѣли на нее такую рубашку и зажгли ее на ней. Огонь не обжегъ дѣвственной императрицы; но она удалилась послѣ этого въ основанный ею монастырь и скончалась тамъ, разумѣется, праведницей.

Не всегда однако-жъ въ такихъ случаяхъ полагались на чудесный судъ. Гораздо проще бывали судебные поединки во Франконіи. Обвиненная женщина могла здѣсь принудить драться съ собой обвинителя. Оружіемъ были палки. Чтобы уравновѣсить силы сражающихся, мужчину ставили въ яму. Онъ оттуда защищался отъ нападеній женщины, не покидая мѣста. У кого перваго вылетитъ изъ рукъ палка, тотъ и побѣжденъ.—Въ другихъ мѣстахъ дѣло обходилось безъ палокъ. Мужчина долженъ былъ просто стащить къ себѣ въ яму женщину внизъ головой, или она вытащить его изъ ямы,—и тѣмъ все рѣшалось.

Умные люди, конечно, понимали и тогда не хуже насъ всю нелѣпость этихъ доказательствъ посредствомъ котловъ, костровъ и проч. У нѣмецкихъ поэтовъ XIII-го и XIV-го столѣтій есть довольно откровенныя насмѣшки

надъ этимъ обычаемъ. Вотъ одинъ примѣръ изъ прекрасной поэмы Готфрида Страсбургскаго *Тристанъ и Изольда*.— Мужъ бѣлокурой красавицы Изольды, старый король Марке, подозрѣвалъ жену въ связи со своимъ молодымъ племянникомъ Тристаномъ,—и подозрѣвалъ не даромъ. Для суда надъ нею онъ собралъ своихъ бароновъ и епископовъ, и дѣло дошло до огненнаго испытанія. Чтобы не лгать подъ присягой, Изольда разыграла съ мужемъ цѣлую комедію. Отправляясь съ нимъ на судъ, она дала знать своему возлюбленному, чтобы онъ пришелъ на ту сторону рѣки, черезъ которую имъ нужно было переправляться. Тристанъ явился одѣтый бѣднымъ пилигримомъ, и его могла узнать только королева. Она захотѣла, чтобы ее перенесъ съ лодки по мосткамъ на берегъ именно этотъ пилигримъ. Когда Тристанъ взялъ ее на руки и понесъ, она шепнула ему упасть съ нею на берегу будто нечаянно и полежать рядомъ. Любовникъ это исполнилъ. Изольда могла, стало быть, не краснѣя утверждать, что кромѣ супруга своего, короля Марке, она была въ объятіяхъ одного только человѣка и съ однимъ только лежала вмѣстѣ, именно съ бѣднымъ странникомъ, какъ это видѣли всѣ и самъ ея мужъ. Испытаніе было назначено торжественное. Имъ заправляло, какъ и всегда, духовенство. Раскаленное желѣзо Изольда пронесла безвредно и оправдалась. Готфридъ иронически замѣчаетъ, что передъ испытаніемъ «добрая королева Изольда серебро свое и золото и все, что съ нею было изъ лошадей, драгоцѣнныхъ вещей и нарядовъ, отдала ради милости Господней, чтобы Богъ не попомнилъ ея настоящей вины»,— отдала, конечно, служителямъ церкви, которые накаливали желѣзо.

V.

Во времена нѣмецко-римскихъ императоровъ изъ саксонской и франкской династій женщины продолжали усердно радѣть церкви. Особы царственныхъ домовъ сыпали деньги на духовенство, на монастыри. Женскія обители множились съ каждымъ годомъ. Говоря о женщинахъ въ Германіи X-го и XI-го столѣтій, намъ почти не придется выходить изъ монастырскихъ оградъ. Тутъ сосредоточивалась вся дѣятельность, вся святость и вся ученость женщинъ.

О нравахъ нѣмецкаго общества въ X-мъ и XI-мъ столѣтіяхъ мы знаемъ очень немного. Вниманіе лѣтописцевъ обращалось почти исключительно на особъ коронованныхъ и на ихъ образъ жизни. Епископъ мерзебургскій, Дитмаръ, писавшій свою хронику при императорѣ Генрихѣ II, осуждаетъ тогдашнія моды. Онъ говоритъ, что женщины обнажаютъ непристойнымъ образомъ нѣкоторыя части своего тѣла и показываютъ совершенно явно своимъ любовникамъ, что̀ у нихъ продажное, безстыдно вынося на позорище всему свѣту свои прелести. «Въ наши дни», замѣчаетъ онъ еще, «кромѣ множества совращенныхъ дѣвушекъ, предаются распутству и многія замужнія женщины, въ коихъ страстная похоть возбуждаетъ пагубный зудъ,—и даже при жизни мужей. Мало того: иная наущаетъ своего любовника и предаетъ мужа въ руки убійцы, а потомъ открыто беретъ любовника къ себѣ, чтобы блудить сколько душѣ угодно». Примѣръ подавался съ высотъ свѣтскихъ и духовныхъ.

VI.

До сихъ поръ мы не находили и слѣдовъ прославленнаго уваженія. Будемъ теперь искать его въ германскомъ рыцарствѣ. Вѣдь, въ числѣ главныхъ статей рыцарской присяги было—защищать вдовъ и сиротъ, и вообще уважать честь женщинъ.

Рыцарство вышло не изъ нѣмецкой жизни. Оно возникло и развилось на романской почвѣ, въ Испаніи и Южной Франціи, и Германія только акклиматизировала его у себя. И весь кодексъ законовъ и правилъ рыцарства, со всѣми его условными обычаями и церемоніями, и рыцарскія понятія о личной и сословной чести были заимствованіемъ. Только взамѣнъ французскаго названія «куртуазіи» явилось нѣмецкое имя Höfischkeit. Это не что иное, какъ переводъ французскаго слова.

Существеннѣйшею частью рыцарско-романтической *куртуазіи* было такъ называемое «служеніе женщинамъ», «служеніе любви» (по нѣмецки Frauendienst, Minnedienst). Испанскіе и провансальскіе трубадуры и сѣверно-французскіе труверы возвели его въ систему. У нѣмцевъ точно также явились, вмѣстѣ съ рыцарствомъ, свои пѣвцы женщинъ и любви—*миннезенгеры*.

Въ какія бы крайности и нелѣпости ни вдавалось это «любовное служеніе» тамъ, гдѣ оно впервые возникло, и особенно во Франціи, основа его все-таки была справедлива. Это—недовольство юридическимъ положеніемъ женщины, безусловно подчиненнымъ и безправнымъ. То, чего не давалъ законъ, хотѣли взять у обычая, у моды. Въ принципахъ куртуазіи женщина находила хоть какой-нибудь исходъ изъ своей подневольности. Браки были такъ условны, такъ подчинены разнымъ постороннимъ соображеніямъ. Надо было хоть какъ-нибудь помочь дѣлу. Вотъ откуда явились и эти правила, которыя встрѣчаются въ галантномъ кодексѣ трубадуровъ, а именно: что любовь не можетъ ни въ чемъ отказать любви; что бракъ не есть законное извиненіе противъ любви; что женщина можетъ быть любима въ одно время двумя мужчинами (одинъ, предполагается, мужъ) и наоборотъ, и проч. Подобнаго рода вопросы рѣшались въ такъ называемыхъ *судахъ любви*. Такъ, въ самую цвѣтущую пору рыцарства, на такомъ судѣ, устроенномъ графиней Шампаньской, разбирался вопросъ: «возможна-ли любовь въ бракѣ?». Формальный приговоръ суда (arrêt d'amour) былъ «нѣтъ». О такого рода Minnehöfe въ Германіи есть извѣстія изъ конца XIII столѣтія.

Любовь, о которой шла рѣчь, была идеальна только въ теоріи. Едва-ли что разжигаетъ такъ чувственность, какъ платоническій идеализмъ. Немудрено, что онъ привелъ къ большой распущенности нравовъ. Стоитъ заглянуть въ любимѣйшіе романы среднихъ вѣковъ, въ родѣ *Амадиса Галльскаго*, во французскія новеллы и фабльо. Рыцарскія празднества, турниры и банкеты сплошь переходили въ оргіи. Подъ модными масками дѣвушки и замужнія женщины могли очень удобно веселиться, какъ хотѣли.

Нѣмецкіе рыцарскіе нравы были вообще нѣсколько скромнѣе, если не переходили въ крайнюю грубость. А это случалось нерѣдко, и тогда въ нихъ не оставалось ужъ ровно ничего рыцарскаго. За то они и не приготовили для женщины того широкаго вліянія, которое она получила, напримѣръ, во Франціи въ XVIII вѣкѣ. Вообще рыцарство въ Германіи было больше модой, нежели чѣмъ-нибудь вяжущимся съ нѣмецкою жизнью. Недаромъ выродилось оно такъ скоро въ разбойничество.

Такъ называемые пѣвцы любви, миннезенгеры, представляютъ очень жалкое явленіе. Искать въ нихъ тогдашняго будто-бы высокаго мнѣнія о женщинахъ—конечно большая натяжка. Всѣ эти Вальтеры Фогельвейде, Рейнмары, Генрихи Мейссенскіе дѣйствительно воспѣвали женщинъ и ихъ достоинства. Но какія достоинства и какъ воспѣвали! Шиллеръ былъ совершенно правъ, говоря, что если-бъ воробьи на крышѣ вздумали писать и издать альманахъ любви и дружбы, то этотъ альманахъ ничѣмъ не отличался-бы отъ сборниковъ пѣсенъ средневѣковыхъ миннезенгеровъ. «Садъ, дерево, плетень, роща и милая,—вотъ приблизительно всѣ предметы, вмѣщающіеся въ головѣ воробья». Напрасно Шерръ въ своей *Исторіи Нѣмецкихъ Женщинъ* находитъ этотъ отзывъ слишкомъ общимъ и рѣзкимъ. Достаточно прочитать хоть сдѣланный имъ самимъ сводъ мнѣній о женщинѣ изъ миннезенгеровъ. И еще онъ не удовольствовался миннезенгерами въ тѣсномъ смыслѣ, а привелъ отрывки и изъ средневѣковыхъ эпиковъ.

«Прослащены и расцвѣчены (durchsüsset und geblümet) чистыя женщины. Нѣтъ ничего сладостнѣе ихъ въ воздухѣ, на землѣ и на всѣхъ зеленыхъ лугахъ.—Что на свѣтѣ лучше женщины, и что лучше ея утолитъ томленіе сердца? Что можетъ усладить насъ въ жизни больше, чѣмъ ея сладостное тѣло?—Нѣмецкія женщины прекрасны, какъ ангелы, и чисты. Одинъ лишь безумный можетъ ихъ бранить. Стыдливость и мѣра во всемъ—вотъ женская краса. Но вѣрность—лучшій вѣнецъ женщины. Рядомъ съ нею цвѣтетъ цѣломудренная веселость, какъ лилія подлѣ розы. Кто хочетъ достичь любовной цѣли, не долженъ играть честью женщины. О женщинахъ надо говорить только хорошее, потому что отъ нихъ только достается намъ радость».

Вотъ самые яркіе проблески германскаго уваженія къ женщинамъ въ пѣснопѣніяхъ миннезенгеровъ. Ужъ по этому можно судить объ остальномъ. Вездѣ болѣе или менѣе приторный сантиментализмъ съ примѣсью болѣе или менѣе робкой похотливости. Одною изъ главныхъ темъ у миннезенгеровъ, какъ и у трубадуровъ, было утреннее прощаніе съ милой. Послѣ ночи, проведенной въ «любовной забавѣ» (Minnespiel), милая будитъ милаго на разсвѣтѣ, чтобы онъ потихоньку уходилъ.

Какъ ни жалки были комплименты, все же это были комплименты,—и миннезенгеры состояли подъ особымъ покровительствомъ великосвѣтскихъ дамъ того времени. (Это однако-жъ не мѣшало имъ быть интимнѣе знакомымъ съ крестьянскими дѣвушками, чѣмъ съ аристократками). Пѣніе и разсказъ, то есть чтеніе вслухъ эпическихъ поэмъ, были въ числѣ модныхъ развлеченій, и миннезенгеры были всегда пріятными гостями. Подчасъ женщины умѣли выразить своимъ пѣвцамъ сочувствіе и очень торжественно, какъ доказываютъ, напримѣръ, похороны Гейнриха Мейссенскаго. Этотъ миннезенгеръ, за которымъ усвоилось прозвище спеціальнаго *хвалителя женщинъ*, фрауэнлоба, умеръ въ Майнцѣ, во второмъ десятилѣтіи XIV вѣка. Женщины сами несли его къ могилѣ «съ великимъ плачемъ», какъ разсказываетъ лѣтопись. Когда же его положили въ склепъ въ Майнцскомъ соборѣ, онѣ полили его гробницу виномъ, и притомъ въ такомъ обиліи, что вино разлилось по всей церкви.

Но не всѣ пѣли и тогда и раньше во вкусѣ и въ тонѣ фрауэнлоба. Многіе изъ тѣхъ же миннезенгеровъ относились къ женщинамъ очень нахально. Такъ они хвастались въ своихъ пѣсняхъ, какъ имъ удается кружить головы легкомысленнымъ дѣвушкамъ и увлекать ихъ. Одинъ говоритъ, что для него всѣ юбки (или передники) равны, и что онъ бѣгаетъ безъ разбору за всѣми женщинами, большими и маленькими, молодыми и старыми, умными и глупыми, бѣлокурыми, русыми и черноволосыми. Дидактическіе поэты XIII вѣка сильно сомнѣвались въ нравственныхъ качествахъ женщинъ, и старались только обличать ихъ слабости и ихъ дурныя по тогдашнему стороны. Но, кромѣ того, съ самаго возникновенія въ Германіи «служенія женщинамъ» и посвященной ему поэзіи, съ самаго XII вѣка до XV тянется рядъ стихотворцевъ-новеллистовъ, которые направляли свою сатиру исключительно противъ женщинъ. Въ ихъ большей частію скандалезныхъ и циническихъ повѣстяхъ женщины являются или дурами, или безпутными. Самодовольство, съ какимъ они высказываютъ свое презрѣніе къ «слабому полу», свидѣтельствуетъ лучше всего о популярности въ обществѣ такого взгляда.

Что все рыцарское уваженіе къ женщинамъ было просто комедіей безъ серьезнаго смысла, не трудно заключить ужъ

изъ того, что во все продолженіе среднихъ вѣковъ юридическое положеніе женщины въ Германіи—какъ дочери, сестры, жены, матери и вдовы—оставалось неизмѣннымъ. Да и не въ одной Германіи. Рыцарская куртуазія дѣлала большое различіе между *дамой* или *госпожей* (то есть возлюбленной) и женщиною вообще. Самая рыцарская присяга говоритъ именно объ уваженіи къ чести *дамъ*. Дама, возлюбленная была идеаломъ, требующимъ поклоненія. Женою же, сестрою, дочерью можно было попрежнему помыкать, пренебрегать и требовать «служенія» и слѣпого покорства *отъ нея*. Даже въ галантной Франціи мужъ могъ безнаказанно бить и ранить свою жену, толькобы не сломалъ ей какого-нибудь члена и не нанесъ смертельной раны. Самыя пени, когда дѣло касалось оскорбленія женщины, понизились въ средніе вѣка на половину сравнительно съ такими пенями за оскорбленіе мужчины. Со своимъ взглядомъ на женщину, какъ на куклу или на ребенка, средневѣковое законодательство признало только за беременными право на разныя прихоти. Онѣ могли безнаказанно удовлетворять свой аппетитъ чужими плодами, овощами и даже чужою дичью.

Въ культѣ Маріи, который такъ развился въ средніе вѣка, хотятъ видѣть тоже какую-то связь съ идеальнымъ «служеніемъ женщинамъ». Это обыкновенно объясняется цвѣтистыми фразами. «Ореолъ съ головы Маріи былъ какъбы перенесенъ на голову каждой женщины», и т. под. Рыцарь Пушкина былъ гораздо послѣдовательнѣе. Какъ извѣстно, онъ имѣлъ «непостижное уму» видѣніе.

Путешествуя въ Женеву,
Онъ увидѣлъ у креста
На пути Марію Дѣву,
Матерь Господа-Христа.

Но, вмѣсто того, чтобы предаться «служенію женщинамъ»,—

Съ той поры, сгорѣвъ душою,
Онъ на женщинъ не смотрѣлъ;
Онъ до гроба ни съ одною
Молвить слова не хотѣлъ.

Если и были у рыцарства какіе-то возвышенные идеалы, то ихъ нечего было искать въ жизни. Жизнь не могла

удовлетворять заоблачныхъ фантазій и претворяла ихъ въ очень земную практику. Рѣдки были, конечно, пушкинскіе рыцари; но не чаще встрѣчались и такія дамы, какъ напримѣръ возлюбленная Тоггенбурга, или какъ знаменитая нѣмецкая пророчица и ясновидящая XII-го вѣка Гильдегарда.

Эта нервная, болѣзненная монахиня находила какое-то страстное удовлетвореніе въ своихъ экстазахъ и мистическихъ грезахъ, и ими прославилась. Она пророчествовала, какъ сивилла, и императоръ Барбаросса благоговѣйно внималъ ея вѣщаніямъ въ своемъ дворцѣ. Изъ своего монастыря близь Бингена она вела переписку съ папами и со многими прелатами и государями не только въ Германіи, но и во всей Европѣ. Чудесъ, которыми она изумляла современниковъ, и вѣщихъ ея видѣній мы не имѣемъ здѣсь нужды пересказывать.

Нѣсколько ближе къ жизни былъ другой beau ideal женскихъ совершенствъ по понятіямъ XIII-го столѣтія, именно Елизавета Венгерская, жена тюрингенскаго ландграфа Лудвига. Она представляется идеаломъ даже и современнымъ ханжамъ въ родѣ графа Монталамбера, который сочинилъ цѣлую книгу о ней, очень популярную между католиками. Елизавета была дѣйствительно женщина замѣчательныхъ добродѣтелей въ христіанскомъ смыслѣ. Но окружавшіе ее умѣли очень ловко превращать эти добродѣтели въ звонкую монету и пользоваться ими въ этомъ видѣ. Она не выходила изъ-подъ деспотическаго вліянія своего духовника, мрачнаго аскета и дикаго фанатика, марбургскаго монаха Конрада, которому можетъ быть только насильственная смерть помѣшала ввести въ Германію инквизицію со всѣми ея принадлежностями. Елизавета рано овдовѣла, терпѣла много отъ брата своего покойнаго мужа и предалась дѣламъ благочестія и благотворительности. Отказывая себѣ во всемъ, она помогала бѣднымъ, ухаживала за больными, основывала больницы. По разсказу легенды, она собственными руками перевязывала и лечила прокаженныхъ, которыхъ тогда удаляла обыкновенно отъ жилыхъ мѣстъ и городовъ, боясь заразы. Она отказалась выйти замужъ за императора Фридриха II-го (да и какъ было ей идти за такого вольнодумца?), жила въ послѣдніе годы своимъ собственнымъ рукодѣльемъ и умерла въ цвѣтѣ лѣтъ, на двадцать пятомъ году.

VII.

Рыцарская куртуазія процвѣтала въ пфальцахъ и бургахъ высшаго дворянства—князей, графовъ, имперскихъ бароновъ, въ мѣстопребываніяхъ епископовъ и въ аббатствахъ. Низшее дворянство знало о рыцарскихъ утонченностяхъ больше по наслышкѣ.

Женское воспитаніе въ этихъ центрахъ рыцарства было, конечно, согласно съ общимъ ихъ настроеніемъ. Дочери аристократовъ воспитывались или дома, или въ женскихъ монастыряхъ, или же при княжескихъ дворахъ, куда ихъ свозили и отдавали въ руки особой воспитательницы.—Сколько-нибудь серьезнаго образованія нечего искать между тогдашними женщинами. Самое слово *образованіе* слишкомъ громко для того, что пріобрѣтали дѣвочки отъ своихъ воспитательницъ. Къ грамотности присоединялись кой-какія свѣдѣнія по домашнему хозяйству нѣкоторыя свѣтскія искусства, пѣніе, игра на цитрѣ, на арфѣ и изящныя рукодѣлья.—Но верхомъ тогдашней женской образованности было знаніе науки свѣтскаго обращенія. Тутъ все было опредѣлено въ подробности: какъ держаться, какъ стоять, какъ ходить, какъ сидѣть,—что пристойно дома, что на улицѣ, что въ гостяхъ,—какъ вести себя въ игрѣ, въ танцахъ, какъ относиться къ высшимъ, какъ къ низшимъ, какъ къ мужчинамъ, какъ къ женщинамъ.

Всѣ эти кукольныя совершенства были необходимы въ начинавшейся тогда *свѣтскости*, которая предлагалась женщинамъ въ качествѣ свободы. Какъ извѣстно, безъ женщинъ уже не могло обходиться въ то время ни одно торжество, ни одинъ праздникъ, ни одинъ пиръ.

«Гладенькія, какъ попугаи», по выраженію одной поэмы, онѣ служили украшеніемъ турнировъ, гдѣ раздавали награды, сеймовъ, гдѣ, конечно, не подавали голоса (серьезныя дѣла дѣлались безъ нихъ), царственныхъ свадебъ, церковныхъ празднествъ и даже пышныхъ охотъ, гдѣ онѣ являлись въ сѣдлѣ и съ соколомъ на рукѣ. Онѣ присутствовали и при игрѣ мужчинъ въ кости и въ шахматы, играли для услады ихъ на арфахъ и пѣли, участвовали въ игрѣ въ мячъ и, разумѣется, безъ нихъ не могли устроиться танцы. — Какъ хозяйки дома, онѣ должны

были *занимать* гостей, какъ это еще говорится и дѣлается даже въ наше время.

Гостепріимство въ рыцарскихъ бургахъ было неизбѣжною обязанностью. Тогдашніе постоялые дворы и гостиницы не могли удовлетворять требовательности знатныхъ рыцарей, и перепутьями имъ служили замки и монастыри. Тутъ все бывало устроено къ пріему гостей, преимущественно знатныхъ, смотря по средствамъ хозяина.

По законамъ рыцарско-свѣтской куртуазіи, главная роль въ обычаяхъ гостепріимства принадлежала женщинамъ. Хозяйка бурга, дочери ея здоровались съ гостями поцѣлуями. Потомъ онѣ должны были вести гостя въ особую комнату и переодѣвать его, то есть снять съ него дорожное платье, вооруженіе и дать ему болѣе удобную одежду. За столомъ главная хозяйка садилась около гостя, накладывала ему кушанье, подносила вино. Вниманіе хозяекъ не покидало гостя, когда онъ отправлялся и въ спальню, и даже въ баню.

Въ прекрасной поэмѣ Вольфрама Эшенбаха *Парцифаль* одинъ рыцарь заѣзжаетъ переночевать на перепутьѣ въ замокъ. Хозяинъ провожаетъ его въ спальню вмѣстѣ со своею дочерью дѣвушкой. Потомъ самъ уходитъ, а дочь оставляетъ съ гостемъ, чтобы она услужила ему. Поэтъ очень недвусмысленно замѣчаетъ по этому случаю: «попроси онъ у нея чего-нибудь больше, она можетъ быть не отказала-бы ему». Поутру, на зарѣ, дѣвушка опять идетъ въ комнату гостя, чтобы предложить ему свои услуги, когда онъ проснется.—Въ той же поэмѣ самъ юный герой ея, точно также переночевавъ мимоѣздомъ въ замкѣ, приглашается поутру въ баню. Въ то время, какъ онъ сидитъ въ ваннѣ, входятъ зàмковыя дѣвицы и начинаютъ гладить ему тѣло своими «бѣлыми мягкими руками». Это очень смущаетъ юнаго рыцаря. Дѣвушки подаютъ ему простыню обтереться. Но ему совѣстно обтираться передъ ними,—и онѣ удаляются очень недовольныя, да и то не вдругъ.

Чѣмъ было это женское гостепріимство во Франціи, очень откровенно разсказываютъ рыцарскія стихотворенія. Вотъ одинъ примѣръ. Проѣзжій рыцарь попадаетъ въ графскій замокъ. Графиня приняла его очень радушно и велитъ приготовить ему великолѣпную постель. Идя

спать, она призываетъ самую красивую и самую ловкую изъ своихъ дѣвушекъ и потихоньку говоритъ ей: «Милое дитя, пойди къ этому рыцарю, лягъ къ нему въ постель и услужи ему, какъ слѣдуетъ. Я сдѣлала-бы это и сама, если-бъ мнѣ не было стыдно. Да къ тому же и графъ, мужъ мой, еще не заснулъ».—Сквозь покровъ наивности, который накидываютъ на подобныя отношенія нѣмецкіе эпики, проглядываетъ то же самое.

Существовалъ, напримѣръ, такой обычай, что дѣвушка или вообще *дама* соглашалась провести ночь въ объятіяхъ своего милаго, но съ тѣмъ, чтобы не заходить дальше поцѣлуевъ. Это, повидимому, очень невинно; но одинъ изъ средневѣковыхъ поэтовъ замѣчаетъ по этому поводу, что дѣйствительно твердый человѣкъ сумѣетъ удержаться ото всего, отъ чего захочетъ, но что такихъ людей очень не много. Другой поэтъ XII столѣтія жалуется ужъ прямо, что цѣломудріе покинуло женщинъ, и имъ нѣтъ вовсе повода порицать рыцарей за ихъ распущенность.

Стихотворцы-новеллисты только и разсказываютъ, что разныя фривольныя похожденія. Если имъ вѣрить, принцессы сплошь пробирались сами въ спальни молодыхъ людей и дарили ихъ «цвѣтомъ своей дѣвственности»; рыцари, пріѣзжая въ гости, приступали безъ дальнихъ словъ къ дѣвицамъ, съ самыми осязательными изъявленіями своихъ желаній; дѣвицы же были такъ податливы, что развѣ особенное отвращеніе или какая-нибудь помѣха не позволяли имъ согласиться на то, чего хотѣлось рыцарямъ. Въ уста женщинъ эти поэты влагаютъ самыя беззастѣнчивыя выраженія ихъ желаній. Если стихотворныя новеллы и врутъ, то вѣрно не больше, какъ на половину.

Когда онѣ берутся разсказывать о супружескихъ добродѣтеляхъ, ихъ ужъ нельзя читать безъ смѣху. Видно, что тутъ дѣйствительность мало помогала ихъ фантазіи. Вотъ для примѣра одна такая исторія. Одному рыцарю, очень некрасивому, но очень любимому женой, выкололи глазъ на турнирѣ. Боясь, что жена непремѣнно разлюбитъ его кривого, онъ не хочетъ и показываться ей, и собирается ѣхать въ Палестину, «крестъ на раменахъ». Чтобы удержать мужа, вѣрная жена выкалываетъ и себѣ глазъ ножницами. Конечно, надо ужъ предоставить нѣмцамъ восхищаться «трогательною женственностью» этой черты.

Гораздо больше сохранилось свидѣтельствъ, что нѣмецкія дамы охотно поддавались на исканія своихъ ухаживателей, рыцарей и поэтовъ, если только эти господа не были такъ глупы, какъ Ульрихъ Лихтенштейнъ. Тѣ же новеллы показываютъ намъ, что не всегда и любовь заставляла дамъ измѣнять мужьямъ. Иная бургфрау склонялась на подарки странствующаго рыцаря скорѣе, чѣмъ на всѣ его страстныя мольбы.

Мы назвали Ульриха Лихтенштейна. Нельзя не остановиться на этой оригинальной фигурѣ. Она очень хорошо характеризуетъ рыцарскія отношенія къ женщинамъ.

Ульрихъ Лихтенштейнъ родился около 1200 года, въ Штиріи. Совершенствуя себя въ рыцарскихъ искусствахъ, онъ видно не имѣлъ времени заняться грамотой, и не умѣлъ ни читать, ни писать. Получивъ разъ посланіе отъ госпожи своего сердца, Ульрихъ десять дней въ великой тоскѣ носился съ нимъ, потому что при немъ не было его писца и чтеца. Безграмотность не мѣшала ему однако-жъ заниматься поэзіей, и онъ сочинялъ любовныя пѣсни. Вѣдь, и геніальный Вольфрамъ былъ безграмотный. Пѣсни Ульриха не сохранили-бы его имени для потомства, еслибы онъ не продиктовалъ, кромѣ того, исторіи своего Vrowen-Dienest. Исторія эта—памятникъ великой человѣческой глупости, высказавшейся самымъ искреннимъ, самымъ наивнымъ образомъ.

Съ самаго дѣтства всѣ помыслы Ульриха направлялись къ «служенію женщинамъ». Достигнувъ юношескихъ лѣтъ, онъ избралъ себѣ красавицу. Это была высокородная и, разумѣется, замужняя дама. Изъ разсказа рыцаря выходитъ, что дама отличалась необыкновенною тогда вѣрностью своимъ супружескимъ обязанностямъ. Что Ульрихъ былъ вообще непроницателенъ, это тоже ясно изъ разсказа. Дама была большая забавница, и доходила подчасъ до жестокости въ шуткахъ надъ своимъ тупоголовымъ рыцаремъ. Одна-ли она забавлялась имъ, и не смѣялся-ли вмѣстѣ съ нею какой-нибудь болѣе счастливый рыцарь, объ этомъ свѣдѣній нѣтъ. Но Ульрихъ посвятилъ себя служенію жестокосердой дамѣ, и ничто его не останавливаетъ. Чтобы доказать свою любовь, онъ съ сладострастной жадностью пьетъ воду, которою обмывалась его «госпожа». Она замѣчаетъ, что у него слишкомъ толста нижняя губа и вовсе не манитъ къ поцѣлуямъ,—

и онъ подвергаетъ себя операціи, чтобы губа была потоньше. На одномъ турнирѣ, при битвѣ на копьяхъ, у него онѣмѣлъ палецъ,—и онъ отрубаетъ его напрочь и отправляетъ къ своей дамѣ, какъ доказательство, на что можетъ рѣшиться ради ея. Нарядившись Венерой, разъѣзжаетъ онъ по разнымъ мѣстамъ и бьется на турнирахъ въ честь своей дамы. Дама и сама задаетъ ему очень странныя испытанія. По ея приказанію, онъ вмѣшивается въ число заразительныхъ больныхъ и ѣстъ съ ними изъ одного блюда. Цѣль у этого несчастнаго не какая-нибудь идеальная. Онъ не можетъ удовольствоваться, какъ рыцарь Тоггенбургъ, однимъ созерцаніемъ своей красавицы. Онъ добивается болѣе существенной награды—раздѣлить ея ложе (ihr beizuliegen). Послѣ долгихъ страданій и испытаній Ульриху начинаетъ улыбаться надежда. Дама, наконецъ, соглашается исполнить его желаніе. Въ чаяніи «любовной платы», онъ благополучно пробирается въ ея спальню, гдѣ ожидаетъ его и желанная постель. Но дама и тутъ осталась вѣрною себѣ. Ульрихъ попалъ въ западню, и хорошо еще, что не совсѣмъ сломалъ себѣ шею. Рыцарь однако-жъ и послѣ этого остается неизлечимымъ.

Въ исторіи этого дѣйствительнаго нѣмецкаго Донъ-Кихота любопытнѣе всего то, что въ самомъ разгарѣ ухаживанья за своею «госпожею» онъ женился, а ухаживанья своего и не думалъ прекращать. Какую же роль играла жена въ то время, какъ онъ предавался своимъ неистовствамъ? Ужъ, конечно, не она была его госпожей, а онъ—ея господиномъ. Готовый идти для своей дамы въ огонь и въ воду и терпѣть всякія униженія, онъ обрекалъ жену, какъ законную свою собственность, на самую унылую жизнь. Изъ разсказовъ его видно, что, во все время его рыцарскихъ шатаній, жена безвыѣздно сидѣла дома, въ его родовомъ бургѣ. О ней и рѣчь заходитъ только, когда онъ возвращается домой избитый, изувѣченный. Тутъ она вступаетъ въ свою обязанность—ухаживат за нелѣпымъ дѣтиной.

VIII.

Рыцарскіе нравы и обычаи не остались безъ вліянія и на городскую жизнь въ Германіи. Городской патриціатъ усваивалъ себѣ многое изъ рыцарской свѣтскости. Горожане пробовали даже устраивать у себя чисто-рыцар-

скіе турниры. О такомъ турнирѣ, происходившемъ въ Магдебургѣ въ 1279 году, сохранились довольно подробныя свѣдѣнія. Этотъ праздникъ былъ устроенъ со всею театральною роскошью, какая только была возможна въ то время. Призомъ побѣдителю была назначена хорошенькая дѣвушка. Это была, конечно, одна изъ тѣхъ «легкихъ дѣвицъ» (lichtes Fröwlein), которыя странствовали тогда изъ мѣста въ мѣсто, ища приключеній. Изъ-за этой красавицы ломали копья не одни магдебургцы. И граждане другихъ городовъ съѣхались во множествѣ на это празднество. Призъ достался одному старому госларскому торговцу.

Молодежи въ городахъ было не мало случаевъ выказать свою куртуазію. Вообще городская жизнь имѣла довольно всякаго рода увеселеній для обоихъ половъ. Разнообразія въ ней было больше, чѣмъ въ рыцарскихъ помѣстьяхъ. Города привлекали странствующихъ музыкантовъ, скомороховъ, фигляровъ; имъ всегда находилась тамъ хорошая пожива. Вечеринки съ танцами, катанья на саняхъ, маскарады, наконецъ, свадьбы со всѣми ихъ обрядностями—были просторнымъ поприщемъ для городской Höfischkeit. Не надо забывать и безчисленнаго множества церковныхъ праздниковъ, процессій, торжественныхъ богослуженій, такъ называемыхъ *мистерій*, драматическихъ представленій изъ библейской и евангельской исторіи, которыя разыгрывались въ церквахъ и были почти актомъ культа. О рыцарской любезности городской молодежи можно судить ужъ и по обычаю задавать серенады своимъ возлюбленнымъ. При разныхъ съѣздахъ, сеймахъ, пріѣздахъ высокихъ коронованныхъ особъ городская жизнь еще болѣе оживлялась. Пестрая суета и шумъ удваивались.

Женщины усваивали себѣ съ рыцарскою свѣтскостью и большую развязность. Когда императоръ Сигизмундъ пріѣзжалъ въ 1414 г. въ Страсбургъ, однажды раннимъ утромъ къ нему ворвалась цѣлая шайка веселыхъ и бойкихъ дамъ. Онъ еще спалъ. Но нежданныя гостьи мигомъ подняли его съ постели. Онѣ едва дали ему время накинуть на себя плащъ, и утащили съ собою босаго. Съ пѣснями, гамомъ и пляской водили онѣ его по улицамъ. Императоръ отплясывалъ съ ними босикомъ на мостовой. Это было не совсѣмъ удобно, и дамы купили ему подъ конецъ пару

башмаковъ «въ семь крейцеровъ».—«И поелику императоръ», говоритъ хроника, «былъ мудрый, веселый государь, то и допустилъ, чтобы женщины такъ съ нимъ обращались».

Судя по современнымъ новелламъ, чистоты въ городскихъ нравахъ было не больше, чѣмъ въ рыцарскихъ. Вотъ одинъ характеристическій разсказъ изъ половины XIII-го столѣтія. Дѣло происходило въ Вюрцбургѣ. Тамъ проживала сваха, которая устроила на своемъ вѣку «много тайныхъ, но мало честныхъ свадебъ». За неимѣніемъ ни денегъ, ни занятій, она пошла попытать счастья—къ обѣднѣ. Въ соборѣ, куда она явилась, ей тотчасъ же представился благопріятный случай. Случилось, что по церкви проходилъ тогда Domprobst. Сваха, не долго думая, подошла къ нему и шепнула ему на ухо, что ему прислала поклонъ одна хорошенькая женщина, которая отъ него безъ ума. Духовное лицо весьма этому обрадовалось, схватилось за кошелекъ и вручило свахѣ горсть денегъ. Только что пробстъ успѣлъ отойти, въ церковь вошла красивая женщина. Сваха ея не знала. Но это не помѣшало ей обратиться къ ней. Она и ей шепнула на ухо, что одинъ «добродѣтельнѣйшій» человѣкъ смертельно влюбленъ въ нее, и что только она одна можетъ исцѣлить его сердце. Красавица сначала покраснѣла, потомъ засмѣялась, потомъ сказала, что поговоритъ объ этомъ, когда обѣдня кончится. Сваха тотчасъ же отправилась въ лавку и купила шелковый поясъ. Выходя изъ церкви, красавица получила поясъ, какъ подарокъ отъ влюбленнаго въ нее господина,—и дѣло было устроено. Она обѣщала придти къ свахѣ послѣ обѣда, и дѣйствительно пришла: «въ удобномъ платьѣ», замѣчаетъ новелла. Сваха кинулась за пробстомъ. На бѣду тотъ былъ чѣмъ-то занятъ. Находчивая баба однако-жъ не потерялась. На улицѣ попался ей благообразный мужчина лѣтъ тридцати, и она нашла, что онъ очень годенъ на смѣну. Она обратилась къ нему съ такими словами: «что дадите вы мнѣ, если я вамъ доставлю одну хорошенькую женщину?». Благообразный господинъ обѣщалъ хорошую плату и отправился за свахой. Молодая женщина, поджидавшая своего поклонника, съ ужасомъ увидала, что на свиданіе съ нею идетъ ея мужъ. Она, впрочемъ, оказалась такою же находчивой, какъ и сваха,—и встрѣтила своего супруга крикомъ,

бранью и пощечинами. Послѣ укоровъ въ невѣрности съ одной стороны и извиненій съ другой, дѣло кончилось, разумѣется, мировой.

Не одна эта новелла свидѣтельствуетъ, что въ городахъ процвѣтало въ то время ремесло подобнаго «сватовства». Противъ него принимали очень строгія мѣры. Такъ въ Брауншвейгѣ женщинъ, изобличенныхъ въ занятіи этимъ промысломъ, предписывалось закапывать живьемъ въ землю.

Точно также не одна эта новелла выводитъ духовное лицо въ такомъ недвусмысленномъ свѣтѣ. Въ новеллахъ нельзя не замѣтить особеннаго ожесточенія на развратныхъ клерикаловъ. Города кишѣли ими, и озлобленіе на ихъ поведеніе очень понятно. Чтобы судить о страшномъ числѣ людей, обрекавшихъ себя на безбрачіе (но не на цѣломудріе), довольно вспомнить, что во время чумы, извѣстной подъ именемъ *черной смерти*, умерло 124.434 монаха только изъ одного ордена миноритовъ.

Къ свидѣтельству новеллъ о городскихъ нравахъ можно, пожалуй, прибавить и болѣе серьезное свидѣтельство. Эней Сильвій Пикколомини, впослѣдствіи папа Пій II, рисуетъ не болѣе свѣтлыми красками нравы Вѣны въ половинѣ XVI-го столѣтія. Умолчанія его касаются только поведенія духовенства.—По его словамъ, чуть не всѣ граждане держатъ распивочныя и таверны. Они приглашаютъ хорошихъ питуховъ и «легкихъ дѣвицъ», и даютъ имъ даромъ ѣсть, чтобы они только больше пили. Весь народъ помышляетъ только о своемъ брюхѣ, и пропиваетъ по воскресеньямъ все, что заработалъ въ теченіе недѣли. Въ городѣ великое множество публичныхъ женщинъ. Да и рѣдкая замужняя женщина довольствуется однимъ мужемъ. Дворяне часто отправляются въ гости къ мѣщанамъ. Хозяинъ подастъ вина, а самъ уходитъ прочь, чтобы оставить гостя наединѣ съ хозяйкой. Богатые купцы женятся на старости лѣтъ на молоденькихъ дѣвушкахъ, а тѣ, скоро очутившись вдовами, выходятъ за своихъ работниковъ, молодыхъ парней, съ которыми и до того «часто имѣли обычай прелюбодѣянія». «Говорятъ, многія жены, когда надоѣдятъ имъ мужья, отдѣлываются отъ нихъ посредствомъ яда. Но вѣрно и всѣмъ извѣстно то, что мѣщане, которымъ приходитъ въ голову мѣшать дворянамъ знакомиться черезчуръ близко съ ихъ женами и

дочерьми, платятся за это безъ дальнихъ околичностей своими головами».

Почти то же извѣстно о нравахъ и другихъ нѣмецкихъ городовъ того времени. Сѣверъ Германіи не отставалъ отъ юга. Пьянство, а съ нимъ и всякой разнузданности было вездѣ вдоволь.—Въ Любекѣ, въ 1476 году, вошли въ большую моду толстыя вуали, совершенно скрывавшія лицо. Тамошнія патриціанки, сохраняя инкогнито подъ этими вуалями, отправлялись по вечерамъ въ винные погребки и участвовали тутъ въ буйныхъ оргіяхъ матросовъ. Это ужъ совсѣмъ во вкусѣ Мессалины.

Будь во всемъ этомъ только половина правды, все-таки остается очень неудобнымъ переносить сюда нѣмецкій идеалъ семейной жизни, какъ это дѣлаютъ нѣкоторые германофилы. Идеальныхъ *пряхъ* тутъ найдется немного. Заботы о хозяйствѣ, о домѣ давно отошли на задній планъ, и городскія патриціанки не отставали въ своихъ затѣяхъ отъ рыцарскихъ бургфрау.

Это имѣетъ, впрочемъ, свое объясненіе. Прежнее чисто рабское положеніе женщины въ семьѣ и въ обществѣ не могло дольше держаться. Его замѣнили чѣмъ-то имѣвшимъ видъ свободы. Оказалось, что старый порядокъ совсѣмъ расшатывается. Тутъ начали жаловаться на развратъ и принимать противъ него карательныя мѣры. Никто не думалъ еще, что плохъ долженъ быть тотъ порядокъ, который никакъ не можетъ оставаться порядкомъ.— Но развѣ и наши свѣтлыя времена далеко ушли въ этомъ отношеніи отъ тѣхъ темныхъ временъ? Что, кромѣ деспотизма, а съ нимъ и всякой испорченности, проповѣдуетъ, напримѣръ, столь мягкое съ виду мнѣніе, что «женщина способна только субъективно чувствовать, но не способна объективно мыслить»? А вѣдь это ходячее мнѣніе и теперь.

Какъ бы то ни было, но разврата нельзя было поощрять, —и законодательство придумывало, для уничтоженія его, одну мѣру грознѣе другой.—За изнасилованіе замужней женщины или дѣвушки назначили смертную казнь. Въ нѣкоторыхъ городахъ, какъ, напримѣръ, въ Аугсбургѣ, виновнаго постигала смерть даже и въ томъ случаѣ, если жертвою его была такъ называемая публичная женщина. Но и рубить голову—казалось не довольно устрашительнымъ. Въ Гессенѣ и въ Швабіи, если изнасилована была невинная дѣвушка, преступника закапывали живого въ

землю, съ особенною кровавою церемоніей. Положивъ его въ яму, ставили ему на грудь и вгоняли сквозь сердце заостренный колъ. Первый ударъ молотомъ по колу должна была сдѣлать опозоренная дѣвушка.—Для раскрытія преступленія принятымъ тогда образомъ женщина должна была отложить всякій условный стыдъ и выступить сама обвинительницей. Пойманные въ прелюбодѣяніи подвергались смертной казни обезглавленіемъ, или же ихъ хоронили живыхъ вмѣстѣ. Смертная же казнь назначалась за двумужество, за двуженство, за дѣтоубійство. Кровосмѣшеніе наказывалось конфискаціей имущества. Дѣтоубійцамъ или рубили голову, или же ихъ топили. Вообще послѣдній родъ казни былъ больше въ ходу для женщинъ. Осужденную зашивали въ мѣшокъ и кидали въ рѣку. Эту казнь старались еще усилить тѣмъ, что въ мѣшокъ клали вмѣстѣ съ приговоренной змѣй и другихъ животныхъ. Это варварство существовало мѣстами еще въ XVIII-мъ столѣтіи. Такъ въ 1734 году была утоплена въ Саксоніи дѣтоубійца, съ которою посадили въ мѣшокъ собаку, кошку и змѣю.—Подкидываніе дѣтей тоже строго преслѣдовалось. Вѣроятно, оно было сильно распространено въ Базелѣ въ XIV-мъ столѣтіи, потому что тамошній совѣтъ нашелъ необходимымъ грозить бѣднымъ виновницамъ, что ихъ будутъ кидать въ Рейнъ.

Разумѣется, не отъ такихъ мѣръ можно было ждать спасенія. Но удивительно-ли, что онѣ казались здравыми? Не дальше, какъ въ прошломъ году нашелся ученый специалистъ въ Англіи, который въ большомъ своемъ сочиненіи о дѣтоубійствѣ желалъ-бы возвратить общество къ казнямъ несчастныхъ жертвъ его собственной неурядицы [1]). Мѣры болѣе практическія, хотя немогшія радикально помогать злу, были приняты лишь впослѣдствіи. Только въ началѣ XVI-го вѣка явился въ Германіи первый воспитательный домъ, именно въ Нюренбергѣ. Но такіе дома и теперь—капля въ морѣ.

Положеніе женщины въ нѣмецкомъ крестьянствѣ, знавшемъ только постоянный тяжелый трудъ, было, конечно, не такъ дико и нелѣпо. Но оно было такъ же

---

[1]) Оно было-бы подстать возобновленію тѣлесныхъ наказаній. Интересной въ фактическомъ отношеніи книги В. Борка-Райена: «Infanticide, its law, prevalence, prevention and history» не было, впрочемъ, у насъ въ рукахъ.

тяжело, какъ тяжело и теперь вездѣ у народа. Мы ужъ не говоримъ о крѣпостномъ сословіи. Рыцарская галантерейность не касалась отношеній къ подчиненнымъ. Крѣпостныхъ женщинъ мѣняли, продавали, какъ домашній скотъ. Изъ одной купчей первой половины XIV-го вѣка видно, что двухъ женщинъ можно было со всѣмъ ихъ будущимъ потомствомъ купить *за одинъ талеръ*! Нѣмецкіе бароны XIII-го и XIV-го столѣтій составляли себѣ изъ крѣпостныхъ своихъ цѣлые гаремы. Такъ, нѣкій рыцарь фонъ-Бернекъ держалъ у себя двѣнадцать дѣвушекъ, «для облегченія своего вдовства», какъ онъ выражался.

Въ жизни свободнаго крестьянства было сравнительно нѣкоторое приволье развѣ на югѣ. Въ австрійскихъ и баварскихъ провинціяхъ замѣтны были на крестьянахъ даже слѣды рыцарскаго вліянія. Въ крестьянскихъ забавахъ и въ одеждѣ отражались тамъ иногда въ карикатурѣ рыцарскія манеры и моды. Деревенскіе парни навѣшивали себѣ мечи, придѣлывали шпоры къ сапогамъ и носили перья на шляпахъ. Къ этимъ самозваннымъ рыцарямъ присоединялись въ ухаживаньи за сельскими красавицами и настоящіе рыцари, и ужъ, конечно, отъ этого нечего было ждать добра.

Стихотворныя новеллы отзываются и о крестьянствѣ тѣмъ же тономъ, какъ о рыцарствѣ и духовенствѣ. Но если онѣ и правы, намъ не зачѣмъ останавливаться на темныхъ сторонахъ крестьянскаго быта. Этотъ классъ не имѣлъ притязаній быть представителемъ прогресса и цивилизаціи, да не имѣлъ на это и средствъ. Это былъ «черный народъ», по нашему родному выраженію.

Упомянувъ о крестьянствѣ, нельзя однако-жъ пропустить одного любопытнаго обычая, который существуетъ кой-гдѣ и до сихъ поръ въ нѣмецкихъ селахъ. Это—такъ называемыя *пробныя ночи*. Въ концѣ прошлаго столѣтія нѣкто Фр. Хр. Фишеръ написалъ о нихъ цѣлый трактатъ [1]).

Онъ начинаетъ такъ: «Почти по всей Германіи, въ особенности же въ Швабіи и на Шварцвальдѣ, ведется у крестьянъ обычай, что дѣвушки позволяютъ своимъ женихамъ, за долго до свадьбы, тѣ вольности, которыя обыкновенно составляютъ привилегію лишь мужей. Но очень

---

[1]) «Die Probenächte der deutschen Bauernmädchen». Перепечатано съ изданія 1780 года въ Штутгардтѣ 1853 г.

ошибется тотъ, кто изъ этого обычая выведетъ заключеніе, будто дѣвушки теряютъ чрезъ это всякую женскую нравственность и расточаютъ свои ласки любовникамъ. Вовсе нѣтъ. Сельская красавица умѣетъ такъ умно хозяйничать своими прелестями и приправлять умѣренное наслажденіе такою долей скромности, что не уступитъ въ этомъ любой свѣтской дѣвицѣ». Далѣе: «Какъ только крестьянская дѣвушка подраcтетъ, является множество угодниковъ, которые начинаютъ доискиваться ея благосклонности и продолжаютъ свои исканія до тѣхъ поръ, пока не замѣтятъ, что одинъ изъ нихъ предпочтенъ ею. Этотъ избранникъ имѣетъ право посѣщать свою красавицу по ночамъ. Но обычай требуетъ, чтобы онъ входилъ къ ней не дверями, а слуховымъ окномъ. Притомъ первыя посѣщенія часто вознаграждаются со стороны дѣвушки горькими насмѣшками. Пробравшись въ окно, онъ получаетъ только позволеніе поболтать нѣсколько часовъ съ дѣвушкой, которая лежитъ въ постели вполнѣ одѣтая. Какъ только она заснетъ, онъ долженъ удалиться. Лишь очень постепенно и послѣ много разъ повторенныхъ попытокъ, головоломная дорога по кровлямъ вознаграждается нѣкоторыми вольностями. Эти первыя посѣщенія, бывающія только по воскресеньямъ и праздничнымъ днямъ, называются *гостиными ночами* (Kommenächte). Затѣмъ переходятъ къ *пробнымъ ночамъ*, которыя назначаются уже чаще. Когда такимъ образомъ молодые люди убѣдятся, что они приходятся другъ по другу, молодой человѣкъ дѣлаетъ уже формальное предложеніе родителямъ; а тамъ происходитъ обрученіе и вскорѣ свадьба. Часто случается, что связь разрывается послѣ первой же пробной ночи. Это вовсе не вредитъ доброй славѣ дѣвушки, потому что вскорѣ находится другой, который такимъ же образомъ добивается ея благосклонности. Только послѣ многихъ такихъ опытовъ, оставшихся безъ послѣдствій, про дѣвушку распространяется молва, что она почему-нибудь негодна для замужества».

Простой народный смыслъ слишкомъ хорошо понималъ, какую великую роль играютъ (особенно на извѣстной степени развитія) физическія качества супруговъ для прочности брака. Цитированный нами авторъ указываетъ на примѣры этого обычая и въ дворянствѣ, и даже въ самыхъ высокихъ общественныхъ кругахъ. Но тамъ это было

уже просто игрою въ чувственность, безъ всякой иной цѣли.

IX.

Въ числѣ мѣстъ, гдѣ особенно развивалась свѣтски-общественная жизнь средневѣковой Германіи, надо упомянуть и о цѣлебныхъ водахъ. Многія изъ тѣхъ водъ, на которыя устремляются теперь больные и небольные изо всѣхъ странъ Европы, рано стали пользоваться извѣстностью. Но самымъ многолюднымъ сборнымъ пунктомъ былъ между ними въ средніе вѣка Баденъ въ Ааргау, извѣстный еще во времена Тацита, но теперь мало посѣщаемый. Туда съѣзжались изъ близкихъ и далекихъ мѣстъ духовные и міряне, рыцари и дамы, купцы, каноники, прелаты, аббатиссы. Леченье въ Баденѣ было, какъ видно, очень привлекательно. Одна цюрихская игуменья продала мызу, чтобы только съѣздить туда. Монахини изъ Тёсса заплатили не мало денегъ, чтобы получить папское дозволеніе ѣхать въ Баденъ и ходить тамъ въ свѣтскомъ платьѣ. Мужского духовенства собиралось тоже множество. Одинъ каппельскій аббатъ за свой кутежъ поплатился изгнаніемъ изъ монастыря.

Флорентинецъ Поджіо, пріѣзжавшій въ Баденъ въ 1417 году лечиться отъ хирагры, описалъ довольно подробно тогдашнее житье на водахъ. Онъ говоритъ, что для многочисленныхъ посѣтителей Бадена устроены очень хорошія помѣщенія въ тридцати гостиницахъ. Для простонародья купаленъ нѣтъ. Мужчины и женщины, молодые люди и дѣвушки купаются вмѣстѣ подъ открытымъ небомъ. Есть, правда, перегородка между ними, но женщины входятъ въ воду голыя въ виду мужчинъ. Купальни для высшаго класса очень красиво убраны. Но и тутъ мужчины и женщины нераздѣльны. Досчатыхъ перегородокъ нечего и считать раздѣленіемъ. Въ нихъ столько отверстій, что съ обѣихъ сторонъ можно не только видѣть, но и касаться другъ друга. И это дѣлается часто. Мужчины впрочемъ въ купальныхъ штанахъ, а женщины въ рубашкахъ. Въ водѣ сидятъ по цѣлымъ часамъ. Тутъ и обѣдаютъ на плавающихъ столахъ. Ежедневно купаются по три и по четыре раза. Остальное время дня проходитъ въ пѣніи, питьѣ и танцахъ. Даже въ водѣ нѣкоторые играютъ на томъ или другомъ инструментѣ и поютъ. Надъ водой устра-

иваются галлереи, гдѣ собираются мужчины болтать съ купающимися дамами. Дамы шутя выпрашиваютъ у нихъ себѣ подарки. Кавалеры бросаютъ букеты цвѣтовъ и небольшія монеты, и красавицы взапуски стараются подхватить ихъ подолами своихъ рубашекъ. Знати и людей низшаго разбора, собирающихся въ Баденъ, не перечтешь. Не мало пріѣзжаетъ и очень хорошенькихъ женщинъ, у которыхъ нѣтъ тутъ ни мужей, ни братьевъ. Всѣ, кто можетъ, ходятъ въ серебрѣ, въ золотѣ и драгоцѣнныхъ камняхъ, будто пріѣхали не на леченье, а на праздникъ. Монахини, аббаты, священники и монахи живутъ тоже вольно и весело. Духовныя особы купаются вмѣстѣ съ женщинами, надѣваютъ на головы вѣнки и забываютъ условія своего обѣта.

Любопытно, что эти воды славились особенно вліяніемъ на мужскія и женскія болѣзни. Поджіо, въ своемъ описаніи, не безъ ироніи замѣчаетъ, что дѣйствительно «нѣтъ на свѣтѣ водъ, которыя такъ способствовали-бы женскому плодородію».

Подъ хорошенькими женщинами безъ мужей и братьевъ Поджіо разумѣлъ, конечно, тотъ несчастный разрядъ женщинъ, къ которому принадлежатъ такъ называемыя въ наше время камеліи. Изъ числа такихъ женщинъ однѣ были осѣдлыя, другія странствующія. Ни ярмарки, ни императорскія коронаціи, ни турниры, ни сеймы, ни церковныя празднества, ни соборы не обходились безъ наплыва этихъ кочующихъ красавицъ. Иногда онѣ наѣзжали въ огромномъ числѣ. Такъ на Констанцскомъ соборѣ ихъ было, по однимъ извѣстіямъ, семьсотъ, а по другимъ—даже полторы тысячи. Одна изъ нихъ пріобрѣла тутъ восемьсотъ золотыхъ гульденовъ. Это сумма чрезвычайно значительная для того времени. Толпы такихъ женщинъ сопровождали войска, и еще въ тридцатилѣтнюю войну генералъ-профосъ, завѣдывавшій ими вмѣстѣ съ остальнымъ обозомъ, имѣлъ по этому случаю особый офиціальный титулъ...

Средніе вѣка представляютъ почти столь же развитую регламентацію по этому предмету, какъ и современные полицейскіе законы. Разницы между этой старинной и нашей новизной не много. Только взглядъ былъ тогда проще, и общественная мораль не такъ лицемѣрна, какъ въ наше время.

Осѣдлыя женщины, промышлявшія проституціей жили въ такъ называемыхъ *женскихъ домахъ*. Безъ такого дома, хоть одного, не обходились и самыя маленькія мѣстечки. Въ большихъ же городахъ ихъ бывало по нѣскольку. Читатель ужъ знаетъ, откуда произошло названіе этихъ притоновъ. Женскіе дома допускались и поддерживались въ видахъ будто-бы «лучшаго огражденія дѣвической и женской чести» (разумѣется, въ семьяхъ гражданъ). Женскіе дома были собственностью городовъ и отдавались въ аренду за извѣстную недѣльную плату *женскимъ хозяевамъ*. Нерѣдко доходъ этихъ заведеній составлялъ государственную регалію или ленъ духовныхъ и свѣтскихъ династовъ. Возмущаться этимъ нечего. Вѣдь это было давно. А развѣ въ наше время правительства въ Германіи не отдаютъ на откупъ рулетку? «Бытъ женскихъ домовъ», говоритъ Шерръ, «былъ устроенъ, можно сказать, съ нѣмецкою аккуратностью. Вездѣ, повидимому, требовались два главныя условія: чтобы, во-первыхъ, женскій домъ не пополнялся изъ жительницъ того города, гдѣ находится, а женщины набирались туда въ другихъ мѣстахъ, и, во-вторыхъ,—чтобы въ женскіе дома принимались только незамужнія. Хозяинъ дома не долженъ былъ допускать въ него духовныхъ лицъ, женатыхъ людей и жидовъ. Но правило это исполнялось строго только относительно жидовъ. Извѣстно также, что даровое угощеніе знатныхъ посѣтителей города въ женскихъ домахъ было однимъ изъ видовъ средневѣковаго городского гостепріимства». Императоръ Сигизмундъ останавливался со всею своею свитой въ женскихъ домахъ, разъ въ Ульмѣ и разъ въ Бернѣ. «Отношенія хозяина женскаго дома къ городу и его женщинъ къ хозяину», продолжаетъ тотъ же авторъ, «были регламентированы до мелочей, такъ же, какъ продовольствіе женщинъ, раздѣлъ барышей и проч. По вечерамъ, наканунѣ воскресныхъ дней и праздниковъ, и по утрамъ этихъ дней, до обѣда, женскіе дома закрывались. Городскіе магистраты обходились съ этими несчастными женщинами не вездѣ одинаково. Въ однихъ мѣстахъ ихъ держали круто, поручали надзору палача и хоронили особо отъ кладбища. Въ другихъ мѣстахъ онѣ пользовались нѣкоторыми правами—могли являться съ букетами цвѣтовъ на городскихъ празднествахъ и увеселеніяхъ, а въ Лейпцигѣ даже совершать ежегодно тор-

жественную процессію по городу и вокругъ него, при началѣ поста». Глядя на продажныхъ женщинъ, какъ на огражденіе своихъ домовъ отъ разврата, городское управленіе считало нужнымъ и отличить ихъ чѣмъ-нибудь отъ женъ и дочерей гражданъ. Обитательницы женскихъ домовъ обязаны были всюду носить съ собою свидѣтельство своего позора. Одежда ихъ отличалась чѣмъ-нибудь отъ одежды другихъ женщинъ, или цвѣтомъ, или покроемъ. Въ одномъ городѣ онѣ должны были нашивать зеленую тесьму на покрывало (фату), въ другомъ носить желтыя накидки, обшитыя голубыми шнурками, въ третьемъ— красныя шапочки.

Женскіе дома, какъ средневѣковые цехи, не терпѣли конкуренціи. Обитательницы ихъ преслѣдовали женщинъ, пробовавшихъ жить ихъ ремесломъ внѣ привилегированныхъ стѣнъ. Такъ, въ Нюренбергѣ онѣ жаловались въ 1462 году городскому совѣту, что и другіе хозяева держатъ женщинъ, которыя выходятъ по ночамъ на улицу, и проч.; что хозяева эти промышляютъ гораздо грубѣе, чѣмъ ихъ (привилегированный) женскій домъ, и что горько видѣть такія дѣла въ столь достохвальномъ городѣ, какъ Нюренбергъ. Чѣмъ рѣшилъ городской совѣтъ, неизвѣстно; но онъ вѣрно не оставилъ новыхъ конкурентокъ въ покоѣ. Такъ по крайней мѣрѣ можно судить по рѣшенію въ другомъ подобномъ дѣлѣ, лѣтъ пятьдесятъ спустя. Городской магистратъ далъ тогда жительницамъ женскаго дома позволеніе напасть формальнымъ штурмомъ на вновь появившееся такое же заведеніе, не имѣвшее офиціальнаго разрѣшенія.

Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ встрѣчаются, впрочемъ, и тогда уже гуманныя заботы объ этихъ несчастныхъ. «Ради пожертвованія ихъ собою для общаго блага», имъ было тамъ и сямъ даруемо право гражданства въ городѣ. Это, положимъ, было больше наивно, чѣмъ гуманно. Но кой-гдѣ основывались особыя учрежденія съ тѣмъ, чтобы давать приданое такимъ женщинамъ, когда онѣ желали выйти замужъ и находили себѣ жениха.—Католическое духовенство дѣлало тоже нѣкоторыя попытки ограничить проституцію. Чтобы дать возможность жертвамъ ея оставлять свою позорную жизнь, стали основывать монастыри, пріюты. Заведенія для *покаянницъ* (Reuerinnen), какъ ихъ называли, существовали въ Нюренбергѣ, въ Регенсбургѣ

и во многихъ другихъ мѣстахъ. Тѣмъ не менѣе проституція росла, и къ концу XV столѣтія приняла въ Германіи такіе страшные размѣры, что пришлось приняться за дѣло серьезнѣе. Все ограничилось однако-жъ тѣмъ, что съ XVI вѣка въ большей части городовъ женскіе дома были закрыты. Это была, конечно, очень плохая мѣра, и заведенія такого рода не замедлили опять появиться, только въ нѣсколько измѣненной формѣ. Удивительно-ли это, когда ни во взглядѣ на женщинъ, ни въ положеніи ихъ ничто не перемѣнилось? Безъ такой перемѣны ни запреты, ни магдалинскія убѣжища не могли ничего сдѣлать.

X.

Образованіе, распространенное и на женщинъ, могло-бы, конечно, много, хотя и не вполнѣ, помочь дѣлу. Но оно оставалось въ самомъ жалкомъ положеніи. Чуть-ли даже не стало хуже прежняго. Чѣмъ ближе къ концу среднихъ вѣковъ, тѣмъ меньше встрѣчается въ Германіи женщинъ сколько-нибудь замѣчательныхъ по образованію. Двѣ-три женскія школы, существовавшія въ нѣкоторыхъ городахъ, нельзя принимать и въ расчетъ,—такъ онѣ были ничтожны. Главными центрами женскаго воспитанія продолжали быть монастыри. Но они все больше и больше удалялись отъ идеала, въ угоду которому были созданы, а, наконецъ, и совсѣмъ перестали напоминать о немъ. Попрежнему были они пріютами дѣвственницъ поневолѣ, не нашедшихъ себѣ въ міру мужей. Попрежнему попадали въ нихъ женщины вслѣдствіе родительской воли, безъ всякаго желанія и безъ всякаго религіознаго энтузіазма. Мелкое дворянство смотрѣло на нихъ, какъ на очень удобныя убѣжища для своихъ безприданницъ. Ученье дѣвочекъ, которыхъ принимали къ себѣ монахини, было чисто механическое. Школьная мастерица, бывшая въ каждомъ почти монастырѣ, и сама знала немного. Пѣть, читать, писать, знать богослужебные обряды, шить и вышивать,—вотъ была и вся задача преподаванія. Наиболѣе развивающимъ занятіемъ было развѣ переписыванье книгъ, которое оставалось до изобрѣтенія книгопечатанія одною изъ спеціальностей какъ женскихъ, такъ и мужскихъ монастырей.

Излишество досуговъ, обильная и вкусная пища, от-

сутствіе заботъ о существованіи какъ нельзя больше способствовали и фантазіямъ, и осуществленію ихъ. Историческія свидѣтельства говорятъ слишкомъ ясно о постепенномъ развитіи въ женскихъ монастыряхъ совсѣмъ не монастырскихъ нравовъ. Особенно богато такими свидѣтельствами XVI-е столѣтіе. Изъ множества примѣровъ можно ограничиться двумя-тремя, достаточно характеристичными. Въ женскій монастырь Гнаденцелль на швабскихъ альпахъ сосѣдніе дворяне отправлялись кутить, устраивали тамъ пляски и оргіи. Все это не обходилось безъ извѣстныхъ послѣдствій. Одинъ изъ веселыхъ сіятельныхъ патроновъ монастыря упрекалъ настоятельницу въ письмѣ, что она «нѣсколькихъ бѣдныхъ дѣвицъ» не удалила во-время, и оттого сосѣди имѣютъ право говорить, что «монастырскія стѣны оглашаются дѣтскимъ крикомъ». Подобными же нравами отличался монастырь въ Кирхгеймѣ. Виртембергскій герцогъ Ульрихъ писалъ сыну своему, Эбергарду младшему: «Недавно пріѣхалъ ты въ Кирхгеймъ и поднялъ тамъ пляску въ монастырѣ, въ два часа пополуночи. Да еще не удовольствовался грѣшною жизнью, которую самъ ведешь со своими приспѣшниками, —и брата своего съ собою взялъ». Такія уклоненія отъ обѣта цѣломудрія вызывали не разъ реформы и карательныя мѣры. Такъ, не разъ принимались за острастку монастыря Гнаденцелля, и едва водворили тамъ хоть внѣшнее благочиніе. Молва о распущенной жизни въ женскомъ монастырѣ близъ Ульма заставила произвести тамъ слѣдствіе. Епископъ, производившій его, доноситъ папѣ, что нашелъ въ монастырскихъ кельяхъ любовныя письма, поддѣльные ключи, роскошныя свѣтскія платья и притомъ—большую часть монахинь въ «интересномъ положеніи».

Духовенство и монашество мужское отличалось еще пущимъ распутствомъ. Магистратскіе протоколы нѣмецкихъ городовъ въ XV-мъ столѣтіи наполнялись жалобами на грубую безнравственность и безстыдство духовенства (особенно монастырскаго), и разными строгими мѣрами противъ нихъ. Мужскіе монастыри превратились въ притоны тунеядства, невѣжества и праздности. Раздраженіе противъ духовенства было повсюду. О немъ ходили безчисленные скандальные разсказы. Сборникъ разнаго рода анекдотовъ, записанныхъ со словъ народа и изданныхъ въ 1506 году Бебелемъ (подъ названіемъ Facetien),

переполненъ циническими похожденіями патеровъ и монаховъ. Въ масленичныхъ фарсахъ духовенство предавалось самымъ жестокимъ насмѣшкамъ. Неизбѣжнымъ лицомъ являлась тутъ наложница или—гораздо безцеремоннѣе—Pfaffenmetze. Чѣмъ ближе ко времени реформаціи, тѣмъ громче и рѣшительнѣе раздавался обличительный голосъ сатиры. Высшей силы своей достигла она въ знаменитыхъ *Письмахъ темныхъ людей* (обскурантовъ). Эта сатира почти непосредственно предшествовала сожженію Лютеремъ папской буллы.

Рядомъ съ нравами духовенства, нравы міряиъ не кажутся уже столь вопіющими, хотя въ нихъ тоже былъ изрядный хаосъ. Грубость и безстыдство служатъ главною цѣлью нападокъ тогдашнихъ поэтовъ, проповѣдниковъ и даже хронистовъ. Особенно раздражаетъ ихъ фривольность въ одеждѣ. Видно, даже являться на улицахъ въ костюмѣ Адама и Евы не считалось рѣдкостью. Иначе зачѣмъ-бы сант-галленскому совѣту издавать въ 1503 г. запретъ ходить нагишомъ по городу и его округѣ?—Одинъ изъ замѣчательнѣйшихъ сатириковъ XV-го вѣка, Себастіанъ Брантъ, восклицаетъ: «Стыдъ нѣмецкой націи! Все, что природа предписываетъ скрывать и прятать, обнажается и выставляется на видъ». Одинъ страсбургскій проповѣдникъ говорилъ съ каѳедры о женщинахъ: «Посмотрите только на ихъ одежду! Не безуміе-ли это и поверхъ и ниже пояса? Рубашки всѣ въ сборкахъ; а воротъ у платья какъ вырѣзанъ! Рукава такіе широкіе, какъ у монашескихъ рясъ; а платья такія коротенькія, что ни спереди, ни сзади ничего не прикрываютъ».

Во второй половинѣ XV-го столѣтія появилась въ литературѣ и болѣе серьезная реакція господствовавшей распущенности. Реакція эта выходила изъ среды предшественниковъ такъ называемыхъ гуманистовъ XVI-го вѣка. Особенно замѣчательно въ этомъ отношеніи сочиненіе Альбрехта фонъ-Эйба о бракѣ. Авторъ поднесъ свою книгу нюренбергскому совѣту въ видѣ подарка на новый 1472 годъ. Она имѣла въ виду и духовенство, которое провозглашало бракъ чѣмъ-то низкимъ для себя, и свѣтское общество съ его неопредѣленною моралью. Фонъ-Эйбъ ставитъ бракъ и уваженіе къ нему краеугольнымъ камнемъ общественнаго благоденствія. «Всемогущій Богъ, разсуждаетъ онъ, какъ справедливый отецъ, хотѣлъ,

чтобы родъ человѣческій былъ вѣченъ, и создалъ сначала мужчину по своему божественному подобію, а потомъ женщину по образу мужчины, дабы было два пола, мужчины и женщины, рождать дѣтей и населять предѣлы земли. Это долженствовало происходить въ формѣ святого брака, и Богъ-Отецъ самъ установилъ и устроилъ бракъ въ сладостномъ раю и во время невинности. Потомъ Господь Богъ, живя во образѣ человѣческомъ, лично почтилъ и благословилъ бракъ, и удостоилъ его своими божественными знаменіями, превративъ при этомъ воду въ вино. Бракъ похваляется и чествуется и природой, которая вложила въ человѣка побужденіе имѣть дѣтей, сходныхъ съ нимъ. И законоположенія опредѣлили, что бракъ долженъ быть заключаемъ по обоюдной мужа и жены свободной волѣ, въ знакъ того, что между ними долженъ господствовать вѣчный миръ и согласіе, и вѣрная любовь и дружество. Такимъ образомъ бракъ есть честное дѣло, отецъ и наставникъ чистоты. Бракъ есть полезное, благое дѣло: онъ зиждетъ, умножаетъ и содержитъ въ мирѣ домà, города и страны; онъ утишаетъ многія распри и войны, возстановляетъ родство и доброе дружество между посторонними и увѣковѣчиваетъ весь родъ человѣческій. Что можетъ быть отраднѣе и слаще имени отца, матери и дѣтей, припадающихъ на грудь родителей? Когда мужъ и жена имѣютъ другъ къ другу истинную любовь и истинное доброжелательство, то радость и горе у нихъ общія, и тѣмъ радостнѣе наслаждаются они добромъ, и тѣмъ легче переносятъ непріятное».

XI.

Въ томъ же духѣ и тонѣ, какъ фонъ-Эйбъ, говорилъ о бракѣ и Лютеръ. Такъ же говорили и другіе сподвижники реформаціи. Взглядъ не новъ; онъ заимствованъ почти цѣликомъ изъ библейскихъ моралистовъ ветхаго завѣта. Безбрачіе духовенства, приведшее къ такому разврату и въ немъ самомъ и въ обществѣ, должно было заставить Лютера прибѣгнуть къ библейскимъ поученіямъ въ подтвержденіе своихъ мнѣній о необходимости и святости брака. Онъ, впрочемъ, черпалъ свои доводы и изъ простого здраваго смысла... Въ природѣ столь же глубоко внѣдрена потребность родить дѣтей, какъ потребность ѣсть и пить. Поэтому Богъ далъ тѣлу члены, жилы, соки

и все, что для того нужно. Противиться и не слѣдовать тому, что велитъ исполнять природа,—то же, что хотѣть, чтобы природа не была природой, чтобы огонь не жегъ, вода не мочила, человѣкъ не ѣлъ, не пилъ и не спалъ». Это разсужденіе какъ нельзя болѣе справедливо и теперь. Но, обращаясь къ нравственнымъ качествамъ женщины и ея обязанностямъ, Лютеръ ставитъ женщину въ исключительное служебное подчиненіе мужчинѣ. Она должна существовать какъ-бы только для украшенія жизни мужчины, для пополненія его существованія. О самостоятельномъ значеніи и достоинствѣ ея нѣтъ и помину. Въ *Похвалѣ доброй женѣ* Лютеръ просто перифразируетъ Соломона, къ притчамъ котораго прибѣгаетъ такъ часто и нашъ *Домострой*. «Благочестивая, богобоязненная жена есть рѣдкое благо, выше и драгоцѣннѣе жемчуга», говорится въ *Похвалѣ*. «Мужъ полагается на нее и довѣряетъ ей все. Она радуетъ и веселитъ мужа, не печалитъ его, поступаетъ любовно и во всю жизнь не причиняетъ ему горя. Она обрабатываетъ ленъ и шерсть, и охотно трудится собственными руками, и обряжаетъ домъ, и подобится судну купеческому, которое везетъ изъ дальнихъ странъ много добра и товаровъ. Рано встаетъ она, кормитъ челядь домашнюю и раздаетъ уроки служанкамъ. Обо всемъ, что слѣдуетъ, хлопочетъ она, и всѣмъ занимается съ радостью. Что до нея не касается, оставляетъ. Она крѣпко препоясываетъ себя и не полагаетъ рукъ, заботясь по дому. Она замѣчаетъ полезное и отвращаетъ вредное. Свѣтильникъ ея не угасаетъ ночью. Она протягиваетъ руки къ прялкѣ и персты ея берутъ веретено; она работаетъ съ охотой и усердіемъ. Она распростираетъ свои руки надъ бѣдными и неимущими; даетъ и помогаетъ съ любовью. Она держитъ свое домашнее хозяйство въ добромъ порядкѣ; не ходитъ неряшливая и запачканная. Нарядъ ея—опрятность и прилежаніе. Она открываетъ уста свои съ мудростью; на языкѣ ея пріятное поученіе; она воспитываетъ дѣтей своихъ словомъ Божіимъ. Мужъ хвалитъ ее; сыновья приходятъ и прославляютъ ее».—Странно было-бы и ждать иного взгляда отъ нѣмецкаго реформатора. Не надо забывать, что реформа его касалась церкви—и только церкви. Соціальныя отношенія казались ему непогрѣшимыми, какъ скоро опирались на систему, которой онъ безусловно подчинялся. Его негодованіе обращалось только

на частныя уклоненія отъ нея. Шерръ очень характеристично называетъ Лютера настоящимъ изобрѣтателемъ ученія объ ограниченномъ вѣрноподданническомъ разумѣ. «Самыя опредѣленныя свидѣтельства изъ устъ реформатора подтверждаютъ справедливость этого мнѣнія. Всякому извѣстно, что Лютеръ признавалъ законность крѣпостного права; что онъ считалъ необходимымъ обременять простого человѣка тягостями, потому что иначе онъ будетъ слишкомъ *своеволенъ*; что онъ признавалъ даже за администраціей право измѣнять по произволу правила таблицы умноженія». Съ такимъ взглядомъ трудно связывать благотворное вліяніе на общественную нравственность. Если мы замѣчаемъ въ лучшихъ и наиболѣе развитыхъ кругахъ того времени бо̀льшую чистоту нравовъ, бо̀льшую разумность въ семейныхъ отношеніяхъ, то это слѣдуетъ приписать вліянію общаго гуманитарнаго направленія тогдашней образованности, а не церковной реформѣ. Книгопечатаніе давало больше средствъ къ распространенію грамотности и знанія. Женщинамъ стало легче усваивать себѣ кое-что изъ современной науки. Послѣ реформаціи и разоренія монастырей чаще основывались женскія училища. Латинскій языкъ вошелъ въ такую же моду, какъ потомъ французскій.

Въ дѣлѣ реформаціи участіе женщинъ было значительно. Лютеръ, какъ человѣкъ практическій, умѣлъ имъ пользоваться. «Если женщины принимаютъ ученіе Евангелія, говоритъ онъ, то онѣ гораздо сильнѣе и ревностнѣе въ вѣрѣ, чѣмъ мужчины, и гораздо крѣпче и упорнѣе ея держатся». Успѣху новаго ученія помогали своимъ политическимъ вліяніемъ герцогини Катерина Саксонская и Елизавета Брауншвейгская, курфюрстины Сибилла Саксонская и Елизавета Бранденбургская, принцесса Маргарита Ангальтская. Лютеръ былъ въ перепискѣ и съ сестрою своего могущественнаго противника, Карла V-го, королевой Маріей Венгерской. Въ графскихъ фамиліяхъ Мансфельдовъ и Штольберговъ реформація нашла себѣ ревностныхъ приспѣшницъ. Анна Штольбергъ была первою евангелическою настоятельницей знаменитаго Кведлинбургскаго аббатства. Во многихъ городахъ у Лютера были послѣдовательницы и корреспондентки и не такого высокаго положенія. Онѣ тоже помогали ему и дѣломъ и словомъ, публичною проповѣдью. Таковы Магдалина Гай-

меръ изъ Регенсбурга, Катерина Юнкеръ изъ Эгера и другія. Но изъ всѣхъ этихъ женщинъ лишь одна, по энергіи, силѣ убѣжденія, одушевленію и пониманію дѣла, стоитъ на ряду съ лучшими пособниками виттенбергскаго монаха. Это Аргула Грумбахъ, изъ Франконіи. Она серьезно изучала Библію и была вся проникнута ученіемъ Лютера. Несмотря на преслѣдованія и гоненія, она съ неостывающею ревностью дѣйствовала въ пользу реформаціи. Посланія ея, распространявшіяся и въ печати, не оставались безъ дѣйствія. Она вошла сначала въ переписку, а потомъ и въ личныя сношенія съ Лютеромъ. Между прочимъ, она же рѣшительно совѣтовала реформатору жениться. Жена Лютера, Катерина Бора, бывшая монахиня, которой онъ самъ помогалъ бѣжать изъ монастыря съ восемью ея товарками, удовлетворяла, повидимому, вполнѣ его идеалы жены. «Сердечная Катя» («herzliebe Kättre»), какъ онъ называлъ ее въ своихъ письмахъ, была добрая хозяйка и умная женщина, но мало участвовала въ дѣлахъ мужа. Эразмъ говоритъ, что Лютеръ послѣ женитьбы сталъ значительно мягче и кротче къ своимъ противникамъ.

Разумѣется, не всѣ обитательницы монастырей покидали ихъ въ эпоху реформаціи для того, чтобы сдѣлаться скромными подругами любимыхъ людей, какъ Катерина Лютеръ. Закрытіе монастырей, часто очень бурное, ясно показываетъ, какъ мало участвовало въ отшельничествѣ религіозно-аскетическое настроеніе. Мнимый аскетизмъ прямо переходилъ въ противоположную крайность. Такъ было, напримѣръ, въ 1526 году при упраздненіи монастырей святой Клары въ Нюренбергѣ. А между тѣмъ этотъ монастырь былъ еще однимъ изъ наиболѣе чинныхъ. Тамъ и наука не была совсѣмъ чуждою гостьей. Двѣ аббатиссы этого монастыря, Харита и ея преемница Клара, двѣ сестры гуманиста Вилибальда Пиркгеймера, были извѣстны своимъ образованіемъ, переписывались «о матеріяхъ важныхъ» съ разными учеными,—а старшая оставила по себѣ и любопытные мемуары. Монастырь славился и воспитаніемъ, какое давалось тамъ юнымъ дѣвицамъ.—Современныя свидѣтельства представляютъ, кромѣ того, священниковъ, которые извлекаютъ себѣ монахинь изъ обителей и разъѣзжаютъ съ ними съ мѣста на мѣсто; монахинь, которыя, несмотря на очень почтенный воз-

растъ, изловчаются, съ умѣньемъ свѣтскихъ кокетокъ, отыскивать себѣ мужей; цѣлыя шайки высокородныхъ дамъ и кавалеровъ, которые врываются въ монастыри,— и все ставится тамъ вверхъ дномъ, идетъ пьянство, пляска, адскій кутежъ.

Иначе едва-ли могло быть. Не могли же нравы измѣниться сразу. Къ тому же въ морали, принятой за основу, не было и задатковъ для лучшаго порядка. Въ то время, какъ Лютеръ выводилъ изъ Библіи свой идеалъ брака, Янъ Лейденскій проводилъ принципъ многоженства. Какъ извѣстно, у этого «истиннаго царя новаго храма сіонскаго» было четырнадцать женъ, и такіе же гаремы были и у его «вельможъ» въ Мюнстерѣ. Одна изъ четырнадцати женъ пророка, Елизавета, объявляетъ ему, что ласки его стали ей противны. Янъ Бокельсонъ облачается въ парчевыя царскія одежды и въ торжественной процессіи ведетъ ее на площадь. Тамъ онъ собственными руками рубитъ ей голову и потомъ пляшетъ со своими остальными тринадцатью женами вокругъ обезглавленнаго тѣла.

Но это явленіе исключительное. Возьмемъ нѣсколько болѣе общихъ характеристикъ изъ современныхъ свидѣтельствъ о нѣмецкомъ бытѣ въ вѣкъ реформаціи.

Одинъ изъ лучшихъ людей этого вѣка, поэтъ и рыцарь гуманизма, Ульрихъ Гуттенъ, записываетъ разговоръ Фаэтона и Солнца, наблюдающихъ съ воздушныхъ высотъ нравы Германіи:

«Фаэтонъ. Я вижу, тамъ купаются вмѣстѣ мужчины и женщины, и мнѣ кажется, это не можетъ обходиться безъ вреда для ихъ стыдливости и чести.

Солнце. Никакого вреда нѣтъ.

Фаэтонъ. Да вѣдь они, я вижу, и цѣлуются.

Солнце. Точно.

Фаэтонъ. И ласково обнимаются.

Солнце. Да.

Фаэтонъ. Можетъ быть, они слѣдуютъ законамъ Платона, и жены у нихъ общія?

Солнце. Нѣтъ, не общія. Но этимъ они доказываютъ свое довѣріе. Ни въ единомъ мѣстѣ, гдѣ женъ берегутъ, не найдешь ты женскую чистоту въ такой неприкосновенности, какъ у этихъ женщинъ, надъ которыми нѣтъ никакого надзора и присмотра. Нигдѣ не рѣдко такъ прелюбодѣяніе, и нигдѣ бракъ не соблюдается строже.

Фаэтонъ. Будто?

Солнце. Я тебѣ говорю, такъ.

Фаэтонъ. И подозрѣнія никакого не бываетъ? Глядя на то, какъ обращаются съ ихъ молоденькими женами, дѣвушками, никто не боится за ихъ честь?

Солнце. И мысли объ этомъ не приходитъ. Они вполнѣ довѣряютъ другъ другу, и живутъ въ добромъ согласіи и вѣрности, свободно и честно, безъ всякаго обмана и измѣны».

Что это такое? нравы временъ Цезаря, какъ примѣръ? или очищенные гуманизмомъ рыцарскіе обычаи? Вѣрнѣе всего, что это иронія, и вовсе не тонкая. Шерръ, указывая на кодексъ уголовныхъ законовъ Карла V (Carolina), очень справедливо говоритъ, что «страшная строгость его относительно половыхъ проступковъ доказываетъ обиліе этихъ преступленій». Лѣтописи уголовной юстиціи XVI вѣка представляютъ и фактическія подтвержденія.

Послушаемъ еще современнаго свидѣтеля другого склада, нежели Гуттенъ, именно одного изъ послѣднихъ рыцарей Германіи, Ганса Швейнихена, который написалъ свою автобіографію. О гуманизмѣ онъ и не слыхивалъ, и хвалится, что «пьянство доставило ему большой кругъ знакомства въ имперіи». Со своимъ государемъ, герцогомъ Лигницкимъ, разъѣзжалъ онъ изъ мѣста въ мѣсто, имѣя въ виду одно прихлѣбательство. «Въ 1570 году, разсказываетъ онъ, началъ я съ полной готовностью снюхиваться съ дѣвицами, и, по моему, дѣйствовалъ молодцомъ («былъ Meister Fix», какъ онъ выражается). Сталъ разъѣзжать по свадьбамъ и другимъ мѣстамъ, куда меня звали, и вездѣ годился, жралъ и пилъ по полуночи и по цѣлымъ ночамъ, и обдѣлывалъ любовныя дѣлишки на славу».

Любопытно также послушать, что говорятъ современники о тогдашнихъ танцахъ, которые были одною изъ главнѣйшихъ общественныхъ забавъ. Безъ нихъ, какъ безъ обилія яствъ и питей, не обходилось ни одного собранія. Ученый Агриппа Неттесгеймскій пишетъ въ своей книжицѣ *О тщетѣ наукъ*: «пляшутъ съ непристойными тѣлодвиженіями и неистовымъ топаньемъ подъ сладострастную музыку и вольныя пѣсни. Обнимаютъ дѣвушекъ и замужнихъ женщинъ безстыдными руками, какъ любовницъ...» Одинъ пасторъ, въ памфлетѣ, посвященномъ исключительно танцамъ его времени, говоритъ, что «танцующіе

безпорядочно снуютъ и бѣгаютъ, какъ коровы, мечутся и вертятся. Такое постыдное и паскудное скаканье, круженье и верченье происходитъ отъ плясовыхъ бѣсовъ. Или же кинутся вдругъ вдвоемъ на полъ, а другіе налетятъ, къ нимъ же, и лежатъ кучей. Кто любитъ на всякое безстыдство смотрѣть, тому очень нравится такое скаканье, паданье и маханье платьями. Которая дѣвица больше всѣхъ напляшется, наскачется, навертится и выкажетъ себя, та слыветъ за самую лучшую, и сами матери хвалятся этимъ. Чортъ подзадориваетъ и нашихъ молодыхъ и старыхъ вдовъ. Онѣ также ломаются и безстыдничаютъ, какъ и молоденькія дѣвушки, и на ночныхъ танцахъ являются первыя, а уходятъ послѣднія». Другой моралистъ послѣдней четверти XVI-го вѣка жалуется: «на вечернихъ танцахъ, гдѣ только и дѣлаютъ, что безстыдно пляшутъ, скачутъ, вертятся, не одна женщина потеряетъ свою добрую славу. Иная дѣвица научается тамъ тому, чего ей лучше-бы никогда не знать. Кто такія пляски одобряетъ—негодяй, а кто ихъ защищаетъ—мошенникъ. Не дикое-ли это, безобразно-скотское скаканье, бѣганье и снованье? и проч. Въ теченіе всего XVI-го вѣка и государи, и городскіе магистраты издавали предписанія, въ которыхъ требовали, чтобы танцующія «пристойно одѣвались и прикрывались»; танцорамъ же особенно предписывалось «дѣвушекъ и замужнихъ женщинъ не закруживать и не подкидывать».—Женская одежда въ XVI-мъ столѣтіи стала, впрочемъ, вообще скромнѣе прежняго. Только женщины продолжали бѣлиться и румяниться.

Исторія тогдашнихъ дворовъ тоже не богата образцами той нравственности, которой гуманисты и реформаторы требовали отъ семьи и красы ея, женщины. Варварства, невѣжества и разврата было тутъ довольно. Особенно характеристично невѣжество, которымъ очень ловко пользовалось шарлатанство. Мы разскажемъ одинъ такой случай.

Нѣкто чернокнижникъ, въ родѣ Калостро, нѣмецъ, хоть и съ греческимъ именемъ, вкрался въ довѣріе герцога Юлія Брауншвейгъ-Люнебургскаго. Филиппъ Тероциклъ (нѣмецкій Зоммерлингъ) хвалился, что умѣетъ дѣлать «философскій камень». Герцогъ былъ слабъ и болѣзненъ, и шарлатанъ обѣщалъ ему превратить его вновь въ цвѣтущаго юношу. Для этого герцогу слѣдовало оста-

вить жену, съ которою онъ уже прижилъ десятерыхъ дѣтей и былъ друженъ. Орудіемъ его обновленія должна была служить нѣкая Анна Циглеръ, женщина самаго свободнаго нрава. Удивительно, чему только нельзя было заставить тогда вѣрить! Анна Циглеръ выдавала себя за натуру особенную, исключительную. Она утверждала, что пробыла только восемнадцать недѣль во чревѣ матери; что потомъ ее воспитывали въ особо для того приготовленной кожѣ и кормили составомъ, которымъ можно дѣлать золото и превращать въ золото другіе металлы; что на ней не бывало никакой нечистоты; что она ни съ кѣмъ изъ женщинъ не сходна, и можетъ быть приравнена только къ ангеламъ... что кто будетъ въ связи съ нею, проживетъ безболѣзненно ста годами долѣе другихъ людей. Герцогъ всему повѣрилъ, и началъ дѣло своего обновленія. Все пошло-бы хорошо, если-бъ, наконецъ, чернокнижника, его пріятельницы и всей ихъ нахальной банды, нахлынувшей ко двору, не заподозрили въ покушеніи на жизнь герцогини. Дѣло кончилось тѣмъ, что Тероцикла до смерти защипали раскаленными клещами, Анну Циглеръ сожгли, а сообщниковъ ихъ колесовали.

Вся эта грубость, дичь и безстыдство блѣднѣютъ однако-жъ передъ тѣмъ галантерейнымъ распутствомъ, которое охватило германскіе дворы въ XVII-мъ столѣтіи, по образцу французскаго двора.

XII.

Католическіе дворы въ Германіи слѣдовали болѣе испанско-итальянскому вліянію; дворы же протестантскіе тщились усвоивать нравы и образъ жизни французской Renaissance. И тѣ и другіе представляли безобразное зрѣлище своею роскошью, своимъ безпутствомъ, рядомъ съ несчастною массой бѣднаго, запуганнаго, задавленнаго народа. Подъ блестящимъ лакомъ иностранной цивилизаціи плохо пряталась туземная грубость и варварство. Современники находили, что при дворахъ протестантскихъ нравственная безурядица была еще хуже, чѣмъ при католическихъ. Вліяніе Венеціи, этого другого Парижа того времени, казалось имъ не столь пагубнымъ, какъ «гордый, коварный и развратный французскій духъ».

тѣ нравственные зачатки, которые, повидимому, таились въ лютеранствѣ, зачахли виною этого самаго ученія. Съ подавленіемъ крестьянской войны подавленъ былъ самый прогрессъ общества, и лютеранство начало костенѣть въ сухомъ догматизмѣ и рабскихъ понятіяхъ. «Прежде, въ папствѣ, жаловался одинъ протестантскій проповѣдникъ въ 1534 г., можно было свободнѣе карать пороки государей и важныхъ господъ. Теперь надо дѣйствовать все по придворному; а то скажутъ—бунтовщикъ. Богъ знаетъ, что такое!» Одинъ владѣтельный графъ застрѣлилъ нечаянно человѣка на охотѣ. Его придворный капелланъ утѣшаетъ его, кромѣ непреднамѣренности самаго поступка, еще и тѣмъ, что графъ «вѣдь властенъ надъ жизнью своихъ подданныхъ».

О народѣ и не слышно ничего въ это печальное время. Онъ пасся, послѣ своихъ жестокихъ пораженій, какъ покорное стадо, которое «можно рѣзать или стричь». Тридцатилѣтняя война всею страшной тяжестью своей легла на него и окончательно придавила къ землѣ его побѣдную голову. Не говоря уже о другихъ ужасахъ, что терпѣли въ эту дикую войну женщины! Что дѣлали съ ними солдаты! Эти каннибальства стали чѣмъ-то въ родѣ обычая у буйной солдатчины. Народонаселеніе уменьшилось на двѣ трети послѣ этихъ тридцати лѣтъ кровавой бойни, поднятой изъ-за безумнѣйшихъ предразсудковъ и ни къ чему не приведшей, кромѣ народнаго разоренія. Немногія школы еще болѣе рѣдѣли; женскія же совсѣмъ исчезли.

Нѣмецкіе потентаты, конечно, не такъ пострадали отъ войны, какъ ихъ подданные. Имъ оставалась еще возможность грабить и нищій народъ. Подражательность иноземщинѣ еще болѣе утвердилась и распространилась въ высшихъ кругахъ послѣ тридцатилѣтней войны. Образованность тогдашней аристократіи замѣчательна развѣ тѣмъ, что учителя и гувернеры въ дворянскихъ домахъ получали меньше платы, чѣмъ кучера, повара и лакеи. Метрессы и фаворитки стали необходимою принадлежностію всѣхъ нѣмецкихъ дворовъ, обезьянившихъ Францію. Вся эта безпутная сволочь рядилась въ золото и бархатъ, устраивала разныя дорогія потѣхи, маскарады, аллегоріи въ лицахъ, пасторали, развратничала, пьянствовала и создавала себѣ мишурную Аркадію, высасывая послѣдніе соки изъ народа.

XIII.

«Нѣчто святое и вѣщее», что уважали въ женщинѣ германцы Тацита, стало у ихъ потомковъ предметомъ ожесточеннаго преслѣдованія. Новымъ Веледамъ и Аурпніямъ, вмѣсто всеобщаго почета, доставались пытки и казни. Съ развитіемъ христіанства вѣра въ волшебство, представительницами котораго въ язычествѣ были всѣми чтимыя жрицы, приняла мрачный характеръ вѣры въ дьявола, врага Бога и рода человѣческаго. Тайны природы, остававшіяся недоступными тогдашней жалкой наукѣ, вызывали не изслѣдованіе, а игру воображенія, и оно населяло міръ множествомъ фантастическихъ и дикихъ силъ. Всѣ средніе вѣка были временемъ самаго искренняго вѣрованія въ постоянное вмѣшательство дьявола въ человѣческія дѣла и отношенія. Нервныя болѣзни, не поддававшіяся лошадинымъ медикаментамъ того времени, были напущеніемъ дьявола; галлюцинаціи и грезы неудовлетворенной страсти были его искушеніемъ; уродливое дитя, преждевременный выкидышъ—были порожденіемъ дьявола, проникшаго на ложе женщины; страстная любовь, ведшая человѣка чрезъ всѣ препятствія и ничѣмъ неутолимая, была слѣдствіемъ его навожденія.

Какъ ни способенъ умъ человѣческій принимать ложь за истину и вдаваться въ безобразныя заблужденія, но, конечно, ужъ никогда и нигдѣ не могутъ повториться тѣ ужасы, какіе суевѣріе и вѣра въ колдовство производили во всей Европѣ, въ концѣ среднихъ вѣковъ и въ особенности въ Германіи XVI-го и XVII-го столѣтій. Реформація не остановила кровавыхъ преслѣдованій. Напротивъ, тутъ-то они и разрослись до невѣроятныхъ размѣровъ. Оно и понятно. Самъ Лютеръ, котораго исторія ставитъ въ число эманципаторовъ мысли, не отставалъ въ этомъ отъ своихъ современниковъ. Извѣстна всѣмъ исторія, какъ онъ пустилъ въ дьявола чернильницей. Онъ самъ совершенно серьезно разсказываетъ, какъ дьяволъ тревожилъ его по ночамъ въ Вартбургѣ. Не менѣе серьезно говорилъ онъ о дѣтяхъ, рождаемыхъ женщинами отъ дьявольскаго племени. Онъ даже предлагалъ утопить одного несчастнаго уродца, котораго ему показали въ Дессау. Только владѣтельный князь Ангальтскій могъ остановить рвеніе реформатора. Лютеръ съ полнѣйшимъ

убѣжденіемъ говорилъ, что такихъ уродцевъ «Сатана кладетъ на мѣсто настоящихъ младенцевъ, чтобы терзать людей. Онъ часто утаскиваетъ дѣвушекъ въ воду и держитъ ихъ у себя, пока онѣ не родятъ. Потомъ этихъ дѣтей кладетъ онъ въ колыбели, а настоящихъ дѣтей вынимаетъ и уноситъ съ собой». Послѣ такихъ разсужденій Лютера нечего уже удивляться его противникамъ изъ ватиканскаго лагеря, что они, напримѣръ, обвиняли вальдензовъ въ поклоненіи дьяволу, который «является имъ въ видѣ кошки, жабы или козла, съ извѣстной цѣлью». Все, чѣмъ только невѣжественная фантазія народа могла окружить мнимое колдовство, было признано возможнымъ, совершающимся и, конечно, требующимъ гоненія и истребленія въ интересѣ религіи.

Эти гоненія постигали почти исключительно женщинъ. Это было вполнѣ согласно съ ученіемъ, что женщина есть родоначальница грѣха на свѣтѣ, ученица дьявола. Общественное положеніе женщинъ беззащитно, и карать ихъ было легче, чѣмъ мужчинъ. Одинъ церковный авторитетъ времени Людовика XIII-го, приводимый у Мишле, говоритъ, что въ дѣлахъ колдовства на одного мужчину приходится десять тысячъ женщинъ.

Инквизиція, какъ прочное папское учрежденіе, не привилась въ Германіи. Но такъ называемый «розыскъ вѣдьмъ» (Hexenprozess), систематически разработанный нѣмцами, стоилъ ея. Во все продолженіе среднихъ вѣковъ, вмѣстѣ съ еретиками и еретичками, жгли иногда на кострахъ и вѣдьмъ. Но теологическая и юридическая организація этихъ сожигательствъ утвердилась въ Германіи только въ исходѣ XV-го вѣка. Два профессора теологіи въ Верхней Германіи, опредѣленные папою въ инквизиторы, именно Яковъ Шпренгеръ и Генрихъ Инститоръ, исхлопотали себѣ папскую буллу для руководства въ дѣлахъ съ вѣдьмами. Непогрѣшимый преемникъ святого Петра, Иннокентій VIII, объявлялъ въ этой буллѣ, что нѣмецкія вѣдьмы, «не памятуя о спасеніи души своей и отпадая отъ католической вѣры, водятся съ демонами, которые смѣшиваются съ ними въ образѣ мужчинъ (incubi, какъ это называлось; succubi были демоны въ образѣ женщинъ), и посредствомъ призыванiй, пѣсенъ и заклинаній, всякихъ гнусныхъ волшебныхъ формулъ, отступничествъ, преступленій и пороковъ, портятъ, удушаютъ и губятъ

плодъ женщинъ и животныхъ, а также полевые плоды и овощи, виноградники, луга, сады и хлѣбныя поля; притомъ и самыхъ людей, мужчинъ и женщинъ, равно и скотъ всѣхъ родовъ, поражаютъ и мучатъ жестокими внутренними и наружными болѣзнями; кромѣ того, отрицаютъ богохульными устами принимаемую посредствомъ крещенія вѣру, и по наущенію дьявола совершаютъ безчисленные пороки, злодѣянія и жестокости, на погибель душъ своихъ, на поруганіе величества Божія и на соблазнъ и пагубный примѣръ многимъ». Въ заключеніе картины всѣхъ этихъ мерзостей, происходящихъ отъ колдовства въ странахъ германскихъ, папа уполномачивалъ своихъ теологовъ выступить въ бой противъ вѣдьмъ во всеоружіи церкви, а въ случаѣ надобности призывать противъ этихъ сообщницъ ада и «свѣтскую руку». Этихъ указаній было достаточно, чтобы соорудить цѣлую систему. Сооруженіемъ ея занялся тотъ же Шпренгеръ со своими единомышленниками. Такъ возникла книга подъ заглавіемъ *Молотъ на Вѣдьмъ* (по-латыни Malleus Maleficarum). Одинъ богословъ начала XVIII-го столѣтія говоритъ о ней: «Все, что только можно себѣ представить въ лицѣ инквизитора по еретичеству,—все, чего только можно ожидать отъ временъ, когда царство мрака и зла достигло высшаго своего развитія,—все это совмѣщено въ этой книгѣ: злоба, глупость, жестокосердіе, лицемѣріе, коварство, скверна, баснословіе, пустая болтовня». Богословскій факультетъ ревностно-католическаго города Кельна одобрилъ *Молотъ* Шпренгера, и онъ былъ изданъ въ 1489-мъ году.

Книга эта вскорѣ стала настольнымъ кодексомъ для теологовъ и юристовъ въ дѣлахъ колдовства. По опредѣленію этого кодекса, колдовство есть «самое тяжкое, самое страшное и самое гнусное» изъ всѣхъ преступленій. Это въ то же время и *чрезвычайное* преступленіе (crimen exceptum). Стало-быть, оно требуетъ, въ преслѣдованіи и наказаніи, и мѣръ чрезвычайныхъ. Доносъ въ этомъ случаѣ всячески поощряется, какъ дѣло богоугодное. Но вѣдь «церковь не пьетъ крови», то-есть не казнитъ никого сама. Поэтому нужно вступить въ союзъ съ свѣтскою юстиціей, какъ на это намекала и папская булла. Юридическое оправданіе такому союзу найти было не трудно. Колдовство есть и отпаденіе отъ церкви и злоумышленіе на личную

безопасность ближнихъ. Итакъ, оно—преступленіе и церковное и въ то же время свѣтское.

Узаконить доносъ—значило создать себѣ очень широкій кругъ дѣятельности. Всякій могъ ежеминутно запутаться въ сѣти клеветы. Все могло служить поводомъ къ подозрѣнію въ такомъ фантастическомъ дѣлѣ, какъ отношенія къ дьяволу. И точно, болѣе полутора столѣтій (именно съ 1500-го и приблизительно до 1675 года) не было ни единой женщины въ Германіи, даже ни единой дѣвочки, которая могла бы поручиться хоть на минуту, что она избѣжитъ подозрѣнія въ связи съ дьяволомъ, преслѣдованія, пытки и всѣхъ свирѣпствъ вѣдовскаго розыска. Изъ ста доносовъ развѣ одинъ не доводилъ до костра. Стоило только попасть въ кошачьи лапы юстиціи. Доносъ бывалъ, впрочемъ, иногда орудіемъ обоюдоострымъ. «Однажды утромъ, три дамы въ Страсбургѣ, разсказываетъ Мишле, принесли жалобу, что въ одинъ и тотъ же день и въ одинъ и тотъ же часъ на нихъ посыпались удары отъ невидимой руки. Какъ? Онѣ могли обвинить только одного человѣка злокачественной наружности, который околдовалъ ихъ. Обвиненнаго привели къ инквизитору. Онъ отрицался и клялся всѣми святыми, что совсѣмъ не знаетъ этихъ дамъ и никогда не видалъ ихъ. Судья не хотѣлъ ему вѣрить. Большая симпатія къ дамамъ сдѣлала его неумолимымъ, и запирательство только ожесточило его. Онъ уже поднялся съ мѣста. Обвиненнаго ждала пытка, и онъ, конечно, сознался-бы, какъ дѣлали и самые невинные. Онъ попросилъ однако слова и сказалъ:—дѣйствительно, я помню, вчера, въ показанный часъ, я билъ—но не крещеныхъ людей, а трехъ кошекъ, которыя злобно кинулись на меня и хотѣли схватить зубами за ноги. Судья, человѣкъ проницательный, сразу понялъ, въ чемъ дѣло. Бѣдный человѣкъ невиненъ. Разумѣется, три дамы превращались по временамъ въ кошекъ, и дьяволъ потѣшался тѣмъ, что кидалъ ихъ подъ ноги людямъ, что-бы навлекать на добрыхъ христіанъ подозрѣніе въ колдовствѣ».

Кровожадность благочестивыхъ трибуналовъ доходила до виртуозности. Каждый процессъ начинался съ предзаданной цѣлью довести жертву доноса до *испепеленія* (Einäscherung), какъ это технически называлось. Самыя муки жертвъ, безотносительно къ дѣлу, были какъ будто какимъ богоугоднымъ актомъ.

Взятая по доносу, конечно, подвергалась прежде всего простому допросу. Нужно было извлечь какое-нибудь показаніе, какъ исходный пунктъ для дальнѣйшей процедуры. Первымъ вопросомъ было, обыкновенно, вѣритъ-ли подозрѣваемая въ вѣдьмъ. Тутъ и *нѣтъ* и *да* были одинаково опасны. Въ первомъ случаѣ она была еретичка, значитъ повинна смерти;—во второмъ—это было indicium, къ которому слѣдовало потребовать поясненій. Подозрѣваемую сажали въ тюрьму, гдѣ она подвергалась всякимъ притѣсненіямъ, лишеніямъ и жестокостямъ. Тюремщики, слѣдователи, палачи могли дѣлать тамъ, что хотѣли. Самая тюрьма могла служить достаточнымъ пристрастіемъ, чтобы заставить обвиненную сказать все, что хотятъ судьи, и даже больше, лишь-бы покончить чѣмъ-нибудь скорѣе.

Кровожадность пытокъ не останавливалась и передъ беременными женщинами.

Многія изъ обвиняемыхъ съ отчаянія сами накладывали на себя руки, прежде чѣмъ кончалось слѣдствіе и судъ. Но были и такія, что выдерживали всѣ истязанія героически, защищая свою невинность. Если имъ удавалось выйти изъ судейскихъ когтей, онѣ оставались большею частію калѣками на всю жизнь. Но такіе случаи были очень рѣдки. Судьи брали свое такъ или иначе. Одна молоденькая дѣвушка изъ Нердлингена, въ самыхъ послѣднихъ годахъ XVI столѣтія, вынесла двадцать двѣ пытки, одна жесточе другой, и ни въ чемъ не созналась. Звѣрскіе юристы не удовольствовались этимъ. Они назначили двадцать третью пытку и истерзали несчастную до смерти.

При назначеніи казни принималась въ соображеніе большая или меньшая *готовность* къ показаніямъ. Клеветавшихъ на себя и раскаивавшихся въ мнимыхъ преступленіяхъ жгли удавленныхъ или обезглавленныхъ. Упорно запиравшихся сожигали живьемъ. Понятно, что передъ смертью никто не отказывался отъ данныхъ показаній: хоть умереть не такъ мучительно.

Дѣло Шпренгера и его единомышленниковъ, можетъ быть, и не приняло-бы такихъ широкихъ размѣровъ, если-бы у него, кромѣ религіозной, не было и другой стороны, болѣе близкой къ ежедневнымъ интересамъ. Одинъ изъ первыхъ противниковъ истребленія вѣдьмъ, Кор-

нелій Лоосъ, говорилъ, что всѣ эти процедуры—«новоизобрѣтенная алхимія, какъ дѣлать золото изъ человѣческой крови». Дѣло въ томъ, что имущество «испепеленныхъ» доставалось гражданскимъ и духовнымъ властямъ. Двѣ трети поступали къ мѣстному владѣльцу, въ области котораго происходилъ судъ; остальная треть доставалась судьямъ, духовнымъ лицамъ, доносчикамъ и палачамъ. Это было большимъ поощреніемъ дѣлу,—и повсюду явились въ огромномъ числѣ суды, спеціально устроенные съ цѣлью истреблять вѣдьмъ (Malefizgerichte). Во время тридцатилѣтней войны, этой поры всеобщаго обнищанія, «розыскъ вѣдьмъ» оказывался очень удобнымъ средствомъ для полученія денегъ. Имъ пользовались и разорившіеся сельскіе дворяне-помѣщики, и стѣсненные въ финансахъ епископы, аббаты, городскіе совѣты. Преслѣдованіе вѣдьмъ производилось съ одинаковымъ рвеніемъ и въ протестантскихъ, и въ католическихъ странахъ. И нигдѣ къ этому дѣлу не было примѣнено такой систематичности, какъ у нѣмцевъ.

Количество «испепеленій» было страшно. Въ шесть лѣтъ съ 1484 по 1489 годъ сожжено было *восемьдесятъ девять* вѣдьмъ. Въ жалкомъ городкѣ имперіи Нердлингенѣ въ четыре года (1590—1594) было *тридцать два* сожженія. Начиная приблизительно съ 1580 года въ Германіи производились сожженія en grand, и не прекращались цѣлое столѣтіе. Подозрѣніе и обвиненіе одной, при системѣ розысковъ, вело за собою обыкновенно подозрѣнія, обвиненія и пытки другихъ, и число приговоренныхъ къ казни возрастало иногда до огромной цифры. Вюрцбургскій епископъ Филиппъ Адольфъ Эренбергъ въ два года (1627—1629) сжегъ *девятьсотъ* вѣдьмъ. Изъ нихъ *двѣсти девятнадцать* приходилось на одинъ Вюрцбургъ. Въ 1678 году архіепископъ зальцбургскій сразу сжегъ *девяносто семь* вѣдьмъ. Въ графствѣ Нейссе въ десять лѣтъ съ 1640 по 1651 годъ сожжено было ихъ около *тысячи*. Въ городѣ Брауншвейгѣ съ 1590 до 1600 годъ казни вѣдьмъ были такъ часты, что обожженные столбы костровъ стояли за городскими воротами «какъ лѣсъ». Не было города, мѣстечка, аббатства, помѣщичьяго имѣнія, не было угла ни большого, ни малаго, гдѣ не пылали-бы въ Германіи костры. Одинъ голштинскій помѣщикъ, нѣкій фонъ-Ранцовъ, сожегъ въ своемъ имѣньи въ одинъ день *восемьна-*

дцать вѣдьмъ. По самому умѣренному расчету, «розыскъ вѣдьмъ» истребилъ въ Германіи болѣе *ста тысячъ* женщинъ.

Оппозиція этому варварству со стороны умныхъ людей того времени не имѣла большого вліянія. А между тѣмъ еще авторы *Молота на вѣдьмъ* предчувствовали, кажется, оппозицію и понимали взглядъ честныхъ людей на свое дѣло. *Молотъ* прямо говоритъ, что «нѣкоторые дерзаютъ утверждать, будто колдовство существуетъ только въ заблуждающемся воображеніи и что люди приписываютъ чарамъ естественныя явленія, причины коихъ имъ неизвѣстны».

XIV.

Начало XVIII-го вѣка застало Германію далекою и чуждою тому новому умственному движенію, которое вызывало новую литературу въ Англіи и Франціи. Нѣмцы отстали въ этомъ отношеніи. Отчужденіе государей и дворянства отъ народа дошло до крайнихъ предѣловъ. Народъ сталъ ничѣмъ инымъ, какъ средствомъ для безпутнѣйшаго мотовства высшихъ классовъ. Каждый лилипутскій деспотъ тянулся изображать собой Людовика XIV, готовъ былъ также повторять, что государство—это онъ; маленькій нѣмецкій султанъ заводилъ «государственныхъ метрессъ», устраивалъ оргіи наподобіе герцога Орлеанскаго, и свой parc aux cerfs, какъ Людовикъ XV. «Невозможно пересчитать, сколько это стоило Германіи. Каждый князекъ, подражая французскому королю, имѣлъ свой Версаль, свой Вильгельмсгеэ или свой Лудвигслустъ, свой дворъ, свое великолѣпіе, свои сады со статуями, свои фонтаны, своихъ одалискъ, свои брилліанты, свои титулы для этихъ красавицъ, свои празднества, свои банкеты, продолжавшіеся по цѣлымъ недѣлямъ. И за все это народъ платилъ своими деньгами, когда онѣ бывали у него, несчастнаго и бѣднаго; платилъ своимъ тѣломъ и своею кровью, когда денегъ не было. Тысячами продавали своихъ подданныхъ эти господа и повелители; весело ставили они цѣлые полки на карту и вымѣнивали на батальоны солдатъ брилліантовыя ожерелья своимъ танцовщицамъ. Попросту говоря, они забирали къ себѣ въ карманъ весь свой народъ» [1]). Холопство, глядя на все

---

[1]) Thackeray, «The Four Georges».

это, сочиняло умилительныя оды и именовало этихъ «отцовъ отечества» новыми Траянами, Августами, Марками-Авреліями. Не принимать участія въ этомъ рабскомъ хорѣ было опасно. Неосторожное слово о любовницѣ принца вмѣнялось въ государственное преступленіе! Поэтъ и патріотъ Шубартъ годы просидѣлъ въ крѣпости за такое слово. Фаворитка виртембергскаго Эбергарда Лудвига, знаменитая Гревеницъ, въ крѣпость же упрятала пастора Цорна, который не далъ ей причастія.

«Великолѣпнѣйшимъ и галантнѣйшимъ» дворомъ въ Германіи былъ саксонскій дворъ Августа Сильнаго. Хозяйничанье кровью и потомъ народа ради необузданныхъ неистовствъ и пировъ доходило тутъ почти до невозможнаго. Жизнь при дворѣ Августа была хмелемъ безъ просыпа, кутежомъ безъ отдыха, развратомъ безъ предѣловъ. Когда Августъ узналъ, что регентъ Франціи умеръ отъ удара въ объятіяхъ продажной нимфы, онъ воскликнулъ: «о, если-бы и мнѣ умереть смертью этого праведника!» Банкеты этого второго праведника разрѣшались обыкновенно въ самое безобразное пьянство. О тонѣ ихъ можно судить хоть, напримѣръ, по тому, что фельдмаршалъ Флеммингъ обращался къ королевской фавориткѣ съ ласковыми названіями Hürchen и Lodechen, на что фаворитка, графиня Дёнгофъ, точно такъ же, какъ и на тисканье ея въ объятіяхъ, отвѣчала однимъ веселымъ смѣхомъ. Придворныя увеселенія всѣ отличались однимъ характеромъ. Когда въ Дрезденъ пріѣхалъ король прусскій Фридрихъ Вильгельмъ I-й, Августъ представилъ гостю зрѣлище въ очень артистическомъ родѣ. Онъ велѣлъ раздѣться до нага хорошенькой итальянской танцовщицѣ Формерѣ и показывалъ обществу эту живую Венеру. Прусскій король былъ не охотникъ до такихъ пряностей. Онъ заслонилъ Формеру отъ глазъ своего кронпринца шляпой, и только сухо сказалъ: «Да, хороша»...

Дворъ Фридриха Вильгельма представлялъ своею мѣщанской грубостью рѣзкій контрастъ аристократической утонченности Августова двора. Это былъ въ то же время единственный дворъ въ Германіи, гдѣ не играли роли метрессы. Впрочемъ, и Фридриху Вильгельму приходили въ голову эротическія мысли, какъ говоритъ въ своихъ *Запискахъ* дочь его и сестра Фридриха Великаго, маркграфиня Байрейтская. Вотъ ея разсказъ о дѣвицѣ

Панкевицъ, фрейлинѣ королевы: «Король очень откровенно спросилъ у Панкевицъ, хочетъ-ли она быть его любовницей. Красавица отказалась самымъ рѣзкимъ образомъ. Смѣлость ея понравилась королю, и какъ ни плохо вознаграждались его старанія, онъ ухаживалъ за нею цѣлый годъ. Наконецъ, въ Брауншвейгѣ онъ охладѣлъ къ ней (il se désamouracha). Панкевицъ пріѣхала туда съ королевой. Однажды, когда она шла къ ней, король встрѣтилъ ее на очень узкой потаенной лѣстницѣ. Онъ вздумалъ было обнять ее... Но Панкевицъ не понимала шутокъ, и отпарировала очень грубо... Король, впрочемъ, на это не разсердился». Другой разсказъ маркграфини о домѣ ея родителя тоже не лишенъ интереса. Другой фрейлинѣ хотѣлось, напротивъ, во что бы то ни стало, попасть въ метрессы къ королю. Это была нѣкая Вагницъ. Она, вмѣстѣ съ матерью своей, очень опытной въ такихъ дѣлахъ, вела всевозможныя интриги, чтобы попасть къ нему въ эту роль. Но король и знать ее не хотѣлъ. Дѣло кончилось даже тѣмъ, что ее за интриги удалили отъ двора. Королева была въ то время беременна и, прощаясь съ Вагницъ, сказала, что если у нея, королевы, родится сынъ, то она будетъ просить мужа помиловать фрейлину. «Вагницъ пришла тутъ въ такую страшную ярость, что вся почернѣла». На прощанье королевы она отвѣтила словами: «а чортъ-бы побралъ вашего сына! чтобы васъ обоихъ розорвало!».

Принцы изъ «лучшихъ» фамилій стремились наперерывъ жениться на наложницахъ, отставляемыхъ отъ должности. Августъ Сильный выдалъ своихъ любовницъ за принца Карла Гольштейнъ-Бекскаго (Оржельскую) и за Фридриха Лудвига Виртембергскаго.

XV.

Великія идеи, начинавшія съ половины XVIII столѣтія все болѣе проникать въ европейское общество, коснулись въ Германіи лишь немногихъ избранныхъ. Если онѣ имѣли тамъ дѣйствительное вліяніе, то уже въ нынѣшнемъ столѣтіи. Тогда же подражательность нѣмцевъ продолжала усвоивать отъ Франціи только внѣшность ея цивилизаціи. Рококо одежды и обычаевъ принималось всѣми, какъ законъ. Башмаки на вершковыхъ каблукахъ, прически изъ проволоки и конскаго волоса, пудра, перья

и ленты, перетянутыя таліи, фижмы, корсеты, мушки, проволочныя юбки, родоначальницы кринолинъ, длинные хвосты, платочки на каркасѣ, которые именовались *лгунами* (menteurs), потому что придавали небывалую полноту груди,—все это, немедленно по изобрѣтеніи, перенималось и въ Германіи.

Какъ женщины не уставали слѣдить за модой, такъ моралисты, разумѣется, не уставали возставать противъ нея. Но эти два дѣла шли рядомъ, не мѣшая другъ другу. Моралисты пригодились развѣ только теперь, какъ историческіе свидѣтели. Мода касалась не одного платья. Съ моднымъ платьемъ принимались и модныя манеры, и модные нравы и обычаи. Все это еще больше опошлялось въ Германіи. Мы приведемъ лишь нѣсколько современныхъ свидѣтельствъ изъ разныхъ годовъ XVIII столѣтія.

Одинъ достовѣрный свидѣтель разсказываетъ, въ 1740 году, что въ Вѣнѣ «многія дамы прямо съ постели, безъ шнуровки, набросивъ на себя лишь volante, бѣгутъ въ церковь и къ причастью». Священники по этому случаю высказываютъ свое негодованіе съ каѳедры въ очень странной формѣ. Лэди Монтегю, бывшая въ Вѣнѣ въ 1716 году, съ изумленіемъ замѣчаетъ, что вѣнскія дамы, своими любовными похожденіями, не теряютъ репутаціи, а, напротивъ, выигрываютъ въ мнѣніи свѣта. Онѣ уважаются по положенію своихъ любовниковъ, а не по положенію мужей. Другой наблюдатель говоритъ почти то же и прямо называетъ всѣхъ женщинъ въ Вѣнѣ кокетками. «Никто, добавляетъ онъ, не порицаетъ смѣшенія обоихъ половъ, пока не обнаружатся плоды слишкомъ близкой интимности». Настоящая семейная жизнь, по согласному отзыву многихъ, была «рѣдкимъ феноменомъ».

Нѣмцы приписывали и приписываютъ всѣ эти вольности французскому вліянію. Такъ смотрѣлъ на дѣло и прусскій король Фридрихъ Вильгельмъ I. Онъ противодѣйствовалъ французоманіи всѣми средствами. Но это ему плохо удавалось. Никто не хотѣлъ подражать нравамъ его «табачной коллегіи», а всѣ, напротивъ, плѣнялись блестящими французскими формами. Да и какъ было согласить заботы о чистотѣ нравовъ съ страстью къ солдатчинѣ? «По мѣрѣ того, какъ увеличивалось число прусскихъ солдатъ, женитьба которыхъ былъ сопряжена съ большими затрудненіями,—въ Берлинѣ съ каждымъ го-

домъ возрастало и число жалкихъ женщинъ. Король отъ времени до времени дѣлалъ на нихъ набѣги и населялъ ими смирительные дома. Но немного пользы было отъ такихъ мѣръ [1]). Фридрихъ Великій, какъ извѣстно, былъ самъ французомъ. Но точно-ли Франція была виновата, что англійскій посланникъ при прусскомъ дворѣ, лордъ Мамсбери, могъ въ 1772 году говорить о Берлинѣ, какъ о городѣ, гдѣ нѣтъ ни одной чистой женщины. «Полная испорченность господствуетъ здѣсь въ обоихъ полахъ всѣхъ классовъ», пишетъ Мамсбери. «Къ этому присоединяется скудость, необходимое слѣдствіе отяготительныхъ налоговъ, назначенныхъ нынѣшнимъ королемъ, а частью и любовь къ роскоши, которой онъ научился у дѣда. Мужчины постоянно озабочены, потому что ведутъ роскошную жизнь при ограниченныхъ средствахъ. Женщины—гарпіи, погрязшія такъ низко больше отъ недостатка стыда, чѣмъ отъ недостатка чего-либо другого. Нѣжное чувство и истинная любовь для нихъ предметы неизвѣстные».—Одинъ изъ просвѣщеннѣйшихъ нѣмцевъ того времени, Георгъ Форстеръ, черезъ нѣсколько лѣтъ послѣ Мамсбери, говоритъ почти то же. «Я очень ошибался въ своихъ понятіяхъ о Берлинѣ, съ какими пріѣхалъ сюда. Я нашелъ внѣшность гораздо красивѣе, внутреннее же гораздо чернѣе, чѣмъ воображалъ. Берлинъ, конечно, одинъ изъ прекраснѣйшихъ городовъ Европы. Но жители! Гостепріимство и изящное наслажденіе жизнью выродились въ роскошь, кутежъ и обжорство, а свободный, просвѣщенный образъ мыслей—въ наглую необузданность. Женщины вообще испорчены».—Что было въ Берлинѣ въ царствованіе преемника короля-философа, его племянника, читатель видѣлъ изъ перваго отрывка.

До развитія новой, болѣе идеальной и художественной литературы въ концѣ вѣка, тонъ въ обществѣ отличался еще или грубостью XVI-го столѣтія, или лакированнымъ цинизмомъ XVII-го. Вѣнскія дамы хлопали изъ ложъ перваго яруса самымъ грязнымъ фарсамъ. Все женское образованіе заключалось въ болтовнѣ по-французски, въ знакомствѣ съ двумя-тремя французскими романами (въ родѣ *Фоблаза* или *Клевеланда*), въ бренчаньѣ на шпинетѣ, старинныхъ клавикордахъ, да въ умѣньѣ спѣть ка-

[1]) Шлоссеръ, Исторія XVIII-го столѣтія.

кую-нибудь итальянскую арію.—Въ романѣ Николаи, *Себальдусъ Нотанкеръ* (1773), гувернантка теряетъ свое мѣсто въ дворянскомъ домѣ потому, что не умѣетъ внушить своимъ воспитанницамъ «дворянскихъ манеръ» (состоявшихъ, между прочимъ, въ самомъ презрительномъ обращеніи съ прислугой) и не просвѣтила ихъ по Mercure de France, «какъ слѣдуетъ вести une affaire de coeur».

Въ среднихъ и низшихъ слояхъ общества грубость поддерживалась въ особенности близостью съ солдатами, изъ которыхъ систематически создавали стадо скотовъ. Студенты хвастались буйствомъ и кутежами. Пьянство было въ большомъ ходу. Ему предавались не рѣдко и женщины. На улицахъ происходили безпрестанные скандалы. Марія Терезія вздумала исправлять нравы полицейскими мѣрами. Но ея Keuschheits-Commissarien произвели больше зла, чѣмъ пользы.

Только въ городахъ, гдѣ не было резиденцій, въ высшемъ классѣ горожанъ замѣтно было нѣкоторое стремленіе къ осуществленію въ семьѣ идеаловъ фонъ-Эйба и Лютера. Тутъ господствовалъ суровый семейный чинъ, въ родѣ того, какой изображаютъ комедіи Островскаго, съ педантической обрядностью взамѣнъ свѣтской моды. «Сыновнее повиновеніе было строгимъ закономъ, и палка или ременная плеть не рѣдко помогали отеческой власти. Даже братья имѣли почти родительскую власть надъ сестрами. Дѣйствительно, положеніе женщинъ было вовсе не таково, чтобы его могли сносить съ терпѣніемъ наши женщины. Онѣ не только находились подъ игомъ родителей, мужей и братьевъ; и общество ограничивало ихъ дѣйствія своими предразсудками гораздо больше, чѣмъ въ наше время. Ни одна женщина изъ лучшаго класса горожанъ не могла, напримѣръ, выходить изъ дому одна; служанка слѣдовала за нею въ церковь, въ лавку, даже на прогулку» [1]). Точно также не существовало и той простоты и свободы въ обращеніи и разговорѣ, какая теперь обща всѣмъ. Образованіе ограничивалось грамотностью. При этомъ выборъ для чтенія былъ очень строгъ. Читать романы—просто считалось грѣхомъ. Въ протестантскихъ домахъ маленькихъ дѣвочекъ держали въ одномъ катехизисѣ.

---

[1]) S. H. Lewes, «Life of Goethe».

Конечно, при этомъ педантскомъ и грубомъ взглядѣ на семью, трудно было развиться нравственнымъ отношеніямъ. Но все-таки тутъ были хоть какія-нибудь нравственныя начала, которыхъ вовсе не знало дворянство Иффландъ и другіе тогдашніе писатели для сцены старались выставить мѣщанскія добродѣтели въ самомъ идеальномъ свѣтѣ, и пьесы ихъ имѣли огромный успѣхъ въ семидесятыхъ и восьмидесятыхъ годахъ. Наконецъ Шиллеръ выступилъ противъ аристократіи со своею *мѣщанскою* трагедіей *Коварство и Любовь.*

XVI.

Догматическая сухость лютеранства и неподвижныя формы, въ которыхъ онъ застылъ, заставили религіозныхъ людей, еще въ концѣ XVII-го вѣка, обратиться къ тѣмъ самымъ источникамъ, откуда Лютеръ черпалъ свое ученіе, и поискать въ нихъ большаго удовлетворенія своему чувству и фантазіи. Такимъ образомъ возникло новое ученіе, извѣстное подъ именемъ піэтизма. Какъ оппозиція мертвенности лютеранства и какъ нравственная доктрина, желавшая согласить съ собою жизнь, піэтизмъ имѣлъ нѣкоторый смыслъ. Но скоро смыслъ этотъ совсѣмъ затерялся, и отъ сущности осталась одна внѣшняя форма.

Въ началѣ эта новая церковь привлекала мало прозелитовъ. Она ужъ слишкомъ аскетически строго относилась не только къ общественной нравственности, но и къ самымъ невиннымъ забавамъ, къ музыкѣ, къ танцамъ, къ театру, считая все это грѣховными потѣхами. Надо замѣтить однако-жъ, что театръ не отличался тогда особенною пристойностью, и именно послѣ того, какъ на сценѣ стали являться женщины. Какъ извѣстно, во всѣ средніе вѣка, женскія роли въ «мистеріяхъ» и тому подобныхъ драматическихъ представленіяхъ занимали мужчины. Только въ послѣдней трети XVII-го вѣка образовался въ Германіи особый классъ сценическихъ пѣвицъ и актрисъ. Непристойныя аріи, которыми были полны тогдашнія комическія оперы, пѣлись ими въ безстыдныхъ костюмахъ и съ безстыдною мимикой. Преслѣдуя театръ за безстыдство, первые піэтисты, конечно, не подозрѣвали, что самое ихъ ученіе разовьется въ безстыднѣйшія лицедѣйства.

Мало-по-малу кругъ приверженцевъ піэтизма сталъ расширяться. Первыя бросились въ него женщины. Изъ нелѣпаго положенія своего въ семьѣ и въ обществѣ онѣ искали прибѣжища въ другой нелѣпости. Праздный умъ и праздное или обиженное сердце думали найти тутъ хоть какое-нибудь утѣшеніе. Женщины изъ аристократическаго круга, которыхъ тяготила пустота свѣтской жизни,—дѣвушки, оставшіяся безъ мужей вслѣдствіе сословныхъ предразсудковъ, вступали съ энтузіазмомъ въ станъ *пробужденныхъ*. Такъ назывались члены новой церкви. Онѣ дѣйствовали на своихъ мужей, сыновей, братьевъ,— піэтистская община стала вскорѣ считать въ своей средѣ множество дворянскихъ фамилій, и графскихъ, и княжескихъ, во всѣхъ краяхъ Германіи.

Отъ мистическаго идеализма не далеко до маніи,—и точно, за «пробужденными» скоро явились разныя сумасшествующія пророчицы и т. п. Подъ наружнымъ благочестіемъ стала развиваться болѣзненная, противоестественная чувственность, превращавшая развратъ въ родъ культа. Въ 1702 году, въ Шварценау, въ графствѣ Витгенштейнъ, основалась цѣлая колонія піэтистовъ и піэтистокъ. Во главѣ ея стояла одна гессенская дворянка, Ева Магдалина Бутларъ, которую именовали «святою матерью Евой». Тутъ по ночамъ разыгрывались, подъ видомъ религіозныхъ обрядовъ, самыя циническія сцены.

Къ необузданной чувственности не доставало только крови, этого второго необходимаго аттрибута религіозныхъ заблужденій. Но исторія піэтизма не обошлась и безъ нея. Возродившійся въ нашемъ столѣтіи піэтизмъ украсилъ себя и преступленіями.

Въ апрѣлѣ 1831 года казнили женщину, которая всю молодость свою провела въ піэтистскихъ кружкахъ. Она усвоила себѣ сантиментально-выспренній тонъ піэтизма, и на всѣ свои преступленія налагала какую-то мнимо божественную санкцію. Это была Гёше Маргарита Готфридъ, изъ Бремена. Она долго пользовалась славой доброй и хорошей женщины,—на столько долго, что могла отравить въ разное время *пятнадцать* человѣкъ. Между прочимъ, она отравила отца своего, мать, двухъ мужей и дѣтей своихъ. Кромѣ того, *пятнадцать* же попытокъ ей не удались. Такихъ хладнокровныхъ убійцъ немного; но едва-ли много и такихъ лицемѣрокъ, какъ эта Готфридъ.

Это была воплощенная ложь. Она умѣла даже наружность свою измѣнить съ такимъ искусствомъ, что казалась совсѣмъ иною, нежели была. Когда ее арестовали и, по тюремнымъ правиламъ, стали раздѣвать, на ней оказалось тринадцать корсетовъ, одинъ на другомъ, которые играли роль стройнаго стана. Когда со щекъ ея и шеи смыли все, что было на нихъ намазано и наклеено, передъ тюремными прислужницами, раздѣвавшими ее, вмѣсто полной, красивой и здоровой женщины, очутилась блѣдная, изсохшая, безобразная мумія. Кромѣ отравленій, Готфридъ оказалась по суду виновною въ воровствѣ со взломомъ, въ подлогѣ, и проч. Было-бы не справедливо сваливать всю вину подобнаго явленія на піэтизмъ. Нравственное безобразіе Готфридъ зависѣло, конечно, отъ органической уродливости. Но характеристично то, что женщина съ такими наклонностями кинулась именно въ піэтизмъ, и нашла удобнымъ пользоваться имъ для своихъ цѣлей.

Если о ней можно-бы и не упоминать, говоря о піэтизмѣ, то ужъ никакъ нельзя пропустить кроваваго спектакля *страстей* (Passionsspiel), который былъ разыгранъ, чисто подъ вліяніемъ піэтистической маніи, въ домѣ одного крестьянина въ Вильденшпухѣ, въ Цюрихскомъ кантонѣ, 15-го марта 1823 года. Здѣсь, подъ именемъ «Вильденшпухской святой», уважалась во всемъ околодкѣ нѣкая Маргарита Петеръ. Въ этой женщинѣ разгулъ чувственности соединялся съ мрачнымъ и дикимъ мистицизмомъ. Въ помянутый день Маргарита пригласила свою піэтистическую общину для «покоренія сатаны». Для этого поклонники ея должны были, между прочимъ, умертвить ея сестру Елизавету, а потомъ и самую Маргариту. Это и было исполнено. Въ этой безумной трагедіи женщины принимали участіе наравнѣ съ мужчинами.

Кстати будетъ здѣсь упомянуть о знаменитой баронессѣ Юліанѣ Крюднеръ, урожденной Фитингофъ, которая юродствовала въ началѣ нынѣшняго столѣтія. Въ своемъ французскомъ романѣ *Валерія* она изложила свою религіозно-нравственную систему, которая въ сущности можетъ быть вся передана одною фразой: «Кути напропалую въ молодости,—кайся и ханжи въ старости». Для характеристики понятій госпожи Крюднеръ довольно знать, что она отвергала всякое человѣческое знаніе, какъ ничтожное и суетное, и называла преступленіемъ ста-

раніе проникнуть въ таинства природы. Она пророчествовала, творила чудеса и собирала вокругъ себя разныхъ невѣждъ и тунеядцевъ. Подъ видомъ бѣдныхъ и несчастныхъ къ ней стекалась всякая сволочь. Съ этими сподвижниками своими она разъѣзжала по Европѣ. Полиція не разъ высылала ее и ея адептовъ; а разъ ихъ надо было разогнать даже солдатами. Послѣ этихъ неудачныхъ разъѣздовъ Крюднеръ отправилась въ Россію. На русскую границу она явилась тоже съ восемнадцатью спутниками, не то мошенниками, не то дураками. Ихъ не пропустили и позволили проѣхать только самой пророчицѣ. Въ Россіи баронесса Крюднеръ не успѣла ничего сдѣлать. Она умерла въ 1824 году.

XVII.

И литературная исторія, и исторія искусства упоминаютъ о нѣсколькихъ замѣчательныхъ женщинахъ въ Германіи въ прошломъ и въ нынѣшнемъ столѣтіяхъ. Но ни одна изъ нихъ не имѣетъ того обще-историческаго значенія, какое всегда останется за нѣсколькими женщинами Франціи, Англіи и Америки, въ этотъ самый періодъ. Нечего искать между нѣмками именъ, которыя могли-бы стоять не только на ряду, но хоть въ почтительномъ отдаленіи, съ именами Сталь, Жоржъ-Занда, Елизаветы Браунингъ, Бичеръ-Стоу, Розы Бонёръ. Все то же «древне-германское уваженіе къ женщинамъ» оттѣсняло ихъ на задній планъ и дома, и въ обществѣ.

Одно изъ самыхъ извѣстныхъ именъ въ исторіи нѣмецкаго искусства—это Анжелика Кауфманъ. Безъ картинъ—преимущественно портретовъ—этой живописицы не обходится ни одна галлерея. Но это надо приписать больше всего ея плодовитости. Она примыкала къ новѣйшей школѣ въ живописи, переходной отъ стиля рококо къ большей естественности и простотѣ; но вообще достоинства произведеній Анжелики Кауфманъ очень блѣдны.

Въ политической жизни всеобщая подавленность, запуганность и жалкое безсиліе были таковы, что Германіи приходилось ждать клича свободы изъ Россіи.

Vorwärts! fort und immer fort!
Russland rief das stolze Wort:
Vorwärts! [1])

---

[1]) Такъ начинается очень популярная тогда пѣсня Лудвига Уланда.

Тутъ только снова зашевелились въ нѣмецкомъ обществѣ живыя силы. Въ общемъ внезапномъ одушевленіи встрепенулись и женщины. Въ такъ называемыхъ войнахъ за независимость онѣ приняли горячее участіе. «Поведеніе женщинъ заслуживаетъ похвалы», пишетъ Нибуръ изъ Берлина въ концѣ 1813 года. «Сотни изъ нихъ отказываются не только отъ всякихъ удовольствій, но и отъ излишнихъ заботъ о своемъ домашнемъ хозяйствѣ, чтобы служить въ лазаретахъ, стряпать тамъ, ходить за больными, штопать бѣлье, снабжать раненыхъ деньгами и всѣмъ нужнымъ, присматривать за наемною прислугой и побуждать ее къ дѣлу. Многія стали уже жертвою нервной горячки». Богатыя женщины дѣлали большія пожертвованія деньгами, отдавали свое серебро, дорогіе уборы. Многія дѣвушки ѣздили въ войско съ припасами. Многія брались и за оружіе, какъ наша кавалеристъ-дѣвица Александровъ-Дурова, около того же времени. Іоганна Штегенъ, Іоганна Лурингъ, Лотта Крюгеръ, Доротея Завошъ, Каролина Петерсенъ,—вотъ имена этихъ амазонокъ. Но особенно прославилась воспѣтая Рюккертомъ храбрая Прохаска, бывшая въ отрядѣ волонтеровъ Лютцова. При Гёрде она была смертельно ранена. «Въ числѣ тяжело раненыхъ», разсказываетъ очевидецъ, «были Лютцовъ и геройская дѣвушка Прохаска. Когда послѣднюю, полъ которой былъ неизвѣстенъ, по окончаніи сраженія надо было перевязать, такъ какъ ядро раздробило ей стегно, она не согласилась на это, и сначала потребовала къ себѣ фельдфебеля своей роты. Когда же онъ пришелъ, оказалось, что подъ боевою аммуниціей, никому невѣдомо, скрывалась женщина, именемъ Прохаска, и помогала намъ одержать побѣду. Это возбудило всеобщее удивленіе и уваженіе къ ея геройской храбрости и къ ея терпѣнію въ перенесеніи всѣхъ тягостей войны». Черезъ три дня героиня умерла отъ раны.

XVIII.

Какъ ни обидно должно было казаться нѣмцамъ иноземное владычество, но то, чего они добились войною за освобожденіе, было несравненно обиднѣе и позорнѣе. Эта война была какъ будто мимолетною вспышкою народнаго духа. За нею наступило самое жалкое и отвратительное безсиліе.

Вотъ всѣ сколько-нибудь характеристическія черты изъ исторіи женщинъ въ Германіи. Вотъ все, на чемъ нѣмцы основываютъ свое притязаніе, что «уваженіе къ женщинамъ» есть одна изъ самыхъ яркихъ сторонъ ихъ національнаго характера.

Мы видѣли, что съ самаго начала ихъ исторіи и до послѣдняго времени женщина является (какъ это было и вездѣ) постоянно рабски-подчиненною. Всѣ ея стремленія выйти изъ этого рабства доводятъ господствующую сторону только до внѣшнихъ уступокъ. Уступки эти не улучшаютъ ея положенія, а только развращаютъ ее, а съ нею и все общество. Мало-по-малу, съ развитіемъ общественности и знанія, нравы смягчаются. Прежде женщину били,—тутъ перестали бить. Прежде она была рабой,—тутъ стала хозяйкой, то-есть все-таки служанкой мужа,—но болѣе всего куклой. Лишенная всякой самостоятельности, она видитъ единственную опору свою въ нравственномъ вліяніи на мужчину. Но ее всячески нравственно портятъ воспитаніемъ и отдаляютъ отъ образованія,—и ей приходится дѣйствовать только своими внѣшними качествами. И она старается стать сколько возможно похожѣе на куклу, потому что только кукла нравится мужчинамъ. Они не выпускаютъ изъ рукъ своихъ ни одного изъ тѣхъ мнимыхъ правъ, которыми завладѣли при первой организаціи общества. Какъ всякое насиліе, единожды захватившее власть, они готовы на всякія средства, чтобъ удержать ее. Въ законахъ, касающихся женщины и ея положенія въ семьѣ, не произошло никакой существенной перемѣны со временъ Карла Великаго. Да и могли-ли быть перемѣны, когда законы эти основаны на той системѣ понятій, которую всѣми мѣрами стараются поддерживать и теперь?

Впрочемъ, и это ужъ добрый знакъ, что ее надо поддерживать. Значитъ, начинается убѣжденіе въ ея непрочности. И точно, пора понять, что основная идея этой системы совершенно чужда человѣческой природѣ; что люди никогда не могли осуществить ее на практикѣ, несмотря на всѣ свои чрезвычайныя усилія, и никогда не могутъ осуществить. Она не могла существовать безъ уступокъ естественнымъ требованіямъ жизни, и расплодила только ложь, лицемѣріе, вообще много всякаго разврата.

Одинъ изъ современниковъ Жанны д'Альбре, энерги-

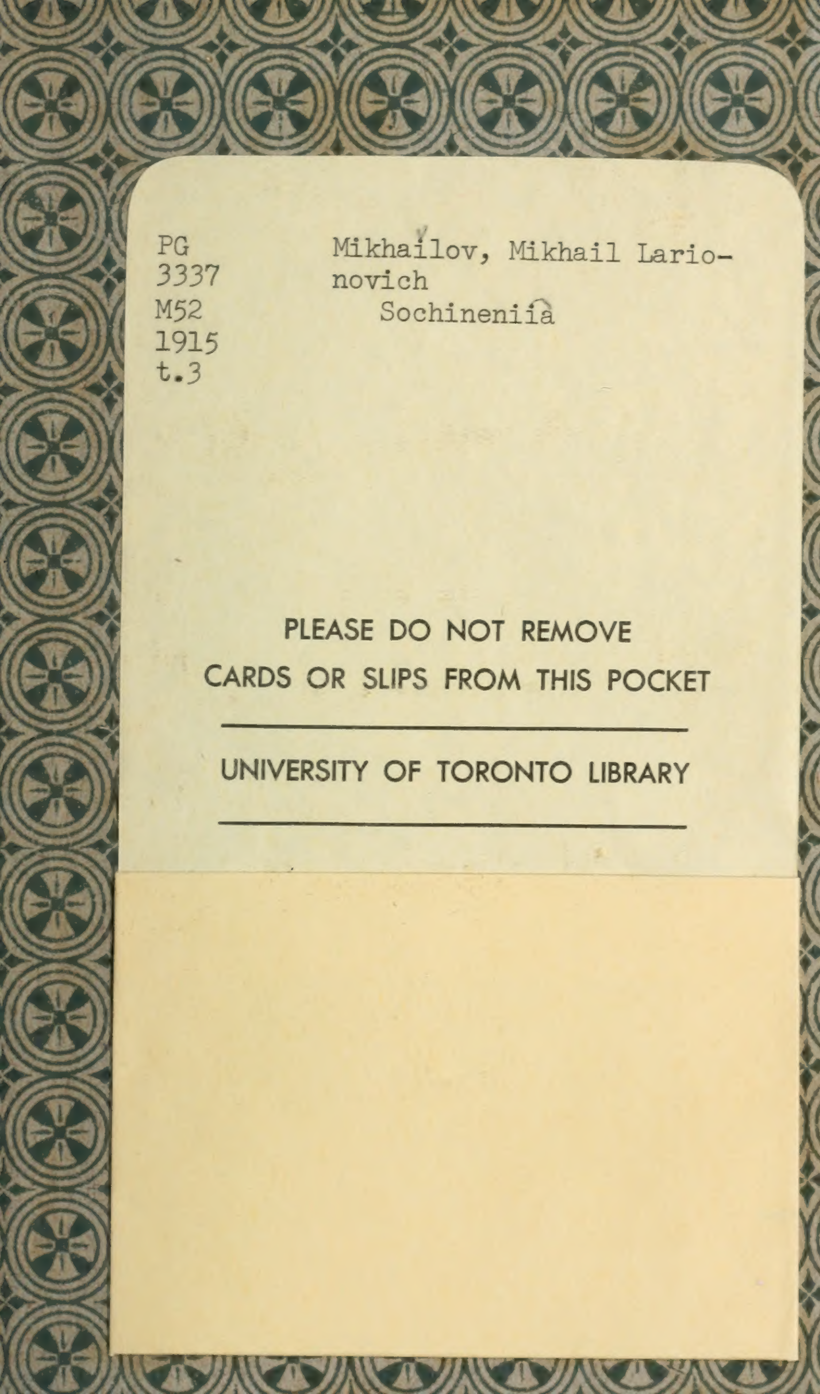
ческой матери Генриха Наваррскаго, говорилъ о ней, что «въ ней не было ничего женскаго, кромѣ пола» («elle n'avait de femme qne le sexe»). Это великая похвала для того времени. Но нашему времени предстоитъ задача устроить наши отношенія такъ, чтобы въ женщинѣ и не могло быть ничего женскаго, кромѣ пола. Вѣдь то, что называютъ женскимъ *еще*—это рабство и всѣ его пороки и несчастія. Да, въ женщинѣ нѣтъ и не должно быть ничего женскаго, кромѣ пола. Все остальное да будетъ въ ней не мужское или женское, а чисто-человѣческое!

1866.

„Т-во Худож. Печати". Петроградъ, Ивановская, 14.

PG
3337
M52
1915
t.3
Mikhailov, Mikhail Lario-
novich
Sochineniia
PLEASE DO NOT REMOVE
CARDS OR SLIPS FROM THIS POCKET
UNIVERSITY OF TORONTO LIBRARY

Безплатное приложеніе
къ журналу „Пробужденіе"

